

Александр Золототрубов

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА

ЗАРЕВО НАД ВОЛГОЙ

✦ РУССКАЯ КЛАССИКА ✦

Annotation

Новый роман современного писателя А. Золототрубова посвящён одному из важнейших сражений Великой Отечественной войны. Автор подробно рассказывает о событиях на Волге с лета 1942 года до зимы 1943. На основе многочисленных документов и воспоминаний участников боев он раскрывает обстановку того трудного времени.

Александр Золототрубов

Сталинградская битва

Зарево над Волгой

ПРОЛОГ

Матери моей, Марии Варфоломеевне, посвящаю

Дрезден, август 1954 года.

Бывший фельдмаршал Фридрих Паулюс отдыхал во дворе своей виллы, просматривая свежий номер газеты «Ди вельт». Этим утром он проснулся, едва забрезжил рассвет. Ему не спалось, как это нередко случалось под Сталинградом, когда его 6-я армия летом 1942 года вела ожесточенные бои, безуспешно пытаясь взять город на Волге, но в итоге была окружена войсками Красной армии и разгромлена. Немцы оборонялись с диким ожесточением, и он, Паулюс, несколько дней кряду не смыкал глаз. Хорошо, что возле находился начальник штаба армии генерал Вальтер Шмидт. Этот-то старался всячески поддержать своего шефа. «Вы поспите час-другой, а я обо всем позабочусь», — говорил Шмидт и, как обреченный сторожевой пес, нес свою вахту до конца...

Августовское солнце, однако, пекло нещадно, и терпеть жару бывшему фельдмаршалу стало нелегко. Он свернул газету, достал из кармана кителя платок и отер вспотевшее лицо. Паулюсу не хватало воздуха, словно он сидел в нагретом танке. Боясь солнечного удара, он заспешил в дом. Домоправительница Матильда, коренастая, с резко очерченным лицом, черными глазами и тонкими бровями, была очень привлекательна. Ее веселая и очаровательная улыбка поднимала настроение, и в такие минуты бывший фельдмаршал отпускал в ее адрес шуточные комплименты, отчего Матильда вспыхивала румянцем. Она уже кончала уборку в комнатах и, увидев раскрасневшегося хозяина, озабоченно спросила:

— Вам плохо, да?

— Жарковато во дворе, — тяжело вздохнул Паулюс, опускаясь в мягкое кресло. — Похожую жару я пережил летом сорок второго в России под недоброй памяти Сталинградом. — Он вскинул глаза на прислугу. — Матильда, плесни мне, пожалуйста, минеральной воды. В горле пересохло...

Матильда появилась на вилле Паулюса вскоре после его возвращения из Советского Союза, где после разгрома 6-й армии он был пленен и провел в качестве пленного десять лет. Домоправительница редко грустила, в ее больших глазах постоянно искрились смешинки.

— Повстречай я вас в годы учебы в Марбургском университете, непременно взял бы в жены, — сказал Паулюс после более близкого знакомства.

— Ишь чего захотели! — озорно усмехнулась Матильда. — Зато я бы за вас, Фридрих, не пошла.

— Почему? — обидчиво вымолвил Паулюс.

— Вас же исключили из университета, — уколола она его и добавила: — А к чему мне муж-неуч?

— У вас неточные сведения, Матильда! — живо возразил хозяин. — Я сам бросил университет.

Почему? Потому что мечтал о военной службе. Поступил в пехотный полк и скоро получил первый офицерский чин. И, как видите, военная карьера мне удалась — стал целым фельдмаршалом! Разве это плохо? — Паулюс пристально глянул на Матильду.

«Она очень напоминает мне мою жену, — подумал он — у нее такие же лучистые глаза, какие были у моей Елены Констанции, похожая копна черных волос на голове... Жаль, что она рано умерла. Порой у меня сердце ноет оттого, что из-за плена я не смог ее похоронить. Надо бы в субботу съездить на кладбище в Баден-Баден и положить розы на ее могилу. Она так любила розы! Возьму с собой и дочь Ольгу. Она до сих пор убивается по матери...»

Матильда наконец принесла бокал воды.

— Минералка из холодильника, так что пейте не спеша и маленькими глотками, не то еще простудитесь, — предупредила она. — Если я это допущу, то от вашего сына Эрнста получу хорошую взбучку. Он вас очень любит. Кстати, говорят, у вас был еще один сын?

— Фридрих Эфрем, в сорок четвертом погиб в Италии, — грустно промолвил Паулюс. — Оба сына были танкистами, и я этим гордился. Оба хорошо воевали, но судьба им выпала разная.

— Я вам сочувствую, — с грустью в голосе сказала Матильда. — Отец рассказывал мне, что ваша 6-я армия сражалась храбро, но взять Сталинград так и не смогла.

— Да, русские тогда преподнесли нам жестокий урок, — снова тяжело вздохнул бывший фельдмаршал. — А знаете почему? Этот город носит имя советского лидера Иосифа Сталина, и потому красноармейцы бились за город не на жизнь, а на смерть. В этом я мог лично убедиться. — После короткой паузы он добавил: — Я очень переживал за обоих сыновей, боялся, что в бою они могут погибнуть. Но, слава богу, Эрнста война пощадила.

— А он у вас парень смысленый и очень симпатичный, — улыбнулась Матильда.

Паулюс со значением взглянул на нее, и ей стало не по себе. Она даже смутилась, на ее тонком лице появились белесые пятна.

— Меня любил не только сын Эрнст, но и вся армия, которой я командовал, — сдержанно, но твердо произнес Паулюс. — У меня таких парней, как Эрнст, были десятки тысяч, они верили в меня, своего командующего, и я ценил их, хотя в тяжелых кровопролитных боях с русскими немало их полегло. А вот моему Эрнсту повезло, — повторил Паулюс.

— Он говорил мне, что вы спасли его — это правда? — спросила Матильда.

— Да, — подтвердил Паулюс. — Я вообще не люблю причинять людям зла, а тем более обижать своего сына. Он отличный, смелый и дерзкий танкист, лишь в одном бою подбил два русских танка. Правда, был тяжело ранен. Я позволил ему с очередным рейсом «юнкерса» улететь на лечение в Германию. Там его признали непригодным к службе, и в свою армию он не вернулся. Кстати, куда он ушел, Матильда?

Домоправительница повела плечами:

— Я не знаю, он ничего не сказал. К обеду обещал быть. А что?

Паулюс сообщил, что у него сегодня после обеда назначена встреча с известным русским генералом.

— Вчера он дважды звонил мне, и я согласился принять его у себя дома, — уточнил Паулюс.

— Зря вы это делаете, — произнесла Матильда, понизив голос. — Врач не велел вам сильно волноваться, а вы с русским генералом наверняка будете вспоминать минувшую войну. Я угадала, да?

Паулюс кивнул. Он сидел в кресле с задумчивым видом. Под правым глазом у него импульсивно вздрагивала тонкая жилка.

— Возможно, чуть-чуть поговорим о войне, — разжал губы Паулюс. — Этому человеку я не мог отказать. Тогда, в лютую зиму сорок третьего, когда моя армия капитулировала и я вместе с группой наших генералов оказался в плену, он отнесся ко мне на удивление по-человечески. А в прошлом году, когда я наконец вернулся из Москвы в Берлин, он встречал меня на вокзалы пожали друг другу руки не как бывшие враги.

— А зачем русский генерал прибыл из Москвы? — поинтересовалась Матильда.

— Он теперь командует всеми русскими оккупационными войсками, которые находятся в Германии, — пояснил Паулюс.

— Большой начальник! — улыбнулась Матильда, слегка качнув головой.

— И очень опытный вояка. Его армия обороняла тогда Сталинград, и мы так и не сумели сломить оборону русских и сбросить их в Волгу...

Их разговор прервал звук автомобильного мотора.

— Наверное, приехал ваш гость, — сказала Матильда.

Паулюс вскочил с кресла и через окно увидел, как из машины выбрался генерал армии.

— Это он, Матильда, встречай его и проводи в мой кабинет, а я мигом облачусь в военную форму, — попросил слегка растерявшийся бывший фельдмаршал.

Не успела домоправительница снять фартук, как гость уже шагнул в прихожую, поздоровавшись с женщиной по-немецки: «Гутен таг!» Она растерялась и не знала, что ему ответить. Генерал был чертовски красив: открытое волевое лицо, распахнутые лучистые глаза под черными взлохмаченными бровями. На его широкой груди поблескивали две Золотые Звезды Героя Советского Союза. Рядом с генералом стоял белобрысый капитан, его переводчик.

— Могу я видеть господина фельдмаршала, уважаемая... — Чуйков запнулся, потому что не знал, как ее назвать, но она догадалась, чего он от нее хочет.

— Я Матильда. — Она мягко улыбнулась. — Хозяин сейчас будет. Прошу вас пройти в его рабочий кабинет. Простите, как вас величать?

Переводчик перевел ее вопрос, и гость назвал себя:

— Генерал армии Чуйков Василий Иванович. У нас с Фридрихом есть уговор встретиться у него дома, но я прибыл чуть раньше. Как он себя чувствует?

— Нормально!

Матильда проводила генерала в кабинет Паулюса.

Не успел гость осмотреться, как появился хозяин. Улыбаясь, он сказал на хорошем русском:

— Я рад принять вас у себя дома, товарищ Чуйков. Здравствуйте! Садитесь, пожалуйста.

Чуйков снял фуражку и положил ее на край стола.

— Фридрих, после обеда у меня телефонные переговоры с Москвой, поэтому я пришел раньше. Вы уж, пожалуйста, не сердчайте.

— Да что вы, Василий Иванович, я так долго ждал этой встречи. — Паулюс произнес эти слова с волнением в голосе, потом сдвинул брови: — Жаль, что утром ушел по делам мой сын Эрнст, я намерен

был познакомить вас с ним. Он ведь тоже был со мной под Сталинградом в чине капитана.

— Я слышал, он был танкистом? — поинтересовался Чуйков.

— Да. — Паулюс сжал побелевшие губы, но тут же разжал их: — Я переживал, боясь, что в бою он мог погибнуть. Однажды русские артиллеристы подбили его танк, и машина загорелась. Эрнст чудом остался жив, хотя его экипаж погиб.

— Значит, не судьба была ему сложить голову на русской земле, — сочувственно промолвил Чуйков. — Кстати, как ваше здоровье, Фридрих? Может, вам нужна какая-то помощь? Не стесняйтесь, говорите все, как есть, — улыбнувшись уголками губ, добавил Василий Иванович.

— Спасибо, товарищ Чуйков, — благодарно откликнулся Паулюс. — Правительство ГДР обеспечивает меня всем, в чем я нуждаюсь. Я честно служу новой Германии...

Они беседовали, как давние друзья, доверительно говорили о том, чем сейчас живут и что их волнует. Но нет-нет да и касались войны, тех жарких схваток, которых сами принимали активное участие. Да, им было что сказать друг другу.

— Фридрих, вы, наверное, знали летом сорок второго года, когда подошли к Сталинграду, что одной из армий командуя я? — спросил Чуйков. — Я, к примеру, знаю, как войска под вашим командованием летом сорок второго захватили Харьков. Вы взяли верх над моим старшим товарищем маршалом Тимошенко, а членом Военного совета у него был Никита Хрущев. Мы очень переживали эту трагедию. Я тогда понимал, что Паулюс стратег и он доставит Красной армии немало хлопот. Так оно и случилось.

Бывший фельдмаршал засмеялся, довольно качнул головой, но тут же его худощавое лицо посерьезнело.

— Успех под Харьковом, безусловно, порадовал меня, но и крепко подвел, — признался он. — Я уверился, что Сталинград возьму с ходу, даже самонадеянно заверил Гитлера, что пусть фюрер не сомневается в моем успехе. Но, увы, случилось фиаско: я не только не взял город, но сам попал в позорный плен. Мне было очень тяжело, но пулю себе в лоб не пустил, как того желал Гитлер. — Он с минуту помолчал. — А впервые услышал о вас как о командарме 62-й летом сорок второго года. Как это было? Если желаете, расскажу...

В бою на Мамаевом кургане немцы взяли в плен раненого капитана-танкиста, во время допроса сказавшего, что служил в 62-й армии, которой командует генерал-лейтенант Чуйков. О показаниях пленного было доложено генералу Паулюсу.

— Надо выяснить, что это за личность! — приказал командующий 6-й немецкой армией и вызвал начальника штаба армии генерала Шмидта.

Когда тот прибыл, Паулюс спросил у него, есть ли в документах штаба фотографии русских генералов, которые руководят армиями на Сталинградском фронте. Шмидт подтвердил, что имеются, но не всех.

— Давай их сюда! — распорядился Паулюс.

Шмидт принес в папке несколько фотографий с короткими надписями под ними. Фотографии показали русскому капитану-танкисту. Среди них он увидел и фото своего командарма.

— Вот этот генерал-лейтенант и есть Чуйков Василий Иванович! — проговорил с плохо скрываемой гордостью танкист.

Паулюс задумчиво разглядывал фотокарточку, потом вскинул голову и спросил у пленника:

— Вы коммунист?

— Да, — не стал отрицать пленный.

— Мы вас расстреляем! — зло бросил генерал Шмидт.

Рассказав этот эпизод Чуйкову, Паулюс констатировал:

— У вас, коллега, доброе лицо и доверчивые глаза, поэтому я вас тогда и запомнил.

Чуйков потер ладонью висок.

— Теперь мы с вами не враги, а ведь тогда, в сорок втором, когда в районе Сталинграда шли тяжелые бои, каждый желал другому быстрее потерять голову.

— Что поделаешь, Василий Иванович, на войне как на войне, — грустно вздохнул Паулюс. — Тогда я был искренне предан Гитлеру и все его приказы принимал как должное. Даже не сделал попытку прорвать кольцо, когда окружили мою 6-ю армию, — таков был категорический приказ фюрера, и я не посмел ослушаться его. Теперь же я стал другим, у меня на многое открылись глаза, и я сумел понять, что Гитлер — заядлый авантюрист, его захватническая политика была губительной для Германии. Прозреть мне помогли и ваши советские люди...

Наступившую паузу нарушил Чуйков.

— Ну а раненого капитана-танкиста вы расстреляли? — спросил он.

— Нет, я отменил приказ начальника штаба генерала Шмидта, — сказал Паулюс, и в его голосе не прозвучало ноты сожаления.

— Что, жаль стало пленного? — усмехнулся Чуйков.

— Нет. Скажу вам честно, как на духу, я вообще не сторонник расстрела пленных, хотя отдавал по своей армии жесткие приказы, — пояснил бывший фельдмаршал. — И потом, я ценил людей мужественных и стойких, даже если это были мои враги. Таким мне показался и пленный танкист. Когда генерал Шмидт объявил ему о расстреле, он и слова не обронил, не начал просить о пощаде, как не раз случалось с другими русскими пленными, он лишь так сжал зубы, что скулы у него побелели. Сразу было видно, этот танкист волевой человек. К тому же я сам танкист, и два моих сына были танкистами, о чем я уже говорил вам. Позже, когда мы уже были в плену, генерал Шмидт съехидничал: мол, когда-то пощадил коммуниста, а здесь вся охрана лагеря коммунисты, так что они нам покажут, где раки зимуют.

А вообще-то генерал Шмидт весьма плохо вел себя в плену: грубил персоналу, выкрикивал неоднократно «хайль Гитлер», и, если бы не мое заступничество, начальник лагеря под любым предлогом ликвидировал бы его. Правда, начальником штаба Шмидт был грамотным, на фронте четко ставил соединениям боевые задачи, кажется, я ни разу его не поправил и все документы, подготовленные им, подписывал. Что было, то было...

Матильда между тем накрыла стол, о чем сообщила хозяину, и тот пригласил Чуйкова вместе с ним выпить «за фройндшафт».

— Ну что же, с удовольствием, — согласился Чуйков. — Пусть у нашей дружбы вырастают сильные крылья.

Когда они сели за стол, Чуйков увидел бутылку шнапса, хотя был не прочь выпить родной водки или коньяка. Словно угадав его мысли, Паулюс сказал, что на фронте, под Сталинградом, он пробовал коньяк армянского производства.

— Такая вкуснятина, что до сих пор помню, — улыбнулся Паулюс. — Но такого коньяка у меня нет, Василий Иванович, — грустно добавил он.

— У вас, Фридрих, нет, зато у меня есть!

Чуйков кивнул переводчику. Тот мигом сообразил и принес из машины объемистый пакет. В нем были коньяк, русская водка, консервы, шоколад, другие сладости. Паулюс, глядя на все это роскошество, растерянно моргал.

— Василий Иванович, мне, право, неудобно, я пригласил вас в гости и должен накрыть стол, а не наоборот.

Голос у Паулюса дрожал, и по выражению его лица было видно, что чувствовал он себя неловко. Чуйков поспешил выручить его.

— Мы, русские, очень гостеприимны, Фридрих, и приходим в гости не с пустыми руками, — усмехнулся он. — Здесь пара бутылок коньяка, одну разопьем, а вторую оставлю вам, так сказать, в качестве лечебного фактора.

Генерал открыл бутылку коньяка и наполнил рюмки себе и хозяину.

— Выпьем за дружбу! — предложил тост Чуйков. — И чтобы больше не было войны, а русские и немцы простили друг другу прежние обиды!

— И чтобы на немецкой земле больше не было места фашизму, — добавил бывший фельдмаршал.

После выпитого беседа оживилась. Матильда принесла горячие сосиски, жареную картошку и, улыбаясь, сказала Чуйкову:

— Имеется русское сало — откусываете?

— Никак нет, свою норму сала я давно выбрал!

— А я немного отведаю. — Паулюс взял нож и отрезал себе ломтик. — Жаль, что когда в развалинах Сталинграда мы умирали от голода, то единственной радостью была вареная конина.

Он взглянул на гостя и увидел, что тот о чем-то глубоко задумался. Хотел спросить, что того волнует, а Чуйков заговорил сам:

— Там, под Сталинградом, один ваш приказ, Фридрих, вызвал в моей душе бурю негодования.

— Какой такой приказ, генерал?

— В ноябре сорок второго после присвоения вам звания генерал-полковника вы немедля сообщили войскам о том, что русские мучают и зверски убивают пленных. — Чуйков сделал паузу, ожидая, что ответит бывший фельдмаршал. — Даже взятый нами в плен немецкий офицер, у которого при себе оказалась копия вашего приказа, заявил, что это намеренная ложь.

— Пленный был прав, — согласился Паулюс. — Я не хотел, чтобы мои солдаты и офицеры добровольно сдавались в плен. Зимой, когда армия попала в котел, нам стало очень тяжело. Голод, холод — и солдаты начали поднимать руки вверх целыми группами. Необходимо было срочно принять какие-то меры, и мы с генералом Шмидтом сочинили такой приказ.

Чуйков, однако, иронически заметил:

— Мы же решили, что вы захотели этим приказом объявить о том, что фюрер повысил вас в чине.

Паулюс согласно кашлянул:

— Конечно, была и такая мысль... — Он замолчал, задумался. Потом поднялся, прошелся по комнате и снова сел. — Знаете, в тридцатые годы я был преподавателем военной академии Генштаба в Берлине, читал лекции по тактике и военным операциям. Среди моих слушателей были ваши тогдашние

начальники: Егоров, Белов, Яковенко, военный атташе при посольстве СССР в Берлине. Неоднократно общался с вашим послом Яковом Сурицей, даже был знаком с его семьей. Меня не раз приглашали в советское посольство. Как видите, кое-какие услуги я тогда оказал Советскому Союзу.

— А когда вы стали генералом? — спросил Чуйков.

— В январе 1939 года. Тогда же меня назначили начальником штаба 10-й армии. Позже ее переименовали в 6-ю армию, ею командовал фельдмаршал Рейхенау, с которым у меня были вполне дружеские отношения. А если выразить свою мысль точнее — это был мой наставник. У него я многому научился. Не считите это бахвальством, но Рейхенау очень ценил меня. Видимо, я был неплохим начальником штаба. В хорошем настроении он говорил мне: «Фридрих, быть тебе фельдмаршалом!» И я был буквально потрясен, когда Вальтер Рейхенау скоропостижно скончался в январе 1942 года под Полтавой.

— После этого вы возглавили 6-ю армию?

— Да. Случилось это 20 января 1942 года, — уточнил Паулюс. — Я, конечно, был рад повышению по службе, но большую радость пережил в октябре 1953 года, когда начальник лагеря, в котором я находился, объявил мне, что от Главнокомандующего советскими войсками в Берлине генерала армии Чуйкова получено сообщение о том, что правительство ГДР согласно принять меня на родине. Для фельдмаршала Паулюса, говорилось в вашей телеграмме, подготовлена вилла в районе Дрездена. Мне даже предлагалась работа в качестве лектора по военным вопросам в Высшей школе полиции в Дрездене, разумеется, если я этого захочу. Вы не представляете, Василий Иванович, как я был рад: наконец-то поеду домой! Ведь целых десять лет я обретался в плену!..

— Я помню эту телеграмму, — улыбнулся Чуйков. — Мне тогда пришлось переговорить с премьер-министром ГДР Отто Гротеволем, и он сказал мне: «Пусть Паулюс возвращается, будет ему и жилье, и работа. Он теперь уже не тот преданный вассал, который верно служил Гитлеру и был одним из составителей плана «Барбаросса»...»

— Что было, то было, — бросил реплику бывший фельдмаршал.

— После этого разговора я и послал в Москву свое предложение относительно вас, Фридрих. А через него смог встретить вас на вокзале в Берлине. Помню, что министр внутренних дел Штоф первым пожал вам руку. Он вас и сейчас опекает?

— Он приглашал меня в свое ведомство, когда я устраивался на работу, — ответил Паулюс. — Помог мне, но сейчас мы редко с ним встречаемся. — Он улыбнулся. — А вообще-то мне страшно везет на больших людей. Перед отъездом из СССР, год тому назад, меня пригласил к себе на дачу там же, в Москве, Вальтер Ульбрихт, и мы откровенно о многом переговорили. Я понял, что мой отъезд на родину его радует. В Берлине на второй день после приезда меня пригласил к себе домой Отто Гротеволь, добрейшей души человек и умница. Когда я был в плену, мне очень хотелось повидать вашего вождя Сталина, но увя!.. Правда, в честь его семидесятилетия я через генерала Кобулова послал ему поздравление, в котором пожелал доброго здоровья и дальнейших успехов в его неустанной работе на благо мира. Не знаю, сообщили ли ему о нем...

«Путь от Сталинграда до этого поздравления для нас нелегок, — телеграфировали Сталину фельдмаршал Паулюс и генерал-лейтенант Роль Бамлер. — Тем более Вы можете быть уверены, что мы и после возвращения на родину приложим все наши силы, чтобы путем укрепления германо-советской дружбы помочь достижению Вашей великой цели — мира для всего человечества»[\[1\]](#).

Паулюс взглянул на Чуйкова.

— Даже о смерти моей любимой жены я узнал от вас, Василий Иванович, — сказал он после скорбного вздоха. — Из Берлина в Москву вы прислали рапорт и доложили, что она будет похоронена в городе Баден-Бадене. Когда лагерное начальство уведомило меня об этом, я понял: Чуйков не только талантливый генерал, но и чуткий к чужому горю человек.

Василий Иванович поспешил возразить:

— Фридрих, я самый обыкновенный русский. Война была беспощадной, бои под Сталинградом тяжелые, но они не ожесточили меня. А вот вы совершили настоящий подвиг, когда с трибуны Нюрнбергского суда заявили о лживости сфабрикованной нацистами легенды о «превентивном» характере нападения на Советский Союз. Да, это была явная, открытая агрессия, и трибунал это признал. Наверное, когда вы, Фридрих, обличали в преступлениях фашистских главарей, они были возмущены вашим вероломством в кавычках.

— Еще бы! — воскликнул Паулюс. — Геринг, Кейтель и Кальтенбруннер взглядами разрывали меня на части. Я всего два дня присутствовал на Нюрнбергском процессе, отвечая на вопросы советского обвинителя генерала Руденко. В Берлин меня доставили на самолете, потом разместили в Потсдаме. Я очень волновался, но выступил на суде не по принуждению, а убежденный в своей правоте. Хочу еще добавить: когда по радио я обратился к немецкому народу и заявил, что Гитлер вел наш народ к преступлениям, мою семью гестапо по приказу фюрера бросило в концлагерь. А еще раньше, в сорок третьем, когда я сдался в плен, в Германии было объявлено, что я застрелился, а моя армия сражалась до конца. Три дня был траур по 6-й армии. Это ли не лицемерие фашистов?!

— Весь их режим был сплошным фарисейством, — сказал Чуйков, наполняя рюмки. — Теперь прошу ваш тост!

— Надо сперва подумать, — ответил Паулюс. — Хочу выпить за тех, кто в эти минуты и в ГДР, и в Советском Союзе несет службу по охране мира!

— Присоединяюсь, — поддержал его Чуйков.

— Матильда! — крикнул слегка опьяневший хозяин — Подай-ка нам конфеты, а то наш гость коньяк закусывает солеными огурцами.

Домоправительница тут же положила коробку на стол. Хозяин поблагодарил ее, пожав ей руку, и спросив, не возвратился ли домой Эрнст.

— Нет. Я сама удивлена, что он все еще не появился. Знал ведь, что вы ждете гостя...

(Фридрих Паулюс был женат на румынской дворянке Елене Констанции, урожденной Розетти-Солеску, и имел троих детей: сыновей Фридриха и Эрнста и дочь Ольгу. Фридрих погиб в Италии в 1944 году. Эрнст в 1970 году покончил жизнь самоубийством. Сам Паулюс умер в феврале 1957 года. Дочь Ольга принимала участие в его похоронах. —А.З.)

Чуйков начал поглядывать на часы.

— Время бежит быстро, а дел у меня на службе немало, — промолвил он с сожалением. — Так что пора заканчивать нашу беседу.

— Даже сегодня, в воскресенье, вы при делах? — удивленно повел бровью Паулюс. — У меня выходной, хотя сын с утра тоже ушел по делам. Пока не пришел, а я так хотел познакомить вас с ним. Василий Иванович, а что, если мы вместе приедем к вам на службу? У вас найдется время принять нас?

— Мы же с вами не на фронте, а по одну сторону баррикады, — улыбнулся Чуйков. — Конечно, я готов уделить вам время. Как соберетесь, позвоните мне, и я пришлю за вами машину.

Паулюс посмотрел Чуйкову в лицо и неожиданно спросил:

— Вы довольны своей военной судьбой?

— А вы? — ответил вопросом Василий Иванович.

— Я? — Паулюс растерянно усмехнулся. — Для военачальника трагедия, если он попадает в плен на поле брани, — грустно продолжил он. — Моя честь запятнана. Это ужасно! Не знаю, смогу ли я вернуть все то, что потерял на фронте. Новую власть я принял всем сердцем, но это эмоции, надо доказать своими поступками. Сумею ли?.. Вот что тревожит меня.

— А я своей военной судьбой доволен, — весело произнес Чуйков. — В девятнадцать лет я стал командиром полка, сражался с врагами в Гражданскую войну. А в сентябре 1942 года, когда ваша 6-я армия пыталась взять Сталинград, я возглавил 62-ю армию, позже переименованную в 8-ю гвардейскую, и вошел с нею в ваш Берлин, логово фашистского зверя, как мы тогда говорили...

— Я, Василий Иванович, завидую вам: пройти от Сталинграда до столицы рейха с тяжелыми боями нелегко, — сказал Паулюс.

— Да, Фридрих, но я был счастлив, когда 1 мая 1945 года на КП армии прибыл начальник Генштаба сухопутных войск Германии генерал Кребс, чтобы вести переговоры о прекращении огня в Берлине. Он сообщил, что 30 апреля Гитлер покончил жизнь самоубийством. Его заменил Геббельс, он был назначен канцлером. Перед смертью фюрер создал новое правительство во главе с президентом гросс-адмиралом Деницем... Я заявил Кребсу: никаких условий, только безоговорочная капитуляция!.. Скажу вам как на духу: я горжусь тем, что Красная армия наголову разбила вооруженные силы вермахта. Это ли не счастье — выстоять в борьбе с врагом?..

Паулюс глухо изрек:

— Я вас понимаю, Василий Иванович, и как противник, с которым вы дрались, преклоняюсь перед вашим мужеством. Дай Бог вам успехов в жизни!.. — Он с минуту помолчал и задумчиво промолвил: — Есть у меня к вам еще один деликатный вопрос. Когда я вернулся в Берлин, услышал от своих коллег, что в ГДР едва не разразился путч летом прошлого года. Это правда?

Чуйков улыбнулся:

— Что было, то прошло, Фридрих, и надо ли вам подробности того, что случилось? Поберегите свое здоровье.

— А всё же, хотя бы вкратце, расскажите, — попросил Паулюс — Мне тоже нужно знать, кто у нас враги, а кто друзья.

Чуйков не стал скрывать что-либо от Паулюса и объяснил, что спецслужбы Запада спровоцировали выступление немцев ГДР против своих властей. Возбужденные люди, в основном безработные, окружили здание правительства ГДР и пытались забросать его бутылками с горючей смесью. Помощь народному правительству ГДР оказала Советская армия. В Берлине объявили военное положение, и на улицы города, в его центр, вошли советские танки и другая военная техника. Советский военный комендант в Берлине в своем приказе потребовал от бунтовщиков прекратить противозаконные действия, разойтись по домам и «больше трех не собираться».

К 14 часам 17 июня, как пишет советский контрразведчик Александр Провоторов в своей книге «Заметки контрразведчика», в Берлин из Москвы прибыл маршал Говоров, а из Варшавы — министр обороны Польши маршал Рокоссовский. Последний перед вылетом в Берлин приказал подтянуть польские силы к границе с ГДР. Сложилась тревожная ситуация, и назревало военное столкновение. Главнокомандующий, он же глава советской контрольной комиссии в Германии, генерал армии Чуйков

привел в повышенную боевую готовность все дислоцированные в Германии советские войска. Закордонная советская разведка докладывала о том, что в руководстве вчерашних наших союзников по антигитлеровской коалиции, особенно в администрации США и его силовых структурах на территории ФРГ возникли опасения потерять Западный Берлин, имевший по Потсдамскому соглашению особый самостоятельный статус. Резкое заявление Чуйкова, пишет Александр Провоторов, представителям американской, английской и французской дипломатии о том что, если провокации не прекратятся, Западный Берлин будет раздавлен «как консервная банка», отрезвляюще подействовало на западных военных стратегов. Через несколько часов из Бонна прибыл министр по общегерманским вопросам (иностраннных дел) ФРГ Кайзер, который на секретном совещании у берлинского бургомистра дал категорическую установку на прекращение провокаций против ГДР, а на другой день с призывом к спокойствию публично выступил на многотысячном митинге перед западноберлинскими жителями.

К вечеру 17 июня обстановка повсюду нормализовалась. Ни один советский солдат на всей территории ГДР не пострадал. Не было потерь и со стороны немецкого населения.

— Вот как все происходило, — завершил свой рассказ генерал армии Чуйков. — А могло быть и хуже. Так что, Фридрих, как человек, искушенный в военном деле, помогайте укреплять армию ГДР. Ну а что касается нас, советских людей, то мы всегда придем вам на помощь.

— Да, вы правы, Василий Иванович, порох надо держать сухим! — откликнулся Паулюс.

А во время минувшей войны их отношения были совершенно иными, потому как Сталинградская битва была кровавой и беспощадной...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Нравственная сила государства заключается в характере
его граждан.*

П. Пестель

1

Москва, июль 1942 года.

С утра Сталин просматривал папку с донесениями с фронтов. Он был задумчив, хмур. События на советско-германском фронте развивались неблагоприятно для нас: ударная группировка немецких войск стремилась прорваться в большую излучину Дона, боевые действия на юго-западном направлении обострились, что, естественно, весьма обеспокоило Ставку Верховного главнокомандования. И когда на доклад прибыл генерал-полковник Василевский, Сталин резко вскинул голову и, обжигая его укоряющим взглядом, спросил:

— Что, начальник Генштаба принес черные вести? — На одутловатом лице Сталина вспыхнула натянутая улыбка, от которой Василевскому сделалось не по себе.

Еще и месяца не прошло, как он стал начальником генерального штаба Красной армии, сменив на этом посту маршала Бориса Шапошникова, освобожденного от должности по болезни, и как раз в эти дни под напором вражеских сил наши войска отступали. Василевскому приходилось часто бывать в Ставке, решать у верховного самые разные вопросы, казалось, можно уже привыкнуть, но Александр Михайлович неизменно волновался: Сталин был непредсказуем, порой выходил из себя, чертыхался, требовал «на месте расстреливать тех, кто без приказа оставляет боевые позиции». В таких случаях Василевский проявлял сдержанность, но и не молчал, твердо отстаивал свою правоту, если был в ней уверен. Может быть, поэтому Сталин ценил его, считался с его мнением и, когда в Ставке обсуждался тот или иной вопрос, нередко говорил: «А что нам скажет товарищ Василевский?..»

Сейчас начальник Генштаба стоял у двери, пока верховный не предложил ему сесть. Он зябко передернул плечами, усаживаясь в мягкое кресло, положил перед собой папку. Сталин откинулся на спинку кресла, задержал на Василевском взгляд.

— Что-то вы спокойны, товарищ Василевский, — бросил он небрежно. — А я вот сижу как на иголках. Почему? Мучает вопрос: когда наконец Красная армия перестанет отступать? Вот и на Сталинградском направлении мы терпим неудачи. Слышали, наверное?

В голосе Сталина прозвучала ирония, от которой у Александра Михайловича появился холодок в душе. Он едва не вспылал, но, сжав губы, промолчал. Обидно стало: разве верховный не знает, что начальник Генерального штаба в первую очередь в курсе оперативно-стратегической обстановки на южном фланге советско-германского фронта? Так нет же, ёрничает...

— Я тоже переживаю, товарищ Сталин, — как бы невзначай обронил он. — Передовые отряды 62-й армии генерала Колпакчи и 64-й генерала Чуйкова всю неделю упорно обороняются на реках Чир и Цимла. Есть опасение, что немцы скоро начнут атаки на главную линию обороны этих двух армий.

— Кто вам об этом сообщил, не генерал Колпакчи? — прервал начальника Генштаба верховный.

— Поздно вечером я говорил с ним по телефону ВЧ[2] — объяснил Василевский, качнув головой. Прибавил твёрдо: — Но паники в голосе командарма не услышал, наоборот, он горит желанием выстоять перед врагом.

— Гитлеру позарез нужна кавказская нефть, но и мы без нее не сможем воевать, — проговорил верховный и перевел разговор на другое: — Так о чем вы хотели мне доложить?

— О положении наших войск на Сталинградском направлении, — поспешно сказал Василевский. — Оно осложнилось. Враг стремится втянуться в большую излучину Дона...

— Что предлагает Генштаб? — снова прервал его верховный.

Еще до начала оборонительных боев Ставка в тылу Юго-Западного и Южного фронтов из своего резерва развернула три армии — 62, 63 и 64-ю. Сейчас Василевский предложил верховному передать туда и 57-ю армию Северо-Кавказского фронта.

— Не рановато ли? — вскинул брови Сталин.

— Можно это сделать и позже, — согласился начальник Генштаба.

Скрипнула тяжелая дверь, и в кабинет вошел генерал армии Жуков. Видно было, что он торопился, лицо у него покраснелось, а под живыми глазами блестели капельки пота.

— Прибыл по вашему вызову, товарищ Сталин! — доложил он и кивком головы поздоровался с Василевским.

— Садитесь, пожалуйста. Мы тут с Генштабом решаем, какими силами укрепить Сталинградское направление. — Сталин кончиками пальцев привычно пощипал свои ухоженные усы. — Два фронта пока не могут задержать войска противника, и, если он войдет в большую излучину Дона, ему откроется прямая дорога на Сталинград. Неделю назад мы решили создать новый фронт, и, пожалуй, не напрасно.

— Но почему-то фронт еще не создали! — бросил реплику Жуков. — Вы же сами говорили, что промедление в этом деле смерти подобно!

Верховному не понравилась грубая прямота Жукова, но он сделал вид, что не заметил этого.

— Вы что же, товарищ Жуков, полагаете, что сделать это легко? — тоном, не терпящим возражения, спросил Сталин. — Генштаб с трудом формирует бригады и дивизии. Может, вы дадите войска из своего Западного фронта?

Жуков пристально, не мигая, посмотрел вождю в лицо.

— Даже полка не дам, не то что армию, — возразил он, насупив лохматые брови. — Я сам не прочь получить хотя бы еще одну танковую армию. Ну, если не танковую, то общевойсковую.

— Георгий Константинович, ты можешь лишь мечтать об этом, — одернул его Василевский. — Для Генштаба сейчас задача номер один — Сталинград!

Сталин кивнул начальнику Генштаба:

— Докладывайте, какие еще соединения можно включить в состав нового фронта...

Наконец Сталинградский фронт был создан на базе управления Юго-Западного фронта. В его состав кроме указанных выше трех армий вошли 21, 28, 38 и 57-я армии и 8-я воздушная армия бывшего Юго-Западного фронта, а с 30 июля — 51-я армия Северо-Кавказского фронта. Командующим фронтом Ставка утвердила маршала С. К. Тимошенко, членом Военного совета — Н. С. Хрущева, начальником штаба — генерала П. И. Бодина. В оперативное подчинение нового фронта была передана Волжская военная флотилия под командованием контр-адмирала Д. Д. Рогачева, она базировалась в городе Горьком.

(Когда нарком Военно-морского флота адмирал Кузнецов проинформировал Сталина о кораблях флотилии, тот спросил:

— Сумеет ли командующий флотилией наладить дружную работу с командованием Сталинградского фронта?

— Рогачев мужественный и знающий свое дело адмирал, — подчеркнул нарком ВМФ. — В начале войны он возглавил Пинскую военную флотилию, и она героически сражалась с врагом. Под стать ему комиссар Раскин, хорошо проявивший себя в обороне Ханко. Кстати, — продолжал адмирал Кузнецов, —

немецкая авиация стала минировать фарватеры. На всем протяжении реки Волги от Астрахани до Саратова враг сбрасывает в воду электромагнитные мины. Уничтожить их так нелегко, товарищ Сталин! Для этого нужны специальные тралы и размагниченные тральщики. У нас, к сожалению, нет ни того, ни другого. Начали срочно переоборудовать для этих целей десятки деревянных речных судов и барж.

— О чем вы думали раньше, почему флотилия не обеспечена специальными тралами? — сухо спросил Сталин.

Кузнецов заметно покраснел, хотя виновным в этом себя не считал.

— Что, наверное, ждали указаний товарища Сталина? — съехидничал верховный. В его глазах появился знакомый Кузнецову блеск.

Но это не вывело наркома ВМФ из себя.

— Кто мог знать, что немцы так глубоко вклинятся на нашу территорию? — пожал он плечами.

Сталин промолчал. —А.З.)

Выслушав начальника Генштаба, верховный поинтересовался, сколько всего дивизий в составе Сталинградского фронта.

— Двенадцать!

— Негусто! — резко бросил Сталин. — Надо еще кое-что дать фронту. Что, не получается? — Теперь его глаза заметно повлажнили, в них угасли искорки. — Ведь этот фронт примет на себя главный удар.

Василевский засуетился, листая рабочую папку.

— Я прикинул, чем можно усилить фронт. — Он вынул из папки листок. — На базе управления 28-й и 38-й арий есть возможность сформировать две танковые армии. А 8-ю воздушную армию можно пополнить еще двумястами самолетами. Я, конечно, понимаю, что фронт примет на себя главный удар, но у него весьма широкая полоса боевых действий. — Он подошел к большой карте, висевшей едва ли не во всю стену. — Вот от Павловки по левому берегу Дона до Клетской и дальше на юг через район Суровикина к Верхне-Курмоярской. Это более пятисот километров!

— Справится ли фронт? — засомневался верховный. — Это меня настораживает, если не сказать больше.

Василевский ушел от прямого ответа, подчеркнув, что еще не знает, как развернутся там боевые действия. Немало зависит и от командующего фронтом, от того, как он будет управлять войсками: ведь у каждого военачальника свой стиль, своя манера вести сражение.

— Вы решили меня просветить? — усмехнулся верховный, глядя на Василевского усталыми глазами.

Начальник Генштаба вмиг посуровел лицом, словно ему отвесили пощечину.

— Никак нет, товарищ Сталин, отвечаю на ваш вопрос. К тому же это моя работа — делать анализ обстановки на основе фактов, а не строить свои выводы на песке.

Кажется, ответ не удовлетворил верховного. Он нахмурился, перевел взгляд на оперативную карту.

— Я понял так, что вы не уверены в успехе, — тяжело уронил Сталин. — Поэтому уже сейчас надо организовать в большой излучине Дона прочную оборону, чтобы не дать возможность противнику прорваться к Волге. Нашим войскам может оказать помощь население города. Сегодня же я переговорю по телефону с первым секретарем Сталинградского обкома партии Чюяновым. Следует также на заводах и фабриках, коих там много, увеличить выпуск военной продукции, особенно танков Т-34. Их в Красной армии до обидного мало, хотя эти машины хорошо проявили себя в первых сражениях. Я удивлен, что

такие опытные люди, как маршал Тимошенко и начальник Генштаба Жуков, проглядели это дело.

— Мне кажется, товарищ Сталин, что большая вина тут лежит на маршале Ворошилове, — осторожно обронил начальник Генштаба. — Он много лет возглавлял Наркомат обороны.

— У меня появилась хорошая мысль — послать вас в Сталинград, — заявил верховный, словно не слыша то, о чем сказал ему Василевский. — Вместе с Чуяновым и его соратниками обговорите, как надежнее укрепить оборону города. Когда сможете туда поехать?

— Да хоть сейчас, — бодро ответил Василевский.

Кто-то позвонил по телефону внутренней связи. Это был помощник Поскребышев. Он сообщил Сталину, что командующий ВВС Красной армии генерал Новиков просит принять его.

— Пусть приезжает, — отрывисто бросил верховный. Он взглянул на Василевского: — Вопросы есть? Нет? Тогда желаю удачного полета. Да, — спохватился он, — лично побывайте на тракторном заводе и посмотрите, что надлежит предпринять, чтобы увеличить выпуск танков. Я знаю, глаз у вас острый... Ну, идите. — И он пожал Василевскому руку.

Мысли верховного вернулись к командующему ВВС Красной армии. До этого генерал Новиков командовал авиацией Ленинградского фронта и, как говорил вождю секретарь ЦК ВКП(б) Жданов, «чутко откликался» на его просьбы помочь ленинградцам авиацией, нанося удары по врагу с воздуха.

— Вот ты, Андрей, хвалишь моих генералов, а город все еще в блокаде, — осадил Жданова Сталин. — Так что меньше похвал, нужны дела, а не слова. Все мы тут заняты Сталинградом, и особой помощи от нас не жди, полагайся на те силы, коими располагает фронт.

— Понял, Иосиф! — бодро отозвался Жданов на другом конце провода. — Будем биться с фашистами до конца...

Прибыл генерал Новиков, полнолицый, с острым взглядом. Вытянув руки вдоль туловища, тугим голосом доложил о себе. Уголком глаза Сталин заметил, что генерал весь напрягся, словно готовился к прыжку. «Волнуется, оно и понятно, — усмехнулся про себя Иосиф Виссарионович. — Ему ведь неизвестно, что скажет товарищ Сталин. Он понимает, что с товарищем Сталиным шутки плохи». Верховный подошел к Новикову, поздоровался, задержав его жилистую руку в своей.

— Что-то я не вижу на вашей груди орденов, а? Что, забыли их надеть или спешили в Кремль?

Новиков покраснел до самых ушей. Что-то хотел сказать, но в это время Сталин отпустил его руку и, садясь к столу, произнес:

— Мы с начальником Генштаба вели разговор, как нам укрепить новый Сталинградский фронт. Вы даете на его пополнение еще двести машин, так?

Новиков подтвердил, что так, добавив:

— Мне звонили из Генштаба, и я назвал эту цифру. 8-я воздушная армия генерала Хрюкина — крепкий кулак, и я надеюсь, что в боях его соколы покажут фрицам кузькину мать. — И он добродушно улыбнулся, отчего под его глазами появилась паутинка морщин.

— Вам тоже придется побывать в Сталинграде, когда там всю развернутся события. А вот Василевский уже сегодня вылетает в те края. — Сталин взял со стола трубку и закурил. — Я бы хотел проинформировать вас, какова сейчас ситуация на южном фланге советско-германского фронта. У немцев приказ Гитлера — любой ценой пробиться на Кавказ, но прежде надо форсировать Волгу в районе Сталинграда, захватить город...

Генерал Новиков молча слушал верховного. Война и для него была тяжелой, но опытный авиатор не

оплошал, воевал храбро, с достоинством. К концу войны, в сорок пятом, у него на груди будут сиять две Звезды Героя Советского Союза, не говоря уже об орденах и медалях — целая дюжина. Все, что пришлось на его долю, он носил в своем сердце и никогда не жалел о том, какая суровая судьба выпала ему. В боях с врагом гибли его славные сыны-летчики, ему было жаль их, но на войне не ты выбираешь свою судьбу, а она находит тебя, бросает из одного пекла в другое, словно проверяет, на что ты способен.

— Словом, так, — подвел итог своему разговору верховный. — 8-ю армию надо укрепить машинами. Мало там самолетов, очень мало. Туда бы дать еще сотню истребителей. Сможете?

— Вместе с ее командующим генералом Хрюкиным мы решим, как и что сделать, — заверил Новиков.

«Сталин будто надломился, хмурый и злой, в его глазах затаилась глубокая печаль», — размышлял Василевский, возвращаясь к себе в Генштаб. Едва он переговорил с начальником Оперативного управления, есть ли что-то важное с фронтов, как прибыл генерал Жуков. Он шумно вошел в кабинет, толкнул плечом дверь и, когда она закрылась, подошел к столу, за которым сидел Василевский.

— Привет, Саша! — весело воскликнул он.

— Мы уже виделись с тобой, — скупотозвался друг.

— А чего такой угрюмый? — Жуков провел ладонью по своему утомленному лицу. — Что, Иосиф дал жару?

— Да нет, — грустно вздохнул Василевский. — Ты тогда ушел, а я еще долго был в Ставке. А сейчас вот готовлюсь к отлету в Сталинград. Верховный хотел послать тебя, но я согласился слетать на фронт. Все равно мне нужно там заниматься пополнением войск.

Жуков присел к столу, достал из кармана пачку «Беломорканала» и закурил. Он стал сетовать на то, что и на Западном фронте у него не все ладится: то одно надо, то другое. Сейчас вот он ездил к наркому танковой промышленности Малышеву выбивать для фронта машины.

— А тебе, Саша, сам Бог велел защищать Сталинград, — улыбнулся Георгий Константинович.

— Это почему же? — напряжился Василевский.

— Где народится город? — спросил Жуков и сам же ответил: — На великой русской реке Волге. Помнится мне, ты говаривал, что в твоём родном краю течет твоя любимая речка Елпать и впадает она в Волгу. Так что тебе положено защищать Волгу, чтобы свои грязные сапоги фрицы не мыли в её чистой воде. Кумекаешь, да?

Жуков так ласково взглянул Василевскому в лицо, что тот не мог не улыбнуться.

— Умеешь ты, Георгий, ублажить мою смятенную душу. — Александр Михайлович закрыл папку с документами. — Тебя что, снова затребовал к себе верховный?

— Да нет, я занимаюсь своим Западным фронтом, — ответил Жуков, — благо мой штаб неподалеку от Москвы...

Разговор прервала «кремлевка». Звонил верховный.

— Вы еще не уехали на аэродром, товарищ Василевский? — спросил он. — Тогда зайдите ко мне, пожалуйста. Я хочу уточнить, какие силы бросил вермахт на Сталинградское направление и кто командует ими. Есть у вас такие данные?

Начальник Генштаба ответил, что сейчас придет в Ставку и даст справку, а тем временем его самолет подготовят к полету.

Жуков между тем попыхивал папиросой.

— Сталину есть о чем задуматься, — наконец заговорил он, гася папиросу. — Потеря Крыма, поражение наших войск под Харьковом, в Донбассе и под Воронежем. От всего, что случилось на фронтах, можно сломаться или потерять голову. Но с Иосифом это не произошло. Его стойкости можно позавидовать. Он рад, что после тяжкого поражения под Москвой немцы уже не могут одновременно наступать на всех направлениях, как это было в сорок первом по плану «Барбаросса».

— Факт, не могут, — согласился Василевский. — Но верховный сознает, что сил у них еще достаточно, чтобы продолжать войну. Нам еще придется с ними горя хлебнуть.

— Я к этому готов. — Жуков встал, одернул китель. — Ну, будь, Сашко. Поеду в штаб. У меня там важное совещание с командармами. Да, а ты долго будешь в Сталинграде?

— Дня три, а может, больше. — Василевский пожал плечами. — Как решит верховный...

— Ну, чем вы меня порадуете? — усмехнувшись, спросил Сталин, едва Василевский вошел к нему.

В его голосе начальник Генштаба уловил добродушные ноты и от этого сам повеселел. Таким был вождь, когда недавно агитировал его принять должность начальника Генштаба. Он упрямо отказывался, даже заявил, что у него нет данных возглавлять такой сложный военный механизм, как Генеральный штаб. Но Сталин настоял на своем, заверил, что будет ему помогать, только бы работа у него спорилась.

— Ну а если вы и вправду не справитесь с новой должностью, найдем вам замену, — сказал верховный. Впрочем, в это мне что-то не верится, дело у вас пойдет на лад.

Он почувствовал сухость в горле, отлучился в комнату отдыха, находившуюся рядом, в углу кабинета, и вышел оттуда с бутылкой боржоми. Налил себе в стакан и предложил Василевскому.

— С утра в Москве такая жара, что просто нечем дышать, — посетовал Сталин, опорожнив стакан в несколько глотков. — А маршала Шапошникова Бориса Михайловича мне жаль было освободить от должности начальника Генштаба, — неожиданно заявил он. — Но что поделаешь — заболел человек, а от болезней никто из нас не застрахован.

— У него не так давно случился приступ, и мне пришлось отвезти его домой, — обронил Василевский. — Вызвал ему врача, и, кажется, вовремя. На другой день к вечеру кризис миновал.

— Вон оно что, а я и не знал, — обидчиво произнес Сталин и, глядя в упор на генерала, упрекнул его: — Почему мне не доложили? Вы же были его первым заместителем!

Василевский заметно смутился, отчего на его краснощекое лицо набежала тень, а под глазом забила тонкая жилка.

— Если честно, товарищ Сталин, я боялся, что, пока буду вам докладывать, Борису Михайловичу станет еще хуже, — признался Александр Михайлович. — Да и сам Шапошников одернул меня, когда я хотел было поднять трубку «кремлевки» и набрать ваш номер. «Не паниковать и товарища Сталина не тревожить!» — резко сказал он. Что мне оставалось делать? Я дал Борису Михайловичу из аптечки две таблетки, чтобы успокоить сердце. Оно у него молотом стучало в груди.

— Впредь, что бы ни случилось, немедленно докладывать мне, понятно?

Сталин строго взглянул на Василевского, и на душе у того похолодело. Он поднялся с места, вытянул руки по швам.

— Слушаюсь, товарищ Сталин! — выпалил он на одном дыхании.

— Ну вот, товарищ Василевский, так-то оно лучше, — уже спокойнее произнес верховный. — Я должен знать обо всем, чем живет наш Генеральный штаб, тем более теперь, когда идет такая война и надо принимать важные решения, от которых порой зависит судьба целых войсковых соединений. И еще в

нашем военном деле особенно важна правда. Тут, как говорил Ромен Роллан, нужно любить истину больше самого себя, но своего ближнего больше, чем истину. А я для вас и есть тот самый ближний. — Он неожиданно и по-доброму улыбнулся, потом серьезно добавил: — Вас я ценю, так что не огорчайтесь. Ладно, продолжим наш разговор. Так какие силы бросил враг на Сталинград? Вы говорите, что эти силы в пользу противника?

— К сожалению, это так, товарищ Сталин. — Василевский развернул листок и назвал цифры: — Против Сталинградского фронта враг сосредоточил 250 тысяч человек, почти 800 танков, 1200 самолетов, 7500 орудий и минометов. А соотношение сил такое: по людям — 1,4:1, по орудиям и минометам — 1:1, по танкам — 2:1, по самолетам — 3,5:1 в пользу противника.

Сталин молча выслушал начальника Генштаба и, кажется, в душе разделял его тревогу. Он заметно помрачнел, ссутулил плечи, затем вскинул взгляд на генерала.

— Что же нам делать? — в раздумье спросил он.

— Будем сражаться, товарищ Сталин, и по ходу боев наращивать наши силы, — твердо произнес Василевский. — А как же иначе? Нельзя, никак нельзя отдавать врагу на растерзание наш дорогой Сталинград.

— Дорогой — это вы хорошо сказали, — оживился верховный, у него даже глаза заблестели. — А мне этот город вдвойне дорог, товарищ Василевский. Я ведь в Гражданскую войну участвовал в обороне Царицына вместе с Климом Ворошиловым. Запал мне в душу этот славный город. Имя мое носит. — Сталин неторопливо прошелся вдоль стола. Взгляд его упал на карту. — Мне звонил генерал Голиков и заявил, что обстановка на Брянском фронте резко ухудшилась. Немцы из района Курска нанесли чувствительный удар по 13-й и 40-й армиям фронта. Из района Волчанска начала наступать немецкая 6-я армия генерала танковых войск Паулюса, она прорвала оборону наших двух армий — 21-й и 28-й... Да, чертовски крепко подвел нас генерал Голиков. Я просто поражен, как слабо управляет он войсками фронта! На словах герой, а на деле пшик. Я потребовал от него выбить врага из захваченных рубежей, но не уверен, что ему удастся это сделать.

— Он мне звонил в Генштаб, — сообщил Василевский.

— Что, просил резервы?

— Умолял меня дать ему танки, но я объяснил, что пока их у меня нет.

— Голиков как тот цыган, все попрошайничает, — выругался верховный. — То ему дай, другое дай, а свои ошибки в руководстве войсками не замечает, пока его не ткнут носом. — Он посмотрел на Василевского с надеждой. — Ладно, вы летите, а я тут подумаю, как помочь Брянскому фронту, — глухо и с нотками горечи в голосе добавил Сталин.

У начальника Генштаба вдруг появилась мысль.

— А не бросить ли нам в сражение резервы фронтов? — предложил он. — Тут рисковать нельзя, создалась реальная угроза прорыва вражеской группировки к Дону, захвата ею Воронежа. А там до Сталинграда рукой подать!

— Интересная мысль! — бодро отозвался верховный. — Я согласен. — Его лицо вмиг посветлело, словно на него упал лучик солнца.

И Ставка передала из своего резерва Брянскому фронту две армии с целью развернуть их по правому берегу Дона на участке Задонск — Павловск. Генерала Голикова Ставка обязала взять на себя руководство боевыми действиями в районе Воронежа. В это же время Голикову была передана и 5-я танковая армия генерала Лизюкова, Героя Советского Союза, отличившегося в боях в начальный период войны. В ночь на 3

июля корпуса этой танковой армии сосредоточились к югу от Ельца. Вместе с танковыми соединениями фронта она должна была нанести контрудар по флангу и тылу группировки вражеских войск, наступавшей на Воронеж...

Ночью начальник Генштаба Василевский вылетел на Брянский фронт. Между тем войска группы генерала Вейхса с боями продвигались вперед, стремясь окружить и уничтожить войска Брянского фронта, а затем повернуть на юг и дополнительным ударом из района Славянска разгромить войска Юго-Западного и Южного фронтов, чтобы открыть себе дорогу к Волге и на Северный Кавказ. Но на их пути высился легендарный Сталинград с его стратегическими коммуникациями. Командующий 6-й армией генерал Паулюс решил взять город с ходу. Для этого вермахт создал группу армий «Б» в составе 2-й и 6-й полевых и 4-й танковой немецких и 2-й венгерской армий. Группу возглавил генерал-фельдмаршал фон Бок. А для ведения боевых действий на Северо-Кавказском направлении была создана группа армий «А» во главе с генерал-фельдмаршалом В. Листом. В эту группу вошли 12-я и 17-я полевые, 1-я танковая немецкие и 8-я итальянская армии.

На рассвете 4 июля Василевский прибыл на КП Брянского фронта. Солнце уже выкатилось из-за горизонта, и его лучи дышали жаром. По всему чувствовалось, что день будет знойный. Генерал Голиков находился где-то в войсках под Воронежем, и Василевского встретил начальник штаба генерал Казаков.

— Приказ Генштаба о немедленной подготовке контрудара вами получен? — строго спросил Василевский.

— Получен, и войска усиленно готовятся, — подтвердил Казаков.

Выпив с дороги холодного квасу, которым угостил армейский повар, делавший его по своему рецепту, Василевский вместе с генералом Казаковым направился на КП командующего 5-й танковой армией генерала Лизюкова. Вместе с командармом и начальником штаба фронта он произвел рекогносцировку^[3] и уточнил задачу армии: одновременным ударом всех ее сил западнее Дона перехватить коммуникации танковой группы врага, прорвавшегося к Дону, и не дать ему переправиться через реку. С выходом в район Землянск — Хохол 5-я армия должна была помочь войскам левого фланга 40-й армии отойти на Воронеж через Горшечное и Старый Оскол.

Поздно вечером, едва Василевский прилег отдохнуть, как к ВЧ его вызвала Москва. Сталин спросил, подготовлен ли контрудар, и, получив утвердительный ответ, приказал:

— Завтра утром вам быть в Ставке! — И после недолгой паузы объяснил начальнику Генштаба, чем это вызвано: осложнилась обстановка на правом крыле Юго-Западного фронта. 6-я немецкая армия Паулюса вышла к Каменке и развивает удар в южном направлении.

— Что, создалась реальная угроза тылам Юго-Западного и Южного фронтов? — прервал верховного Василевский.

— Вот именно, и вы здесь очень нужны. — Голос у Сталина был громкий и твердый, хотя в нем улавливались тревожные ноты.

— Сейчас дам указания о порядке ввода 5-й танковой армии в сражение и вылетаю, — отрапортовал начальник Генштаба.

— На кого возложили ответственность за проведение операции? — поинтересовался Сталин.

— На командарма 5-й танковой и начальника штаба фронта генерала Казакова, так как комфронт генерал Голиков находится в войсках под Воронежем.

(Однако одновременного мощного танкового удара по флангу и тылу ударной группировки немцев достичь не удалось. Правда, 5-я танковая армия отвлекла на себя значительные силы врага, что позволило

войскам Брянского фронта выиграть несколько дней, чтобы организовать прочную оборону Воронежа. Сам генерал Лизюков находился в непрерывных боях и 24 июля героически погиб. — А.З.)

На фронте генерал Василевский работал без передышки: то был в штабе, то встречался с комдивами, то обсуждал оперативные вопросы с командованием армии. 5 июля он вернулся в Ставку и обо всем увиденном доложил Сталину. Тот, выслушав его, коротко изрек:

— Надо создать новый фронт, а на место Голикова назначить другого командующего.

— Кого? — насторожился начальник Генштаба.

— Я еще не решил. — Верховный прошел к столу и сел. — Обсудим этот вопрос в Ставке. Дайте знать Жукову, чтобы был здесь в четыре часа дня. Вам тоже быть...

Позже Ставка приняла решение образовать Воронежский фронт, командовать им назначили заместителя начальника Генштаба генерал-лейтенанта Н. Ф. Ватутина, а Брянский фронт возглавил генерал К. К. Рокоссовский, ранее командовавший 16-й армией.

— Вашего заместителя по Генштабу генерала Ватутина я знаю хорошо, — сказал Сталин Василевскому. — А вот генерала Рокоссовского пришлите ко мне на беседу.

«В Ставке я был тепло принят Верховным главнокомандующим, — вспоминал Рокоссовский. — Он в общих чертах ознакомил с положением на Воронежском направлении, а после этого сказал, что если у меня имеются на примете дельные работники, то он поможет мне их получить для укомплектования штаба и управлений Брянского фронта... Я назвал М. С. Малинина, В. И. Казакова, Г. Н. Орла и П. Я. Максименко. Сталин тут же отдал командующему Западным фронтом (генерал армии Г. К. Жуков. — А.З.) распоряжение откомандировать этих товарищей. Он пожелал мне успеха на новой должности, велел не задерживаться долго в Генеральном штабе, а быстрее отправляться на место, потому что обстановка под Воронежем сложилась весьма серьезная».

2

Органам разведки Генерального штаба, добывавшим сведения о противнике, стало известно, что за несколько дней до вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз Геринг утвердил документ с зашифрованным названием «Зеленая папка», в котором, в частности, говорилось: «Необходимо принять все меры к немедленному использованию оккупированных областей в интересах Германии. Получить для Германии как можно больше продовольствия и нефти — такова главная экономическая цель кампании». Вермахт стремился в первую очередь захватить нефтяные промыслы Кавказа и Закавказья. Вот почему, потерпев сокрушительное поражение под Москвой в декабре 1941 года, Гитлер бросил максимум войск к Волге и на Кавказ, чтобы завладеть нефтепромыслами Грозного, а затем и Баку. В июле 1942 года гитлеровские армии вышли к нижнему Дону. Сталин, как никто другой, был этим встревожен.

Поздно вечером он позвонил в Наркомат нефтяной промышленности, уполномоченному Государственного комитета обороны заместителю наркома Н. К. Байбакову. Ему ответил дежурный наркомата.

— Сталин говорит, — глухо выдохнул в трубку «кремлевки» вождь. — Байбаков улетел в Краснодар? Нет? А где он? У товарища Микояна на совещании, а когда вернется к себе? Минут через десять? Срочно пошлите его ко мне! — распорядился Сталин.

Уполномоченный ГКО по обеспечению фронтов горючим Байбаков прибыл, едва вождь выпил чаю. Он был молод, энергичен, казалось, в его сильных руках все горело, и это импонировало Сталину.

— Когда вы летите в Краснодар? — спросил Он. — Немцы уже захватили Ростов, а оттуда до столицы Кубани рукой подать. Как бы вам, товарищ Байбаков, не опоздать... там ведь не одна и не две скважины, успеете все их взорвать?

— Мы это сделаем быстро и четко, — заверил верховного Байбаков. — Хотя такая работа весьма опасна, а тут еще на пятки наступает враг.

— На Сталинградском фронте бойцам и командирам не легче, — хмуро бросил Сталин.

Он подошел к Байбакову ближе, посмотрел на него тяжелым взглядом, его лицо осунулось, сделалось серым, как базальт.

«Ему сейчас, наверное, очень трудно, — мелькнуло у Николая Константиновича. — На южном направлении Красная армия тоже отступает, войска несут большие потери...»

Какое-то время Сталин молчал. Потом, глядя на Байбакова, заговорил неторопливо, жестко, словно отдавал приказ. Каждое его слово запомнилось Байбакову на всю жизнь.

«Товарищ Байбаков, Гитлер рвется на Кавказ, — вспоминал он впоследствии. — Он объявил, что если не захватит нефть Кавказа, то проиграет войну. Нужно сделать все, чтобы ни одна капля нефти не досталась немцам. Имейте в виду, если это случится, то будет очень плохо для нас. Поэтому я вас предупреждаю: если вы оставите хоть одну тонну нефти, мы вас расстреляем. Но если вы уничтожите промыслы, а немец не придет и мы останемся без горючего, мы вас тоже расстреляем.

Набравшись смелости, я просил:

— Товарищ Сталин, а какая альтернатива?

— Вы, молодой человек... У вас есть? — Сталин при этом показал пальцем на висок. — Летите туда с Буденным и решайте эти вопросы на месте». (Маршал С. М. Буденный в то время командовал Северо-

Кавказским фронтом. — А.З.)

Байбаков, естественно, не без тревоги за себя и своих людей воспринял сердцем требование вождя, хотя ничуть не сомневался в том, что успешно доберется до Краснодара и сделает все так, как потребовал Сталин. Знал он и о том, что, случись неладное, и на него обрушится гнев вождя.

В Армавире находился штаб Северо-Кавказского фронта, и, когда немцы стали приближаться к Краснодару, настало время взрывать нефтепромыслы. Но на это должен был отдать приказ штаб фронта. Байбаков на самолете У-2 отправился в Армавир к маршалу Буденному. Пролетая над Армавиром, он увидел на аэродроме немецкие танкетки, а летчик в это время шел на посадку.

— Что ты делаешь? — закричал Байбаков, не слыша своего голоса от рева мотора. — Поднимайся! Немцы!..

— Нет! — Пилот обернулся, покачал головой. — Это наши!

Но Байбаков прекрасно видел в бинокль белые кресты на боковинах танкеток. Он выхватил наган и приставил его к затылку летчика.

— Ах, мать честная! — закричал Байбаков во весь голос. — Если сядешь — застрелю!

Пилот струсил и, набрав высоту, взял курс на Краснодар.

— Что же ты делал, сукин сын? — спросил летчика Байбаков, едва самолет приземлился на аэродроме.

— Моя жена и дочь в Армавире, — признался летчик.

Его хотели тут же расстрелять, но вмешался заместитель наркома Байбаков, и пилота отправили на фронт, в штрафной батальон.

Добавим, что на промыслах Краснодарского края специалисты-нефтяники разработали такую технологию ликвидации нефтяных скважин, которая полностью себя оправдала. Почти полгода немецкой оккупации Кубани гитлеровцы не смогли восстановить ни одной скважины! Когда заместитель Председателя СНК СССР Анастас Микоян сообщил об этом Сталину сразу после изгнания немецко-фашистских захватчиков с Северного Кавказа весной 1943 года, верховный усмехнулся.

— А кто инструктировал товарища Байбакова? — спросил он.

— Ты, Иосиф, — улыбнулся Микоян. — Правда, и я приложил руку к этому. Самую малость...

Немцы как ошалелые рвались к Сталинграду. 17 июля они атаковали передовые позиции войск 62-й и 64-й армий. Всю неделю шли ожесточенные бои на рубеже рек Чир и Цимла, но задержать продвижение вражеских войск не удалось. Теперь нашему командованию стал до мелочей ясен замысел врага. Для захвата Сталинграда вермахт создал две ударные группировки из состава 6-й армии генерала танковых войск Паулюса: Северную из 14-го танкового и 8-го армейского корпусов, чье наступление велось из района Головский вдоль правого берега Дона в направлении на Верхне-Бузиновку и Мало-Набатовский с целью взятия города Калач; Южную, в которую вошли 51-й армейский и 24-й танковый корпуса. Двигаясь из района Обливской и Верхне-Алексеевской, немцы наметили смять нашу оборону южнее Суровикина и через Старо-Максимовскую выйти к Калачу с юга. К наступлению на Сталинград немцы подготовили и третью группировку — две пехотные дивизии, одну танковую из 4-й танковой армии и четыре румынские пехотные дивизии. У них была задача форсировать Дон и, захватив небольшой плацдарм, ринуться на город с юга и запада вдоль железной дороги Котельниково — Сталинград...

Глядя на оперативную карту, заместителю командующего войсками 64-й армии генералу Чуйкову было о чем поразмыслить. Невольно он подумал, что если после временного затишья немцы вновь начнут

атаку и нанесут удар по позициям двух армий — 62-й и 64-й, бойцам и командирам придется туго. Кольнула мысль: у врага втрое больше сил и наши войска вряд ли устоят.

«Надо бы переговорить с генералом Колпакчи, что он мозгует на этот счет», — решил Чуйков. Штаб 62-й армии находился на левом берегу Дона, в хуторе Камыши, и связь с ним была устойчивой. На другом конце провода Чуйкову ответил дивизионный комиссар Гуров.

— Кузьма Акимович, говорит замкомандарма 64-й. Где там твой шеф?

— Рядом, Василий Иванович, передаю ему трубку.

— Привет, сосед! — звонко отозвался Колпакчи. — Что тебя волнует?

— Ты, наверное, готов снова принять бой, а вот я колдую, — весело ответил Чуйков. — Понимаешь, оборону мы с тобой готовили второпях, и я боюсь, как бы мои ребята не подкачали. Что скажешь, коллега?

— А ты полагаешь, что я тут песни пою? — услышался задорный смех командарма в телефонной трубке. — Не знаю, за что хвататься. Только что вернулся с передовой. Бойцы и командиры настроены сражаться решительно и дерзко. Но ты же понимаешь, что этого для полного успеха недостаточно. У нас с тобой, Василий Иванович, крайне мало танков — вот в чем беда. На вражеский танк с автоматом или винтовкой не пойдешь. Толка никакого, разве что кровь свою выпустишь. А поразить фрица бутылкой с горючкой, чтобы факелом вспыхнул танк, не каждый боец сможет. А задача у нас с тобой, Чуйков, одна: не дать врагу форсировать реку, чтобы он кратчайшим путем не ворвался в Сталинград! Кстати, где твой командарм? Мне надо с ним кое-что обговорить.

— Генерал Гордов по вызову Ставки улетел в Москву, а когда вернется, не знаю, Владимир Яковлевич. Потому-то и собрался съездить к вам на переговоры. Мы же соседи, наши боевые позиции рядом.

— Приезжай, Василий Иванович, — радостно отозвалась трубка.

Чуйков, однако, убыть в штаб 62-й армии не успел — из Москвы вернулся генерал Гордов. Он торопко вошел в штаб, бросил на край стола свою фуражку, налил из бачка кружку холодной воды и залпом выпил. Отдышался легко и весело, вскинул глаза на Чуйкова:

— Можешь меня поздравить, Василий Иванович! — Широкоскулое лицо Гордова расплылось в улыбке. — Ставка назначила меня командующим Сталинградским фронтом, — натужно выдохнул он и тяжело оперся на спинку стула. — Понимаешь, волнуюсь я... Теперь под моим началом будет не одна армия, а несколько. Может, и голова кругом пойти.

— А можно и потерять голову, — поддакнул Чуйков. — Тут палка о двух концах. До вас фронтом лишь две недели командовал маршал Тимошенко — вот и получается, что голову потерял, за что, видно, Ставка его освободила.

Гордов усмехнулся.

— Мне неведомо, почему Семена Константиновича заменили мною, — промолвил комфронт. — Я об этом не спрашивал. А вот о том, что все свои силы отдам фронту, товарища Сталина я заверил, когда он со мной беседовал. Тут уж, сам понимаешь, не ударить бы в грязь лицом! Ты-то мне, Василий Иванович, будешь помогать? У тебя опыта боевого дай бог, тебя фронтовая жизнь не ломает... — Гордов какое-то время помолчал, словно о чем-то размышлял. — А если говорить о маршале Тимошенко, то, видимо, верховный не простил ему поражение под Харьковом...

Уезжал в штаб фронта Гордов утром, когда над степью сияло темно-голубое небо без единой тучки, а солнце уже припекало живительными лучами. Перед тем как сесть в «газик», он простился с работниками штаба армии. Сдав дела Чуйкову, тепло пожал ему руку.

— Хочу видеть тебя героем на фронте! — весело произнес Гордов, закуривая. — Наши пути-дороги, Василий Иванович, еще не раз пересекутся!

— Дай-то бог, — холодно отозвался Чуйков. — Скажите, а кто теперь возглавит 64-ю армию?

— Я не в курсе, Василий Иванович, это решат в Генштабе. — Гордов загасил папиросу. — Наверное, тебя и назначат. Ты хорошо знаешь войска, и люди тебя понимают. Так что не переживайте, коллега, ваша кандидатура вполне приемлема! — уже официально закончил он.

— А что мне переживать? — В груди у Чуйкова потяжелело, он посуровел лицом. — У меня, как вы, должно быть, убедились, нет карьеристских замашек. В своих помыслах я прям, как та береза...

— Скромность — это хорошо, — парировал Гордов. — Но росту крыльев она помеха... Мне всегда хочется иметь больше, чем то, что дают.

— Мне легче дышится, когда я обхожусь тем, что имею, — не смолчал Чуйков.

Генерал Гордов, приняв дела фронта, с головой окунулся в работу. Еще некоторое время назад он и не предполагал, что немцы начнут широкомасштабное наступление, дерзко и большими силами атакуют нашу оборону, и теперь мучительно размышлял над оперативной картой, где и какие позиции надо укрепить. Наконец он резко вскинулся и посмотрел на сидевшего рядом начальника штаба генерала Никишева.

— Скажу тебе, коллега, менястораживает замысел немцев, — обронил он угрюмо и, как показалось начальнику штаба, с опаской. — Они хотят отвлекающими ударами по флангам наших войск в большой излучине Дона окружить их, выйти в район Калача и с ходу прорваться в Сталинград. Вот, взгляни на карту.

— Хитер замысел, ничего не скажешь, — выпрямился генерал Никишев, шаря по карте своим острым взглядом. — За кого они нас принимают?

— За слабаков, разумеется, — горько вздохнул Гордов. — Ты же слышал, что говорил пленный немецкий офицер, когда я допрашивал его? «У нас, — сказал он, — приказ фюрера взять город, а если вы станете сопротивляться, сотрем с лица земли!» Потому и прут напролом, не считаясь с большими потерями. Понимаешь, душа у меня не на месте: как бы они не сломали нашу оборону.

В Ставке внимательно следили за сражением на Сталинградском фронте. Пожалуй, больше других волновался начальник Генштаба Василевский, недавно назначенный на эту должность. Сейчас он с грустным выражением лица доложил верховному, что две наших армии — 62-я и 64-я остро нуждаются в подкреплениях: у немцев большое превосходство в танках и самолетах.

— Надо им что-то дать, товарищ Сталин, — осторожно предложил начальник Генштаба, вытянувшись в струнку перед ним.

Верховный какое-то время молча постоял у карты, потом полистал свой блокнот.

— Прикажите Сталинградскому фронту срочно сформировать 1-ю и 4-ю танковые армии, — жестко сказал он, двигая бровями. — Назначьте командовать ими опытных генералов. У вас есть кто-нибудь на примете?

Передохнув, Василевский заявил, что такие люди есть. 1-ю танковую армию может возглавить Кирилл Семенович Москаленко, его войска стойко сражались в сорок первом под Москвой. А 4-ю возьмет под свое крыло Василий Дмитриевич Крюченкин, командарм 28-й.

У Сталина отчего-то задергалась правая щека, и начальник Генштаба затаил дыхание: а вдруг он не одобрит его предложение?

— Не возражаю, — наконец изрек верховный. В его голосе слышалось раздражение. — Лично переговорите с генералами, потребуйте, чтобы они оперативно подготовили свои войска к боям.

— Естественно, товарищ Сталин. — Василевский весь подтянулся. — Сделаю это незамедлительно, — отрапортовал он.

Верховный прошелся по кабинету, закурил трубку и теперь задумчиво выпускал колечки горьковатого дыма. У карты он постоял, потом вскинул глаза на Василевского и жестко спросил:

— Генштабу известно что-либо о совещании Гитлера в штаб-квартире Южной группировки войск в Полтаве?

— Известно немного. — Василевский раскрыл свою рабочую папку. — Гитлер прилетел в Полтаву в сопровождении начальника штаба Верховного главнокомандования вермахта генерал-фельдмаршала Кейтеля. В совещании приняли участие многие генералы, в их числе и генерал танковых войск Паулюс, чья армия сейчас ведет бои на подступах к Сталинграду. Обсуждался план летнего наступления гитлеровцев. А вот подробности нам пока неизвестны, — признал начальник Генштаба.

— Жаль, — недовольно произнес Сталин. — Плохо работает наша разведка, а вы, товарищ Василевский, смотрите на это сквозь пальцы.

— Виноват, товарищ Сталин... — Начальник Генштаба хотел добавить еще, что разведке будет уделять больше внимания, но верховный заговорил раньше:

— Когда решите вопрос формирования танковых армий, я жду вас у себя вместе с начальником разведки. Послушаем, чем он объяснит ее промахи...

Всю ночь Сталин не спал. Сон никак не шел, и вызвано это было тем, что на Сталинградском направлении создалась опасная обстановка. Идут упорные бои, наши войска отступают.

«А у нас нет крупных стратегических резервов, чтобы укрепить Сталинградский фронт», — огорчился в душе Сталин. Он выкурил трубку, раз-другой прошелся по кабинету, потом нажал на кнопку звонка, и тотчас к нему вошел генерал Поскребышев.

— Соедините меня по ВЧ с командующим Дальневосточным фронтом генералом армии Апанасенко, — сказал Сталин.

Когда Поскребышев вышел, верховный прошел в комнату отдыха, налил себе стакан чаю и, сев в кресло, стал неторопливо пить. «Теперь я вообще не усну, — подумал он. — Оно и лучше, так как дел с утра невпроворот».

Вошел Поскребышев и с порога доложил:

— Генерал армии Апанасенко на проводе, товарищ Сталин!

Верховный снял трубку с аппарата.

— Доброе утро, Иосиф Родионович! — громко произнес он в телефонную трубку. — Какая у вас обстановка на границе с Японией? Спокойная?.. Отдельные нарушения я в счет не беру. Скажите, вы давно там были? Только вчера вернулись с границы? На японской стороне изменений нет?.. Вот что, Иосиф Родионович: мы решили взять у вас для резерва Ставки десять — двенадцать дивизий. Как вы на это смотрите?.. Да, у нас на Сталинградском фронте сложилась тяжелая ситуация, и нам крайне нужны новые войска. Что скажете? Можно безбоязненно брать войска?.. Меня радует ваш оптимизм, Иосиф Родионович. Как вы, уже привыкли к Дальневосточному климату? Там ведь не так жарко, как в Среднеазиатском военном округе, где вы недавно служили? Сколько вы там были, три года?.. Что, не понял? Ясно, вы хотите уйти на фронт. Мы подумаем о вашей просьбе. — Сталин передохнул. — Как

получите директиву Генштаба, сразу же готовьте войска к отправке. Но делайте это скрытно от японских глаз. Ясно, да? Желаю вам всего хорошего! Да-да, о вашей просьбе я не забуду. Видимо, удовлетворим ваше желание, но немного позже. До свидания!..

Утром, прочитав сводку о боевых действиях на Сталинградском фронте, Сталин глубоко вздохнул. Гитлеровские войска наращивают удары, они все ближе подходят к городу. Удастся ли их остановить? Подумал: «Надо скорее брать войска с Дальневосточного фронта». Сняв трубку с «кремлевки», он позвонил Молотову:

— Вячеслав, ты мне нужен. Надо решить важный вопрос.

Молотов ответил, что сейчас подъедет. Тогда Сталин позвонил Берии:

— Лаврентий, срочно ко мне!

Оба прибыли незамедлительно.

Молотов заметил, что лицо у вождя осунулось, в глазах усталость. Усаживаясь за стол, он усмехнулся.

— Я вижу, ты, Иосиф, опять ночью не сомкнул глаз, — сказал он.

— Что-то на сон меня не тянуло, — тоже усмехнулся Сталин и заговорил о другом: — Нам необходимо обсудить вопрос, можно ли сейчас взять с Дальневосточного фронта десять — двенадцать дивизий для укрепления Сталинградского фронта. Вячеслав, как ведут себя японцы, не собираются ли они начать против нас боевые действия? — Молотова верховный ценил как дипломата, и его мнение для него было важным.

— Я более чем уверен, Иосиф, что японцы не начнут против нас войну: они завязли в Юго-Восточной Азии, — пояснил Вячеслав Михайлович.

Сталин перевел взгляд на Берия:

— Что скажешь, Лаврентий?

Берия заявил, что наши агенты в Европе и в самой Японии сообщают об отсутствии данных, подтверждающих то, что Япония собирается напасть на Советский Союз.

— Думаю, нужно снять часть войск с Дальнего Востока и направить их под Сталинград, как это было под Москвой, — добавил он.

— А как на это отреагировал генерал армии Апанасенко? Ты, Иосиф, говорил с ним по телефону? — поинтересовался Молотов.

Сталин разжал плотно стиснутые губы:

— Ночью я говорил с ним по ВЧ. Он доложил, что на границе с Японией все тихо-мирно, передвижения войск к нашей границе не наблюдается. Так что придется нам рискнуть. Кстати, он высказал желание убить на фронт, я ответил ему, что, возможно, мы исполним его просьбу, но не теперь, а позже.

Сталин позвонил в Генштаб Василевскому и приказал снять 10–12 дивизий с Дальневосточного фронта.

— Надо скрытно переправить их не позже 11 июля, — предупредил он, — так что готовьте директиву командующему Дальневосточным фронтом генералу армии Апанасенко.

— Слушаюсь, товарищ Сталин, — ответил Василевский.

Документ он подготовил быстро, прочел его верховному по телефону, тот одобрил. В резерв Ставки уже через неделю пошли эшелоны с войсками.

Между тем бои под Сталинградом еще более ожесточились. Во второй половине июля крупные силы

танков и мотопехоты противника глубоко вклинились в нашу оборону на правом фланге 62-й армии. Как свидетельствует генерал армии Штеменко, в то время работник Оперативного управления Генштаба, Ставка верховного главнокомандования тщательно рассмотрела обстановку на южном фланге советско-германского фронта. Сталинградское направление было признано особо опасным.

— Судя по всему, генерал Гордов действует не сжатым кулаком, а растопыренными пальцами, — заявил верховный, когда заслушали краткий доклад начальника Генштаба. — Я немедленно переговорю с ним. То ли он растерялся на новом посту, то ли ему не хватает умения руководить фронтом. — Сталин окинул цепким взглядом сидевших в его кабинете военачальников и добавил: — Товарища Гордова мы назначили недавно, возможно, он еще глубоко не вник в оперативную работу, надо ему помочь...

— Кажется, быть буре, — негромко проговорил Василевский, направляясь в свой кабинет вместе с генералом Штеменко.

— Наверное, Василию Николаевичу достанется на орехи, — посочувствовал Штеменко. — Прав верховный, слабо бьет фрицев Гордов.

— А как ему бить гитлеровцев, если их танки гуляют по нашим боевым позициям, а своих танков у Гордова с гулькин нос? — возразил Василевский.

Верховный пока не вызывал командующего фронтом на связь. «Видимо, он занят чем-то другим», — подумал Василевский. Но он ошибся. Поздно вечером Сталин связался по телеграфу с командованием Сталинградского фронта. Комфронт Гордов доложил ему, что из 150 немецких танков, участвовавших в недавнем бою, бойцами уничтожено 35, остальные повернули обратно. Но тишина над степью стояла недолго — враг снова бросил в бой танки.

«У меня нет никаких сомнений в том, что фашисты рвутся к Сталинграду, — читал Сталин телеграфную ленту. — Сейчас ведем бой на переправах у Цимлянкой. Ударить бы по врагу с воздуха, но в небе господствуют «юнкерсы» и «мессершмиты».

«Тоже мне полководец! — выругался в душе верховный. — Надо уметь громить врага теми силами, коими располагаешь, а не надеяться на дядю». Он тут же телеграфировал командующему фронтом: «Главное теперь, товарищ Гордов, не переправы у Цимлянкой, а правый фланг фронта. Противник выброской своих частей в район Цимлы отвлек ваше внимание на юг, и в это самое время он подводил потихоньку главные силы к правому флангу фронта. Эта военная хитрость противнику удалась благодаря отсутствию у вас надежной разведки. Это дело надо учесть, и нужно всемерно усилить правый фланг фронта».

Верховный потребовал сосредоточить на правом фланге девять десятых всей авиации. «На диверсии и фокусы противника в районе Цимлы не обращать внимания и всю силу удара перенести, повторяю, на правый фланг фронта», — приказал он и сообщил о силах и средствах, которые Ставка направляет в распоряжение фронта, об утверждении плана формирования 1-й и 4-й танковых армий.

«Имейте в виду, — предупредил Сталин генерала Гордова, — если противник прорвет правый фланг и подойдет к Дону в районе Гумрака или севернее, то он отрежет ваши железнодорожные сообщения с севером. Поэтому правый фланг вашего фронта считаю теперь решающим».

Однако этим Сталин не ограничился. Он поставил фронту еще одну важную задачу, которая позже сыграла немаловажную роль в битве под Сталинградом. «Требую, чтобы оборонительный рубеж западнее Дона от Клетской через Рожковскую до Нижней Калиновки был сохранен в ваших руках бесспорно, — телеграфировал Гордову Сталин. — Противника, вклинившегося в этот рубеж в районе действия гвардейской дивизии (имеется в виду 33-я гвардейская стрелковая дивизия. — А.З.) уничтожить во что бы то ни стало. У вас есть для этого силы, и вы должны это сделать. Категорически воспрещаю отход от

указанного оборонительного рубежа...»

Верховный все же не был уверен, что генерал Гордов в точности выполнит его указания, и потому тревога за опасную ситуацию, сложившуюся на Сталинградском фронте, не покинула его. «Надо послать к Гордову Жукова, — подумал он. — Пусть разберется в обстановке на месте, а то как бы не случилась трагедия подобно харьковской». Поражение наших войск под Харьковом все еще острой занозой сидело в сердце вождя. Он был зол на маршала Тимошенко, который, готовя войска к наступлению, не все взвесил, не все рассчитал и поплатился за это. В душе он корил себя за то, что не послушал генерала Василевского, смело заявившего ему: «Надо прекратить наступление войск Юго-Западного фронта, повернуть основные силы Барвенковской группировки против краматорской группы противника, иначе маршал Тимошенко потерпит поражение!»

«Мне бы поддержать Василевского, а я поверил заверениям командования фронта, — упрекнул себя в душе верховный. — И маршал Тимошенко, и член Военного совета Никита Хрущев убеждали меня в успехе: мол, нет оснований прекращать операцию. А на деле поражение!» Он снял трубку «кремлевки» и позвонил начальнику Генштаба. Ответил ему дежурный.

— Где товарищ Василевский? — резко спросил Сталин.

— Тут, рядом, работает над оперативной картой.

— Пошлите его ко мне, — распорядился вождь.

Потом он позвонил в штаб Западного фронта генералу армии Жукову. Того на месте не оказалось.

— Комфронт уехал в войска, — ответил дежурный. — Прикажете вызвать его к проводу ВЧ?

— Не надо, позже я сам ему позвоню.

— Разрешите, товарищ Сталин? — В дверях стоял генерал Василевский.

— Заходите, вы мне очень нужны, — грустно, с едва заметной хрипотой в голосе сказал верховный. — Напомните мне, пожалуйста, имена немецких генералов, чьи войска нанесли поражение Юго-Западному фронту под Харьковом. Эта трагедия до сих пор бередит мне душу.

Василевский происшедшее знал в деталях. На рассвете 17 мая 1-я танковая армия генерала фон Клейста атаковала южный фланг Барвенковского выступа, опрокинула нашу оборону и продвинулась вперед на 13–15 километров. А с севера войска Юго-Западного фронта потеснила армия генерала Паулюса.

— По сути, товарищ Сталин, его войска и завершили окружение наших двух армий — 6-й и 57-й, — подытожил начальник Генштаба.

— Генерал Паулюс... — раздумчиво произнес Сталин. — Теперь этот гитлеровский выкормыш рвется к Сталинграду. Его войска уже подошли к Дону...

— Кстати, — вновь заговорил Василевский, — по данным нашей разведки, именно Паулюс разработал и представил фельдмаршалу фон Боку план этой операции под кодовым названием «Фридрих», который и предусматривал ликвидацию Барвенковского выступа. Жаль, что маршал Тимошенко все это недооценил.

Сталин чему-то усмехнулся, поднял глаза на Василевского.

— Паулюса зовут Фридрихом, не так ли?

— Так точно! — подтвердил Александр Михайлович. — Операцию он и назвал своим именем. — Сделав паузу, начальник Генштаба добавил: — Генерал Паулюс умен, товарищ Сталин, и талантлив как военачальник, и нам не следует этим пренебрегать.

Верховный резко сдвинул брови:

— Потому-то я и вызвал вас. — Он придвинул к себе стул и сел. — Сейчас меня волнует генерал Гордов: что-то Сталинградский фронт в его руках пасует. — Он посмотрел на начальника Генштаба исподлобья. — Немцы продолжают нажим на 62-ю армию, они близки к тому, чтобы сломать всю нашу оборону и захватить Сталинград. Я переговорил с Гордовым, отдал ему некоторые распоряжения, но и после этого ситуация на его фронте не улучшилась. Как бы враг не устроил нам второй Харьков. Я хочу послать туда Жукова.

— Не лучше ли мне съездить? — предложил начальник Генштаба. — Василия Николаевича Гордова я знаю давно, знаю и войска, которые находятся под его началом. А у Жукова на Западном фронте сейчас своих дел прибавилось. Опасность для Москвы, как вы знаете, совсем еще не снята.

«Он прав! — мелькнуло в голове верховного. — Жукова под Сталинград pošлю позже».

— Согласен с вашим предложением, — повеселел Сталин. Он поднялся из-за стола, подошел к карте. — Давайте уточним, что вам в первую очередь надлежит там сделать...

Улетел на своем «Дугласе» Василевский на рассвете, а прибыл под Сталинград часа через два. На машине он отправился в деревню Камыши, на левый берег Дона, где находился штаб Сталинградского фронта. Добрался туда быстро. День выдался тихий, безветренный, вовсю пекло солнце. Его встретил генерал Гордов и отдал рапорт.

— Доброе утро, Василий Николаевич! — Василевский тепло пожал ему руку. — Тяжко вам тут, да?

— Мы все запарились, фашист напирает, и днем и ночью идут бои, — засуетился Гордов. Его худощавое лицо было в пыли, даже на бровях и ресницах лежал сероватый налет. — Я только что вернулся с боевой позиции. Как раз «юнкерсы» бомбили передовую. Рядом рванула бомба, и всех, кто шел со мной, накрыло землей. Собрался переодеться, но дежурный по штабу доложил, что едет представитель Ставки. Так что прошу извинить за мой неприглядный вид.

— Ничего-ничего, дружище, мы с вами не на балу, а на фронте, — улыбнулся Александр Михайлову. — Как там, на передовой? Пришлось войскам снова отступить? — Он смотрел на генерала пристально, и в его взгляде Гордов прочел упрек.

— Пришлось... — В груди у Гордова потяжелело. — Товарищ Сталин вызвал меня на связь и крепко отчитал, потребовал немедленно поправить положение на фронте.

— А ты, Василий Николаевич, поправил? — Василевский сидел за столом напротив Гордова и увидел, как его лицо вмиг покрылось белыми пятнами, а искорки в глазах погасли.

— Не смог, товарищ генерал-полковник, — выдохнул он.

— Плохо! — резко произнес Василевский, поднявшись с места. — Ты кто, Гордов? — сурово спросил он и сам же ответил: — Ты командующий фронтом, у тебя в подчинении не батальон бойцов и даже не полк, а несколько армий! Ты должен руководить в сражении ими так, чтобы они нещадно били врага, а не пятились назад, как крабы в море. Пока же не ты громишь немца, а он тебя.

Эти слова задели Гордова, укололи так, что дыхание захватило. Он вскочил из-за стола, подошел к окну и стал глядеть в поле, о чем-то размышляя. Кажется, его вспышка угасла, он вернулся к столу и сел, крякнув.

Василевский молча наблюдал за ним.

— Да, вы правы, товарищ начальник Генштаба, — глухо заговорил Гордов. — Мы потеряли часть наших боевых позиций, и мне больно до слез. Но свою честь мы не потеряли, будем сражаться до последнего дыхания, и врагу Сталинграда не взять!..

— У нас очень мало времени на раздумья, — прервал Гордова Василевский. — Приказ верховного — задержать продвижение гитлеровцев, поэтому нужно действовать. — Он придвинул к себе оперативную карту. — Что мы имеем? — Он вскинул глаза на комфронта. — Противник стремится окружить 62-ю армию, захватить переправы через Дон в районе Калача. Как сорвать его замысел?

— Нанести по нему контрудар! — воскликнул Гордов.

— Правильно мыслишь, Василий Николаевич! — улыбнулся начальник Генштаба.

— Да, но какими силами? — напряженно спросил Гордов. — У меня таких сил нет. Верховный отругал меня, потребовал отбросить врага с занятых позиций, но не дал мне из резерва ни одного танка, не говоря уже о стрелковых частях.

Василевский невозмутимо выслушал его, чуть склонившись над картой.

— Не паникуй, — осадил он Гордова. — У нас есть выход — ударить по врагу силами 1-й и 4-й танковых армий.

— Они же не завершили свое формирование! — возразил Гордов.

— Не беда, — усмехнулся начальник Генштаба. — Используем наличные силы этих двух армий, иначе мы потеряем переправы и немцы зайдут в тыл 62-й и 64-й армиям. Что, станешь возражать, комфронт?

У Гордова краской полыхнуло лицо.

— Никак нет, ваша идея легла мне на душу...

— Тогда не будем терять время. — Василевский свернул свою рабочую карту...

После того как начальник Генштаба организовал контрудары по противнику танками генералов Москаленко и Крюченкина, он, бодрый, вернулся в Москву и прямо с аэродрома прибыл в Ставку, чтобы проинформировать верховного о проведенной операции.

Опасность прорыва врага к Волге, объяснил он, вынудила его принять неординарное решение — бросить в бой танки еще не сформировавшихся 1-й и 4-й танковых армий.

— Правда, генерал Гордов поначалу возражал, но я убедил его в необходимости этого, ибо других сил не было, а тут дорог каждый час, и, если немцы форсирует Дон и закрепятся на новом рубеже, потом их столкнуть обратно будет нелегко...

Выслушав начальника Генштаба, Сталин, попыхивая трубкой, в раздумье заметил:

— Генералу Гордову не хватает решительности. Кстати, с генералом Колпакчи встречались?

— Слабак он как командарм, товарищ Стадия, — высказал Василевский свое мнение. — Не в меру вспыльчивый. Нужно терпеливо учить комдивов, а он их понукает. Я серьезно поговорил с ним. Полагаю, что выводы для себя он сделает.

— Заменить бы его более опытным генералом, — обронил Сталин. (Вскоре 62-ю армию Колпакчи принял генерал А. И. Лопатин. —А.З.)

Из Ставки Василевский возвратился в Генштаб повеселевшим. Хотел было позвонить жене, сказать, что из поездки на фронт вернулся, будет дома вечером, если «ничего такого не случится».

И надо же, «такое» случилось. Контрудар, который по его инициативе был нанесен по немцам силами 1-й и 4-й танковых армий, противник локализовал. Это произошло в ночь после отлета Василевского в Ставку. «Вот дьявол, куда же смотрел комфронт Гордов! — выругался в душе начальник Генштаба. — Нужно немедленно поставить в известность верховного». Он тотчас сел в машину и помчался в Кремль, даже предварительно туда не позвонив, что редко с ним происходило.

Запыхавшийся, он вошел в приемную вождя.

— Хозяин у себя? — спросил Поскребышева.

— У него находится товарищ Берия, — развел руками помощник Сталина. — Придется подождать, когда верховный освободится.

— У меня срочное дело.

Василевский плечом толкнул дверь и вошел в кабинет. Поскребышев стоял в растерянности.

3

Сталин сидел за столом и, чуть согнувшись, что-то писал, а Берия молча расположился напротив. На стук двери вождь обернулся и увидел начальника Генштаба.

— Что случилось? — спросил он, глядя на Василевского холодно и с огорчением, но это не смутило начальника Генштаба.

— Удар наших танков под Сталинградом враг локализовал, и это весьма опасно! — выпалил на одном дыхании Василевский.

— А что же генерал Гордов? — Верховный встал из-за стола, подошел к карте и с минуту что-то разглядывал на ней. Потом обернулся: — Вот что, товарищ Василевский: немедленно свяжитесь с Гордовым и передайте ему строгое предупреждение. Укажите, что действия командования Сталинградского фронта вызывают у Ставки возмущение. Ставка требует, чтобы в ближайшие дни сталинградский рубеж — оборонительная линия от Клетской до Калмыков была безусловно восстановлена и противник был отброшен за линию реки Чир. Поняли, да?

— Так точно, товарищ Сталин, — разжал губы Василевский.

— Добавьте еще, что, если Военный совет фронта неспособен на это дело, пусть заявит об этом прямо и честно. — Сталин медленно прошелся вдоль стола, хотел что-то сказать Берии, но раздумал и снова подошел к начальнику Генштаба. — Пожалуй, все. Под директивой поставьте две подписи — мою и свою. Срочно отправляйте по «бодо»[\[4\]](#).

— Слушаюсь! — по-уставному произнес Василевский.

Он взял свою папку со стола и поспешил в аппаратную Генштаба. По пути туда подумал, почему Берия не обронил ни слова.

Но Берия заговорил, когда начальник Генштаба ушел.

— Иосиф, чего ты возишься с этим Гордовым? — насмешливо спросил он. — Надо убрать его с фронта — и баста. Будь моя власть, я бы давно это сделал.

— А кого поставить, не тебя ли, Лаврентий? — усмехнулся в усы Сталин. — Командовать фронтом — это тебе не заключенных допрашивать.

Видимо, Берия обиделся, потому что возразил горячо и твердо:

— Выбивать из заключенных признание — это своего рода искусство, зря ты это не ценишь, Иосиф.

Его слова вывели Сталина из себя.

— О каком еще искусстве ты говоришь? Обладай ты им, не пострадали бы невинные люди. Сколько их загублено перед войной тобой и твоими подельниками? Не считал? А мог бы посчитать.

Берия снял очки и стал протирать их платком.

— Я не Бог, Иосиф, ошибки у меня были, не стану отрицать, — признал он. — Но не зря в народе говорят: «Лес рубят — щепки летят». И потом, все, что я делал, кого сажал на Лубянке, ты одобрял, даже награждал меня...

В темно-серых глазах вождя что-то дрогнуло.

— Я доверил тебе, а ты подвел меня! — раздраженно произнес Сталин. — Что, может, назвать некоторые имена? Пожалуйста! Генерал Рокоссовский. Ты обвинил его в предательстве, предлагал сурово

покарать, а он крепко бил фашистов под Москвой, его 16-я армия стояла насмерть. В бою он был тяжело ранен. Осколок прошел между ребрами, пробил легкое... Выписался из госпиталя и снова возглавил армию. А сейчас командует Брянским фронтом, сменив на этом посту генерала Голикова. Что, разве Рокоссовский не герой? — Сталин смотрел на Берия в упор.

— Получается, что герой, — покраснел тот.

— А возьми Кирилла Мерецкова, — продолжал вождь. — Мы посадили его на второй день войны, и ты выколачивал из него нужные тебе признания: якобы он продался фашистам, когда сражался в Испании. Три месяца Мерецков сидел на Лубянке, а ты все собирал на него компромат. Пришлось мне вмешаться в это дело. А сейчас Кирилл Афанасьевич возглавляет Волховский фронт.

— Были у меня ошибки, — повторил Берия. — Но сейчас их нет...

— Ладно, Лаврентий, иди к себе, а с командующими фронтами я как-нибудь сам разберусь.

Однако Берия остался стоять, что удивило Сталина.

— Что тебе? — взглянул он исподлобья на Лаврентия Павловича.

— Я хочу съездить в Сталинград, посмотреть, как там действуют наши чекисты, что делается ими для обороны города...

— Кто там у нас главный по линии НКВД, не Воронин ли? — спросил вождь. — Переговори с ним по ВЧ, а ехать туда пока не надо, ты мне здесь нужен.

«Нашумел-нашумел, а без меня обойтись не может», — усмехнулся в душе Берия. А вслух уже весело произнес:

— Понял, Иосиф. — Он взял со стола свои бумаги. — Я скажу Воронину, чтобы побывал на тракторном заводе, проверил, все ли делает его директор Задорожный для увеличения выпуска танков Т-34. Ты же сам говорил об этом наркому Малышеву, когда он был у тебя.

Сталин молча кивнул.

В кабинет вошел Молотов. Он еще утром хотел зайти к вождю, но тот был занят с военными.

— Что у тебя, Вячеслав? — Сталин отложил в сторону какие-то бумаги. — Садись и рассказывай.

— Получено послание от премьер-министра господина Черчилля. — Молотов вручил вождю текст.

Сталин прочел послание. Оно было коротким и необычно теплым, даже не верилось, что его писал Черчилль: «Я хотел бы, чтобы Вы пригласили меня встретиться с Вами лично в Астрахани, на Кавказе или в каком-либо другом подходящем месте. Мы могли бы совместно обсудить вопросы, связанные с войной, в дружеском контакте принять совместные решения». Свернув листок, Сталин не сдержал своих эмоций:

— Ни слова о втором фронте! Вот старая лиса, умеет он показать зубы шакала. Так надо ли с ним встречаться?

— Надо, Иосиф, приглашай его в Москву, — без обиняков заявил Молотов. — Здесь мы эту лису и спросим, когда союзники откроют второй фронт. На сталинградском направлении сейчас идут тяжелые бои, и их помощь будет кстати. Утром мне звонил посол Великобритании в СССР, спрашивал, получили ли мы послание господина Черчилля. «Да, — говорю, — получили, но решение по нему товарищ Сталин еще не принял».

После минутного раздумья Иосиф Виссарионович изрек:

— Я согласен на встречу с Черчиллем в Москве...

Он попросил Молотова набросать короткий ответ, и тот вышел.

В своем письме Сталин официально приглашал Черчилля приехать в Москву в удобное для того время для совместного рассмотрения вопросов войны против Гитлера, угроза со стороны которого в отношении Англии, США и СССР теперь достигла особой силы.

Генерал Поскребышев принес из холодильника бутылку боржоми, и теперь, задумчиво стоя у окна, верховный пил воду маленькими глотками, утоляя жажду. Невольно ему вспомнился приезд в Москву в декабре сорок первого года министра иностранных дел Великобритании Идена. Во время беседы заморский гость попросил советского руководителя дать ему возможность побывать на фронте.

Потом вождь вспомнил, как в честь Идена он дал обед в Кремлевском дворце. На столе гость увидел бутылку перцовки, ее желтоватый цвет напомнил ему цвет шотландского виски. На его вопрос, что это за напиток, Сталин весело ответил:

— Это наше русское виски.

Иден попросил налить ему бокал. Он сделал большой глоток и едва не задохнулся. Жидкость обожгла ему горло, он даже ощутил жар во всем теле, а когда отдышался, Сталин серьезно сказал:

— Такой напиток может пить только крепкий народ. Гитлер начинает это чувствовать.

Как-то в связи с очередной подготовкой обеих делегаций к встрече советский посол в Англии Майский находился в кабинете Молотова. Был здесь и Сталин. Он ходил по ковровой дорожке и давал указания. Воспользовавшись перерывом в работе, Майский подошел к нему и спросил:

— Можно ли считать, что основные линии стратегии в нашей войне и в войне 1812 года примерно одинаковы, по крайней мере, если брать события нашей войны за первые полгода? Мне, послу СССР в Англии, приходится порой дискутировать по этим вопросам с англичанами, и я хотел бы знать вашу оценку.

Сталин прошелся по кабинету, отмечал после войны Майский, а затем ответил:

— Не совсем. Отступление Кутузова было пассивным, до Бородина он нигде серьезного сопротивления Наполеону не оказывал. Наше отступление — это активная оборона, мы стараемся задержать врага на каждом возможном рубеже, нанести ему удар и путем таких многочисленных ударов измотать его. Общим между отступлениями было то, что они являлись не заранее запланированными, а вынужденными...

«Кажется, нашим отступлениям скоро придет конец, — подумал Сталин. — Лишь бы не дать врагу захватить Сталинград». Еще какое-то время он грустно курил трубку, но вернулся Молотов, и верховный ожил, глаза его заблестели.

— Ты уверен, что Черчилль примет мое приглашение? — спросил он.

Молотов, пожав плечами, сказал, что Черчилль не Рузвельт, он капризный и хитрый, может и не приехать, хотя ему это крайне невыгодно.

— У меня такое чувство, что он тебя, Иосиф, побаивается, как политика, — подчеркнул Вячеслав Михайлович.

В сущности, Сталин не мог возразить своему коллеге: наверное, тот прав, — однако он улыбнулся, скосив глаза на Молотова:

— Это плохо или хорошо, Вячеслав, когда тебя боится противник?

— Что же хорошего, если он носит камень за пазухой?..

«А я рад, когда меня кто-то боится», — усмехнулся в душе вождь.

— Нам сейчас как никогда тяжело, — глухо заговорил он. — Я остро переживал за Москву, когда немцы близко подошли к ней, не меньше волнуюсь и за Сталинград.

— Это потому, Иосиф, что город носит твоё имя, — безапелляционно заявил Молотов.

— Нет, Вячеслав! — резко возразил Сталин. — Во мне до сих пор сидит Царицын, когда мы обороняли его от белогвардейских полчищ. Тогда я был гораздо моложе, во мне бурлила романтика, и я готов был сам ринуться в бой на белых. Что и говорить, Гражданская война многому меня научила. Но и эта война уже оставила в моей душе кровавую рану. Красная армия понесла в боях большие потери. А что поделаешь? Чтобы победить такого лютого врага, как Гитлер, нужно уметь воевать, чего нам не хватает. Прав Бальзак, утверждая, что, когда атакуешь небеса, надо брать на прицел самого Бога! — Сталин прошёлся по кабинету, потом остановился перед Молотовым и вновь спросил: — Так приедет к нам Черчилль?

— Я не Бог, Иосиф, — усмехнулся Вячеслав Михайлович. — Есть надежда, но... — И он развел руками.

(Уинстон Черчилль прибыл в Москву 12 августа. Путь гостя пролегал через Тегеран, Кавказ, Куйбышев: под Сталинградом шли ожесточенные бои. В этот день Сталин принял Черчилля, их беседа продолжалась четыре часа. Черчилль сразу же заявил, что второй фронт в 1942 году открыт не будет: Англия и США готовят свою операцию «Факел» в Северной Франции. В ответ Сталин жестко произнес:

— Англо-американцы, видимо, просто боятся схватиться лицом к лицу с германской армией.

Черчилль стоял на своем: операция «Факел» поможет очистить от врага Средиземное море. Сталин не мог с ним согласиться. На другой день он вручил Черчиллю меморандум, в котором, в частности, указал, что «1942 год представляет наиболее благоприятные условия для создания второго фронта в Европе, так как почти все силы немецких войск, и притом лучшие силы, отвлечены на Восточный фронт, а в Европе оставлено незначительное количество сил, и притом худших сил». 14 августа Черчилль ответил Сталину своим меморандумом, в котором утверждал, что вторым фронтом в 1942 году является только операция «Факел». Представитель президента США на переговорах в Москве поддержал точку зрения Черчилля. Атмосфера на переговорах резко обострилась. Наступило утро 15 августа. Сталин вызвал к себе Молотова и спросил его, что делать дальше. Пользы не будет, если обострятся наши отношения с союзниками.

— Я бы этого не желал. — Сталин помолчал. — Послушай, Вячеслав, а не пригласить ли мне Черчилля в гости к себе домой?

— Хорошая идея, Иосиф, — поддержал его Молотов. — Накроем стол, угостим премьер-министра лучшими винами, да и побеседовать можно за столом о втором фронте, о конвоях...

И 15 августа вечером Сталин пригласил Черчилля к себе домой. Оба просидели почти всю ночь. Уже по возвращении в Англию, свидетельствует посол СССР в Великобритании Майский, Черчилль сказал ему:

— Это была замечательная встреча. Сталин позвал Молотова, над которым все время подтрунивал. Сам он занялся открыванием бутылок. Скоро на столе образовалась большая батарея превосходных вин. Я отдал им должное, но спасовал перед поросенком, который после полуночи появился на столе...

— Черчилль улетел домой в хорошем настроении, обещал ускорить отправку конвоев с грузами в Советский Союз, — сообщил Сталину Молотов, когда вернулся в Кремль после отлета премьер-министра. — Так что вечеринка, которую ты устроил, пошла на пользу советско-английским отношениям.

Сталин, однако, был не столь оптимистичен, как Молотов. — А.З.)

Июнь 1942 года во Владивостоке выдался жарким и безветренным, лишь в начале месяца над городом прогремел гром, в потемневшем небе полыхнула молния, потом хлынул дождь. Стало

прохладнее, но ненадолго. К утру небо очистилось от косяков серо-бурых туч, и вновь над городом повисло горячее солнце. На море — легкая зыбь, корабли у причала слегка покачивались, кланяясь друг другу, как родные братья.

Командующий Дальневосточным фронтом генерал армии Апанасенко весь день провел на учениях кораблей Тихоокеанского флота, коими руководил командующий флотом вице-адмирал Юмашев, которого Апанасенко очень уважал. Иосиф Родионович находился вместе с адмиралом на флагманском корабле и с интересом наблюдал за всем, что происходило на море. Особенно ему понравилась высадка морского десанта на берег, занятый противником. Сначала флотская авиация нанесла по огневым позициям условного врага бомбовые удары, затем юркие катера-охотники поставили дымовую завесу, чтобы не дать возможность противнику атаковать десант. И вот уже корабли подошли к берегу, моряки мигом поставили сходни, и по ним начали сбегать на сушу десантники, на ходу вступающие в бой. Вскоре лавина огня перенеслась в глубь обороны противника...

— Лихо действуют твои моряки, Иван Степанович! — не сдержал своих чувств генерал армии Апанасенко. — Смелые, дерзкие, они готовы хоть сейчас броситься в самое пекло настоящего боя! Не зря в битве под Москвой немцы называли их «черными дьяволами».

— Разве только под Москвой? — озорно блеснул глазами адмирал Юмашев. — А жаркие сражения под Севастополем? Даже танки Гудериана не смогли с ходу смять оборону главной базы Черноморского флота. Сейчас немало моряков-тихоокеанцев сражается на фронтах, и мне, Иосиф Родионович, радостно от мысли, что многие посланцы флота отличились в боях за Родину...

(Свыше 147 тысяч моряков-тихоокеанцев в составе морских стрелковых бригад участвовали в Московской и Сталинградской битвах, в битве за Кавказ, в обороне Заполярья, Севастополя и Ленинграда. Часть кораблей и личного состава также была передана действующим флотам и флотилиям. Более 30 тысяч воинов награждены орденами и медалями, а 43 человека из них стали Героями Советского Союза. — А.З.)

— Еще раньше, в Гражданскую войну, — вновь заговорил командующий Дальневосточным фронтом, — я видел, как отчаянно и мужественно сражались с врагами моряки. В то время довелось мне служить в 1-й Конной армии Семена Буденного, ныне командующего войсками Северо-Кавказского фронта, да, военные моряки... — задумчиво произнес Апанасенко. — Сама их форма вызывает душевное волнение. Тельняшка, бескозырка, на ленте которой написано имя корабля, черный бушлат... Честно признаюсь, Иван Степанович, по-доброму завидую морякам. А вот мне судьба выпала иная — был кавалеристом. А ты, наверное, мечтал о море? — Генерал армии пристально взглянул в лицо Юмашеву, отчего тот даже смутился.

— Я моряк со стажем, Иосиф Родионович, — улыбнулся он, но тут же его полное лицо посерьезнело. — На флоте с девятнадцатого года. В двадцать пятом окончил специальные курсы командиров кораблей при Военно-морской академии в Ленинграде. В тридцать восьмом уже командовал Черноморским флотом. Правда, недолго — через год принял на свои плечи Тихоокеанский флот. Теперь вот с вами учим людей воевать, хотя судьба нам выпала разная.

После учений адмирал Юмашев пригласил генерала армии Апанасенко отобедать в кают-компании корабля.

— А чарка будет? — сощурил глаза гость.

— «Наркомовская»^[5] будет, — улыбнулся адмирал.

— Это само собой.

— В честь вашего приезда на флот подадим к столу армянский коньяк. — Юмашев взглянул на

командира корабля. — Сколько звездочек?

— Пять, товарищ адмирал, — ответил тот.

— Иван Степанович, да ты волшебник! — воскликнул Апанасенко.

Он не скупился на добрые слова. Уже когда стали обсуждать итоги прошедших учений, Апанасенко дал высокую оценку действиям экипажей кораблей.

— Что касается меня, то учения легли мне на душу, — серьезно промолвил генерал армии. — Уверен, что если япошки рискнут сунуть свой нос в наш советский огород, то будут крепко биты моряками и пехотинцами, как это сделал на реке Халхин-Гол Георгий Жуков. Он и в битве под Москвой в сорок первом преподнес гитлеровцам тяжелый урок...

Адмирал Юмашев знал, что Апанасенко недавно ездил в Москву по вызову наркома обороны. Ему все хотелось спросить, удачно ли съездил генерал армии, наконец решился и задал этот вопрос.

Апанасенко весело ответил, что удалось решить все вопросы по Дальневосточному фронту, особенно вопрос о создании оборонительных рубежей по плану прикрытия государственной границы. Необходимые средства и материалы для этих целей Наркоматом обороны предоставлены, большую часть из них штаб фронта уже получил. Решен и вопрос о выделении из состава Дальневосточного фронта на советско-германский фронт еще нескольких стрелковых дивизий.

(В годы войны из состава этого фронта на советско-германский фронт были направлены 23 дивизии: 16 стрелковых, 2 кавалерийских, 4 танковых, 1 моторизованная; 19 бригад и авиачастей. Всего — около 250 тысяч человек, 3,3 тысячи орудий и минометов, 2 тысячи танков, а также свыше 100 тысяч человек маршевого пополнения. — А.З.)

Апанасенко с минуту помолчал и с грустью вымолвил:

— А вот свой вопрос я так и не решил...

— Вот как? — Адмирал Юмашев дернул черными, как перо грача, бровями.

— Признаться, я этого не ожидал и был очень огорчен, — вновь заговорил генерал Армии. — Когда мы с начальником Генштаба Василевским обсудили проблемы Дальневосточного фронта, я, будучи на приеме у товарища Сталина, попросил его направить меня на любой фронт, чтобы сражаться с гитлеровскими захватчиками. Но вождь мне отказал. «Еще неизвестно, — произнес он, — как дальше поведут себя японцы. Так что держите палец на курке и, если они решатся напасть на Советский Союз, дайте им надлежащий отпор». Я ответил: «Слушаюсь, товарищ Сталин». А когда увидел улыбку на его лице, добавил: «Жаль, что вы отказали мне».

— И что же Сталин? — не терпелось знать адмиралу.

— Он обнадежил меня, заявив: «Не огорчайтесь, позже и вам будет предоставлена возможность бить фашистов».

Какое-то время оба помолчали. Потом Юмашев обронил, глядя на своего собеседника:

— Я тоже пытался уехать на действующий флот, но нарком Военно-морского флота адмирал Кузнецов «добро» мне не дал.

(И все же генерал армии Апанасенко своего добился. В апреле 1943 года на посту командующего Дальневосточным фронтом его сменил генерал М. А. Пуркаев, до этого возглавлявший войска Калининского фронта. Апанасенко назначили заместителем командующего войсками Воронежского фронта. В июне в бою под Воронежем он был смертельно ранен. — А.З.)

Вернулся в штаб фронта Апанасенко под вечер. Солнце уже спряталось за сопки, голубовато-синее небо стало набухать темнотой.

«Поработаю еще часок и пойду домой», — решил Иосиф Родионович. Он вынул из сейфа папку с документами и положил ее на стол.

— Разрешите, товарищ командующий? — В кабинет вошел его адъютант — высокий сероглазый майор с тонкими, как шнурки, черными усами. — Начальник штаба убыл на границу, там у него встреча с командованием пограничных войск, а вам он оставил документы и просил подписать их.

— Давай...

Майор отдал ему папку, но сам не уходил.

— Что еще? — сдвинул брови генерал армии.

— К вам просится на прием капитан Бурлак Иван Лукич, командир танкового батальона, — доложил адъютант. — По личному вопросу.

— Пусть войдет!

Капитан Бурлак вошел в кабинет бодро. Он был в отутюженной форме, сидевшей на нем плотно, словно была сшита на заказ. Белый подворотничок оттенял смугловатое, загорелое лицо. Он доложил о себе. Генерал в это время наливал в стакан боржоми. Он неторопливо выпил и взглянул на вошедшего.

— Садись, капитан, — произнес Апанасенко весело и добродушно. — Что тебя волнует, расскажи. Наверное, кто-то обидел. Кстати, это твой батальон отличился на весенних стрельбах?

— Мой, товарищ командующий, — живо ответил Бурлак. — Из десяти танков противника мои танкисты поразили девять.

— А правда, что в боях на реке Халхин-Гол твой танковый взвод тоже отличился и ты получил награду из рук самого Георгия Жукова? Об этом мне говорил начальник штаба.

— Было такое, товарищ командующий, — подтвердил капитан. — Меня тогда и послали в Академию бронетанковых войск на учебу.

— Академия — это хорошо, она дает глубокие знания, — раздумчиво продолжал генерал армии. — А сейчас, наверное, в батальоне произошло ЧП?

— Никак нет, товарищ командующий. — Капитан встал, вытянул руки вдоль туловища. — У меня к вам просьба... Прошу направить меня на Сталинградский фронт. Случилось так, что, когда на советско-германский фронт уезжал эшелон с танкистами, я лежал в госпитале с воспалением легких и остался в бригаде. Мои друзья уехали, а я чувствую себя неприкаянным.

Генерал армии, казалось, растерялся, затем улыбнулся.

— Чудной ты, капитан, — тем не менее веско произнес он. — У нас ведь тоже фронт!

— Да, но тут пока тихо, а я желаю сражаться с фашистами. Родом-то я из Сталинграда, а мой отец Гражданскую войну защищал Царицын. Там живут мои родители...

— Капитан Бурлак, — строго прервал его командующий, — вы сказали, что пока здесь тихо, но в любое время японцы могут начать против нас войну. Ты разве забыл, что у Гитлера соглашение с японцами на этот счет? Многое зависит от обстановки на советско-германском фронте, а там сейчас дела неважные, наши войска отступают... Так что забывать об этом никак нельзя. Вы же танкист, а танкисты в Красной армии особо ценятся. Кстати, вы к своему непосредственному командиру обращались?

— Командир бригады мне отказал, — глухо промолвил капитан. — Говорит, надо было не болеть.

— Вот видишь, он ценит тебя, — внушительно произнес Апанасенко, — и я не могу его разочаровывать. Слышал, наверное, солдатскую поговорку: «Службу, как и отца, не выбирают»? — Он встал, подошел к Бурлаку: — Я вот тоже хотел уйти на фронт и, когда был в Москве, просил об этом товарища Сталина, но мне отказали. Так что, Иван Лукич, давай служить там, куда нас послали.

— Слушаюсь, товарищ командующий, — с трудом выдохнул капитан. — Разрешите идти?..

В казарме, куда вернулся капитан Бурлак, танкисты отдыхали, звучала гитара, и сержант тонким голосом напевал:

— «Три танкиста, три веселых друга, экипаж машины боевой...»

Увидев капитана, сержант перестал петь и подошел к нему.

— Я давно вас ищу, где вы так долго были? — спросил он и протянул телеграмму: — Из Сталинграда, срочная...

Бурлак присел на табуретку, развернул листок и прочел: «Сынок, батю убило во время бомбежки завода немецкими самолетами. Вчера похоронили. Твоя Кристина в больнице, еще не родила. Приезжай, если можешь. *Мама*».

Иван Лукич до боли в пальцах смял телеграмму. Теперь у него нет отца... От этой мысли сдавило грудь, сердце бешено заколотилось, на глаза навернулись слезы. «Мне надо ехать в Сталинград, надо, — забила в голове одна-единственная мысль. — Пойти снова к генералу армии, доложить об отце, может, отпустит? Нет, лучше напишу в Москву Жукову, он должен мне помочь!..»

4

С утра командующий Западным фронтом генерал армии Жуков был в Ставке, где обсуждалась обстановка на сталинградском направлении. Прежде чем отбыть в свой штаб фронта, Жуков заскочил в Оперативное управление Генштаба к генералу Иванову. Того не оказалось на месте. Дежурный по Генштабу сообщил, что Иванов вместе с заместителем начальника Генштаба генералом Боковым уехал к наркому путей сообщения решать вопросы переброски войск и боевой техники на Сталинградский фронт.

— Что ему доложить, товарищ генерал армии? — спросил дежурный.

— Я завтра утром снова буду в Ставке, так что не беспокойтесь.

Жуков поспешил к выходу, но дежурный Генштаба окликнул его:

— Одну минуту, тут для вас есть письмо, на конверте написано: «Лично товарищу Жукову». — И дежурный вручил его Георгию Константиновичу.

Жуков положил письмо в свою папку, сказав, что прочтет его в штабе фронта, вышел во двор и, садясь в машину, кивнул водителю:

— Поехали!..

День выдался дождливый, и, когда машина выбралась на проселочную дорогу, кругом блестели лужи. Пришлось сбавить скорость. «Дворники» работали неутомимо, очищая стекла от грязи. Мысли Жукова вернулись к беседе в Кремле. Сталин был не в духе, и генерал армии больше слушал его, чем говорил сам, хотя и высказал верховному свои предложения по усилению Сталинградского направления войсками. Сталин одобрил их, заметив, что, когда из Сталинграда вернется начальник Генштаба Василевский, он распорядится принять эти предложения к исполнению. С минуту верховный молчал, потом вдруг заговорил о Харьковской операции.

— Так в чем вы усматриваете причину поражения наших войск под Харьковом? — спросил он.

Жуков ответил без раздумий:

— Маршал Тимошенко недооценил силы краматорской группы немцев — это одна причина. Другая, я считаю ее главной, состоит в том, что у нас на юго-западном направлении не были сосредоточены необходимые резервы Ставки, о чем я уже докладывал вам.

Какое-то время верховный молчал, и думалось ему невесело. Тревога за судьбу Сталинграда не угасла в нем, а еще более обострилась, она чем-то напоминала ему ситуацию под Харьковом, хотя напрямую об этом Жукову он не сказал.

— Во время переговоров с маршалом Тимошенко в середине мая, — вновь подал голос Сталин, — я выразил ему серьезное опасение в отношении краматорской группы немцев. Но он заявил, что эта опасность преувеличена и нет основания прекращать начатую операцию. То же самое я услышал от члена Военного совета Хрущева. Зря я, однако, не настоял на своем. Значит, в этом деле есть и моя вина. — Он подошел к карте. — Как бы подобное не случилось под Сталинградом.

Не случится, товарищ Сталин, хотя ситуация сложилась весьма тревожная, — ответил Жуков.

«Переживает вождь, город-то носит его имя», — подумал сейчас Георгий Константинович, трясаясь в машине.

Наконец она въехала во двор штаба фронта и замерла. Жукова встретил начальник штаба генерал Соколовский.

Командующий фронтом вошел в свой кабинет, умылся с дороги холодной водой, и усталость как рукой сняло. Вытирая полотенцем лицо, в зеркале увидел, как появился адъютант.

— Что у тебя, дружище? — весело спросил Георгий Константинович.

— Вас приглашают к столу.

— Иду!..

«Вот теперь можно и прочесть письмо, присланное «лично товарищу Жукову», — решил Георгий Константинович, когда вернулся к себе, отобедав. Он лег на диван и надорвал конверт, из которого вынул листок. «Дорогой Георгий Константинович! — читал он про себя неторопливо. — Очень прошу Вас помочь мне уехать на Сталинградский фронт. Родом я из этого города, в нем сейчас находятся мои родители. А по профессии я танкист, есть у меня боевой опыт, так что буду уничтожать фашистских варваров, не щадя своей крови и самой жизни. Мое начальство мне отказало, осталась надежда на Вас. Вчера получил телеграмму от мамы, что во время бомбежки немецкой авиацией тракторного завода погиб мой отец. Погиб прямо у своего станка. В Гражданскую войну он оборонял Царицын. Теперь мне сам Бог велел отомстить фашистам за своего отца.

Прошу Вас, товарищ генерал армии, помогите.

Капитан Иван Бурлак, командир танкового батальона».

«Сухо и строго, без особых эмоций», — отметил про себя Жуков. Он перевернул листок на другую сторону и там прочел постскриптум. «Вы, наверное, удивитесь, отчего вдруг Вам написал некий капитан? Так вот я участвовал в боях на Халхин-Голе летом 1939 года в составе 11-й танковой бригады, командовал ею комбриг Яковлев. В бою с японцами в районе Баин-Цаган отличилась и наша бригада. В то время Вы командовали 57-м особым корпусом. Помню, как Вы вручали танкистам награды. Из Ваших рук я получил медаль «За боевые заслуги». Может, вспомните?.. Вы тогда даже спросили: “Отчего, лейтенант, у тебя зеленые глаза?” Они и вправду у меня зеленые».

Жуков отложил письмо в сторону. Невольно нахлынули воспоминания. На реке Халхин-Гол, где он командовал 57-м особым корпусом, который вскоре был развернут в 1-ю армейскую группу, он прошел боевое крещение, и люди не забыли его, один из них — танкист Иван Бурлак. Храбрый парень. Надо ему помочь...

С утра Жуков был в Ставке, а когда решил там все дела, заехал в Генштаб к Василевскому. Тот сидел за столом и что-то писал.

— Привет, дружище! — с ходу бросил Георгий Константинович. — Как съездил, точнее, слетал?

— Без происшествий, — улыбнулся Василевский. — Вот готовлю отчет верховному. Я тебе нужен?

— Как обстановка на Сталинградском фронте?

— Пока наши войска держат оборону. — И начальник Генштаба коротко посвятил Жукова в обстановку на Сталинградском направлении.

— Скоро там всем будет жарко. — Жуков протянул Александру Михайловичу письмо. — Прочти, пожалуйста, оно вернуло меня в тридцать девятый год...

Василевский читал про себя, а Жуков курил.

— Капитану следует помочь. — Василевский свернул листок.

— О том и речь, Саша. Я бы взял капитана к себе на Западный фронт, но он просит направить его на Сталинградский. — Жуков смял в пепельнице окурочек. — Оно и понятно: капитан Бурлак родился и вырос в

Сталинграде, там его родные... Так что дай, пожалуйста, команду своим подопечным, чтобы капитана срочно отправили в распоряжение штаба Сталинградского фронта. Полагаю, что танкисты генералу Гордову нужны.

— Я сейчас поручу это дело своему заместителю генералу Бокову, а позже вернем тебе письмо: все-таки память. — Василевский встал. — Ты куда сейчас? В штаб фронта?

— Да, там у меня в два часа дня совещание с комдивами. Если нужен буду — звони.

— Добро, Георгий. У верховного совещание по Сталинграду состоится, видимо, в пять вечера, так что увидимся. Ты же его главный советчик.

— Что-то вроде этого, — усмехнулся Георгий Константинович.

(26 августа 1942 года Государственный комитет обороны назначил генерала армии Г. К. Жукова заместителем Верховного главнокомандующего. — А.З.)

Капитан Бурлак лежал на верхней полке и читал книгу. Скорый поезд «Пермь — Сталинград» сбавил скорость, заскрипел тормозами и остановился на небольшой станции. Трое пассажиров — муж, жена и их семилетний сын, — пожелав капитану счастливого пути, сошли, и теперь он остался в купе один. Он слез с полки, надел китель и поспешил к выходу. Проводник — невысокого роста мужчина средних лет, с курчавой бородкой и серыми, чуть прищуренными глазами — стоял у вагона и курил. В это время подошла старушка с плетеной корзиной в руках и громко объявила:

— Кто желает горячей картошечки и соленых огурчиков? Недорого и вкусно.

— Дай мне, бабуся! — окликнул ее Бурлак. Он соскочил со ступенек вагона и достал из кармана деньги. — Сколько, бабуся?

— Порция три рубля, сынок. — На старушке была серая шерстяная кофта и белый халат, завязанный на спине. Она сняла с белой кастрюли крышку. В лицо пахло вареной картошкой, усыпанной мелко нарезанным укропом. Она положила в бумажный кулек несколько картофелин, достала из литровой банки пять огурцов и отдала все Бурлаку. — Ешь на здоровье, сынок, а на трешку я куплю себе халвы. Очень люблю ее...

Расплатившись, Бурлак поспешил в свой вагон. В дороге он проголодался и решил поесть. К нему подошел проводник.

— Что, небось скучно одному в купе? — Он достал из кармана кисет с махоркой, скрутил сигарку и закурил.

— Скучновато, — признался капитан. — Но и для веселья нет оснований — еду на фронт... Вот хочу перекусить. Желаете составить мне компанию? Правда, надо бы выпить поначалу, но водки у меня нет, а в поезде ее не продают.

— Погоди, капитан, какая-то горючка у меня имеется, — спохватился проводник. — Я мигом. А хлеб-то у тебя есть? Нет? Какая же еда без хлеба!

Он собрался было идти, но Бурлак задержал его.

— Звать-то тебя как? — спросил он.

— Андрей. А тебя?

— Иван Лукич... Скажи, пожалуйста, мы на много опаздываем в Сталинград?

— Пока часа на два. Тут такое дело, капитан. В последнее время в Сталинград один за другим идут

эшелоны с военными людьми да боевой техникой, а им, как ты знаешь, зеленая улица, то бишь дорога. Я вот недавно ездил в Москву, трое суток туда добирался, а все понапрасну.

— Почему?

Проводник ответил не сразу. На его потускневшем лице отразилась печаль.

— Понимаешь, мой старший братан Сергей в сорок первом погиб в бою в районе города Истра... — И Андрей поведал Ивану Лукичу о том, как это случилось. — А тут как раз поезд шел в Москву, и я поехал. На электричке из столицы добрался до Истры и до братской могилы, где похоронен и Сергей, положил цветы. А вот тех, кто был с братаном в том жестоком бою, нигде не нашел. Хотелось бы побольше узнать о Сергее, как он погиб.

— А я вот потерял отца, — грустно промолвил Иван Лукич и в свою очередь рассказал о своей беде.

Андрей почесал бородку.

— Ну ладно, я пойду, не то твоя картошка остынет.

«Значит, приедем в Сталинград с опозданием, — взгрустнул Бурлак. — Хорошо, что не дал маме телеграмму, чтобы встретила».

Пока проводник ходил в свое купе, поезд тронулся. На душе у Бурлака полегчало. Подумал, что, как только приедет в город, сразу же поспешит домой повидать мать Татьяну Акимовну, а уж потом пойдет к своей жене Кристине, которая живет у своей матери. Наверное, и мать, и жена соскучились по нему. От этой мысли в груди у него потеплело, словно туда упал солнечный лучик. Он все еще жалел, что, когда уезжал к месту службы в Хабаровск, жена не поехала с ним и он не стал ее уговаривать. «Ваня, ты же знаешь, что мне еще год учиться в институте, скоро надо будет сдавать летнюю сессию, — убеждала она, провожая его. — Как закончу учебу — сразу же приеду. Без тебя что мне делать в Сталинграде?..»

Сейчас он подумал, что весеннюю сессию Кристина, должно быть, сдала, но почему-то к нему не приехала. Могла бы написать, объяснить ситуацию, но и этого удовольствия ему не предоставила. Что же случилось?..

— Ну вот я и прибыл с «наркомовской», — нарушил его раздумья проводник. — На смену заступил напарник, так что теперь я могу не только поболеть с тобой о смысле жизни, но и выпить одну-две чарки.

Он поспешно достал из черной сумки полбуханки хлеба, кусок сала и луковицу, потом вынул бутылку водки и два стакана. Наполнил их и, усевшись в купе напротив капитана, кивнул ему:

— Давай глотнем за нашу встречу?

— Хороший тост, — одобрил Иван Лукич.

— Ты идешь на фронт, — продолжал Андрей, — так что бей фрицев, сколько есть сил, а сам живой оставайся. Семь футов тебе под килем, Иван, как говорят военные моряки! Их тут на Волжской военной флотилии немало, ребята что надо, не подведут!

Выпили и закусили. От хмельного Бурлак раскраснелся, ему стало весело. Теперь он наполнил стаканы.

— Я предлагаю помянуть твоего брата Сергея, — приглушенным голосом сказал капитан. — Он защищал нашу столицу и погиб героем. Пусть земля ему будет пухом!

— Видать, Иван Лукич, душа у тебя добрая, а сердце не черствое, коль предложил помянуть моего братана, — грустно промолвил Андрей. — Я так его любил, что и слов не хватит рассказать... Ладно, давай опрокинем, ну? Я знал, что служил он в 16-й армии Западного фронта, командовал ею генерал

Рокоссовский, — слегка захмелев, продолжал Андрей. — Слышал о таком генерале? А знаешь, кто командовал Западным фронтом под Москвой? — спросил он.

— Кто же? — нарочито серьезно задал вопрос Бурлак.

— Генерал армии Жуков! — воскликнул Андрей. — В «Правде» на первой полосе я видел его фото, а вот увидеть его наяву не довелось. А ты, случаем, не знаком с ним?

— На Халхин-Голе я сражался с япошками, а командовал нами Жуков.

— И как он?

— Как есть герой... Генерал армии, еще один шаг — и станет маршалом. Соображаешь, Андрюха?

— Понятное дело, высока фигура, и добраться к ней не каждому дано. Тебе повезло.

Поезд снова остановился и стоял на этот раз долго.

— Пойду узнаю, в чем дело, — сказал проводник и ушел.

Вернулся Андрей с плохой вестью: час тому назад немецкие самолеты бомбили Сталинград, взрывом бомбы разворотило путь, теперь чинят рельсы. Андрей сел на прежнее место в купе.

— Значит, едешь ты издалека? — спросил он.

— Из Хабаровска, — улыбнулся Иван Лукич. Но улыбка вмиг истаяла, словно ее и не было. — А сам я родом из Сталинграда. Там мама живет.

— Земляк! — воскликнул Андрей. Как показалось Бурлаку, он даже посветлел лицом. — Где мать-то живет?

— На Заречной, а ехать к ней надо мимо Мамаева кургана, — пояснил Иван Лукич.

— А я живу в Светлом Яре. — Андрей тяжело вздохнул. — Плохо сейчас в городе.

— Отчего вдруг? — не понял Бурлак.

— Ты что, земляк, с луны свалился? — упрекнул его Андрей. — Война огненным валом катится по нашей земле. Немецкие танки рвутся к Сталинграду. Поезд, которым мы едем из Перми, уже отменили, больше он туда не пойдет. Все, что есть в городе, военные взяли под охрану. Красная армия, к сожалению, отступает. Немцы захватили Харьков, теперь вот их войска двигаются на юг. А мы у них на пути, как кость в горле, Сталинград им позарез нужен. А вдруг гитлеровцы возьмут город, что тогда? Я даже боюсь подумать об этом.

Бурлак покосился на Андрея. Если бы тот в это время посмотрел ему в лицо, то увидел бы, как у него загорелись глаза, он весь напряжился, словно готовился к прыжку.

— Думаешь, фрицы возьмут Сталинград? — спросил он, сдерживая вдруг охватившее его волнение.

— Похоже, все идет к этому, — грустно качнул головой Андрей. — У них столько танков, сколько волосинок в моей бороде. Да и «юнкерсов» целые стаи, они все чаще и чаще бомбят город.

— Кем был твой брат Сергей? Командиром танка?

— Механик-водитель, — пояснил Андрей и глухо добавил: — Сгорел в танке. И зачем он пошел в танкисты?! — выругался он. — Танк — это же вроде стального гроба! — Он в упор взглянул на капитана. — А ты кто по профессии?

— Танкист. Раньше служил в Хабаровске, был командиром танкового батальона, теперь меня перевели на Сталинградский фронт. Вот и получается, что буду защищать не только свою Родину, но и свою семью.

— А что, разве есть такой фронт? — удивился Андрей. — Я что-то не слышал.

— Недавно создали: надо же Сталинград защищать! — После паузы Иван Лукич спросил: — А почему сам не в армии?

— Ты разве не заметил? — усмехнулся Андрей, почесав затылок. — Я малость хромаю на правую ногу. Понимаешь, какая неприятная история со мной приключилась. Служил свою действительную я на флоте, плавал на спасателе водолазом. Как-то работали мы у причала на Балтике, варили на глубине железные балки, и одна из них, обрушившись на меня, придавила ногу к камням. Я даже потерял сознание от боли. Подняли меня с глубины по-аварийному и посадили в барокамеру, потом отправили в госпиталь. Благо, что по колено мне ногу не отрезали. Врач попался знающий и вытащил меня с того света. Сделали мне операцию, и я лишился трех пальцев.

5

Поезд дал пронзительный гудок, тронулся, и люди в вагонах оживились.

— Кажется, поехали, Ванек! — повеселевшим голосом произнес проводник. — Сталинград тут недалеко, так что скоро будем на месте. Отдохну пару дней и снова в рейс, а вот куда меня пошлет начальство, еще не знаю. Может, в Пермь товарняк сопровождать, может, в Куйбышев. Да мне все равно, только бы дома не сидеть без дела. У Сергея остались жена и дочь Оксана. Она уже взрослая, и все же мне приходится ей помогать. Вот и сейчас купил ей в Перми свадебное платье...

— Она что, замуж выходит? — прервал его Бурлак.

— Пока нет, но когда-то будет выходить, а тут в сундуке готовый свадебный наряд. — Андрей заулыбался. — Все заработанные за рейс деньги отдал за это платье. Что делать! Ведь дочь родного брата. Как считаешь, прав я?

— Очень даже прав. Будь я на твоем месте, тоже так поступил бы. — Иван Лукич о чем-то подумал, потом взглянул на проводника: — Оксана что, живет у тебя?

— Да нет, у них на левом берегу Волги свой дом. Но у меня бывает часто. Она знает, что сегодня я возвращаюсь из рейса, и наверняка придет. Если еще не убежала...

— Куда? — не понял Бурлак.

— На фронт, куда же еще! — насмешливо произнес Андрей. — Не все мужики переносят этот самый фронт, а куда ей, девчонке? Увидит кровь людскую — и слезы ручьем хлынут из глаз... Нет, на фронт ей никак нельзя, слабая она характером, — подытожил он. — Да, жаль мне братана, мог бы еще пожить да вот не судьба...

— А что поделаешь, надо же нам Родину оборонять от лютого врага, — промолвил Иван Лукич.

— Я разве против? — заметно обиделся Андрей. — Но чтобы успешно бить врага, нужно иметь оружие и боевую технику. На минувшей неделе в моем вагоне ехал капитан, тоже воевал под Москвой. Рассказывал, как шли в бой на немецкие танки бойцы с винтовками, в одном бою весь батальон полег. А кто в этом виноват? Не я, Иван Лукич, и не ты, а наши вожди. Небось тоже до войны напевал: «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим»? «Вершка» — усмехнулся проводник, — а фашисты уже дошли до Сталинграда и Ростова-на-Дону...

Помолчали, потом Бурлак сказал:

— А я никак не могу свыкнуться с мыслью, что потерял своего отца. Какая-то тяжесть на душе лежит.

— Сочувствую тебе, Иван, потеря большая, — проговорил Андрей и философски добавил: — Семья без отца, что дерево без корней. Да, а чего ты пошел в танкисты?

— Нравится мне эта профессия, — открыл свой «секрет» Иван Лукич. — Когда проходил действительную службу, был в роте запевалой. Песня про танкистов моя любимая. Помнишь? «Броня крепка, и танки наши быстры, и наши люди мужества полны...»

— Не скажи, Иван, твоя профессия весьма опасная, — возразил Андрей.

— Чудной ты парень, — улыбнулся Бурлак, — на войне везде опасно. Можно в танке сгореть, наскочить в поле на мину, а может и шальная пуля задеть. Тут не это главное, а то, какая тебе судьба выпала. Не зря в народе говорят: «От судьбы не уйдешь». Вот ты был водолазом на флоте это, пожалуй, самая опасная профессия. Но ты же спускался на глубину, делал все, что тебе поручалось?

По лицу проводника пробежала тень.

— Ты прав, капитан, от судьбы не уйдёшь. — и вновь он грустно произнес: — Жаль мне Сергея. Права была его дочь Оксана, когда сказала, что погибшего не воскресить, но память о нем должна жить в сердце. Говорит, что после войны поедет в Подмоскowie, на Истру, и положит цветы на братскую могилу. Но когда это будет? Конца войны пока не видно. Что скажешь, Иван?

— То, что нам с тобой еще придется немало горьких дней пережить, пока Гитлер будет разбит, — серьезно ответил Бурлак.

Он посмотрел в окно. Ночь медленно начала таять на горизонте небо загорелось пунцовой зарей, было видно, что наступает рассвет. «Мама небось уже хлопчет по хозяйству, — подумал Иван Лукич. — Должно быть, обрадуется моему приезду. А вот чем занята моя Кристина — вопрос! Да и занята ли?..»

В шесть утра поезд прибыл в Сталинград. Бурлак оделся, подхватил свой чемодан и, глядя на проводника, сказал:

— Ну, земляк, будь счастлив, а я пойду.

Андрей сунул ему в карман клочок бумаги:

— Там мой адрес, если что — заходи в гости!

— Дорог на войне много, глядишь, еще увидимся.

Утро тихое и теплое. Легкий ветер дует с Волги, приятно освежает лицо, не то что в купе поезда, где стояла невыносимая жара. Несмотря на ранний час, на вокзале полно народа. Шум, гам, в глаза бросаются люди с сумками и чемоданами в руках. Особенно слышны голоса у билетных касс, там народу — яблоку негде упасть. Кто-то тронул Бурлака за руку. Обернулся — это девушка с заплаканными глазами.

— Товарищ капитан, я еду в Куйбышев к мужу, но никак не могу взять билет. Помогите, а?

— А почему не можете взять билет сами? — поинтересовался Бурлак.

— Вы что, не знаете? — удивилась девушка. — В городе началась эвакуация... Муж обещал приехать за мной, но дал телеграмму, чтобы я сама ехала. А билетов нет.

— Вам лучше обратиться к военному коменданту на вокзале, — посоветовал ей Бурлак. — Он поможет Вам уехать. Кстати, я иду к нему, так что пойдёмте.

Дежурный комендатуры майор с нашивками авиатора спросил:

— Что у вас, капитан?

— Вот ей, — Бурлак кивнул на стоявшую рядом с ним девушку, — надо ехать к мужу в Куйбышев, а билетов на поезд нет. Помочь бы...

— Ваши документы, гражданочка, — повернулся к девушке майор. Она дала ему паспорт, он пробежал его глазами и вернул ей, заметив: — Приходите сюда через час, и билет вам будет. — Он перевел взгляд на Бурлака: — У вас есть еще ко мне вопросы?

— Скажите, где находится штаб Сталинградского фронта?

Майор насторожился:

— Подобных справок я не даю, вам надлежит обратиться в военную комендатуру города.

— Военная тайна? — усмехнулся капитан и вручил майору предписание о своем переводе на службу в штаб Сталинградского фронта. — А прибыл я с Дальневосточного фронта.

Майор просмотрел документ, кое-что уточнил:

— Предписание подписал генерал армии Апанасенко, так? Не он ли ранее служил в 1-й Конной армии Семена Буденного?

— Он, товарищ майор.

— Мой отец служил в его кавалерийской дивизии! улыбнулся майор. — Вы, капитан, служили у генерала армии Апанасенко, а я даже не видел его. Жаль!

Он вышел в соседнюю комнату, с кем-то переговорил по телефону, вернулся и сказал, что штаб Сталинградского фронта находится в центре города в штольне.

— Через час туда пойдет наша машина, она может подвезти, — предложил он.

Бурлак, однако, возразил:

— Спасибо, товарищ майор, но мне надо прежде зайти к матери на Заречную, оставить свои вещи, а уж потом я пойду в штаб.

— Решайте, как вам лучше, — буркнул майор, пожелав ему успехов в службе. — Да, — спохватился он, — на Заречную от вокзала ходит автобус, так что поспешите.

— Вот это мне подойдет! — И Бурлак направился к выходу, подумав: «Душевный майор, вот уж никак не ожидал».

Ехали недолго. Автобус остановился у хлебного магазина. Бурлак вышел из машины, подхватив чемодан. Июльское солнце уже припекало. Минуту-две он постоял, отдышался, уняв волнение. Вот она, Заречная, вся утопающая в цветах и зелени деревьев и садов. Бурлак торопливо шагал вдоль улицы по узкой дорожке, по которой не раз ходил, когда еще учился в школе. Все ближе дом, в котором он родился и вырос. Наверное, в такую рань мать еще никуда не ушла, да и калитка закрыта. Иван Лукич тихо толкнул ее и вошел во двор. По обе стороны дорожки, что бежала к крыльцу, росли белые и красные розы. Татьяна Акимовна очень любила их и старалась, чтобы они каждое лето украшали дом. А дом этот после Гражданской войны строили всей семьей. В то время отец работал в речном порту, принимал баржи и суда с лесом и разгружал их. Начальник порта за ударную работу бригады премировал его, а также по закупочной цене отпустил ему материалы и брус для строительства дома. Иван Лукич помнил, как он с родителями переезжал из саманной хаты в новое жилье. Тогда он учился в школе. Все ему было дорого в этом доме. У него была своя отдельная комната. Из окна он видел Волгу, величаво катившую обрывистому берегу белопенные волны, он слышал грохот, и на душе у него становилось грустно, а отчего — он и сам не знал. На Волге на пляже он познакомился с Кристиной и через две недели женился на ней.

— Зря поторопился, сынок, — попрекнула его мать. — Ты же совсем не знаешь Кристину, кто она и чем дышит. Да и любит ли она тебя?» — «Любит, мама» — возразил Иван. «Любит, да? — На лице Татьяны Акимовны появилась насмешливая улыбка. — Тогда почему она не едет с тобой в Хабаровск, куда тебя направили служить?» Кажется, он рассердился. «Ты же знаешь, что Кристина учится в институте, не бросать же ей учебу! Я этого не хочу. А вот через год, когда получит диплом, она приедет ко мне. А пока она будет писать мне в Хабаровск, и я доволен, моя душа поет. Так что все у нас хорошо». — «Дай-то Бог!»

Татьяне Акимовне Кристина не нравилась, и она не скрывала это от сына. «Руки у нее белые, сынок, — как-то сказала она, впервые увидев девушку, и добавила: — К труду не приучена. А посмотри на мои руки: натруженные, все в прожилках». Иван засмеялся: «Тебе сколько лет, семьдесят? А ей нет и тридцати!»

«Надо мне сходить к Кристине на Красную улицу, где она живет с матерью, а уж потом поспешу в штаб фронта», — подумал сейчас Иван Лукич.

Он поднялся на крыльцо и постучал в дверь.

— Кто там? — раздался голос Татьяны Акимовны. У него замерло сердце.

— Это я, мама, Иван! — с трудом разжал он губы. Звякнул засов, и дверь распахнулась.

— Ванюша, ты ли, сынок?! — запричитала Татьяна Акимовна. Она обеими руками обхватила его за плечи, прижала к себе и стала целовать. — Как я рада, что ты приехал. А у нас тут тревожно, говорят, германец рвется в город. По ночам уже слышно, как ухают орудия, самолеты вражеские нас бомбят. А если начнутся и. даже не знаю, что мне делать. Может, уехать к Родной сестре в Саратов?

Она провела его в комнату. Запахло чабрецом и еще какой-то травой, кажется мятой.

— Ставь свой чемодан да садись к столу. Я как раз собралась завтракать.

— Ты что, одна живешь? — спросил Иван Лукич.

— Сейчас одна. — Татьяна Акимовна глубоко вздохнула. — Отца-то с нами уже нет, похоронили его. Германцы бомбили город, одна бомба упала на тракторный завод, и в сборочном цехе погибли люди, в том числе и наш отец. Врачи сделали ему перевязку, хотели положить в госпиталь, но он отказался. — Татьяна Акимовна передохнула, что-то вспоминая, и продолжила: — Полежал двое суток дома, хуже ему не стало, только в груди болело, говорил, будто камень кто-то положил. И все молчал. Утром я пошла в аптеку, купила лекарство, которое выписал врач, заскочила в молочный магазин за сметаной и скорее домой. Батя наш лежал на кровати и тихо стонал. Попросил дать ему попить. Я дала ему водички, и вскоре он уснул. Пока я варила борщ и жарила котлеты, он и слова не обронил. Окликнула его: мол, что дать поесть? Он молчит. Тогда я подошла к постели, а он уже не дышит. Такая ему смерть вышла. — Татьяна Акимовна снова вздохнула. — Завод помог похоронить его. Ну а тебе я сразу же послала телеграмму в Хабаровск...

— Давай сходим на его могилу? — предложил Иван Лукич, когда выслушал мать.

— Пойдем, сынок.

Она загасила печь. Он спросил:

— А что, моя Кристина все еще в больнице? Кстати, она была на похоронах отца?

Мать помолчала, потом проговорила:

— Да нет, уже выписалась. — Она взглянула на сына, но тут же отвела глаза в сторону. — У матери она живет. После того как весной ты уехал, она ко мне не приходила. На похороны отца она тоже не пришла. По правде сказать, сынок, я не в обиде, что она не пришла.

— Почему? — спросил Иван Лукич. — Ты что, поссорилась с ней?

— Боже упаси, как ты мог подумать такое? — Татьяна Акимовна, казалось, даже обиделась. — У нее, видать, сейчас своих забот по горло. Мать у нее часто хворает, тоже весной лежала в больнице...

«И все же, мама, ты что-то от меня скрываешь, — мысленно возразил Иван Лукич. — Но не беда, я сегодня буду у Кристины и все выясню».

— Кристина тебе в Хабаровск писала? — вдруг спросила мать.

— Нечасто, но писала, а в последнее время писем от нее почему-то не было. А ты к ней не ходила?

— Собиралась, но так и не пошла: то огородом занималась, то ходила в поликлинику, то сама чуток приболела. Отца нет, а без него у меня все из рук валится.

«Ты просто Крестину не любишь», — едва не сказал вслух Иван Лукич, однако сдержался, да и зачем ее волновать? Она и так немало пережила.

Он выпил чаю и начал собираться.

— Куда ты, Ванюша? — спросила мать. — К жене небось?

— Да нет, мама. — Он сурово сдвинул брови. — Пора нам на кладбище, отца поведать. Пойдем?..

На кладбище было тихо. На могиле отца — свежая земля, будто его похоронили вчера. Иван Лукич нагнулся, взял щепотку земли. Она была рыхлой и сухой. К деревянному кресту он положил красные розы.

«Ну вот мы и встретились с тобой, батя, — мысленно говорил он отцу. — Я тебя очень любил, и в то, что тебя нет с нами, не хочется верить. Ты хотел, чтобы я стал командиром Красной армии, и я стал им. Ты хотел, чтобы у нас с Кристиной родился сын. Жаль, что пока твою просьбу мы не выполнили. Но сын будет, батя, я тебе обещаю, и, когда он подрастет, я приведу его к твоей могиле и скажу: «Здесь покоится твой дедушка, герой войны!..» Ты знаешь, что после учебы я пожелал служить на Дальнем Востоке, где довелось сражаться с японцами на Халхин-Голе. Там я заслужил медаль, теперь вот добился, чтобы меня перевели на Сталинградский фронт. Буду сражаться за наш любимый Сталинград, батя, так велит мне долг. Я продолжу твое дело — ты же в Гражданскую сражался за Царицын?.. Прощай, батя. Пусть земля будет тебе пухом!..»

— Ванюша, — прервала его раздумья Татьяна Акимовна, — умер отец тихо, и я бы желала так умереть.

— Мама, что такое ты говоришь? — упрекнул ее Иван Лукич. — Тебе еще жить и жить.

— А ради чего мне жить, сынок? — усмехнулась она, поджав губы. — Внуков у меня нет. Вот разве что ради тебя... Но ты побудешь у меня и уедешь на фронт, и опять я останусь одна, как во поле березка. Одна у меня радость: по субботам хожу в церковь и ставлю свечку за твое здоровье.

Когда они вернулись домой и Татьяна Акимовна стала готовить обед, Иван Лукич сказал, что пообедает позже, а сейчас пойдет к жене.

— Как думаешь, она обрадуется моему приезду? — спросил он. — Может, ты, мама, составишь мне компанию?

— Нет уж, сынок, иди к ней один. — Спohватившись, Татьяна Акимовна добавила: — Ты с ней сам разбирайся, у меня нет времени ходить по гостям. Ты бы поел, Кристина вряд ли тебя накормит.

— А почему не накормит? — насторожился Иван Лукич. — Я ведь ей не чужой, а муж!

«Был мужем, ныне же у нее появился другой, — едва не сорвалось с губ Татьяны Акимовны. — Но мне лучше помолчать. Пусть она сама ему скажет, если совесть еще не потеряла...»

Иван Лукич между тем побрился и, глядя в зеркало, усмехнулся:

— Вот теперь я в форме, мать, можно идти к жене! — Он пригладил волосы.

Провожая его грустным взглядом, Татьяна Акимовна с горечью подумала: «Любит он ее, а она оказалась вертихвосткой...»

Деревянный дом, в котором жила Кристина, стоял на берегу Волги. Сюда доносился гомон чаек. Они резали крыльями тугой воздух, то и дело стремительно припадали к воде, выхватывали из нее рыбешек и также стремительно взмывали ввысь.

«Только бы Кристина была дома», — подумал Иван Лукич.

Он слегка толкнул плечом калитку и вошел во двор. Окна, что выходили на улицу, были зашторены белыми занавесками. Иван Лукич поднялся на крыльцо и постучал в дверь, но ему никто не ответил. Тогда он вошел в комнату и с порога спросил:

— Здесь есть кто?

Раздался знакомый голос:

— Это ты, Алеша? Я сейчас...

Он застыл на месте. Из кухни вышла Кристина и, увидев его, вскрикнула:

— Ты? — Из ее рук выпало полотенце, а лицо вмиг потемнело.

— Я, Кристина, — заговорил Иван Лукич. — А ты ждала Алексея? — Он перевел дух. — Кто он?

— Мой муж! — дерзко, с вызовом произнесла Кристина.

Она уже пришла в себя, глаза у нее заблестели, а лицо покраснелось так, что Ивану Лукичу сделалось не по себе. Он усмехнулся через силу и спросил:

— А я что, тебе не муж?

— Нет, — резко ответила она.

— И давно я стал не твоим мужем?

— С тех пор как уехал в Хабаровск. — Кристина насмешливо улыбнулась. — Скажу тебе правду, Ванек: я тебя не любила.

— Почему же ты не сказала мне об этом раньше?

— Думала, что полюблю, но не получилось.

— А как же наш ребенок, которого ты ждала?

— Вскоре после твоего отъезда я сделала аборт. Пойми, Ванек, зачем мне ребенок от человека, которого я не люблю и от которого твердо решила уйти?

— Ты убийца, Кристина! — глухо выговорил Иван Лукич.

— Не смей меня, — усмехнулась Кристина. — Я все сделала по закону. Мне было плохо, начало шалить сердце, а я еще хочу жить. Рисковать ради твоего благополучия я не могла.

Он был растерян и не знал, что еще сказать. От жара распирало грудь, сердце билось учащенно, казалось, оно вот-вот вырвется наружу.

— Выходит, ты с этим Алексеем зналась давно? — спросил Иван Лукич. — Кстати, кто же он?

— Аспирант на кафедре в институте, — торопливо промолвила Кристина. — Он помогает мне в учебе. А в следующем году, когда я закончу институт, он возьмет меня к себе на кафедру. У меня, как видишь, есть перспектива. А что бы я делала в Хабаровске? — Она повела бровью. — Ты весь день на службе, пахал бы своим танком поле, а я одна дома. Нет, Иван Лукич, у меня совсем другие планы. Извини, что так получилось, но сердцу ведь не прикажешь!..

Она хотела сказать еще что-то, но в это время в комнату вошел мужчина. Был он высок ростом, черноглазый и, как успел заметить Иван Лукич, улыбался. Он громко произнес:

— Извини, Кристина, я малость опоздал. Понимаешь, меня задержали на кафедре. — Он подошел к ней и поцеловал ее в щеку. — Все, что надо для дачи, я взял, и мы можем ехать на два дня. Ты готова? Да, у тебя в гостях капитан-танкист. Почему не познакомишь?

— Мой бывший муж, — сказала она без тени смущения.

— Ах, вот как! — воскликнул Алексей. — Я, кажется, нарушил вашу беседу. Тогда я выйду, пока вы не переговорите.

Кристина крепко взяла его за руку.

— Не уходи, Алеша, мы с ним уже объяснились, он сейчас нас оставит.

— Да, я уйду, — наконец очнулся Иван Лукич. Он шагнул к двери, но вдруг обернулся, снял с пальца обручальное кольцо, которое ему дала Кристина, и положил его на край стола. — Оно твое, Кристина, можешь подарить его своему избраннику.

Оба — Алексей и Кристина — застыли в растерянности. А Бурлак плечом резко толкнул дверь и вышел из комнаты.

«Все рухнуло в одночасье, теперь я вновь стал холостым, — подумал он. — А я-то, дурень, едва слезы не лил по Кристине. Она тебя надула, капитан. Так тебе и надо: клюнул на красотку и получил удар в пах. Да, права мать, не знал я, чем Кристина дышит...» У него было такое чувство, словно он потерял частицу себя. Пришел домой расстроенный, но старался не подать виду. Татьяна Акимовна спросила:

— Ну что, повидал Кристину?

«Не сказала “жену”, — отметил Иван Лукич, — видно, давно знала, что у Кристины есть другой, а мне не открылась». И он твердо произнес:

— Мать, она мне давно не жена. Понимаешь, у нее появилась тяга к науке. Новый ее избранник — аспирант кафедры, где она учится.

— Сучка, — буркнула Татьяна Акимовна.

— Что ты сказала, я не расслышал...

— Давай обедать, сынок, а то тебе пора уходить в Штаб.

Уже был полдень, когда капитан Бурлак прибыл Штаб Сталинградского фронта. В проходной у штольни его встретил дежурный майор.

— Вы к кому, товарищ капитан? — спросил он, поправляя на боку пистолет.

Бурлак объяснил, что прибыл из Хабаровска в распоряжение штаба Сталинградского фронта.

— Вот мое удостоверение личности и предписание. — Он протянул майору документы.

— Капитан Бурлак Иван Лукич, — прочел дежурный. — Понял. Но сейчас начальника штаба фронта нет, он в войсках, придется подождать. Может, о вас доложить командующему фронтом генерал-лейтенанту Гордову?

— Если можно. — Иван Лукич взял документы из рук майора.

Гордов сидел за столом и что-то чертил карандашом на оперативной карте фронта.

— Товарищ командующий, разрешите? — спросил вошедший дежурный. — К вам прибыл капитан.

— Откуда, кто такой? — По лицу Гордова скользнула тень. — Из Хабаровска? Командир танкового батальона? Пусть войдет!

Бурлак, вытянувшись в струнку, доложил о себе.

— Говоришь, прибыл для дальнейшего прохождения службы? — Генерал Гордов поднялся из-за деревянного стола и, закутив, подошел к нему ближе. Был он среднего роста, плотный, широкий в плечах, с приятной улыбкой на худощавом лице и черными глазами, над которыми топорщились брови. — Тут, капитан, не служба, а война! Сегодня ты жив, здоров, а завтра тебя могут убить. Так что, Иван Лукич, ты прибыл как есть в самое пекло. Мне позарез нужны танкисты. Вчера, к примеру, мы потеряли в боях пятнадцать танков Т-34, половину из них неделю назад получили со Сталинградского тракторного завода.

Вот и выходит, что прибыл ты, как говорится, с корабля на бал. Кстати, откуда ты родом?

— Из Сталинграда, товарищ генерал, — сдержанно промолвил Бурлак. — Здесь живет мать. Отец недавно погиб, на тракторном заводе работал. Бомба с «юнкерса» угодила в цех...

— Вот видишь, в твоей семье уже такая большая потеря, — грустно произнес командующий. — Женат?

— Был, товарищ генерал. — Бурлак до боли сжал губы, но тут же разжал их: — Дороги наши разозлились...

— Не понял? — вскинул брови генерал. — Что, бросил жену?

— Она... — Иван Лукич почувствовал, как сжалось сердце. Передохнув, он продолжил: — Она ушла к другому...

— Знаешь, как это называется, капитан? — Гордов попыттел папиросой, потом загасил ее. — Изменой. Так и надо говорить, а то «ушла». — Он вернулся к столу и сел. — То, что ты, капитан, был командиром танкового батальона, — хорошо. А то, что не был в боях, плохо. Немцы не дураки, они здорово воюют. Надеюсь, ты знаешь, чем они нас берут?

Бурлак усмехнулся уголками губ:

— Ясное дело чем: танками да авиацией.

— Верно говоришь, — вздохнул генерал. — Соотношение на поле боя таково: на один наш танк приходится пять вражеских, а то и больше. Тяжело с таким противником сражаться, да еще тому, кто такого боя на себе не испытал. Так что тебе надо еще чуток поучиться, а потом в атаку идти.

— Вы не правы, товарищ командующий, — неожиданно возразил Бурлак. — В боях я уже бывал, правда, не на этой войне, а в сражениях с японцами на Халхин-Голе в тридцать девятом. Даже медаль за боевые заслуги мне вручили...

— А ты не врешь, капитан? — удивился командующей. — Там нашими войсками командовал Георгий Жуков, наверное, ты видел его?

Он в упор смотрел на Бурлака. А у того отчего-то лицо залилось краской, как у школьника, не выучившего урок. Сказал, однако, просто, словно разговор шел о пустяковом деле:

— Из его рук там же, на Халхин-Голе, я взял медаль.

У Гордова от удивления распахнулись глаза.

— Неужели правда? — жестко произнес он.

Улыбка на лице Бурлака истаяла, он потемнел лицом.

— Товарищ генерал, что вы такое говорите? — натужно промолвил он, голос у него заметно дрогнул.

— Не сердись, капитан, у меня тут бывали случаи и похуже, — невесело заметил Гордов. — Недавно передовой отряд 62-й армии генерала Колпакчи атаковали немецкие танки. Но сломить нашу оборону им не удалось. Командарм докладывает, что в тяжелом бою его бойцы уничтожили тридцать немецких танков. Спрашиваю: «Не врешь?» Командарм во весь голос рявкнул в телефонную трубку: «Для меня правда что глоток воды из родника в знойный день», — но оговорился, что сам подбитых машин не видел, а командарму верит. Приказывают ему уточнить, сколько же уничтожено танков. И что ты думаешь, капитан? Подбили не тридцать, а тринадцать! Командарм стал оправдываться: мол, на линии связи слышимость плохая и кто-то перепутал. На войне такое случается.

Командующий только сейчас заметил, что капитан все еще стоит.

— Ты садись, Бурлак, сейчас подъедет начальник штаба, и мы решим, куда тебя направить, — заверил Гордов. — Возможно, оставим в штабе фронта. Есть у нас должность.

— Лучше в дивизию, на передний край, — попросил Иван Лукич.

— Не торопись, голубчик, еще успеешь наглотаться фронтового дымка, а этот дымок горький, достает до самой печенки.

Еще когда Бурлак вошел во двор штаба, он увидел неподалеку танк Т-34. Решил, что машина, наверное, не на ходу, иначе зачем ей тут быть? Спросил об этом у генерала, и тот коротко изрек:

— Танк придан для охраны штаба. — Увидев, как у капитана дернулись брови, уточнил: — Немцы нередко высаживают в наш тыл десанты автоматчиков, чтобы захватить штаб русских. У нас был случай, когда штаб полка они уничтожили с тыла. Но сюда враг не рискнет забросить автоматчиков, до передовой далеко. И все же надо быть начеку...

В комнату шумно вошел начальник штаба генерал Никишев. Он платком смахнул с лица пот, передохнул.

— Ну что там, в 62-й армии? — спросил его Гордов. — Немцы напирают?

— Еще как напирают! — Никишев плюхнулся на стул, — Но меня беспокоило другое, товарищ командующий. Командарм генерал Колпакчи не уверен, что его армия сдержит натиск врага. Почему? Армия понесла большие потери, а восполнить их нечем. Особенно мало у него осталось танков. Я считаю, что ему следует помочь. Командарм он энергичный, есть у него боевой опыт...

— А боевой дух у него итак, — прервал начальника штаба Гордов. — Он и мне как-то жаловался, но я одернул его. Говорю: «Если не уверен, что можешь выстоять в боях, пиши рапорт, тогда на твое место найдем другого генерала». Так нет же, рапорт писать не стал. — Командующий перевел взгляд на Бурлака. — В распоряжение штаба прибыл капитан Бурлак Иван Лукич. Он окончил Академию бронетанковых войск, так что теоретически вояка подготовленный, ему бы еще опыта набраться.

— Прибыли из Москвы? — спросил Никишев.

— Из Хабаровска!

— А почему сюда, там ведь есть Дальневосточный фронт? — удивился начальник штаба.

— Понимаешь, там нет сражений, нет романтики что ли, а у нас под Сталинградом всего этого вдоволь, — насмешливо произнес Гордов. — И перевели капитана в наши края по приказу Генерального штаба! Верна моя мысль, Иван Лукич?

— Так точно, верна, товарищ командующий. — Бурлак встал, одернул гимнастерку.

— Кстати, — спохватился Гордов, — я вас не познакомил. Это начальник штаба генерал-майор Никишев. Он и займется вами.

— Я готов, — коротко промолвил Бурлак.

А командующий продолжил разговор с начальником штаба:

— Посмотри, куда нашего героя определить. Может, в танковую дивизию? Не стану возражать, если оставишь его при штабе. Словом, сам решай. Попозже зайдешь ко мне. Сейчас я хочу переговорить с Генштабом, дадут ли нам резервы. И еще тебе задание: свяжись с генерал-лейтенантом Чуйковым и узнай, как там у него дела. Пусть объяснит, почему правое крыло 64-й армии отошло за реку Чир. У тебя он не брал разрешение на это?

— Нет, он мне не звонил, товарищ командующий, хотя меня это тоже волнует.

— Тогда вызывай Чуйкова на тридцатое июля в штаб фронта, и тут все выясним.

Генерал Никишев кивнул капитану Бурлаку:

— Пойдемте со мной, моя комната тут рядом...

Генерал Чуйков подписал донесение в штаб фронта и намеревался съездить в танковый корпус. Неожиданно из поселка Песчанка ему позвонил командир полка:

— Товарищ замкомандарма, немцы захватили станцию Воропоново!

«Там же стык 62-й и 64-й армий! — пронеслось в голове Чуйкова. — Потом фрицы подтянут резервы и ринутся на наши позиции через станцию Садовая. Нет, такой возможности я им не предоставлю!..» Приказав командиру полка держаться до последнего, Чуйков спросил начальника штаба генерала Ласкина, далеко ли от поселка находится станция Воропоново.

Ласкин метнулся к столу, бросил острый взгляд на оперативную карту.

— Километра полтора-два, — уточнил он.

— Я немедленно еду в поселок, чтобы укрепить этот участок, а вы остаетесь за меня. — Чуйков взял с собой все необходимое, но у двери остановился: — Донесение в штаб фронта на моем столе, отправьте его.

6

Чуйков на трех машинах с бойцами выехал в заданный район. Дорога была хорошей, и до поселка добрались быстро. И тут началось... В небе появились «юнкерсы», они вынырнули из-за туч. Чуйков понял, что сейчас начнется бомбежка. Так оно и случилось. Но бомбы взрывались в стороне, и никто не пострадал. И вдруг в бинокль Чуйков увидел вдали немецкие танки. Со стороны Воропонова они устремились на наши позиции, на ходу методично стреляя из орудий. На каждой машине — автоматчики. Чуйков насчитал 25 танков. Когда они подошли к поселку Песчанка, неожиданно по ним открыли огонь наши танки Т-34, замаскированные в густом кустарнике. На поле загорелось 7 вражеских машин, остальные повернули обратно. Черный густой дым за клубился над широким полем.

— Драпают фрицы! — усмехнулся Чуйков. — Наверное, сейчас они перестроят свои ряды, получат подкрепление и снова пойдут на наших бойцов...

В этом жарком бою отличился 101-й гвардейский стрелковый полк 35-й гвардейской дивизии. Один из храбрецов — командир взвода Кириченко. Когда враг снова пошел на наши огневые позиции, он подпустил их поближе и громко скомандовал:

— Огонь! — И еще громче добавил: — Бей их, гадов, покрепче!..

На поле боя запылало еще пять фашистских танков.

Генерал Чуйков был доволен тем, как сражались наши бойцы, особенно взвод смельчаков Кириченко. Он поздравил его с победой.

— А ты герой, братец! — Генералу пришлось по душе этот коренастый чернобровый парень. — Скажи, а страха у тебя не было? — Ироническая улыбка тронула его губы.

— Как увидел эти чудовища с черными крестами, по спине пробежал холодок, — признался командир взвода. — А так ничего вроде... У каждого на фронте своя война, — философски добавил он. — На нашу землю пришел лютый враг, и если не ты, то он тебя уничтожит. А я не желаю быть побежденным! За моей спиной — Родина, родной Сталинград. Тут уж бейся за наше святое дело до последней возможности.

— Война-то у каждого своя, но победа на всех одна, — серьезно парировал Чуйков. — А коль так, то каждый из нас должен внести в эту победу свой пай. Ты уничтожил танк, другой сбил вражеский самолет, а третий, сапер, выставил мины на поле, и на них враг подорвался... Словом, каждый боец делает то, что ему надлежит, но делает не абы как, а добротнo, на совесть, как велит воинский долг и присяга. Что, разве я не прав?..

Мало кто решался возразить Чуйкову, прошедшему суровой фронтовой дорогой. А брала она начало со времен Гражданской войны, где Чуйков в свои неполные двадцать лет командовал полком. В Финскую войну он уже водил в сражение 9-ю армию, бойцы которой бесстрашно громили финских захватчиков. Война, вероломно начатая Гитлером, обескуражила Чуйкова на какое-то время, но из седла жизни не вышибла. И сейчас, находясь на НП5 армии севернее разъезда Рычковский, он уверенно держал связь с дивизиями, руководил сражением. Уже пятый день подряд танки 51-го вражеского армейского корпуса пытались опрокинуть оборону, но бойцы и командиры 112-й стрелковой дивизии успешно отражали их удары, порой и сами переходили в атаку, имея в своем составе лишь 10 танков против 100 фашистских. На шестой день рано ром полки 112-й и 229-й дивизий при поддержке артиллерии и авиации ринулись в контратаку и отбросили противника за реку Чир...

«Кажется, комфронт Гордов будет нами доволен, когда доложу ему, — отметил в душе Чуйков. — А то он все косился на меня, когда был командармом...»

Но неожиданно генерал Гордов сам вызвал Чуйкова в штаб. Об этом Василию Ивановичу сообщил по телефону дежурный штаба фронта. «Вам срочно прибыть к командующему», — сипло прозвучал его голос в телефонной трубке.

— Зачем? — невольно сорвалось с губ Чуйкова.

— Вам скажет сам командующий! — гаркнула трубка.

«Наверное, что-то важное, если потребовался так срочно», — решил заместитель командарма.

Оставив вместо себя начальника штаба генерала Ласкина, Чуйков быстро собрался и выехал в Сталинград. Город хотя и был прифронтовым, но паники среди жителей не наблюдалось. Жизнь текла по деловому и размеренно. Но Чуйков-то знал, что уже скоро здесь развернутся такие события, что в городе не выжить. Часть людей эвакуируют, а остальные будут сражаться с врагом, дышать горьким дымом, если, конечно, останутся в живых. Однако уже сейчас почти каждый день город бомбили вражеские самолеты.

А вот и штаб фронта. Чуйкова встретил дежурный. У него было отчего-то строгое лицо, а в глазах читалась грусть. Но голос его звучал бодро.

— Кому прикажете доложить? — корректно спросил он, вскинув руку к фуражке.

— Скажите, что прибыл заместитель командарма 64-й генерал-лейтенант Чуйков!

— Одну минуту! — Дежурный юркнул в дверь за которой в своем кабинете находился Гордов, и тут же вышел. — Вам велено подождать.

Ждать пришлось долго. В душе Чуйков негодовал, но сделать ничего не мог. «Потом я все ему выскажу, — успокаивал он себя. — Там мои люди сражаются, а я сижу тут без дела. Он, комфронт, что, не знает, какова ситуация на фронте?» — едва не выругался Чуйков вслух.

Командующий фронтом принял его поздно вечером. Чуйков заметил, что Гордов был не в духе, сидел возбужденный, лицо что маска из воска, серо-зеленое, в карих глазах, над которыми топорщились белесые брови, таилась печаль. Он сухо поздоровался с Чуйковым, спросил, чем живет 64-я армия, много ли потерь понесли в боях.

— Потери есть, — подтвердил Чуйков. — Да и как им не быть, коль на фронте такая заваруха? Если говорить как на духу, — продолжал он, — то армией я доволен. Люди сражаются стойко, и вражьи пули их не страшат...

Гордов усмехнулся, лицо его немного посветлело.

— Да ты, Василий Иванович, прямо стихами говоришь!

Чуйков слегка сдвинул брови.

— Стихи тут ни при чем, товарищ командующий, — пылко возразил он. — Что есть, то и говорю. Сил-то у врага втрое больше, потому и тяжело нашему брату в боях.

— И все же нам надо воевать лучше и крепче держать оборону, — жестко сказал Гордов. — Мне перед твоим приходом звонили из Ставки...

— Кто? — слетело с губ Чуйкова.

— Сталин — вот кто! — воскликнул комфронт. — Сыпал в наш адрес язвительные упреки, мне же обидно было, как будто мы тут не сражаемся, а играем в войну. До сих пор в моей душе горечь...

«Так вот почему он так долго меня не приглашал», — догадался Чуйков, и ему сразу полегчало.

— Что хочу сказать вам? — вновь заговорил комфронт, закуривая папиросу и переходя на

официальный тон. — Немцы увязли в оборонительных позициях. Теперь их можно уничтожить одним ударом.

Чуйков усмехнулся, ему даже стало весело от слов Гордова.

— Шутите, товарищ командующий. — Он посерьезнел. — Ваш оптимизм разделить не могу.

По губам Гордова скользнула усмешка.

— Я не хуже вас знаю ситуацию на фронте! — оборвал он Чуйкова. — Лучше объясните мне, почему правое крыло 64-й армии отошло за реку Чир?

— Это очень важно?

— Для того и вызвал вас в штаб фронта, — съязвил Гордов.

Чуйков сдержанно объяснил: отход был вынужденным.

— Мы не успели полностью развернуть армию. Та же 229-я стрелковая дивизия, где я находился во время танковой атаки противника, имела в обороне половину своих сил, и, не отведи ее за реку, она понесла бы огромные потери в людях...

Генерал Гордов прервал его:

— Почему об этом мне не доложили?

— Не смог, товарищ командующий. В это время нас бомбили «юнкерсы», а с северной стороны на позиции шли танки. Куда уж тут бежать к телефону, когда надо было отбиваться от нахлынувшего врага!

«Выкрутился, — чертыхнулся в душе Гордов. — Хитрец, однако».

— Представьте мне письменный доклад! Не позже чем завтра к вечеру он должен быть у меня на столе.

Чуйков встал, надел фуражку:

— Разрешите убыть в армию? Там на основе карт и документов я подготовлю вам отчет. — Видя, что комфронт почему-то медлит с ответом, он добавил: — Войска армии сейчас ведут бои, и я не могу долго отсутствовать на КП.

Гордов тоже встал, ладонью пригладил вихор.

— Вопросов у вас нет? — спросил он, заметно успокоившись.

— Есть один, если можно...

— Говорите!

— Когда назначат командарма в 64-ю армию?

— А что, без него тяжело? — усмехнулся Гордов.

— Нелегко, товарищ командующий, — признался Чуйков.

— Скоро будет вам новый командарм, потерпите день-два, — пообещал Гордов. — А теперь можете уезжать.

«Наконец-то я свободен», — легко вздохнул Чуйков. Казалось, он сбросил со своих плеч тяжелый груз.

Повеселевший, он прибыл на свой командный пункт. Начальник штаба генерал Ласкин был чем-то не на шутку встревожен, даже посерел лицом.

— Беда, товарищ замкомандарма, — выпалил он на одном дыхании.

— Что тебя так испугало? — насмешливо спросил Чуйков.

— Крупные силы немцев начали наступление из района Цимлянской вдоль железной дороги Тихорецк — Сталинград в направлении на Котельниково. Вот взгляните. — Ласкин развернул на столе оперативную карту.

Чуйков склонился над картой.

— Немчура хочет зайти в тыл нашей армии, — раздумчиво промолвил он.

— Не только нашей армии, но и всему Сталинградскому фронту! — уточнил генерал Ласкин. — Что делать? Меня аж холодный пот прошиб, а вас все нет. Тогда позвонил в штаб фронта, и мне ответили, что вы уже выехали. Что, небось комфронт критиковал нас?

— Было такое.

Чуйков вышел из блиндажа. Ласкин последовал за ним. Небо было усыпано звездами, откуда-то издалека доносились глухие орудийные залпы. Чуйков обернулся к начальнику штаба:

— Приглашайте сюда руководство армии, будем кумекать, как нам быть...

Однако днем ситуация на фронте прояснилась. Наши войска оказали упорное сопротивление противнику в большой излучине Дона. Это озадачило руководство вермахта. Что же делать? Гитлер размышлял недолго. Он приказал генералам перегруппировать свои силы, в частности 4-ю танковую армию генерала Гота, нацеленную на Кавказ, срочно перебросить под Сталинград. Перед ней была поставлена задача: с марша нанести удар, с юга овладеть городом, затем окружить войска Сталинградского фронта.

Поздно вечером, усталый, Чуйков вернулся из соседней дивизии. Он умылся холодной водой и собрался было поужинать, как ему позвонил командарм 62-й генерал Колпакчи. Голос на линии часто срывался, но Василий Иванович разобрал слова: решением Военного совета Сталинградского фронта командующим 62-й армией назначили генерал-лейтенанта Антона Ивановича Лопатина, а 64-я армия передана в подчинение генерал-майора Михаила Степановича Шумилова.

— Горькую пилюлю подложил мне его величество Гордов, — клокотал в трубке голос генерала Колпакчи. — А ведь я излазил блиндажи и окопы, проверял, крепка ли наша оборона и все ли делают мои люди, чтобы сдержать натиск врага, отбросить его от своих позиций. И что же? Назначили в армию другого!

— Сие от нас, Владимир Яковлевич, не зависит, — вздохнул Чуйков. — Начальству виднее, кто на что способен. Да и зря ты волнуешься, дружище! Может, решили дать тебе другой пост, чтобы ты навел там своей железной рукой порядок?

— Сказали бы куда, а то молчат, — сердито закончил Колпакчи.

Положив трубку, Чуйков не без грусти подумал: «Гордов почему-то и меня не поставил в известность, а мог бы позвонить. Остается одно: ждать нового командарма».

Наступившее утро было не таким жарким, как вчера. Дул легкий ветерок, солнце запеленали серо-бурые тучи, казалось, вот-вот брызнет дождь. Только не это, иначе боевая техника завязнет в грязи и орудия придется тащить солдатам. Раздумья замкомандарма прервал генерал Шумилов, прибывший в штаб армии. Был он невысок ростом, сероглазый, лицо худощавое, взгляд открытый. Здороваясь с Чуйковым, сказал с улыбкой на шершавых от ветра губах:

— Принимай гостей, Василий Иванович! Как жизнь?

Тот слегка растерялся поначалу, потом бодро ответил:

— Вы не гость, Михаил Степанович, а командующий нашей 64-й армией, и я рад поздравить вас с назначением! Что же касается жизни, то она весьма беспокойная. Враг наседает, того и гляди, шальная пуля укусит.

— Да, противник у нас сильный, и нам будет нелегко сражаться с ним. — Шумилов сел к столу, закурил папиросу и протянул портсигар своему заместителю: — Пробуй, трофейные!

— Мне по душе махорочка, — отказался Чуйков. — Дымок пробирает до самой печенки... — И заговорил о другом: — Я готов передать вам армию, все документы вот здесь. — Он положил пухлую папку на стол.

— Я полагаю, что до обеда мы с тобой, Василий Иванович, обговорим все вопросы, — произнес командарм. — А начальнику штаба поручи собрать на два часа дня весь руководящий состав армии. Хочу ближе узнать людей, обсудить ситуацию на обороняемых позициях. Кстати, Василий Иванович, что-то я не вижу оперативных карт.

— Они у начальника штаба, я сейчас дам ему знать...

Чуйков вышел и вернулся с начальником штаба. В дверь постучали.

— Входите! — отрывисто бросил Шумилов.

Прибыл старшина-почтальон. Он шагнул к столу, за которым сидел Шумилов, и вручил ему пакет.

— Из штаба фронта, товарищ генерал, — уточнил старшина.

— Наверное, комфронт Гордов что-то для нас придумал, — подал реплику Чуйков и насмешливо улыбнулся.

— Вряд ли, свое распоряжение он передал бы по «бодо», — возразил начальник штаба. — Тут что-то другое.

Между тем Шумилов надорвал конверт и вынул из него вдвое сложенный лист бумаги. Это был приказ народного комиссара обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 года, размашисто подписанный Сталиным. В препроводительной записке на имя командарма указывалось, что приказ надо «довести до сведения каждого бойца и командира».

— Ясно, товарищи? «До каждого бойца и командира!» — громко повторил командарм.

Натужным голосом он начал читать документ. Первые же строки приказа правдиво раскрывали обстановку, сложившуюся на фронтах. Отметив, что наша Родина переживает тяжелые дни, нарком обороны требовал «в корне пресекать разговоры о том, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры, отмечалось в приказе, являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо, если не прекратить отступление, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов без железных дорог... Пора кончить отступление! Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв». Приказ требовал от войск «остановиться на занимаемых ими рубежах, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это ни стоило...».

Генерал передохнул, потом снова стал читать:

— «Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев, — это значит обеспечить за нами победу... Чего же у нас не хватает? Не хватает порядка и дисциплины в ротах, в батальонах, в полках, в дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять нашу Родину...»

Чуйков и Ласкин молчали.

— Приказ необычно откровенный и весьма строгий, — произнес генерал Шумилов, закончив читать. — В нем все разложено по полочкам, что и как надо сделать, чтобы сокрушить ненавистного врага.

Он хотел еще что-то сказать, но увидел в дверях члена Военного совета Абрамова. Тот вчера уехал в соседнюю стрелковую дивизию, обещал Чуйкову, что вечером вернется, но прибыл на другой день.

— Я задержался, товарищ командарм, так как заехал еще к танкистам, — объяснил член Военного совета.

— А мы вот изучаем приказ номер 227 наркома обороны товарища Сталина, который я держу в руках. Отдаю его вам, чтобы прочли сами, размножили, а потом отправили командирам дивизий. Подумайте, как это лучше сделать. Уверен, что этот приказ поможет нам сплотить людей, они станут смелее бить фашистов!.. — проговорил Шумилов.

— Я все сделаю, Михаил Степанович, — заверил Абрамов.

Ночь прошла тревожно. Дважды «юнкерсы» бомбили Сталинград, особенно его пригород и переправы через Дон и Волгу. Чуйков с утра собирался побывать в штабе 62-й армии генерала Лопатина, который недавно сменил генерала Колпакчи в должности командарма. Уже было собрался, но его неожиданно вызвал генерал Шумилов. Когда Чуйков вошел к нему, то увидел здесь и начальника штаба.

— Слышал новость, Василий Иванович? — спросил его Шумилов, гася окурок в пепельнице, сделанной из гильзы снаряда.

— Новостей много, Михаил Степанович. Что вы имеете в виду? — спросил Чуйков.

Шумилов прытко встал, поправил ремень на гимнастерке.

— Новость одна, и главная, — заговорил он, волнуясь. — 4-я танковая армия генерала Гота прорвала оборону 51-й армии и вчера, 1 августа, захватила Ремонтную и подошла к Котельникову. Левый фланг нашей армии и всего Сталинградского фронта она охватывает с юга. — Шумилов с укором посмотрел на Чуйкова, темнея лицом. — Кто у нас командарм 51-й? Генерал Коломиец, так? Он разве не читал приказ номер 227? Там ведь прямо записано: ни шагу назад без приказа высшего командования! Приказ на отступление я ему не давал, а ты? — выдал Шумилов пересохшим от жары голосом. Заметив это, адъютант принес стакан с водой. Командарм сделал два-три глотка и вернул стакан. — Спасибо, голубчик.

Чуйков давно понял, что новый командарм по характеру прост, но эта простота не мешает ему проявлять к подчиненным, да и к самому себе высокую требовательность. Его можно понять, тем более если учесть, что на его долю выпало три войны. В Гражданскую Шумилов командовал полком, в советско-финскую возглавлял стрелковый корпус. Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз он встретил генерал-майором, командовал стрелковым корпусом на Северо-Западном фронте, позже стал заместителем командармов 55-й и 21-й, а с августа 1942 года принял под свою опеку 64-ю армию, сменив на этом посту генерала Гордова, ныне командующего Сталинградским фронтом. Сейчас Шумилов был обеспокоен тем, что враг протаранил оборону 51-й армии. Ему казалось, что виновен в этом прежде всего генерал Коломиец, не обеспечивший надежную оборону.

— А Гордова вы об этом проинформировали? — спросил генерал Чуйков.

Шумилов ответил, что полчаса тому назад тот сам звонил ему и потребовал срочно выяснить обстановку на южном участке фронта, — на месте принять нужные меры.

— Решено направить туда вас, Василий Иванович, — подчеркнул командарм. — Возьмите с собой группу бойцов, сажайте их на машину — и в путь! Это дело я с Гордовым согласовал.

Не теряя времени, Чуйков на машине отправился на южный участок Сталинградского фронта. Поздно вечером, когда в небе уже ярко горели звезды, а месяц лукаво поглядывал на землю, он прибыл в поселок Генераловский в штаб 29-й стрелковой дивизии. Комдив полковник Колобутин, среднего роста, широкоплечий, с веселым добрым лицом и живыми серыми глазами, отдал ему рапорт.

— Ну, рассказывайте, как тут ведут себя фрицы? — Чуйков сел на стул.

— Пока у нас тихо, товарищ замкомандарма, но противник подтягивает сюда свои войска. — Колобутин устало передохнул. — Сейчас немцы режутся в районе Цимлянской и Ремонтной. Там весьма горячо.

— Я поеду туда. — Чуйков кашлянул. — Заночуем у вас, а рано утром двинемся дальше. Выделите в мое распоряжение два десятка бойцов, посадите их на две машины, они поедут с нами. Не исключено, что там придется принять бой.

— Слушаюсь, товарищ генерал, — повеселевшим голосом произнес комдив. Он тут же вызвал начальника штаба дивизии и поручил ему подготовить людей и машины. После этого обернулся к Чуйкову: — Стол накрыт, так что прошу вас перекусить с дороги...

В полдень отряд Чуйкова подъехал к хутору Верхне-Яблочный. И тут выяснилось, что отступали войска 138-й дивизии полковника Людникова и 157-й полковника Куропатенко, обе дивизии из состава 51-й армии генерала Коломийца. В районе Цимлянской и Ремонтной их атаковали немецкие танки, обе дивизии понесли большие потери.

— У нас нет связи со штабом армии, поэтому приняли решение отходить к Сталинграду, — объяснил Чуйкову комдив 138-й Людников.

— На танки с винтовкой не пойдешь, — поддержал своего коллегу комдив 157-й Куропатенко.

Что оставалось делать генералу Чуйкову? Он подчинил себе обе стрелковые дивизии и приказал комдивам отойти за реку Аксай и занять там оборону. Сюда же Чуйков распорядился перебросить 154-ю морскую стрелковую бригаду полковника Смирнова. Таким образом, генерал Чуйков создал оперативную группу войск 64-й армии, штаб которой располагался в станице Верхне-Кумская.

«Теперь пора дать знать о себе Шумилову», — подумал Василий Иванович. Но установить связь с командармом ему не удалось. Тогда по радиации Чуйков связался со штабом Сталинградского фронта. Доложив обстановку на южном участке фронта, он спросил:

— Какие будут указания?

— Держать оборону на реке Аксай до последней возможности! — потребовал начальник штаба. — Ни шагу назад! Надеюсь, вы не забыли приказ номер 227? — После паузы он добавил: — В районе Чилеков — Котельниково разгружается прибывшая из Сибири 208-я стрелковая дивизия. Она передается в ваше подчинение.

— Вас понял, исполняю! — коротко отозвался Чуйков.

Вечером 5 августа загрохотали орудия, а небо осветилось огоньками трассирующих пуль — это противник начал наступление в стык дивизий Людникова и Куропатенко. Ему удалось форсировать реку Аксай и частично вклиниться в наши боевые позиции. Вскоре бой утих. Теперь на плацдарме враг стал накапливать свои силы, готовить танки к переправе. Разведчики зафиксировали все это, и было решено сорвать наступление немцев. Поздно ночью Чуйков побывал у комдивов Людникова и Куропатенко и объяснил им суть предстоящей операции.

— Рано утром наша артиллерия откроет огонь по скоплениям врага, а потом начнем атаку, — сказал

замкомандарма. — Действовать надо решительно и дерзко, иначе провалим операцию.

Атака для врага была неожиданной, она застала его врасплох. Чуйков находился на высоте 147 и видел, как из балок и укрытий начала разбегаться вражеская пехота, а за ней обозы и артиллерия...

В начале августа на подступах к Сталинграду шли ожесточенные бои. Наши войска, опираясь на укрепленные рубежи, оказывали врагу упорное сопротивление, наносили контрудары, изматывали вражеские войска. Тяжелые сражения шли на участках 62-й и 64-й армий. Пути к городу из-за нехватки войск и боевой техники, особенно танков, прикрывались слабо, и обе армии несли большие потери, а пополнять их было нечем. Сталинградский фронт, говоря словами верховного, буксовал. Ставка обсудила создавшееся положение. Учитывая, что войска фронта растянулись более чем на 700 километров, возникли трудности в управлении ими, что, естественно, отрицательно сказывалось на боевых действиях. Было решено разделить этот фронт на два: Сталинградский Юго-Восточный. Генштабу верховный поручил проработать все детали.

— Завтра к десяти утра будьте готовы доложить ваши соображения, — предупредил Сталин генерал-полковника Василевского.

— Слушаюсь, Иосиф Виссарионович! — ответил начальник Генштаба.

7

Вернувшись из Кремля, Василевский принялся за работу. Своему заместителю генерал-лейтенанту Бокову он поручил связаться с Гордовым и узнать, что происходит на фронте.

— К семи утра он должен был дать в Генштаб сведения за прошедшие сутки, но мы их так и не получили, — напомнил Василевский.

Боков позвонил по ВЧ в штаб Сталинградского фронта. Ему ответил генерал Гордов.

— Слушаю вас, Федор Ефимович! — раздался в трубке его басовитый голос.

— Почему до сих пор мы не получили от вас информацию о ситуации на фронте? — спросил замначальника Генштаба. — Скоро полдень, а вы молчите!.. Что? Не понял, повторите!.. Так, понял — вы были у командарма 62-й. А чем занят начальник штаба? Он ведь мог направить донесение?

— Вас понял, учту на будущее, — отозвался Гордов.

— Какова у вас ситуация?

— Ситуация прежняя, — повеселевшим голосом ответил командующий фронтом. — Немцы наседают, а мы отбиваемся как можем. У нас большие потери, и нам нужна поддержка резервами. На своих людей не могу жаловаться, они стойко держат оборону. Вчера оперативная группа 64-й армии под командованием генерала Чуйкова атаковала в балке Попова скопление вражеских войск и отбросила их за реку Аксай. Есть трофеи, взяты пленные. Я доволен Чуйковым, человек он смелый. Волнует меня район Абганерова и Тангута, сейчас там разгорелись бои...

«Тяжелая ноша на плечах моего коллеги Гордова, — грустно подумал генерал Боков, положив трубку на рычажок аппарата ВЧ. — Старается, но Сталин им все же недоволен. Да, такова наша военная судьба — не знаешь, где найдешь, а где потеряешь».

Из Оперативного управления вернулся Василевский.

— Удалось переговорить с Гордовым? — спросил он, садясь в кресло с кипой бумаг в руках.

— Только сейчас положил трубку, — вздохнул Боков и доложил подробности беседы с командующим фронтом. — Василий Николаевич просит поддержать его резервами. Говорит, что армии генералов Шумилова и Лопатина понесли немалые потери. Похвалил генерала Чуйкова: со своей опергруппой он отбросил врага за реку Аксай...

Василевский угрюмо усмехнулся:

— Генштаб формирует резервы, а распоряжается ими Верховный главнокомандующий. Возможно, мне удастся что-то взять для Гордова. — Он встал. — Пора нам, Федор Ефимович, в Ставку.

Тот растерянно заморгал глазами и спросил:

— Мне тоже идти с вами?

— Да. Вы же мой заместитель, и, когда я уезжаю на фронт, вы остаетесь за меня, потому вам необходимо быть в курсе всех дел Генерального штаба. — Помолчав, Василевский добавил: — Так распорядился товарищ Сталин.

В приемной вождя начальника Генштаба задержал Поскребышев.

— Александр Михайлович, мне звонил генерал Еременко и спрашивал вас. Я сказал, что в десять часов будете у верховного, так что имейте в виду.

— Спасибо, Александр Николаевич. Кстати, Жуков уже прибыл?

— Да, он у верховного...

Пока вызванные в Ставку люди усаживались за стол. Сталин стоял у окна и с кем-то разговаривал по телефону. Но вот он положил трубку и взглянул в сторону начальника Генштаба.

— Товарищ Василевский, у вас все готово по разделению Сталинградского фронта на два? — спросил верховный. — Докладывайте! — Сталин перевел взгляд на генерала армии Жукова. Тот сидел рядом с генералом авиации Новиковым и что-то говорил ему. Верховному это не понравилось. — Товарищ Жуков, вам предстоит поездка в Сталинград, так что прошу не отвлекаться...

Василевский между тем напомнил, чем было вызвано разделение Сталинградского фронта на два, сказал, что командующим Сталинградским фронтом остается генерал-лейтенант Гордов, начальником штаба — генерал-майор Никишев. В состав этого фронта включены 63, 21, 62 и 4-я танковые армии, а также 16-я воздушная армия генерал-майора Руденко, формирование которой еще не закончено. В Юго-Восточный фронт вошли 57, 51, 64, 1-я гвардейские и 8-я воздушная армии. Командующим фронтом назначается генерал-полковник Еременко...

Кандидатуру Еременко предложил Сталин. Перед этим он получил рапорт от Андрея Ивановича с просьбой направить его на фронт. Еременко был дважды ранен. Первый раз в боях под Москвой, когда в сложной обстановке его Брянский фронт, прикрывая Москву с юго-запада, вел бои с танковой группой Гудериана. После излечения в госпитале Андрея Ивановича назначили командармом 4-й ударной, которая в составе Северо-Западного, а затем Калининского фронтов зимой 1941 года успешно проводила наступательную операцию на Андреаполь, Торопец и Велиж. Здесь Еременко был снова ранен, но в госпиталь лечь отказался до завершения операции. А когда вылез, написал рапорт на имя Сталина, в котором просил вождя отправить его на фронт...

В кабинет вошел Поскребышев и доложил Сталину о том, что генерал Еременко прибыл.

— Пусть войдет!

Андрей Иванович поставил в угол приемной свою палку — нога еще не окрепла, он прихрамывал, — пригладил волосы и шагнул в кабинет. Сталин подошел к нему и с улыбкой на усталом лице поздоровался за руку.

— Значит, считаете, что поправились? — усы у него шевельнулись, как живые.

— Так точно, подлечился, — ответил Еременко и тоже улыбнулся.

— Тогда будем считать товарища Еременко возвратившимся в строй, — вновь заговорил Сталин, на ходу о чем-то размышляя. — Он очень нам нужен сейчас. Перейдем к делу...

Сталин сказал, что под Сталинградом сложилась такая обстановка, что надо срочно принять меры по укреплению этого важнейшего участка фронта, в связи с этим Сталинградский фронт разделили на два.

— Возглавить один из них Государственный комитет обороны намерен поручить вам, товарищ Еременко, — объявил верховный. — Как вы на это смотрите?

— Готов нести службу там, куда сочтете необходимым меня послать, — твердо ответил Еременко.

Он попросил разрешения «изложить свои соображения».

— Ну что же, мы вас слушаем...

«Ободренный этим, — позже вспоминал Еременко, — я старался изложить их как можно убедительнее. В моем кратком докладе было сказано, что, изучив вчера оперативную обстановку на

Сталинградском направлении, я пришел к определенному выводу, что в будущем левое крыло Сталинградского фронта, закрепившись на западных и юго-западных подступах городу, будучи усилено свежими частями, обеспечит активную оборону, в то время как его правое крыло, также получив пополнение, будет в состоянии нанести с севера удар по противнику на западном берегу Дона и во взаимодействии с «левым» (Юго-Восточным фронтом) уничтожить противника под Сталинградом. С севера — главный удар, с юга же — вспомогательный, фланговый удар, отвлекающий противника от направления главного удара. Заканчивая изложение своих мыслей, я просил назначить меня, если моя наметка будет принята, на «правый» (Сталинградский) фронт, добавив, что моя «военная душа» больше лежит к наступлению, чем к обороне, даже самой ответственной.

Все присутствовавшие выслушали меня внимательно. Наступила пауза. И.В. Сталин, пройдясь по кабинету, сказал:

— Ваше предложение заслуживает внимания, но это — дело будущего, а сейчас нужно остановить наступление немцев.

Набивая табак в трубку, он сделал паузу. Я воспользовался этим, вставив реплику: «Я и предлагаю на будущее, а сейчас нужно задержать немцев во что бы то ни стало».

— Правильно понимаете, — утвердительно сказал он, — поэтому мы решили послать вас на Юго-Восточный фронт, чтобы задержать и остановить противника, который наносит удар из района Котельниково на Сталинград. У вас есть опыт в этом: вы заново создали Брянский фронт. Так что поезжайте, вернее, летите завтра же в Сталинград и создавайте Юго-Восточный фронт».

Днем серебристый «дуглас», описав круг над северной частью Сталинграда, раскинувшегося вдоль берега Волги на десятки километров, совершил посадку на аэродроме. Генерал Еременко поспешно вышел из самолета, следом за ним — небольшая группа военных из Наркомата обороны. Последним на летное поле спустился командир экипажа самолета — высокий краснощекий капитан. Метелка рыжих волос выглядывала у него из-под фуражки.

— Жаркая тут погода, не то что в Москве, — произнес недовольным голосом Еременко. Он снял фуражку, пригладил ладонью волосы и снова надел ее. Взгляд его упал на капитана. — Вам большое спасибо за удачный полет!

Командир экипажа «Дугласа» просто и душевно ответил:

— А вам я желаю успехов в боевой работе, товарищ командующий! Словом, семь футов вам под килем! Так обычно говорят моряки.

Еременко передернул плечами:

— А ты что, капитан, моряк?

— Срочную служил на крейсере «Молотов» на Черноморском флоте, потом пошел учиться на военного летчика. Теперь вот летаю на «Дугласе», хотя, если честно, хочется попробовать себя в роли летчика-истребителя. Впрочем, не отказался бы и от бомбардировщика, чтобы бить гитлеровцев.

— Успеешь еще повоевать, — усмехнулся Еременко, а в душе отметил: «Зачем давать кораблям имена видных людей при их жизни? Вячеслав Молотов жив-здоров, а крейсер носит его имя. Странно, однако, будь я на месте Сталина, это дело запретил бы».

К нему подошел водитель — русоволосый сержант с открытым лицом и серыми глазами. Вскинув руку к козырьку фуражки, он сказал:

— Разрешите, товарищ командующий? Член Военного совета фронта товарищ Хрущев поручил мне

доставить вас в штаб фронта на его машине. — Он кивнул на легковушку черного цвета. — Вот она, моя «ласточка». Прошу пройти к ней.

— Далеко нам ехать? — спросил Еременко, садясь в машину.

— В центр города, товарищ генерал. Там в небольшом доме живут генерал Гордов и Хрущев, — пояснил водитель.

Доехали быстро. Водитель просигналил, ворота открылись, и машина въехала во двор. Войдя в дом, Еременко увидел Хрущева. Он стоял у деревянного стола и слегка улыбался.

— С прибытием на фронт, Андрей Иванович! — громко произнес Хрущев. Они обменялись рукопожатиями. — Вчера мне позвонили из Генштаба и сообщили о цели вашего приезда. Мы уже и комнату вам приготовили. — Он шагнул к соседней двери, Еременко последовал за ним. — Вот ваше жилье. Правда, комната небольшая, но есть все, что нужно, — кровать, стулья и столик раскладной.

Еременко положил свой саквояж в угол комнаты.

— Хоромы мне не по душе, а вот телефон иметь мне надобно. — Он улыбнулся, отчего его полное лицо стало круглым.

— Я дал команду связистам, они сейчас проведут, — объяснил Никита Сергеевич. — А вы прибыли с палочкой — что, нога побаливает?

— Так, чуток и, как правило, на дождь.

— Дождей тут давно не было.

— А где генерал-лейтенант Гордов? — поинтересовался Андрей Иванович.

Хрущев сказал, что с утра они вместе были в районе города Калач и на участках 62-й и 64-й армий.

— Я вернулся, чтобы встретить вас, а Василий Николаевич заехал к танкистам, — подчеркнул Хрущев. — Вообще-то Гордов любит танкистов, у них ведь «броня крепка и танки наши быстры». — Никита Сергеевич засмеялся звонко и протяжно, и это не понравилось комфронту, но он промолчал.

Хрущев предложил перекусить с дороги.

— Наверное, вы еще не завтракали?

— Не успел, Никита Сергеевич, — признался Еременко. — Мы вылетели рано утром.

Они сели пить чай. Неожиданно прибыл командующий фронтом генерал Гордов.

— Вы уже здесь?! — удивленно воскликнул он. Снял фуражку и повесил ее на гвоздь, вбитый в деревянную стенку. Шагнул к Андрею Ивановичу и поздоровался с ним за руку. — Значит, новому фронту велено жить? Странно, однако, получается, не находите? Юго-Восточный фронт еще не создан, а командующий уже есть!

— Так решила Ставка. — Еременко поднялся, одернул гимнастерку. — Директиву я привез.

— Чего ты, Василий Николаевич, критикуешь Андрея Ивановича? — вмешался в разговор Хрущев. — Свое мнение выскажи не ему, а товарищу Сталину.

— Высоко берешь, Никита Сергеевич! — Гордов посерьезнел. — Я не привык беспокоить начальство. Ты свой человек в Кремле, а я кто?

Между тем Еременко положил директиву о разделении фронтов на стол.

— Директива — это хорошо, Андрей Иванович, — вновь заговорил Гордов, полистав документ. — Но это бумага, — угрюмо бросил он, — она танки не заменит. А танки нам очень нужны. Мы вот были с

Никитой Сергеевичем в войсках двух наших армий — генералов Шумилова и Лопатина. Немцы теснят их, наносят чувствительные удары. А почему? Танков у них с гулькин нос! Плохо и то, что у нас слабые оборонительные позиции, надо форсировать их строительство. Ты вот, Андрей Иванович, в сорок первом командовал Брянским фронтом...

— Хочешь сказать, что войска фронта попали в окружение? — прервал его Еременко.

— Нет, я имею в виду Гудериана, — возразил Гордов. — Ты заверил Сталина, что разобьешь любимца фюрера, но фортуна тебе не улыбнулась, ты был тяжело ранен. Но если бы танков у тебя было в достатке, ты показал бы Гудериану кузькину мать, не так ли?

Еременко заметно покраснел:

— Само собой...

— На сегодня танк — решающая сила! — подвел итог разговору Гордов.

Он был доволен тем, что высказал Андрею Ивановичу свои мысли, хотел было добавить что-нибудь злое, даже обидное, но его перебил Хрущев, вмешавшись в их разговор.

— Василий Николаевич, решающая сила фронта — люди! — безапелляционно заявил Никита Сергеевич.

Гордов бросил на него насмешливый взгляд.

— Тогда объясни, пожалуйста, почему вы с маршалом Тимошенко потерпели поражение под Харьковом? — спросил Гордов и сам же ответил: — Немецкая 1-я танковая армия Клейста нанесла удар в южный фланг Барвенковского выступа, а генерал Паулюс начал атаку на ваши войска с севера и захлопнул ловушку. Хорошо еще, что сами вы не попали в лапы фашистов.

— Да, горечь от этого поражения еще травит мне душу, — признался Хрущев. — У нас было очень мало танков, тут ты прав, Василий Николаевич.

Генерал Еременко промолчал, но про себя отметил: Гордов не так прост, как кажется. «Меня укусил, Никиту ужалил, а себя, наверное, считает вроде Наполеона, — сердито подумал Андрей Иванович. — Ладно, поглядим, как сам он будет воевать. Если отличится, то пожму ему руку и поздравлю с успехом».

Гордова Еременко считал выскочкой, и с первой же встречи он ему не понравился. Позже в своих мемуарах «Сталинград» Еременко писал: «Я внимательно присматривался к товарищу Гордову, у которого, как мне показалось, в результате этой поездки (на участки 62-й и 64-й армий. — А.З.) поколебалась уверенность в возможности остановить наступление противника; некоторая растерянность и нервозность в его поведении насторожили меня. Его дальнейшее поведение удивило меня еще больше. Бегло ознакомившись с привезенной мной директивой о разделении фронтов, он молча возвратил ее и, сославшись на усталость, ушел к себе. Он даже не спросил, какая помощь потребуется с его стороны для осуществления очень большого, срочно организованного мероприятия».

Еременко был у себя, когда на столе затрещал полевой телефон. Андрей Иванович гаркнул в трубку:

— Первый слушает!

Звонил командарм 64-й генерал Шумилов, попросивший пригласить к телефону начальника штаба.

— Он сейчас очень занят, — ответил комфронт. — А что вы хотели?

— Уточнить кое-что по дислокации войск.

Еременко сказал, что через час-два начальник штаба вернется и перезвонит.

— Благодарю вас, товарищ Первый, жду звонка, — ответил Шумилов и положил трубку.

Командный пункт фронта — КП, где находились оперативная группа и узел связи, размещался в подземелье, сделанном в виде штольни, и располагался неподалеку от дома, где жили Еременко и Хрущев. Вход на КП был со стороны русла реки Царица. Начальник штаба генерал Никишев познакомил генерала Еременко с обстановкой на Сталинградском фронте, коротко рассказал ему о командармах. 63-ю армию возглавлял генерал-лейтенант В. И. Кузнецов — его Андрей Иванович знал еще до войны. Войска этой армии оборонялись на правом фланге. 4-ю танковую армию, державшую оборону на восточном участке излучины Дона, курировал генерал-майор В. Д. Крюченкин — спокойный и храбрый командарм. 62-й армией, которая вместе с 64-й приняла первый бой с гитлеровцами, руководил генерал-лейтенант А. И. Лопатин. Еременко хорошо знал его — Антон Иванович был командиром 6-й Чонгарской имени С.М. Буденного кавалерийской дивизии в то время, когда сам Андрей Иванович возглавлял 6-й казачий корпус в Белоруссии. Под командованием Еременко Лопатин оказался потом и на Дальнем Востоке в 1-й Краснознаменной армии в качестве командира корпуса. 62-я армия генерала Лопатина вела бои западнее Дона, в районе города Калач. А 64-я армия генерала М. С. Шумилова отражала атаки 4-й танковой армии генерала Гота к юго-западу от Сталинграда. Хуже обстояли дела в 51-й армии генерала Труфанова. Сам командарм находился в госпитале, а его обязанности временно исполнял генерал-майор Т.К. Коломиец, который вместе с Андреем Ивановичем учился в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Пока части 51-й армии под натиском превосходящих сил противника с боями отходили на юг на широком фронте.

В первый же день прибытия в Сталинград генерал Еременко, как и советовал ему в Кремле Сталин, установил тесный контакт с руководителями Сталинградской партийной организации и в первую очередь с секретарем обкома партии А.С. Чуюновым. Андрей Иванович поведал ему о том, какое большое значение придают ЦК партии и Ставка Верховного главнокомандования событиям под Сталинградом.

— Могу вас заверить, дорогие товарищи, что войска моего Юго-Восточного фронта будут стойко защищать город, — сказал Еременко на встрече с работниками Сталинградского обкома партии. — Главное сейчас — укрепить оборону города.

— Все наши силы и средства брошены на защиту города, — заявил секретарь обкома Чуюнов. — На заводах и фабриках уже начата подготовка народного ополчения, и, если потребуются, прямо от станков рабочие уйдут на боевые рубежи.

В эти горячие дни генерал Еременко и его коллеги сделали многое, чтобы создать Юго-Восточный фронт. Еще в Москве начальник Генерального штаба Василевский рекомендовал ему взять за костяк штаба Юго-Восточного фронта штаб 1-й танковой армии генерала К.С. Москаленко. «У этого командарма и начальника штаба 1-й танковой армии полковника С.П. Иванова большой опыт боевой работы», — говорил Андрею Ивановичу начальник Генштаба.

«Надо вызвать их в штаб фронта и побеседовать — тогда и решу, как мне быть», — подумал Еременко.

Он так и поступил. Утром оба военачальника прибыли к нему на прием. Андрей Иванович тепло приветствовал их. Завязалась беседа. Москаленко был сдержан, не проявлял особых эмоций, чего никак не ожидал Еременко, больше слушал, чем говорил. А Иванов — другого нрава: он был весел, подвижен, говорил о том, что у него на душе, даже иной раз бросал реплики, когда дело касалось боевых действий танкистов. Слушая их, Андрей Иванович сделал для себя вывод: на этих военачальников он может полностью положиться.

— Вот ты, Семен Павлович, сказал, что долг и честь идут рядом, — неторопливо произнес генерал Еременко. — И для бойца и для генерала эта истина бесспорна. Но не все умеют побеждать в сражении, хотя, быть может, и стремятся достичь этого. Каков же вывод? — спросил он, и сам же ответил: — Важно уметь бить врага. А всякая истинная наука в бою познается потом и кровью. Надо учить людей мастерски

владеть своим оружием, находить такие приемы борьбы, чтобы навязать противнику свою волю, взять верх над ним. Что, разве я не прав?

— Похоже, Андрей Иванович, вы нам лекцию прочли, — подал голос генерал Москаленко, оживившись. — На днях мы проводили в тылу войск учения. Молодые солдаты находились в окопе, а по этим окопам мы пустили наши танки. Скажу честно, не все бойцы выдержали это, кое-кто чуть ли не мать звал на помощь. Да-да, товарищ командующий, я сам был свидетель этому.

— Верю, Кирилл Семенович, — улыбнулся Еременко. — Молодые бойцы, без закалки, без боевого опыта, ясное дело, подадут голос в такой ситуации. Им кажется, что танк сейчас так отутюжит окопы, что от них самих останется только мокрое место.

Он сделал паузу.

— Разрешите закурить, товарищ командующий? — спросил Иванов.

— Курите, я тоже заодно с вами поглотаю дымка, — усмехнулся Андрей Иванович. — Для меня этот дымок отдушина, глотнул — и вроде сил прибавилось, появляются хорошие мысли... А ты, Кирилл Семенович, не хочешь покурить?

Москаленко приподнял чуть тронутые сединой брови.

— Хочу сначала получить от вас задание, а уж потом буду курить и попутно размышлять, как его надежно выполнить, — ответил он.

— Ну что ж, кажется, подошло время дать вам задание. — Еременко смял в пепельнице окурок, вынул из папки карту и разложил ее на краю стола. — Прошу вас сесть ко мне ближе. Видите, вся карта испещрена черными стрелами? Это войска противника, можно сказать, на карте нет живого места. А вот эти красные кружочки, их очень мало, наши войска. Что-то вроде один к пяти получается. Вот и выходит, что каждый наш боец в сражении с врагом должен действовать за пятерых.

— Тяжко, — бросил реплику Иванов.

— Тяжко, но надо, чтобы честь и долг шли рядом, — улыбнулся командующий. — А теперь о том, зачем я вас вызвал, — продолжал в веселом тоне Еременко. — Вам надлежит, дорогие коллеги, развернуть свой штаб в Сталинграде и впредь именовать его штабом Юго-Восточного фронта. Как вы на это смотрите?

— Как прикажете, товарищ командующий, — улыбнулся и Москаленко. — Я — за, хотя мне жаль отдавать вам Иванова, мы с ним хорошо сработались, да и нравится он мне своей деловитостью. — Кирилл Семенович бросил взгляд на своего коллегу. — Чур, не возноситься!

По лицу Иванова скользнула улыбка, но тут же он посерьезнел:

— Для меня это повышение по службе, товарищ командующий, и я даю вам слово, что не подведу. — И он резко вскочил с места.

— Тогда за работу, товарищи! — Еременко встал.

Ночью Андрея Ивановича разбудил адъютант.

— На проводе Москва, товарищ командующий! — сообщил он.

Сон как рукой сняло. Еще ни разу так поздно из столицы Еременко никто не звонил. Сняв трубку с аппарата ВЧ, он громко произнес:

— Первый слушает!

— Андрей Иванович, доброе утро... — послышался в трубке знакомый голос начальника Генштаба.

— Какое утро, Александр Михайлович? — прервал он Василевского. — На моих кировских два часа ночи!

— Да? — бодро отозвался начальник Генштаба. — А я и не заметил... Пять минут назад мне звонил верховный, спросил, создан ли Юго-Восточный фронт. Так вот этот вопрос я адресую вам, товарищ Еременко.

— Пока нет фронта, — глухо и, как показалось Василевскому, сердито отозвался Еременко. — Почему? Еще не успел все сделать... Я же не автомат, вон сколько всего легло на мои плечи...

— Даю вам еще сутки, и ни часа больше! — повысил голос начальник Генштаба. — Ставка требует форсировать это дело, а вы затянули работу. Вы поняли?

— Вас понял, исполняю! — отрывисто бросил в трубку Андрей Иванович, а про себя отметил: «Видно дал ему жару Сталин, если такой сердитый. И все же Василевский прав: кажется, я затянул создание нового фронта».

Утром генерал Еременко пружинисто вошел в штаб. Иванов уже был на месте и приветливо встретил его.

— Как вам спалось, Андрей Иванович? — спросил он.

— В два часа ночи позвонил начальник Генштаба и потребовал ускорить работу по созданию нового фронта, — сдержанно пояснил Еременко. — Дал мне еще сутки, и ни часа больше. Кажется, следующую ночь мне спать не придется... — Он сел на табуретку. — Сейчас мы с тобой, Семен Павлович, съездим за город и посмотрим наши оборонительные рубежи. Сколько их, четыре?

— Так точно, четыре, и все идут вокруг города, — подтвердил Иванов. — Плохо, что они сделаны лишь наполовину, а некоторые и того меньше. Там еще немало проблем с ними.

Строительство четырех оборонительных обводов вокруг города велось по плану Генштаба. Внешний обвод проходил от Горной Пролейки на Волге по трем рекам до устья притока Дона Мышкова и далее на Абганерово и Райгород. Протяженность — 500 километров. Средний, или второй, обвод шел от Пичуги на Волге к станции Тундутово, откуда поворачивал на Красноармейск. Протяженность — 150 километров. Внутренний обвод пролегал от Рынка на Волге через Орловку, станцию Гумрак и до Красноармейска. Протяженность — 70 километров. Четвертый обвод шел по окраинам города от Рынка до Купоросного, его длина — 45 километров. Оборонительные рубежи своими флангами упирались в Волгу.

Генерал Еременко вышел из «газика», следом за ним — Иванов. Андрей Иванович взял из его рук бинокль и поднес к глазам. Далеко окрест просматривалась степь, ровная, как скатерть. А где-то там, внизу течет матушка-Волга.

— Нам будет нелегко, если враг дойдет сюда, — жестко произнес Еременко.

— Зато нашим танкам простор! — усмехнулся Иванов.

— У немцев побольше танков, — тихо обронил командующий.

— Придется передислоцировать сюда артиллерию, тогда, быть может, нашим войскам станет легче сражаться с врагом, — заметил Иванов.

Вернулся в штаб генерал Еременко грустным. Кажется, он сделал все, что намечал, о чем доложил в Генеральный штаб. И 7 августа Еременко вступил в командование войсками Юго-Восточного фронта. Сразу же он отдал приказ № 1 по войскам, который требовал от бойцов и командиров остановить наступление врага. «Пусть под Сталинградом будет положено нашими руками начало конца гитлеризма! Пусть скажут о каждом из нас, что он был в великой битве под Сталинградом! Ни шагу назад — таков приказ Верховного

главнокомандующего, таков приказ Родины!»

8

Казалось, Еременко был доволен тем, как пошли у него дела на Юго-Восточном фронте. Но это только казалось. Андрея Ивановича огорчило то, что за день до его вступления в командование фронтом немцам удалось пробить оборону на внешнем сталинградском обводе и вклиниться в наши боевые порядки.

— Враг находится в 30 километрах от Сталинграда, — доложил исполняющий обязанности начальника штаба фронта начальник оперативного отдела фронта Иванов.

Андрей Иванович был не на шутку встревожен — это угадывалось по его напряженному лицу и настороженным глазам.

— Над городом нависла серьезная опасность. Что будем делать, товарищ командующий? — Иванов глядел на генерала в упор.

Еременко подошел к карте и, кашлянув, спросил:

— Может, позвоним в Ставку и там подскажут, как нам быть? — Усмешка тронула его сжатые губы.

Иванов поймал укоряющий взгляд командующего и понял намек.

— Нам нужно немедленно собрать все силы, которые есть у нас на данный момент, и двинуть их на противника, — предложил он.

Лицо у Андрея Ивановича посветлело, словно на него упал солнечный луч.

— Это то, что надо, — весело одобрил он. — Возьмем танковые и артиллерийские подразделения с пунктов формирования, войска левого фланга 64-й армии и этими силами нанесем удар по прорвавшемуся противнику. — Он указал на черную точку на карте. — Вот он, семьдесят четвертый километр, где сейчас находятся немцы. Времени у нас с тобой, Семен Павлович, в обрез, так что действуй, а я пока переговорю с Шумиловым, командармом 64-й.

К вечеру контрударная группа была создана. В нее вошли 13-й танковый корпус, 133-я танковая бригада и 204-я стрелковая дивизия. Иванов доложил об этом генералу Еременко. Тот, улыбаясь, воскликнул:

— Будем считать, что ты, Семен Павлович, справился с первой боевой задачей! — И тут же спохватился: — Всем командирам объяви, что завтра на рассвете начнем наступление. Да, а ты с комдивами переговорил?

— С теми, кто задействован, — подтвердил Иванов.

Незадолго до начала атаки у Еременко отчего-то вдруг возникло недовольство собой, хотя трудился он в поте лица. Такое чувство возникало у него и раньше, особенно на Брянском фронте в сорок первом, когда был тяжело ранен в ногу.

Он лежал на диване и никак не мог уснуть. Мысли путались в его смятенной голове. Он подумал, что удар по немцам следовало наносить ночью, когда они не так бдительны, но тут же отверг эту мысль: уже нет времени что-то переиначивать, лучше проверить готовность того, что предстоит сделать. Он встал, вышел во двор перекурить. Небо было все в звездах, а между ними — глазастая луна: кажется, ей интересно знать, как ведут себя на земле люди, что их волнует и чем они живут. На горизонте небо светлело — значит, скоро начнет светать.

Еременко вернулся в штаб и приоткрыл дверь в комнату Иванова. Тот, склонившись к оперативной карте, над чем-то колдовал. Командующий сел рядом.

— Семен Павлович, ты произвел расчеты по плану предстоящей операции? — спросил Андрей Иванович. — Все ли тобой учтено?

Тот подтвердил: да, расчет произвел лично, учтено все до мелочей, и теперь он уверен в успехе, хотя кое-кто его уверенность не разделяет. Последние слова насторожили комфронта. Его тяжелое лицо заметно потемнело.

— Кое-кто? — переспросил Андрей Иванович.

Иванов смутился, в душе упрекнул себя, что затеял этот разговор. Взглянул на генерала — у того в глазах горели злые искорки.

— Я жду, Семен Павлович, — недобро произнес комфронт. Он подумал, что исполняющий обязанности начальника штаба фронта, наверное, не хочет назвать имя сомневающегося в успехе операции.

— Комкор 13-го танкового, — наконец разжал губы Иванов. — Говорит, что у него в корпусе мало танков, десятка три, с ними многого не добьешься. В боях корпус понес потери, но их все еще не восполнили, хотя штабники обещали...

Еременко шагнул к столику, где стояли полевые телефоны.

— Я, кажется, сейчас выдам ему... — пригрозил он.

Иванов уже знал о том, что Еременко по характеру человек грубоватый, никому в рот не глядит и не стесняется в выражениях, если дело касается фронта. Тот же генерал Москаленко, отправляя своего начальника штаба в подчинение к Андрею Ивановичу, наказал ему быть «при своем мнении», но не проявлять вспыльчивость, ибо Еременко выдаст ему «на полную катушку». Сейчас Семен Павлович заволновался и стал просить генерала не отчитывать комкора перед важной операцией.

— Я уверен, что комкор сгоряча выразил свое недовольство, — сказал Иванов. — У него и вправду мало танков, но у кого сейчас их больше? — Помолчав, он добавил: — Если он подведет нас, вы и меня накажете.

— Уговорил, — шумно вздохнул Еременко. Быстрая судорога пробежала по его лицу. — На будущее поимей в виду, Семен Павлович: если будешь защищать паникеров, я с тобой расстанусь, — уже официально добавил он.

Еременко вернулся в свою комнату и застыл у окна. Ночь таяла медленно, далеко над Волгой занималась заря, и та часть неба, где должно было появиться солнце, наливалась багряным светом. Таким вот звездным было небо и в ту ночь, когда под Москвой в боях Андрея Ивановича ранило. Его срочно отправили в госпиталь. А через несколько дней его проведаль Сталин. Вошел в палату, где лежал генерал, резво. Глаза у него блестели, и весь он был напряжен, словно прибыл не в госпиталь, а на передовой рубеж.

— Ну что, товарищ Еременко, перехитрил вас Гудериан? — веско, но без упрека спросил он, садясь на стул рядом с кроватью.

— Свое он взял танками, но мы еще покажем ему, чем славен боец Красной армии, — на одном дыхании произнес Еременко. — Да и рана мне помешала, Иосиф Виссарионович. Ненависть к фашистам у меня идет от сердца, и от сердца исходят подвиги в бою, так что я спокоен: сердце у меня богатырское, как сказал врач.

Недолго продолжалась беседа вождя с полководцем. Он встал.

— Мне пора, товарищ Еременко. — Сталин тронул его за плечо. — Поправляйтесь, вы нам еще очень

нужны: война набирает кровавые обороты. И как мы тут без вас? Никак нельзя!..

Размышления комфронта прервал вошедший к нему Иванов. Он кивнул на свои наручные часы.

— Пора отдавать войскам приказ наступать, — сказал он. — Как вы, Андрей Иванович?

— Отдавай, Семен Павлович, — коротко бросил Еременко.

Контрудар наносили прямо в лоб противнику. 204-я стрелковая дивизия с 254-й танковой бригадой при поддержке артиллерийской группы 64-й армии ринулись на врага в направлении к разъезду «74-й км». 13-й танковый корпус наступал на юго-запад, вдоль железной дороги, а 38-я стрелковая дивизия двигалась в западном направлении. Немцы не ожидали такого мощного и внезапного удара и, неся большие потери, стали отступать.

Передышка и впрямь оказалась короткой. Вновь разгорелись упорные бои на наших оборонительных рубежах. Тяжелая, если не критическая, обстановка сложилась на левом фланге Сталинградского фронта. 62-я армия генерала Лопатина нанесла по врагу чувствительный удар, но и сама была зажата с трех сторон и теперь вела бои, чтобы выйти из окружения. Что касается главных сил армии, то после решительной схватки с врагом они вышли на восточный берег Дона и заняли оборону на внешнем обводе. Командарм генерал Лопатин, обычно спокойный и уверенный в себе, на этот раз не мог скрыть охватившей его тревоги: противник накапливает силы и вот-вот ринется в атаку. Что оставалось делать Лопатину? Он связался со штабом фронта и попросил помочь армии резервами, заявив генералу Еременко, что армия понесла большие потери, а немцы готовятся к новому удару.

— Я не уверен, товарищ Первый, что мы выстоим.

— Без паники, командарм! — осадил его генерал Еременко.

— Дайте нам хотя бы одну стрелковую дивизию, чтобы поставить ее в заслон, — слышался в телефонной трубке басовитый голос Лопатина.

— У меня нет резервов, Антон Иванович, — смягчил свой гнев командующий. — Буду просить Ставку помочь... Ты продержись еще... — добавил он глухо.

— Добро, товарищ Первый! — бодро прокричал в трубку Лопатин.

Переговорив с командармом, Еременко устало присел. Из комнаты узла связи доносились телефонные звонки, громкие голоса людей, но они не смогли отвлечь его от тревожных мыслей. А вдруг Ставка откажется дать резервы — это вполне вероятно, — что тогда делать? Послать Лопатину войска с других оборонительных участков? Но оголять их — большой риск, который может привести к поражению. Тогда как ему быть?

Вошел член Военного совета Хрущев.

— Я переговорил с членом Военного совета 62-й армии, — сказал он, присаживаясь к столу. — У них там критическая ситуация...

— Знаю, — жестко прервал его генерал Еременко. — Мне только что докладывал командарм. У меня даже мелькнула дерзкая мысль: не паникует ли Лопатин?

Хрущев решительно возразил:

— Я так не думаю. Генерал Лопатин, насколько я знаю его, не из трусливых. — Он помолчал с минуту. — Так что докладывай верховному, Андрей Иванович, иначе дело швах.

Еременко о чем-то задумался — это читалось на его напряженном лице.

— Что еще тебя волнует? — спросил Хрущев. — Поделись, и тебе станет легче.

Еременко усмехнулся:

— Понимаешь, Никита Сергеевич, стежка жизни узка, как бы не оступиться...

— А у меня что, эта самая стежка жизни шире? — едва не обиделся Хрущев. — Скажи, ты будешь звонить товарищу Сталину? Если боишься, что он тебя отчитает, тогда я это сделаю, — добавил он низким голосом.

— Не торопи меня, Никита Сергеевич, надо все обдумать, — ответил Еременко. — Ты же знаешь характер вождя, он любит конкретику в докладах, эмоции ему не нужны. Вот что, — раздумчиво продолжал командующий, — я сейчас вызову начальника штаба, и, пока мы будем обсуждать в деталях, что нам делать, ты вновь свяжись с Лопатиным и уточни обстановку на этот час.

— Понял, Андрей Иванович. — Хрущев поспешил в комнату связи.

Однако генерал Еременко не стал вызывать к себе начальника штаба. Он вспомнил, что поручил ему узнать, как идут дела в соседней дивизии, где недавно побывал начальник Генштаба Василевский, приезжавший по заданию верховного на Сталинградский фронт. Не стал Андрей Иванович и звонить Сталину по ВЧ, а решил отправить в Ставку телеграмму. В ней он указал, что противник стремится выйти к реке Дон, для чего готовится нанести удар по 4-й танковой армии генерала Крюченкина. А у командарма генерала Лопатина нет сил сорвать замысел врага. Он просит помочь резервами, но у фронта их тоже нет. «Прошу оказать помощь фронту», — закончил Еременко. Он прочел текст еще раз, внес кое-какие поправки и вызвал адъютанта:

— Срочно передать в Ставку по «бодо»!

Тем временем вернулся Хрущев.

— У Лопатина идут упорные бои, — с ходу сообщил он. — Но Антон Иванович заверил меня, что еще сутки-двое продержится. Ну а ты переговорил с Москвой?

— Нет, я отправил в Ставку телеграмму. — Еременко потянулся к папиросам на краю стола и закурил. — Теперь вот жду ответа.

Ответ из Ставки пришел поздно вечером, когда за окном начала разливаться ночь, темная и беспокойная. В ответе ни слова о резервах, сообщалось совсем о другом. С 13 августа два фронта — Юго-Восточный и Сталинградский — решением Ставки объединялись под одно командование генерала Еременко, генерал Гордов назначался заместителем командующего по Сталинградскому фронту, Хрущев — членом Военного совета обоих фронтов. Андрей Иванович поначалу растерялся, прочтя депешу. Шутка ли, командующий двумя большими фронтами! Такого еще в Красной армии не бывало. Он радовался этому, но при мысли, справится ли, острый холодок пробежал по спине.

«Значит, товарищ Сталин ценит меня, если взвалил на мои плечи сразу два фронта», — подумалось ему. Вдохновения прибавило и то, что генерал Голиков был назначен его заместителем по Юго-Восточному фронту.

Хрущев от радости едва не стал плясать, прочитав депешу из Ставки.

— Знаешь, что главное в этом тексте? — спросил он, хитровато сощурился.

— Что? — не понял Андрей Иванович.

— Ставка, а это в первую очередь Сталин, верит, что мы с тобой управимся с войсками двух фронтов. Не ударить бы лишь нам в грязь лицом!

— Не ударим, Никита Сергеевич? — повеселел Еременко. — Такого, что было у тебя в мае под Харьковом, я не допущу.

«Все же ужалил меня! — выругался про себя Никита Сергеевич. — А то забыл, что тогда главную скрипку играл не я, а его друг Семен Тимошенко...»

— Ты уверен в этом, Андрей Иванович? — спросил он Еременко.

— Да, я уже приказал начальнику штаба генералу Захарову (он был недавно назначен начальником штаба Юго-Восточного фронта, а Иванов остался начальником оперативного отдела. — А.З.) спешно перегруппировать войска фронта, и он уже принялся за дело. Мы снимем с Юго-Восточного фронта несколько соединений и бросим их на угрожаемый участок. Вот только успеем ли? На переброску войск потребуется полтора-двое суток.

На другой день, 15 августа, на рассвете немцы начали наступление. Их танки лавиной пошли на наши огневые рубежи, их прикрывали до сотни «юнкерсов». Враг прорвал нашу оборону и к вечеру вышел к Дону, заняв исходное положение, чтобы форсировать реку. Пока противник накапливал здесь свои силы, Еременко приказал штабу взять с Юго-Восточного фронта 5 противотанковых полков, 3 стрелковые дивизии, 2 бригады и 100 танков. Трое суток шли ожесточенные бои. 4-я танковая армия своим левым крылом отошла на внешний оборонительный рубеж. Генерал Крюченкин донес об этом командующему фронтами. Тот едва не выругался.

— Ты что же, Василий Дмитриевич, меня подводишь? — сурово спросил он. — Бывалый вояка, боевого опыта у тебя с избытком, и вдруг пятишься назад, как тот краб-отшельник? Небось забыл приказ номер 227 или полагаешь, что тебя он не касается?

Упрек так уколол командарма, что у него забилося сердце, как подстреленная птица, однако он не смолчал:

— Моя армия лишь на бумаге числится танковой, машин в ней и десятка нет — все танки мы потеряли в жестоких боях, и вам это прекрасно известно, а пополнение техникой я так и не получил. У меня теперь стрелковая дивизия.

— Скоро дадим тебе танки, Василий Дмитриевич, — успокоил его Еременко. — А пока нещадно бей фашистов тем, что у тебя есть в наличии.

С большим трудом, но наши люди остановили наступление противника на своем участке, сохранив за собой плацдарм на правом берегу Дона. В этом была немалая заслуга войск 1-й гвардейской армии генерала Москаленко.

«Вот и конец передышке, — с горечью подумал генерал Еременко, когда начальник штаба генерал Захаров сообщил ему о движении 4-й танковой армии Гота в направлении Тундутова.

— Я уверен, товарищ командующий, что Гот хочет вклиниться в стык 64-й и 57-й армий, — высказал свои соображения Захаров.

— Ты прав, Георгий Федорович: цель Гота — прорваться к Сталинграду с юга, — уточнил Еременко, глядя на карту.

— Это опасно. У Гота танки, его с воздуха поддерживает авиация. Для укрепления нашей обороны я прикинул, какие соединения можно направить на опасные рубежи.

— Хорошо, Георгий Федорович, — одобрил командующий.

Ночь накрыла город огромным черным покрывалом. Она прошла в тревоге и раздумьях. Генерал Еременко очень переживал случившееся. За эти дни он почернел, хотя глаза горели по-прежнему. Уснул на рассвете, но вскоре начальник штаба потревожил его.

— Что еще? — спросонья не понял Еременко.

Захаров сказал, что 4-я танковая армия Гота, как они и предполагали, прорвала оборону наших двух армий и продвинулась вглубь на 10–15 километров. Он предложил снять с фронта 62-й и 4-й танковой армий 4 противотанковых артиллерийских полка, 4 гвардейских минометных полка «катюш» и 56-ю танковую бригаду и все это бросить на угрожаемый участок 57-й армии южнее Сталинграда.

Еременко одобрил.

— Лично проследи, Георгий Федорович, чтобы уже сейчас начали переброску войск, — подчеркнул он. — Поручи начальнику оперативного отдела Иванову связаться с командармом 57-й генералом Толбухиным и предупредить его о выделении ему войск.

— Понятно, товарищ командующий, тут важно не упустить момент. — Захаров толкнул плечом дверь и вышел из штаба.

На какое-то время противника удалось задержать, но на большее не хватило сил, и в тот же день его войска вышли к Волге на участок Латошинка — Рынок. 62-я армия оказалась изолированной от других частей Сталинградского фронта, да и сам фронт был разрезан на две части. (62-ю армию Ставка вынуждена была передать в состав Юго-Восточного фронта. — А.З.)

Еременко не находил себе места. Все никак не мог понять генерала Лопатина: отчего его войска отступают? То одно, то другое, а ему, командующему фронтами, словно кто-то сыплет соль на душу. Да, танков у Лопатина мало, недостаточно и авиации, не то что у немцев. И все же надо яростно отбивать атаки врага, танки уничтожать бутылками с горючей смесью... Нет, что-то у Лопатина не ладится... Еременко попросил связистов соединить его со штабом 62-й армии. Не успел он перекурить, как ему дали связь.

— Слушаю вас, товарищ Первый, — раздался в трубке далекий голос.

— Как у тебя дела? — негромко спросил Еременко. — Говори, Антон Иванович, все как есть, без прикрас. Ты знаешь, я этого не люблю.

— С боями отступаем, товарищ Первый. — В трубке послышался тяжелый вздох. — Не бежим, как бежит заяц от волка, отходим организованно, но потери несем. Почему отступаем? Нет сил, чтобы парировать таранный удар немцев...

— А ты не раскис, Антон Иванович? Что-то голос тебя мягкий, в нем нет твердости духа...

— Устал я, товарищ Первый, — признался генерал Лопатин. — Собрался съездить в соседнюю дивизию, а тут ваш звонок. Немец пошел большими силами из района Вертячий, а отсюда прямая дорога к Сталинграду. Надо бы нанести воздушный удар по колоннам вражеских танков и мотопехоте — тогда моей армии станет легче...

— Это мы сейчас сделаем, — заверил его Еременко.

Он вызвал по прямой связи командующего ВВС Юго-Восточного фронта генерала Хрюкина и сообщил ему, что в районе Вертячего и Малой Россошки к Сталинграду движутся колонны немецких танков и мотопехота.

— Приказываю немедленно поднять в воздух бомбардировщики и атаковать фашистов! — громко произнес Еременко. — Вы поняли? Немедленно!..

— Все понял, товарищ Первый! — звонко отозвался генерал Хрюкин. — Отдаю экипажам приказ на вылет...

Командир 35-й гвардейской стрелковой дивизии генерал Глазков весь день провел на передовой, где его подопечные рыли окопы, сооружали пулеметные гнезда, устанавливали орудия и маскировали их,

готовясь отразить натиск врага. Он так устал, что, едва вошел в блиндаж, где находился его КП, наскоро поужинал и завалился на диван, предупредив начальника штаба дивизии, чтобы тот разбудил его, если «что-то» случится.

У генерала Глазкова была боеспособная стрелковая дивизия, люди в ней как на подбор — смелые, отчаянные, в прошедших боях многие отличились, и этим комдив гордился. Он уже засыпал, когда в штаб позвонил командир батальона, возглавивший передовой отряд, капитан Столяров и сообщил, что южнее станции Котлубань он принял бой с танками и мотопехотой противника. Уже отбито две атаки, однако немцы наседают, хотя и несут большие потери.

— Наши силы на исходе, — звучал в трубке телефона тревожный голос капитана. — Прошу поддержать нас...

Словно предчувствовал комдив, это «что-то» случилось и заставило начальника штаба потревожить его. Выслушав сообщение, Глазков распорядился оказать помощь передовому отряду.

— Столярова я хорошо знаю, — заметил комдив, — дух в нем крепкий, он будет стоять до конца. Ну а если просит поддержать его, значит, ситуация там сложилась критическая.

— Я сейчас свяжусь с командиром соседнего полка и все обговорю, — заверил начальник штаба.

У Глазкова пропал сон. Он закурил и вышел из блиндажа на воздух. Он глотал дым, выпускал его струей и все думал, как развернутся события завтра, когда к рассвету его дивизия займет оборону на среднем оборонительном рубеже. Но ее передовые отряды уже двинулись на рубежи. Капитан Столяров первым принял неравный бой. Только бы немцы не смяли его оборону. От этой мысли у комдива пот выступил на лбу.

— Что, молчит Столяров? — спросил Глазков начальника штаба, возвратившись в блиндаж.

— Пока молчит, — грустно ответил тот.

Позже выяснилось, что помощь Столярову, к сожалению, опоздала. Вскоре после звонка в штаб дивизии он был тяжело ранен. Командование отрядом принял на себя командир пулеметной роты старший лейтенант Рубен Руис Ибаррури, сын председателя ЦК компартии Испании легендарной Долорес Ибаррури. Он повел людей в атаку, и в разгар боя его тяжело ранило.

Кажется, генерал Глазков раньше не был так удручен, как в этот раз. Высокий, слегка сутулый, с крутым подбородком, он не находил себе места: шутка ли, сразу потерять двух отважных командиров! Он даже почернел, в его глазах была глубокая печаль. Еще недавно он был в стрелковом полку и ему доложили, что пулеметная рота одна из лучших, а командует ею отважный испанец. Генерал попросил пригласить его в штаб полка, и вот он сидит рядом, лейтенант Рубен Ибаррури. Среднего роста, чернобровый, с худощавым лицом и живыми глазами. С вдохновением, которое свойственно натурам эмоциональным, Рубен говорил о том, что в жизни ему повезло: он участник национально-революционной войны в Испании, теперь живет в Советском Союзе, куда мечтал попасть еще в детстве. В 1940 году он окончил военное училище и стал лейтенантом. На фронте с июля 1941 года.

— Где раньше воевал? — спросил его комдив.

— Под городом Борисовом, в Белоруссии, там был ранен, — просто ответил Рубен и не без гордости добавил: — Заслужил орден Красного Знамени! Когда уходил на фронт, мать наказывала, чтобы я в пекло не лез. Мне тогда подумалось: «А разве сама война не пекло?» — Он усмехнулся, по-детски улыбаясь и шевеля густыми бровями. — Я заверил маму, что ей краснеть за меня не придется... Советский Союз стал для меня второй родиной, и за нее я буду сражаться, пока руки держат оружие...

— А где живет сейчас твоя мама? — поинтересовался генерал.

— В Москве. Недавно получил от нее письмо, пишет, что скучает по мне. — В голосе Рубена Глазков уловил грусть.

«А теперь парень лежит в санбате с тяжелейшей раной. Выживет ли? — тревожился комдив. — Надо доложить о нем в штаб фронта». Он тут же позвонил в штаб. Ответил ему чей-то слегка хрипловатый голос, словно человек простыл.

— Кто на проводе? — уточнил Глазков.

— Член Военного совета фронта Хрущев. А вы кто?

— Докладывает комдив 35-й гвардейской генерал Глазков...

— Да уж я-то знаю вас, — прервал его Хрущев. — Ваши гвардейцы дают жару фрицам... Так что тебя волнует, комдив?

— У меня случилось ЧП, Никита Сергеевич, — выдохнул в трубку комдив. — В бою южнее станции Котлубань тяжело ранен командир пулеметной роты Рубен Руис Ибаррури.

— Как это случилось? — только и спросил озабоченный Хрущев.

— Во время атаки командир батальона капитан Столяров по ранению выбыл из строя, а немцы напирали, и тогда бойцов возглавил старший лейтенант Ибаррури. Как мне быть? Он говорил мне, что его мать живет в Москве. Может, сообщить ей о ранении сына?

— Я доложу об этом товарищу Сталину, и он решит, как нам быть, — сказал Хрущев.

— Слушаюсь, товарищ член Военного совета, — отчеканил генерал.

(Капитан Рубен Руис Ибаррури умер 3 сентября. Посмертно ему было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Его прах похоронен в городе-герое Сталинграде. — А.З.)

9

В полдень 23 августа генерал Еременко доложил по ВЧ в Ставку о том, что резервы прибыли и что эти резервы уже распределены на два фронта. Он хотел добавить, что выделенных войск недостаточно, так как противник усиливает натиск на всех оборонительных рубежах, но, услышав в трубке, как Сталин кашлянул, смолчал.

— Нам тут нелегко формировать новые войсковые соединения, — сказал Сталин, — но мы это делаем в надежде, что вам удастся отстоять Сталинград.

— Это тот рубеж, который проходит через мое сердце, товарищ Сталин, — натужно произнес Андрей Иванович. — Будем стараться выстоять, но нам хотелось бы получить танки...

— Пока дать их не можем, — проворчал верховный. — Уж кому-кому, а вам я бы не отказал, товарищ Еременко...

(С 1 июля по 1 ноября 1942 года Ставка Верховного главнокомандования передала на Сталинградское направление 72 стрелковые дивизии, 6 танковых и 2 механизированных корпусов, 20 стрелковых и 46 танковых бригад. — А.З.)

Сталин проинформировал генерала Еременко, что сейчас на тракторном заводе в Сталинграде находится заместитель Председателя СНК СССР нарком танковой промышленности Малышев. ГКО поручил ему обеспечить бесперебойную работу сталинградских заводов по выпуску военной продукции и по ремонту поврежденной боевой техники, прежде всего танков и артиллерии.

— Вы меня слышите? — забеспокоился верховный.

— Так точно! — встрепенулся Еременко. — С Малышевым я встречался, и он помог нам с танками. Был у нас на КП и Василевский, с его помощью мы решили важные оперативные вопросы.

— Какая у вас сейчас обстановка? — последовал очередной вопрос.

— Тяжелая, — гулко выдохнул в трубку Еременко. — Идут кровавые бои. От танков и авиации противника мы несем большие потери. Но смею вас заверить, — отвердевшим голосом продолжал командующий, — что в городе паники нет, все рабочие на своих местах, а бойцы и командиры дают достойный отпор врагу. Одна беда — нечем восполнять наши потери.

Казалось, все то, о чем Еременко доложил верховному, смягчит его, поможет получить новые подкрепления войск, но этого не случилось. Хуже того, вскоре из Ставки в штаб поступила телеграмма, в которой Сталин потребовал: «Соберите авиацию обоих фронтов и навалитесь на прорвавшегося противника. Мобилизуйте бронепоезда и пустите их по круговой железной дороге Сталинграда. Пользуйтесь дымами в изобилии, чтобы запутать врага. Используйте всю артиллерийские и эрсовские силы...^[6]» Что касается командующего 62-й армией генерала Лопатина, то верховный бросил упрек: «Лопатин во второй раз подводит Сталинградский фронт своей неумелостью и нераспорядительностью. Установите над ним надежный контроль...»

Еременко прочел депешу и замер. К нему подошел член Военного совета Хрущев.

— Чего такой растерянный, Андрей Иванович? — спросил он.

Тот протянул ему листок:

— Вот прочти...

Хрущев пробежал текст глазами, посмотрел в лицо командующему. Тот, как показалось ему, все еще

был не в себе. Наконец Еременко заговорил:

— Понимаешь, Никита Сергеевич, получается, что мы с тобой тут не воюем, а играем в бирюльки. И потом, где в городе бронепоезда? Что-то я их не видел. Или еще совет: «Пользуйтесь дымами в изобилии, чтобы запутать врага». Вместо танков нам предлагают дым!

— Не принимай все это близко к сердцу, — успокоил его член Военного совета. — Сейчас на вождя свалилось столько дел, что он не знает, за что ухватиться. А вот о генерале Лопатине нам надо поразмыслить, возможно, подберем на его место другого генерала, хотя Жуков Антона Ивановича хвалит.

— Интересно, что думает об этой телеграмме представитель Ставки Василевский? — вдруг спросил Еременко, глядя на Никиту Сергеевича.

Тот передернул плечами.

— Зачем гадать? Вот приедет на КП, и мы у него спросим, — посоветовал член Военного совета.

Еременко приоткрыл дверь комнаты и крикнул адъютанту, чтобы принес чаю.

— Заодно захвати и пару бутербродов! — Еременко вернулся к столу. — Что-то я проголодался, а ты?

— Я тоже не прочь перекусить.

В это время позвонил начальник корпуса противовоздушной обороны полковник Райнин.

— Товарищ командующий, — раздался в трубке его басовитый голос, — с запада и юго-запада на Сталинград идут большие группы немецких бомбардировщиков. Они вот-вот будут над городом. Объявлена боевая тревога, и мои люди готовы к бою!

— Наверное, станут бомбить нас, так что создайте для воздушных пиратов заградительный огонь зенитных батарей, поднимите в воздух всю авиадивизию.

— Слушаюсь, товарищ командующий!

Этот день, 23 августа, стал черным для Сталинграда. После шести часов вечера город подвергся, как позже говорил Еременко, «зверской бомбардировке», в которой участвовало до 600 вражеских самолетов. Они сбросили тысячи фугасных и зажигательных бомб. Сталинград потонул в зареве пожарищ. Сотни домов взрывами бомб были сметены с лица земли. Пылали взорванные хранилища нефти и бензина. Погибло немало мирных жителей, были разрушены многие промышленные предприятия. Над городом сбили до сотни «юнкерсов». В это же время немецкие войска начали наступление и вскоре вышли к Волге в районе Рынка, их танки двинулись на Сталинград с севера. Начался массированный обстрел города из орудий и минометов. Впервые тракторный завод подвергся удару.

— Начштаба! — окликнул Еременко генерала Захарова. — Срочно направьте бойцов с противотанковыми ружьями занять оборону на рубеже Сухая Мечетка. Надо остановить врага любой ценой! А я прикину, какие еще соединения можно послать севернее города, чтобы укрепить нашу оборону. Где мой заместитель генерал Голиков? Пошлите его ко мне!

Голиков прибыл быстро.

— Слушаю вас, Андрей Иванович! — произнес он.

Оба подошли к карте, разложенной на столе командующего.

— Филипп Иванович, ты просил дать тебе горячее дело, — улыбнулся Андрей Иванович. — Оно появилось... Видишь, вот северная сторона Сталинграда?

— Ну? — Глаза Голикова стали шарить по карте.

— Там нашим бойцам сейчас горячо — прут немецкие танки 6-й армии генерала Паулюса. Срочно отправляйтесь туда и сделайте все, чтобы остановить продвижение машин. Если что — звоните мне.

— Задача ясна, Андрей Иванович. — И генерал шагнул к двери.

Генерал Захаров, как опытный штабной работник, вмиг понял замысел командующего и сразу же принялся выполнять его распоряжение...

Завязался ожесточенный бой. На поле уже горело больше десятка немецких танков. Атака врага захлебнулась. Тут, как потом объяснил Еременко генералу Захарову, сыграли свою роль истребительные батальоны, которые начальник штаба сразу же отправил на огневой рубеж. В ход пошли не только зенитные орудия, которые били по танкам прямой наводкой, но и бутылки с горючей смесью: их научились метко бросать бойцы — истребители танков. «День 23 августа был для сталинградцев беспредельно тяжелым, — писал позднее Еременко. — Но вместе с тем он показал врагу, что стойкость и героизм наших людей, их выдержка и беспримерное мужество, воля к борьбе и вера в победу не могут быть поколеблены ничем».

Едва кончился вражеский налет, к генералу Еременко на КП прибыл начальник разведки фронта и сообщил, что взят в плен немецкий летчик.

— Он выбросился с парашютом со сбитого «юнкерса», — уточнил генерал.

— И чего ты хочешь, наш главный разведчик? — улыбнулся Еременко, хотя глаза его оставались настороженными.

— Он из родовой касты немцев, может, допросите его? — предложил генерал.

— Если выбросился с парашютом, стало быть, хочет жить, — усмехнулся командующий. — Давай его сюда!..

«Вводят немецкого летчика, довольно молодого, с холеным надменным лицом, — отмечал Андрей Иванович. — Приказываю переводчику спросить воинское звание и фамилию пленного. Раздаются громкие, лающие звуки: «Лейтенант имперских военно-воздушных сил барон такой-то».

— Спросите, что он имеет сказать командующему фронтом, — снова говорю я переводчику.

Снова звучит резкий голос военнопленного. Заявив о том, что он служит в подразделении, которым командует внук канцлера германской империи князя Отто фон Бисмарка, вражеский летчик просит сохранить ему жизнь.

Отвечаю, что, по-видимому, лейтенант привык принимать геббельсовское вранье о зверствах Красной армии за чистую монету.

— Скоро вы убедитесь, что многое из ваших прежних представлений является не более чем юношеским заблуждением. Ваша жизнь будет сохранена, как и жизнь всех германских военнопленных, потому что Советский Союз придерживается общепринятых законов ведения войны. Кстати, вы убедитесь, куда приведет Германию война за неправомерное дело. Почему вы жгли Сталинград? — спросил я в упор, с ненавистью глядя на этого молокососа. Ведь это он и ему подобные в течение сегодняшнего дня превратили город в руины. Он побледнел, как-то сжался и растерянно произнес: «Таков был приказ фюрера. Если бы русские сдали Сталинград, город был бы сохранен, а теперь он исчезнет с географической карты».

— Поживем — увидим, — ответил на это Никита Сергеевич.

О планах фашистов на будущее этот недоросль ничего не знал.

Приказал отправить пленного в тыл. Предположив, что его поведут на расстрел, барон вдруг

мертвенно побледнел и, круто повернувшись ко мне, со слезами на глазах вновь попросил пощадить его.

Небезынтересно отметить, что перед концом Сталинградского сражения в сбитом вражеском самолете был обнаружен дневник графа фон Эйнзиделя, командира нашего военнопленного, внука «железного» канцлера. Последняя страница его дневника заканчивалась следующими словами: «Тысячу раз был прав мой великий дед, говоривший, что Германии никогда не следует ввязываться в войну с Россией».

Комментарии, как говорится, излишни!

Поздно вечером на КП прибыли заместитель Председателя СНК СССР нарком танковой промышленности Малышев и секретарь Сталинградского обкома ВКП(б) Чуюнов. У генерала Еременко уже находились представитель Ставки генерал-полковник Василевский и член Военного совета фронтов Хрущев. Командующий встретил Малышева вопросом, нет ли на тракторном заводе еще хотя бы с полсотни танков Т-34.

— Могу вам доложить, Вячеслав Александрович, что немцы вплотную подошли к северной окраине города. — Еременко говорил неторопливо, но твердо. А Малышев, склонив голову чуть набок, молча слушал его. — Теперь они могут из орудий вести обстрел тракторного завода. Я уже не говорю о том, что враг перерезал две железнодорожные линии, по которым шли эшелоны с войсками и боевой техникой.

То, о чем сказал командующий, словно бы предупреждая наркома об опасности, несколько не смутило Малышева. На его полном, слегка загорелом лице даже появилась улыбка. Он заявил, что через два-три дня Андрей Иванович может получить на заводе еще два десятка машин, их ремонт заканчивается. Но если немцы станут сильно бомбить или обстреливать завод, то вряд ли удастся помочь с танками.

— Кстати, Андрей Иванович, немало рабочих ушло в истребительные батальоны, — напомнил Малышев генералу Еременко. — Их вооружили противотанковыми ружьями и бутылками с зажигательной смесью, и, как мне сказал директор завода, они уже участвовали в боях на северной стороне Сталинграда.

— Это мы их вооружили, — вмешался в разговор Чуюнов. Он перевел взгляд на представителя Ставки Василевского. — Я бы хотел поставить вопрос об эвакуации важного промышленного оборудования заводов и фабрик города за Волгу, а те, что не успеет увезти, подорвать.

— Дело это нехитрое: заложил взрывчатку и поджигай бикфордов шнур, — подал реплику Хрущев. — Не рано ли делать это?

Все ждали, что скажет начальник Генштаба. Василевский, однако, был краток:

— Вопрос государственного значения, и его следует согласовать со Ставкой.

— Ну а ваше-то мнение каково? — не унимался Чуюнов.

— Я бы на этот счет не торопился, — подчеркнул Александр Михайлович. — Боюсь, что это вызовет панику в городе, особенно среди населения.

— Тогда надо звонить товарищу Сталину, — настаивал Чуюнов. — Я ведь забочусь о городе, его людях, а не о собственной персоне, — с обидой в голосе добавил он.

— Хорошо, я, как командующий фронтами, сейчас это сделаю, — заявил Еременко.

Он поднял трубку телефона ВЧ, и все услышали громкий, чуть с грузинским акцентом голос вождя:

— Слушаю вас, товарищ Еременко! Что, наверное, опять станете просить резервы? — В его словах послышалась насмешка.

— Нет, товарищ Сталин, — жестко ответил Еременко. — Да и чего просить, если танки и самолеты у

вас на особом счету? — После паузы командующий продолжал: — У меня тут на КП находятся товарищи Малышев, Василевский, Чуюнов и Хрущев. Мы обсуждаем обстановку под Сталинградом, да и в самом городе. Секретарь обкома ставит вопрос об эвакуации ряда предприятий за Волгу, а то, что не сможем увезти, взорвать. Естественно, сюда входит и тракторный завод.

Слышно было, как верховный откашлялся, потом произнес громче обычного:

— Я не берусь обсуждать этот вопрос. Но если начнете эвакуацию и минирование заводов, то эти действия будут поняты как решение сдать Сталинград. Поэтому ГКО запрещает вам делать это. — Он попросил Еременко дать телефонную трубку Василевскому, что и было сделано. — Товарищ Василевский, вы что, сами не могли распорядиться?

— Не мог, товарищ Сталин, — резко ответил начальник Генштаба. — Это не в моей компетенции, да и полномочиями на этот счет вы меня не наделили, хотя свое отрицательное мнение я высказал. Этот вопрос решать вам, а вот к выполнению ваших указаний я приложу максимум сил.

«Битый пес, его на мякине не проведешь», — усмехнулся в душе вождь и необычайно тепло подумал о представителе Ставки.

Казалось, верховный не обратил внимания на его последние слова, потому что прервал вопросом:

— Какова ситуация под Сталинградом на данный момент?

— Опасная ситуация. Немцы бросают в сражение максимум сил, чтобы захватить город, — напрямую заявил Василевский. Верховный прежде всего и ценил его за правду, хотя порой она была горькая для него. — Наши войска с боями отходят под напором танков и авиации. Сегодня вечером Сталинград бомбили более шестисот самолетов, забросали его фугасными и зажигательными бомбами так, что весь пылает. Подробности доложу вам завтра, к восьми утра, как и полагается.

— Хорошо, товарищ Василевский, — угрюмо отозвался верховный. — На помощь я пришлю в Сталинград вашего коллегу. — И он положил трубку.

На какое-то время в комнате командующего повисла напряженная тишина. Потом Еременко спросил у Василевского, кто такой «ваш коллега».

Василевский вдруг почувствовал прилив раздражения, у него задергались тугие скулы, но он и виду не подал, что вопрос вывел его из равновесия.

— Я полагаю, что речь идет о генерале армии Жукове, — сказал он.

— Ну что ж, меня это радует, — улыбнулся генерал Еременко. — У Георгия Константиновича есть чему поучиться. А я сейчас размышляю о том, какими силами подкрепить наши войска на северной окраине города. Вы же знаете, что рубеж реки Сухая Мечетка пологий и крутой, там вряд ли безопасно пройдут наши танки, их фрицы станут расстреливать в упор. Там нужна матушка-пехота.

Чтобы хоть как-то облегчить раздумья командующего, начальник штаба Захаров сообщил, что туда уже подошли полк 10-й дивизии полковника Сараева и 124-я стрелковая бригада полковника Горохова, а также три батальона народного ополчения.

— Да, и еще вот что, Андрей Иванович, — спохватился генерал Захаров. — Наши разведчики только что вернулись с северной стороны, и знаешь, что они там увидели? Новые колонны немецких танков и мотопехоту. Наверное, утром противник двинет свои войска на наши рубежи.

Еременко усмехнулся, отчего под глазами у него появились морщины.

— Ты еще сомневаешься, Георгий Федорович, а я ничуть. — Он дотянулся до папирос, лежавших на краю стола, и закурил. — А где член Военного совета Хрущев?

— Пошел проводить гостей, — пояснил Захаров. — Чуюнов пригласил москвичей на свое ранчо попить чайку, у него они и заночуют. Я предложил им тут перекусить, но они отказались.

— Ранчо, говоришь? — не понял его Еременко.

— Да, — усмехнулся начальник штаба. — У Чуюнова на тракторном заводе есть кабинет, а рядом расположился нарком Малышев, который днюет и ночует на заводе.

Но генерал Еременко уже думал о другом. Его беспокоило то, что враг накапливает свои силы. Ему вспомнилось, как неделю назад начальник разведки фронта принес ему копию приказа командующего 6-й армией генерала Паулюса о наступлении 19 августа на Сталинград. Из этого приказа было видно, что 6-я армия Паулюса имела в своем составе 6 корпусов и по численности в два раза превосходила войска Сталинградского фронта. Генерал Паулюс приказывал 14-му танковому корпусу при поддержке 51-го армейского корпуса овладеть центральной и южной частями Сталинграда. Однако он предупреждал своих подопечных, что русские будут упорно оборонять район Сталинграда. Следует «считаться с тем, что они (русские. — А.З.), возможно, сосредоточили силы, в том числе танковые бригады, в районе Сталинграда и севернее перешейка между Волгой и Доном для организации контратак», — указывает Паулюс. И тут же он замечает: «Возможно, что в результате сокрушительных ударов последних недель («сокрушительных ударов» — так фашистский генерал оценивает атаки своих войск, это, по мнению Паулюса, более чем скромно, хотя на Сталинградском направлении таких ударов еще не было. — А.З.); у русских уже не хватит сил для оказания решительного сопротивления».

Однако «предвидение» генерала Паулюса не оправдалось, несмотря на то что его 6-ю армию по личному приказу Гитлера все время подпитывали танками и авиацией, восполняя потери в живой силе и технике с целью расширения плацдарма и захвата новых рубежей. Но едва появлялся вражеский прорыв в обороне, как наши войска тут же стремились ликвидировать его путем нанесения контратак. Пока немцы так и не смогли пробиться в Сталинград. «В результате этих контратак, — пишет немецкий генерал Дёрр, участник сражения на Волге, — противнику удалось отрезать танковый корпус (14-й танковый корпус генерала Тога. — А.З.), который был вынужден в течение ряда дней отбивать атаки, получая снабжение по воздуху и от небольших групп, пробивавшихся к нему ночью под прикрытием танков... В течение недели дивизии 14-го танкового корпуса находились в критической обстановке на берегу Волги».

В комнату командующего без стука вошел его заместитель по Юго-Восточному фронту генерал Голиков, следом за ним — начальник штаба генерал Захаров.

— Что у вас, друзья? — спросил Еременко, оторвавшись от бумаг. — Я заказал по ВЧ Ставку и теперь жду звонка. Надо доложить верховному кое-какие вопросы и посоветоваться с ним. Посмотрю, какое у него будет настроение, может быть, попрошу резервы для 62-й и 64-й армий. У них там большие потери. Генерал Лопатин очень переживает.

Первым заговорил Захаров, сказав командующему что части 62-й армии генерала Лопатина ведут тяжелые бои в районе Калача. Еременко сразу понял: у Антона Ивановича что-то не ладится, так как в голосе начальника штаба фронта он уловил тревожные ноты. Но Захарова он не прерывал. А тот продолжал:

— Как доложил мне генерал Лопатин, враг вновь завязал бои в районе Абганерова, двинул свои танки и мотопехоту на север и северо-запад, во фланг и тыл 62-й армии, одновременно подверг удару правое крыло 64-й армии генерала Шумилова. Будет плохо, — подчеркнул начальник штаба, — если немцам удастся сломать оборону. Тогда им откроется прямой путь на Сталинград. Вот взгляните на карту, Андрей Иванович.

Еременко вспыхнул.

— Чего ты меня просвещаешь, Георгий Федорович? — раздраженно спросил он. — Я и сам вижу, что Лопатину надо помочь. А вот как — еще не решил. Видимо, придется отдать приказ передислоцировать войска на средний сталинградский обвод и быть готовым оборонять его до последней возможности. Костями лечь, но отстоять огневой рубеж.

— Пожалуй, это то, что нужно сделать в данный момент, Андрей Иванович, — вступил в разговор генерал Голиков, блестя своей лысой головой. — Резервов- то у нас нет!

У Еременко мелькнула мысль послать генерала Голикова в армию Лопатина: пусть поможет ему закрепиться на обороняемом участке, где особенно тяжело.

— Вот что, Филипп Иванович: поезжайте к генералу Лопатину, — распорядился командующий. Он взглянул на начальника штаба. — Прикинь на своей карте, далеко ли ему оттуда до среднего сталинградского обвода?

— Километров тридцать пять — сорок, — подсказал Захаров. — За одну ночь Лопатин перебросит свое войско. Оно у него сейчас после понесенных потерь скудное. А я отдал приказ на переброску частей армии.

Еременко перевел взгляд на своего заместителя.

— Подскажи Лопатину, как надежнее закрепиться на новом рубеже, — промолвил он. — В основном ему придется обороняться от танков, а против них хорошо бросить артиллерию, но замаскировать ее, а часть своих танков закопать в землю, превратив их в опорные пункты обороны. Кстати, ты читал телеграмму верховного, в которой он критикует Лопатина?

— Вы же сами дали мне ее прочесть, — удивленно вскинул брови Голиков.

— Что-то я подзабыл, — почесал лоб Еременко. — Не говори о телеграмме Лопатину, — предупредил он. — Почему? А я тебе скажу... там назревают серьезные схватки с врагом, и не надо портить командарму настроение. К тому же, если хочешь знать, я не согласен с оценкой верховного, что Лопатин плохо руководит армией. Другой генерал на его месте давно бы растерял в боях свою армию, а Антон Иванович сохранил ее костяк. Об этом мне говорил и Василевский, когда вернулся из штаба 62-й армии. Потом я сам побеседую с Лопатиным.

— Добро, Андрей Иванович. — Голиков встал, одернул гимнастерку. — Тогда, если у вас ничего нет ко мне, я поеду.

— С Богом, голубчик, как любил говорить маршал Шапошников.

Бои у дальних окраин Сталинграда то утихали — чаще это наблюдалось вечером, — то снова разгорались — обычно на рассвете или утром. После зверской бомбардировки города пожары не прекращались, их никто не тушил, да и нечем было. Но не это волновало генерала Еременко. Теперь он размышлял о том, как и чем еще можно усилить оборону на угрожаемых участках. За этим его и застал член Военного совета Хрущев, с утра находившийся в войсках.

— Привет, Андрей Иванович! — бросил он с порога. — Грустил небось без меня? — шутливо усмехнулся он, блестя серыми глазами. — А я тебе новость принес. Завтра в полдень к нам прибывает генерал армии Жуков по заданию Верховного главнокомандующего. У него острый глаз, если увидит что-то отрицательное в армейских частях, накажет на полную катушку. У него сейчас больше прав, чем у нас с тобой, вместе взятых.

— Ну ты загнул, Никита Сергеевич, хоть плач, хоть пляши! — Еременко встал и заходил по комнате, заложив руки в карманы. Заговорил о другом: — Ночью у меня чертовски болела нога, точнее, зажившая на ней рана. Наверное, к перемене погоды. В три часа ночи пришлось встать, взять бутылку «Московской»

и растереть больное место, вроде компресса, что ли. Так мне делали в госпитале, когда там лежал. Чутко полегчало.

— Что, не мог вызвать медсестру из соседнего батальона? — упрекнул его Хрущев. — А чем занимался твой адъютант? Наверное, так храпел, что стекла дрожали?

— Не хотелось будить кого-либо, — вздохнул Андрей Иванович. — С утра вот хожу с палкой. — Он вернулся к прежнему разговору: — Скажи, почему это у Жукова больше прав, чем у нас с тобой?

— Вчера Государственный комитет обороны назначил заместителем Верховного главнокомандующего Георгия Константиновича, — сообщил Хрущеву — На тракторном заводе, где мы были с Чуяновым, я встретил Василевского, он-то и шепнул мне на ухо.

— Вот Жуков и поможет нам с резервами, — тихо обронил Еременко, поджав губы.

А генерал армии Жуков находился в это время в районе Погорелое Городище, где его Западный фронт проводил наступательную операцию, чтобы сковать резервы противника и не дать перебросить их в район Сталинграда. В основном операция удалась, Георгий Константинович был доволен: в районе Погорелое Городище — Сычевка немцы понесли большие потери. Чтобы остановить наступление войск Западного фронта, немцы были вынуждены спешно перебросить в этот район несколько стрелковых дивизий, подготовленных немецким командованием к отправке на Сталинградское и Северо-Кавказское направления.

Едва Жуков прибыл на свой КП, как дежурный по связи рыжеволосый капитан с узким кавказским лицом и черными, как уголь, усами подскочил к нему и взял под козырек:

— Товарищ командующий, вас вызывает по ВЧ Москва!

Звонил Сталин. По его напряженному голосу Георгий Константинович догадался, что верховный изрядно обеспокоен. Задав командующему ряд вопросов по Западному фронту, он сказал:

— Вам срочно прибыть в Ставку! Оставьте за себя начальника штаба. — После короткой паузы добавил: — Подумайте, кого можно назначить командующим вместо вас.

— А меня куда? — невольно вырвалось у Георгия Константиновича.

— Вам скажут в Ставке, — уклонился верховный от прямого ответа.

Небо над Москвой наливалось густой чернотой, когда Жуков прибыл в Ставку. У Сталина в кабинете находились некоторые члены ГКО, но это ничуть не смутило Жукова. Крупным шагом он подошел к столу, где сидел верховный, держа в руках какие-то бумаги, и доложил:

— Прибыл по вашему вызову!

Сталин взглянул на него, приподняв брови.

— Садитесь рядом. — Он придвинул Жукову стул. Отложив в сторону бумаги, спросил: — Кого вы оставили за себя?

— Начальника штаба генерала Соколовского, как вы и приказали.

— А что, разве у вас на Западном фронте есть генерал посильнее товарища Соколовского? — Верховный посмотрел на Жукова в упор, и, как заметил Георгий Константинович, ни один мускул не дрогнул на его лице, побитом оспой, разве что брови шевельнулись как живые.

— В штабе фронта, пожалуй, нет, — согласился Жуков.

— Может, тогда и назначим Соколовского командовать Западным фронтом вместо вас? — спросил Сталин, слегка повеселев.

Сидевший до этого Молотов бросил реплику:

— Генерал Соколовский стоящая кандидатура, мне он нравится, Иосиф.

Жуков ответил не сразу, в его смятенной душе боролись два чувства. С одной стороны, он ценил Василия Даниловича Соколовского как дотошного штабного чина, вникающего во все стороны жизни штаба фронта, что весьма важно, да и те решения, которые он принимал, оставаясь за командующего фронтом, когда тот куда-либо уезжал, импонировали Георгию Константиновичу, и не было еще случая, чтобы он в чем-либо упрекнул своего коллегу. А с другой — ему больше других нравился генерал Конев, командующий Калининским фронтом. «Пожалуй, ему можно передать фронт, — подумал Георгий Константинович. — Он смотрит далеко вперед, а не себе под ноги...»

— Я бы предложил на свое место генерала Конева, — наконец произнес Жуков.

— Да? — удивился верховный. — Вот уж никак не ожидал.

Наверное, Сталин вспомнил сорок первый год, когда он едва не отдал Конева под военный трибунал, и спас его Жуков, взяв к себе в заместители. Позже по его же рекомендации Ставка назначила Конева командующим войсками Калининского фронта. И здесь Иван Степанович хорошо проявил себя.

— Генерал Конев, товарищ Сталин, очень вырос в военном деле, — заявил Жуков, заметив, что верховный колеблется. — У него, безусловно, есть талант крупного военачальника. Полагаю, что он в сражениях с врагом еще не исчерпал себя полностью.

Молотов не сдержался и вновь бросил реплику:

— Иосиф, ты забыл, что год назад ты едва не отдал Конева под трибунал? Его войска в сражении под Москвой отступали. Я дипломат, а не полководец, но смею заметить, что рано доверять Коневу фронт.

Сталин, казалось, пропустил мимо ушей слова своего соратника и, глядя на Жукова, спросил:

— А кого вы рекомендуете на Калининский фронт вместо Конева?

Жуков ответил сразу, словно ждал этого вопроса:

— Пуркаева Максима Алексеевича, командующего 3-й ударной армией. Эта армия одна из лучших в составе Калининского фронта...

— Наверное, вы уже продумали, кем заменить Пуркаева? — усмехнулся в усы Сталин.

— Продумал, товарищ Сталин, — улыбнулся Жуков, но тут же посерьезнел: — Это же люди моего Западного фронта, я их знаю, как самого себя, потому и ручаюсь, что никто из них меня не подведет.

— И кто же этот генерал? — Сталин смотрел на комфронта, слегка прищурив глаза.

— Генерал Галицкий Кузьма Никитович! Конев уже дважды просил меня сделать Галицкого его заместителем по Калининскому фронту, но мне было недосуг заниматься этим вопросом.

Сталин взял со стола трубку и закурил. Прошелся вдоль стола, потом подошел к Жукову:

— Мы обсудим в Ставке ваши предложения. Лично я не против них, но послушаем, что скажут другие. Теперь же поговорим о том, ради чего вас срочно вызвали в Ставку...

Разговор зашел о Сталинграде. Плохо идут дела на юге, отметил верховный, и может случиться так, что немцы возьмут Сталинград. Не в нашу пользу складывается обстановка и на Северном Кавказе. Государственный комитет обороны решил назначить заместителем Верховного главнокомандующего и послать в район Сталинграда Жукова. Сейчас в Сталинграде находятся Василевский, Маленков и заместитель Председателя СНК СССР нарком танковой промышленности Малышев.

— Маленков останется с вами, товарищ Жуков, а Василевский должен вернуться в Москву, — сказал Сталин. — Когда сможете вылететь?

Жуков ответил, что ему нужно побыть здесь еще сутки, чтобы изучить обстановку, а 29 августа он сможет отправиться в Сталинград.

Кажется, верховный остался доволен его ответом, так как пригласил Жукова подкрепиться с дороги. Помощник Поскребышев принес чай и бутерброды. За чаем Сталин обрисовал тяжелую обстановку, сложившуюся под Сталинградом. Генерал Еременко часто звонит ему, просит резервов — так вот Ставка решила передать Сталинградскому фронту 24-ю, 1-ю гвардейскую и 66-ю армии. Генштаб предлагает перебросить 1-ю гвардейскую армию генерала Москаленко в район Лозного, с утра 2 сентября нанести ею и другими частями Сталинградского фронта контрудар по противнику, прорвавшемуся к Волге, и соединиться с 62-й армией. Туда же перебрасываются 69-я армия генерала Малиновского и 24-я генерала Козлова.

Сталин прошелся по кабинету, попыттел трубкой и, подойдя к Жукову ближе, вновь заговорил:

— Вам следует принять меры, чтобы армия генерала Москаленко 2 сентября нанесла контрудар, а под ее прикрытием вывести в исходный район 24-ю и 66-ю армии. Эти две армии незамедлительно вводите в сражение, иначе мы потеряем Сталинград, а вместе с ним и Волгу — важную водную артерию, по которой идут грузы с Кавказа, особенно нефть. У вас теперь есть все полномочия для принятия решительных мер, — подчеркнул Сталин. — Там вас встретит товарищ Василевский. Вдвоем вам будет легче обсудить создавшееся положение и принять неотложные меры. — Сталин загасил трубку. — Я прошу вас сделать все возможное, чтобы не дать фашистам ворваться в город. Мне Сталинград особенно дорог, надеюсь, вы знаете почему...

— Догадываюсь. — Жуков мягко и по-доброму улыбнулся.

После того как генерал закрыл за собой дверь, Сталин сел за стол и взглянул на Молотова.

— Вячеслав, ты сказал все правильно, но не учел главное. — За год войны наши генералы, в их числе и Конев, многому научились, многое освоили в арсенале борьбы с заклятым врагом, каким является фашизм. Об этом я сужу по себе. А ты к ним со своей старой меркой. Что, не согласен?

— Может, ты и прав, Иосиф, — грустно вздохнул Молотов. — Время покажет истину...

«Вот и попробуй поработать с такими упрямыми козлами, как Вячеслав, — усмехнулся в душе вождь. — Дипломат он стоящий, а в военном деле профан». Его раздумья прервал Поскребышев:

— Вам звонит из Сталинграда товарищ Малышев!

— Переключите на мой аппарат, — попросил Сталин.

10

Самолет приземлился на поле неподалеку от города Камышина на Волге. Как и говорил верховный, Жукова встретил начальник Генштаба Василевский. За эти Дни пребывания на юге Александр Михайлович заметно загорел и от этого казался Жукову старше свих лет. С его лица капал пот. День был жаркий, солнечный, хотя вся западная часть неба была закрыта серо-бурыми тучами. Казалось, они шли так низко, что цеплялись за верхушки деревьев. Похоже, надвигался дождь.

Жуков легко выпрыгнул из самолета.

— Ну что, Саша из села Новая Гольчиха, как ты тут живешь, не скучаешь по родным краям? — улыбнулся Георгий Константинович, пожимая ему руку.

Василевский тоже улыбнулся.

— Скучать, дружище, некогда, — признался он. — Здесь такая каша заварилась, что тяжело ее расхлебывать. Ты же знаешь, что на Сталинград Гитлер бросил свою лучшую армию, а ее командующего генерала Паулюса он боготворит.

— Мы этих пауков, Саша, раздавим, на нашей земле им не жить!

— Я же сказал тебе «генерал Паулюс», а ты мне про каких-то пауков говоришь, — засмеялся Василевский. — А ты, Георгий, молодец, память у тебя острая, как коса. Не забыл, где я родился и вырос. А вот я что-то запамятовал твое село.

Жуков хлопнул его по плечу:

— Нуда, забыл? Я тебе напомним: не село, а деревня...

— Стрелковка! — воскликнул Александр Михайлович. — Все же вспомнил... А теперь сядем в машину, и я коротко изложу тебе ситуацию, сложившуюся на сегодня на фронтах, да и в Сталинграде тоже...

И он ввел своего друга в курс дел.

— Кажется, тут и впрямь можно голову потерять, — промолвил Жуков, выслушав информацию коллеги. — Ну что же, поедем в штаб фронта. Кстати, генерал Гордов на месте?

Василевский ответил, что с утра Гордов был на передовых позициях, но, должно быть, уже вернулся. Однако в штабе, когда они туда прибыли, его не оказалось. Обстановку Жукову доложили начальник штаба фронта генерал Никишев и начальник оперативного отдела генерал Рухле. Выслушав их, Георгий Константинович спросил генерала Никишева:

— Вы сможете остановить врага в районе Сталинграда?

— Будем стараться, товарищ генерал армии, — по мнению Жукова, не совсем уверенно произнес начальник штаба фронта, а генерал Рухле добавил:

— Без резервов сделать это вряд ли удастся.

— Понятно, — обронил Жуков и подошел к столу, на котором стояли полевые телефоны. — Где здесь аппарат прямой связи со штабом 1-й гвардейской армии?

Дежурный по связи кивнул на черный аппарат. Жуков снял трубку и услышал громкий голос:

— Да! Кто звонит?

Голос показался знакомым, и Георгий Константинович спросил:

— Гордов? — И, услышав подтверждение, продолжал: — Жуков говорит, Василий Николаевич. Мы с Василевским едем к вам. Прошу быть на месте.

— Я собираюсь к командующему фронтами генералу Еременко, он вызвал меня в штаб, — пояснил Гордов.

— Прошу быть на месте! — жестко повторил Жуков, и в его голосе появились стальные ноты, знакомые Василевскому еще по работе с ним в Генштабе.

— Слушаюсь, товарищ генерал армии, — отозвался Гордов.

Машина свернула чуть в сторону от проселочной дороги, и они оказались во дворе КП 1-й гвардейской армии. Генерал Гордов уже знал о том, что Георгий Константинович назначен заместителем Верховного главнокомандующего, и встретил его рапортом. Жуков протянул ему руку:

— Ну, здравствуй, герой! Что, прижали вас тут немцы?

Лицо у Гордова вмиг стало пунцовым.

— Что поделаешь, у врага танки и самолеты в большом количестве. — И он развел руками. — Но мы сражаемся и пока свои огневые позиции удерживаем.

— Нам было бы легче бить врага, имей мы в достатке танки и самолеты, — добавил генерал Москаленко.

Жуков взглянул на Гордова.

— Нет, коллеги, так дело не пойдет! — суровым тоном сказал он. — Садитесь и говорите, чему вы рады, а чему нет. Но без танков и самолетов — попрошаек я не люблю... теперь же речь идет о другом: как нам задержать продвижение врага, будь на его стороне не только танки и самолеты, но хоть сам дьявол? Оба вы генералы, стало быть, вас учили воевать, и не зря вы носите брюки с красными лампасами. Чувствую, вы хорошо изучили своего противника, — продолжал Георгий Константинович, слегка повысив голос. — А это уже первый шаг к победе. Но что-то вы делаете не так, что-то у вас не получается. Давайте, коллеги, разберемся...

Долгий и откровенный разговор состоялся в штабе фронта. Жуков и Василевский указали на уязвимые места рубежей, где находились войска Сталинградского фронта, и заместитель комфронта генерал Гордов без обиды воспринял конкретные замечания, особенно обратив внимание на слова Жукова: «Войска не следует расплывать — туда часть, в другое место часть, на все участки рубежа поровну».

— Это не приемлю, друзья. — Голос у Жукова стал мягче. — Где выбрал место нанесения главного удара — туда и двигай свои войска, то бишь главные силы. — Жуков водил по оперативной карте фронта острым карандашом. — Прорвал вражескую оборону — сразу бросай в прорыв маневренные войска, чтобы как можно дальше продвинуться вперед. Затем, не теряя времени, расширяй захваченный плацдарм. Я говорю простые истины и хочу, чтобы всегда их помнили. А теперь ответьте на такой вопрос: сумеете ли вы подготовить свои войска к нанесению контрудара, скажем, на 5 сентября?

— Давайте на 6-е, — попросил Гордов. — Для нас сутки очень важны.

— Добро! — согласился Жуков. — Об этом я сейчас доложу товарищу Сталину.

Он поднял трубку аппарата ВЧ. Сталин, выслушав своего заместителя, сказал, что возражений у него нет.

— Кстати, Василевский прилетел в Москву? — спросил он.

— Он будет у вас в Кремле 1 сентября, — ответил Жуков. — Мы тут с ним должны еще побывать у

генерала Еременко и решить ряд вопросов по Сталинградскому фронту.

— Решайте, товарищ Жуков, но нанесение контрудара у вас стоит на первом месте!

Жуков и не подозревал, что наступление 1-й гвардейской армии в назначенное время сорвется, а оно, к его огорчению, сорвалось. Причина — не подвезли горючее, и к утру 2 сентября войска генерала Москаленко не вышли в исходные районы. Чья в этом вина? Ясное дело, командарма Москаленко, а его, как выяснилось, подвели тыловики. «Мало я дал командарму времени на подготовку, — признал в душе Георгий Константинович. — А Москаленко в свою очередь постеснялся попросить больше времени. Здесь есть и моя вина».

Командарм ждал, что скажет Жуков. А тот, покуривая, подошел к нему и спросил, едва ли не в упор глядя на него:

— Сколько вам еще потребуется времени? — В его голосе Кирилл Семенович уловил суровые ноты.

— Еще сутки, — разжал губы Москаленко.

Он почувствовал, как заныло сердце, — так бывало всегда, когда он остро что-то переживал.

— К пяти утра 3 сентября успеете?

— Так точно, тут уж я постараюсь, — заверил командарм.

Жуков здесь же по «бодо» доложил верховному, пояснив, что 24-я и 66-я армии начнут боевые действия 5 сентября.

— Сейчас идет детальная отработка задач всем командным составом, а также принимаем меры по материальному обеспечению операции, — добавил он.

Казалось бы, все было продумано, все сделано, и 1-я гвардейская армия на рассвете начала наступление. Противник встретил наши войска густым артогнем, потом бросил на них танки, с воздуха их прикрывали до ста «юнкерсов». Войска передовой линии продвинулись вперед в направлении Сталинграда на 5–7 километров и вынуждены были перейти к обороне. Жуков находился на КП армии и наблюдал за сражением. Рядом в комнате связи расположился командарм Москаленко, он то и дело связывался по телефону с комдивами и отдавал распоряжения.

— Не получилось у нас, Кирилл Семенович, — вздохнул Георгий Константинович. — Немцы накопили немало сил, а у нас этих самых сил втрое меньше.

— Беда одна, товарищ генерал армии, у меня почти не осталось танков и орудий, — грустно промолвил Москаленко.

— Надлежит готовить новый удар — так и доложу верховному.

Жуков присел к столу и быстро набросал текст радиogramмы в Ставку, указав, что «контратака принесла лишь частичный успех». Он отдал листок дежурному по связи:

— Срочно передать в Ставку!

Он знал, что Сталин непременно даст ему ответ, но тот неожиданно вышел на связь по ВЧ.

— Значит, добились частичного успеха? — глухим голосом спросил он.

— Мы уже готовим новый удар, и я уверен, что на этот раз у нас получится, — произнес Георгий Константинович.

— Готовьте, — изрек верховный.

Жуков был приятно удивлен, что верховный в этот раз не бросил ему упрека. Но оказалось, что он

ошибся. 3 сентября он получил за подписью верховного жесткую телеграмму, от прочтения которой у него едва не захватило дух. Верховный писал, что положение со Сталинградом ухудшилось, противник находится в трех верстах от города. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск тотчас же не окажет помощь. «Потребуйте от командующих войсками, стоящих к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь к сталинградцам, — телеграфировал верховный. — Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации осталось очень мало».

Прочитав депешу, Георгий Константинович невольно подумал, откуда верховный узнал о том, что случилось вчера, ведь он не докладывал ему подробности? Наверное, ему звонил генерал Еременко. Но Жуков не относился к тем, кто боялся окриков верховного, с ним он всегда был предельно прям, ничего не скрывал, но умел за себя постоять и не давал в обиду других, если они не были в чем-то виновны. Сейчас Георгий Константинович прочел еще раз депешу и позвонил Сталину. Он заявил, что готов отдать армиям приказ начать наступление, но войска израсходовали боезапас и им надо запастись, а это произойдет лишь не раньше вечера 4 сентября. К тому же важно установить взаимодействие частей с танками, артиллерией и авиацией — без них вряд ли будет успех.

— Думаете, что противник станет ждать, пока вы раскочуетесь? — раздраженно проговорил Сталин. — Еременко утверждает, что противник может взять Сталинград при первом же нажиме, если вы немедленно не ударите с севера.

— Я не разделяю эту точку зрения, — жестко возразил Жуков. — Прошу разрешения начать наступление 5 сентября, как было намечено ранее. Что касается авиации, то я сейчас отдам приказ бомбить врага всеми силами.

Верховный с ним согласился, но предупредил: если противник начнет общее наступление на город, следует немедленно атаковать его, не дожидаясь окончательной подготовки войск.

— Ваша главная задача, товарищ Жуков, отвлечь внимание немцев от Сталинграда, — неторопливо, но твердо произнес верховный, — и, если удастся, ликвидировать немецкий коридор, разделяющий Сталинградский и Юго-Восточный фронты.

Жуков так устал за день, что, выпив чаю, прилег отдохнуть, наказав командарму Москаленко сразу же разбудить его, если противник начнет боевые действия. Он лежал на жестком деревянном топчане в небольшой комнате и никак не мог уснуть. Щербатая луна заглядывала в окно, а когда туча накрывала ее, в комнате становилось темно. Почему-то Георгий Константинович вспомнил разговор с Василевским, когда улетал в Ставку. «Смотри за Гордовым, как бы он не подвел нас, — предупреждал Александр Михайлович. — Оперативная подготовка у него хорошая, но то, что его понизили в должности, назначив заместителем командующего по Сталинградскому фронту, он воспринял с обидой. А когда у человека в душе кипит, жди от него промаха. К тому же на него стал покрикивать генерал Еременко, коему Ставка подчинила два фронта». На это Жуков ответил: «Не переживай, Александр Михайлович, я уже переговорил с Еременко, кое-что высказал и Гордову, и он заверил меня, что не подведет нас».

Незаметно наступил рассвет, и по всему фронту 24-й, 1-й гвардейской и 66-й армий началась артиллерийская подготовка. Жуков встал рано и уже наблюдал за началом операции с КП 1-й гвардейской армии. Рядом с ним стоял командарм Москаленко и давал ему некоторые пояснения.

— Плотность нашего огня небольшая, и толку от него мало, — сердито произнес Жуков.

— После залпового огня «катюш» гитлеровцам не поздоровится, — заверил его генерал Москаленко.

Но чуда не произошло — наши войска продвинулись вперед на два — четыре километра, что, естественно, разочаровало Георгия Константиновича. И когда вечером ему позвонил Сталин, чтобы узнать,

как идут дела, он со свойственной ему прямоотой заявил, что к северу от Сталинграда немцы ввели в бой свежие войска, переброшенные из района Гумрака, и наше наступление застопорилось. Сталин, однако, ответил, что надо продолжать контратаки, строго предупредив своего заместителя о его главной задаче — «оттянуть от Сталинграда как можно больше вражеских сил».

Но как Жуков ни старался, прорвать боевые порядки противника или ликвидировать его коридор наличными силами он не смог. В таком же духе высказались генералы Гордов, Москаленко, Малиновский и Козлов.

— Нам нужны резервы — так и доложу верховному, — заверил командармов Жуков.

Он вышел на связь со Ставкой, но едва стал объяснять Сталину причину неудач на фронте, как тот прервал его:

— Возвращайтесь в Москву, и мы все обговорим.

Верховный с нетерпением ожидал Жукова. В Ставку он вызвал и Василевского, но, когда Георгий Константинович прибыл в Кремль, в упор задал ему вопрос, что нужно Сталинградскому фронту, чтобы ликвидировать коридор противника и соединиться с Юго-Восточным фронтом. Жуков начал перечислять: одну общевойсковую армию, танковый корпус, три танковые бригады и не менее 400 гаубичных орудий.

— Это минимум, товарищ Сталин, — подал голос Василевский.

Сталин молча достал свою карту с расположением резервов и начал ее рассматривать, а Жуков и Василевский отошли в сторону и заговорили о том, что следует искать иное решение проблемы.

— А какое «иное» решение? — услышав их разговор, спросил верховный. И, не дождавшись ответа, добавил: — Вот что: идите в Генштаб и подумайте хорошенько, что надо предпринять в районе Сталинграда, какие и откуда взять войска для усиления сталинградской группировки, а заодно подумайте и о Кавказском фронте. Завтра к девяти вечера соберемся здесь.

«Все внимание мы с Александром Михайловичем сосредоточили на возможности осуществления операции крупного масштаба, — отмечал Жуков, — с тем чтобы не расходовать подготавливаемые и уже готовые резервы на частные операции... Перебрав все возможные варианты, мы решили предложить И. В. Сталину следующий план действий: первое — активной обороной продолжать изматывать противника; второе — приступить к подготовке контрнаступления, чтобы нанести противнику в районе Сталинграда такой удар, который резко изменил бы стратегическую обстановку на юге страны в нашу пользу».

Как и распорядился верховный, вечером Жуков и Василевский прибыли в Кремль и доложили Сталину свои выкладки. Предварительный план контрнаступления в районе Сталинграда заинтересовал верховного. А вот создание нового фронта в районе Серафимовича, который пометил на карте Василевский, его насторожило.

— Хватит ли у нас сил для такой большой операции? — спросил он.

— Хватит, — ответил Жуков. — Через полтора месяца все необходимые средства и силы будут готовы. Кроме всего прочего у нас есть еще один важный козырь... — Он не договорил, и Сталин спросил:

— Козырь? И какой же?

Жуков сказал, что в районе Волги и Дона у немцев очень мало войск в оперативном резерве — 6 дивизий, они разбросаны на широком фронте и собрать их в кулак в короткое время невозможно. Наиболее боеспособны 6-я армия генерала Паулюса и 4-я танковая армия генерала Гота, подчеркнул Георгий Константинович, но эти две армии понесли большие потери и не могут успешно завершить свои действия по захвату Сталинграда.

— По нашему плану операция делится на два этапа, — теперь заговорил Василевский. — Первый — окружение сталинградской группировки войск и создание прочного внешнего фронта с целью изоляции этой группировки от внешних сил; второй — уничтожение окруженного врага и не дать возможности вермахту осуществить деблокировку окруженных войск.

Выслушав обоих, Сталин сказал:

— Над этим планом надо еще подумать и подсчитать наши ресурсы. А сейчас главная задача — удержать Сталинград и не допустить продвижения противника в сторону Камышина.

Казалось, все было ясно и нужно действовать. Но в это время Верховному главнокомандующему позвонил по ВЧ генерал Еременко. Глядя на Сталина, Жуков понял: Еременко докладывал весьма неприятные новости — это было видно по тому, как, слушая его, Сталин нервно двигал бровями, сжимал и разжимал губы. Наконец, закончив разговор, он произнес:

— Еременко сообщил, что немцы подтягивают к городу танковые части. Завтра надо ждать нового удара. — Верховный взглянул на Василевского. — Дайте сейчас же указание о немедленной переброске через Волгу 13-й гвардейской дивизии генерала Родимцева и посмотрите, что еще можно направить туда завтра. — Сталин подошел к Жукову. — Теперь что надлежит сделать вам. Позвоните Гордову и Голованову, чтобы они незамедлительно вводили в дело авиацию. Пусть Гордов атакует с утра, чтобы сковать противника. А сами вылетайте обратно в войска Сталинградского фронта и приступайте к изучению обстановки в районе Клетской и Серафимовича. — Он перевел взгляд на Василевского: — Вам через несколько дней надо вылететь на Юго-Восточный фронт для изучения обстановки на его левом крыле. Разговор о плане продолжим позже. То, что мы здесь обсуждали, кроме нас троих, пока никто не должен знать. У вас есть вопросы? Нет? Тогда оба свободны.

Через час Жуков вылетел в штаб Сталинградского фронта.

Генерал Чуйков находился в Бекетовке, когда член Военного совета Хрущев вызвал его на Военный совет фронта в деревню Ямы на левом берегу Волги. Вызов был срочный, и поначалу заместитель командующего войсками 64-й армии растерялся. Кому он вдруг понадобился и по какому вопросу? Перед отъездом Чуйков зашел к командарму генералу Шумилову. Тот вместе с начальником штаба генералом Ласкиным корпел над оперативной картой фронта.

— Что случилось, Василий Иванович, почему еще не убыли в штаб фронта? — спросил командарм, глядя на своего заместителя строгими глазами.

По натуре Шумилов был прост, за словом в карман не лез, знал, что и кому говорить, и это притягивало к нему людей, в том числе и Чуйкова.

— Михаил Степанович, я уже собрался в дорогу, но душа болит: зачем меня вызывают? — У него отчего-то зарумянились полные щеки. — Может, вы скажете? — И он шутливо добавил: — Если хотят с меня снять стружку за какой-либо грех, командующий фронтом мог бы и по телефону отчитать. Зачем же зря время терять?

Шумилов явно желал рассеять подозрения своего заместителя, но не знал, с чего начать.

— Я сам удивлен твоим вызовом, Василий Иванович; — пожал плечами командарм. — Мне даже никто не звонил. Вот ему, — Шумилов кивнул на генерала Ласкина, — позвонил член Военного совета Хрущев и коротко изрек: «Чуйкову срочно прибыть на Военный совет!»

— Все в точности так и было, — подтвердил Ласкин. — Однако чутье мне подсказывает, что вас приглашают, видимо, по серьезному делу...

— Тогда почему только меня, а не командарма? — прервал его Чуйков.

— Логично, — усмехнулся Ласкин. — Наверняка дело касается лично вас.

— Ну что ж, поеду, если что — позвоню вам оттуда, — разочарованно произнес Чуйков и поспешил на выход.

На переправе в это время народу — не протолкнуться. Военные, беженцы с узлами в руках, раненые и медсестры — все спешили переправиться на другой берег Волги. Паром работал с перерывами, но Чуйкову удалось на «газике» съехать на него и вскоре оказаться на другой стороне города. В полночь 11 сентября добрались до штаба фронта, а утром он предстал перед командующим Еременко и членом Военного совета Хрущевым.

— Каковы дела в вашей армии, Василий Иванович? — спросил Еременко. — Какой настрой у бойцов и командиров? — Командующий слегка улыбнулся, но тут же посуровел.

— Настрой у бойцов и командиров один: ни шагу назад, бить фашистов, пока руки держат оружие! — твердо выговорил Чуйков. — За полтора месяца боев я пришел к выводу, что лучший прием борьбы с гитлеровцами — ближний бой. И днем и ночью мы его применяем. А для начала важно как можно ближе подойти к противнику, чтобы его «юнкерсы» не смогли бомбить наш передний край или переднюю траншею. Особенный эффект дает ближний бой в городе, где порой пушку негде развернуть, не то что танк. На себе испытал эту форму боя и теперь учу других. Немцы решили любой ценой захватить Сталинград, но разве мы можем отдать врагу этот город? — Он сделал паузу. — Разумеется, никак не можем, товарищ командующий. Будем стоять насмерть!

— А вот командарм 62-й генерал Лопатин считает, что его армия город не удержит, — заметил Еременко.

— Скажи мне об этом кто-либо другой, а не вы, товарищ командующий, я бы не поверил, — улыбнулся Чуйков. — Лопатина я знаю давно, человек он энергичный, боевой, опыта у него дай бог сколько...

— А может, это хорошо, что человек сказал правду? — прервал Еременко Чуйкова. — Зачем взваливать на свои плечи тяжкий груз, если у тебя нет сил нести его?

— Логично, товарищ командующий, — согласился Чуйков.

А Хрущев добавил:

— Похоже, Антон Иванович не верит в свои силы, а это уже позиция пораженца, и одобрить ее Военный совет фронта не может!

Чуйков держался настороженно и напрямую защищать генерала Лопатина не стал. Мало ли чего наговорил тот в беседе с командующим фронтом! Хотел было высказать эту свою мысль, но Еременко опередил его. Он встал со стула и, взяв палочку, прошелся вдоль стола, слегка прихрамывая на одну ногу. Остановился рядом с Чуйковым.

— Решено назначить вас командующим 62-й армией, — произнес он. — Как вы, товарищ Чуйков, понимаете свою задачу?

«Я не ожидал, что мне придется отвечать на такой вопрос, — позднее отмечал Чуйков, — но и раздумывать долго не приходилось: все было ясно, понятно сало собой. И тут же ответил:

— Город мы отдать врагу не можем, он нам, всему советскому народу, очень дорог; сдача его подорвала бы моральный дух народа. Будут приняты все меры, чтобы город не сдать. Сейчас ничего еще не прошу, но, изучив обстановку в городе, я обращусь к Военному совету с просьбой о помощи и прошу

тогда помочь мне. Я приму все меры к удержанию города и клянусь, оттуда не уйду. Мы отстоим город или там все погибнем.

Командующий и член Военного совета сказали, что задачу я понимаю правильно. Мы распрощались. Хотелось поскорее остаться одному, чтобы подумать, не переоценил ли себя, свои силы, чтобы со всей остротой почувствовать тяжесть ответственности, которая на меня возлагалась. Задача была трудная, так как противник был уже на окраинах города».

Самоходная баржа, похожая на огромный утюг, подошла к причалу и ошвартовалась. К ней со всех сторон устремились люди. Капитан Бурлак шагнул на деревянный трап, спущенный с баржи, но его остановил комендант переправы капитан-артиллерист.

— Вы куда, товарищ капитан? — сурово спросил он.

— На левый берег, в штаб танковой бригады, а через час-полтора мне надо вернуться в город. Вот мои документы...

— Вас понял. — Комендант вернул документы. — Подниметесь на баржу после того, как на нее посадят всех раненых. Их нужно доставить в госпиталь. А пока отойдите в сторонку, санитары уже несут раненых.

«Как бы не опоздать на тракторный завод, — забеспокоился Бурлак. — Уйдет директор, а без него мне не Дадут даже простую гайку, не то что танк».

Прошел месяц с тех пор, как Бурлак прибыл на Сталинградский фронт. Его определили в танковую бригаду полковника Румянцева. Этот сибиряк, бывалый танкист, хорошо проявил себя в боях с белофиннами. Теперь его бригаду бросили под Сталинград, и сражается она выше всяких похвал, хотя и несет потери. Бурлак был доволен тем, что экипажи его танкового батальона хорошо воюют с врагом. На их счету 27 немецких танков, потери танкового батальона — 7 машин.

Последний бой тяжело дался капитану Бурлаку. Сражение проходило в пересеченной неглубокими оврагами местности у берега Волги, в его командирский танк угодил снаряд и разорвал гусеницу. Танк завертелся, как подстреленная птица, затем совсем замер, представляя собой отличную мишень для фашистов. В шлемофоне он услышал тревожный голос командира бригады:

— Бурлак, чего стоишь? Справа на тебя идет в атаку немец — разворачивай башню и бей по нему в упор! Ты слышишь? Как понял, прием!

— Товарищ первый, моя машина повреждена, она лишилась хода, но буду отбиваться! — произнес Иван Лукич в микрофон.

Наводчик мигом развернул башню и первым же снарядом поджег вражеский танк. Шедший за ним второй танк повернул обратно. Воспользовавшись паузой в бою, Иван Лукич пересел в другой танк и продолжал преследовать врага. У крутого обрыва он нагнал вражескую машину и с ходу ударил по ней двумя снарядами. Танк вспыхнул, повалил черный, как деготь, дым. Из танка стали выскакивать на землю немцы. Очередной выстрел из орудия поразил всех четырех членов экипажа.

«Кажется, я вышел из сложной ситуации, а мог бы погибнуть», — подумал Бурлак. Эта мысль даже сейчас ожгла его.

Между тем погрузили всех раненых, и врач сказал коменданту переправы, что можно отдать швартовы[7]. Капитан окликнул Бурлака:

— Танкист, садись, а то баржа уходит!

11

Бурлак расположился на корме неподалеку от носилок, на которых лежали раненые. Едва самоходная баржа отчалила и взяла курс на противоположный берег, как немцы открыли по ней минометный огонь. Мины рвались неподалеку, поднимая кверху белые столбы воды. В душе Ивана Лукича шевельнулось тревожное чувство, от которого холодок пробежал по спине: вдруг мина угодит в баржу, она может затонуть, и вместе с ней пойдут на дно Волги раненые бойцы? У себя за спиной он услышал чей-то негромкий с хрипотцой голос:

— Отец, дай закурить!

Бурлак обернулся. На носилках лежал совсем молодой парень с перебитой ногой. Ему было очень больно — это Иван Лукич понял по его пожелтевшему лицу. Санитары перевязали ему рану еще на берегу, но сквозь марлю сочилась кровь, и боец от боли то и дело кусал запекшиеся губы.

— Где тебя так шарахнуло, сынок? — спросил Бурлак.

Он достал из кармана табак в мешочке, быстро свернул сигарку, поджег ее и, потянув два-три раза, дал раненому.

— Кури, сынок, не спеша, не то можешь задохнуться, — предупредил его Иван Лукич.

Боец с жадностью начал глотать дым, у него даже лицо посветлело.

— Табачок твой как огонь крепкий, достает до самой печенки, — тихо промолвил раненый.

К нему подошла медсестра — высокая, стройная, как березка, девушка с голубыми глазами. Красноармейская форма на ней сидела ладно и была совсем новой. «Наверное, недавно стала медсестрой», — подумал Иван Лукич.

— Это что еще такое? — строго спросила она раненого, взяла из его рук горящий окурок, загасила и бросила за борт. — Вам курить никак нельзя! — Она поправила на его ноге бинт, затем выпрямилась и сердито взглянула на Бурлака: — Это вы дали ему закурить?

Иван Лукич посмотрел на девушку и увидел в ее маленьких розовых ушах вату. Он улыбнулся, не спуская с девушки пытливого взгляда.

— Боитесь, что от взрывов снарядов у вас лопнут барабанные перепонки? — спросил он.

— Не угадали, капитан, — серьезно возразила медсестра. — Я просто не могу слышать, как тяжело стонут раненые. Еще не привыкла, — поправилась она, глядя на Бурлака широко распахнутыми глазами. — Так курить раненому дали вы? — вновь спросила она.

— Я, — безучастно ответил Иван Лукич. — А что в этом страшного?

Медсестра объяснила ему, что раненого надо поскорее доставить в госпиталь и положить на операционный стол, иначе у него может возникнуть гангрена и тогда придется ампутировать ногу. А перед операцией курить раненому никак нельзя.

— Ну коли так, больше курить ему не дам, — заверил ее Бурлак.

Раненый громко застонал.

— Воды мне, сестрица, — попросил он ссохшимися губами.

Медсестра сняла со своего пояса флягу и протянула ее Ивану Лукичу:

— Принесите, пожалуйста, воды, я не могу оставить раненого.

— Вы разве с ранеными одна? — спросил Бурлак, беря из ее рук флягу.

— Нас пятеро, и у каждой раненые на носилках.

Бурлак прошел к рубке капитана, чтобы узнать, где можно набрать питьевой воды для раненых. Моряк разгладил пальцами свои щетинистые усы.

— В кубрике, танкист. Вон видишь двери, открой их и спустись по трапу в кубрик — там есть питьевой бак.

— Быстро вы, однако, принесли воду, — похвалила Бурлака медсестра, подарив ему мягкую улыбку. Она напоила раненого, потом спросила: — Вы танкист?

— Да. А что?

— Завидую вам, капитан, — сказала она устало. — Вы ходите в атаку, бьете фашистов, я же прикована к раненым. А мне тоже хочется идти в бой, убивать врагов. Они посягнули на самое святое — нашу советскую Родину, и нет им пощады!

Бурлак усмехнулся.

— Не могу разделить ваше желание, — сухо сказал он, покосившись на девушку. — На войне каждый из нас находится там, куда его поставило начальство. Кто танкист, кто сапер, а кто просто пулеметчик, медсестра или повар — профессия у каждого разная, а долг у всех один — сдерживать натиск врага, не дать ему захватить Сталинград! — После недолгой паузы он спросил: — Как вас зовут?

— Рядовой Оксана Бурмак. А вас как прикажете величать? — с лукавой улыбкой на смугловатом лице поинтересовалась она.

— Иван Лукич.

Он взглянул ей в лицо и вдруг засмеялся. Девушка растерянно заморгала длинными, как крылья у бабочки, ресницами.

— Что вы нашли во мне смешного? — спросила она, и в ее голосе прозвучала обида.

— Не у вас смешное, а в наших фамилиях, — поправился Иван Лукич. — Вы Бурмак, а я Бурлак! Разница в одной букве. Может, вы моя дальняя родственница?

Теперь засмеялась она — звонко, задиристо, словно бросила на палубу горсть стеклянных бусинок.

— Вот уж никак не ожидала встретить на Волге своего родственника, — с иронией произнесла она и тут же посерьезнела: — А что у вас с рукой? Не пуля ли пометила?

— Чуюток задел осколок, когда «юнкерсы» бомбили паром, — пояснил Иван Лукич. — Рана уже затянулась. Еще три — пять дней, и повязку снимут.

Они помолчали. Затем Оксана спросила:

— Тяжело на фронте, да?

— Очень, особенно если не умеешь делать то, что тебе поручено, — ответил Иван Лукич.

— А вы уже научились все делать?

В ее голосе он почувствовал раздражение и даже насмешку, но сделал вид, что не заметил этого, хотя ее слова царапнули ему душу. Его плотно сжатые губы разжались:

— Стараюсь, но не всегда получается.

Бурлак снова посмотрел ей в лицо. Оно у нее стало задумчивым, а суровость, которая еще минуту

назад была в ее глазах, исчезла, и они приняли детское выражение. Подумалось: «Сколько ей лет? Наверное, была студенткой, а вот теперь медсестра».

— Вы медик по профессии? — спросил он.

— Нет, я студентка исторического факультета. Была, — поправилась она. — Потом ушла добровольно на фронт, месяц училась на курсах медицинских сестер в Саратове, сейчас вот здесь. — Она глубоко вздохнула. — Выжить бы нам в этой войне, вон сколько гибнет в боях наших ребят, а сколько раненых? В день в медсанбат их привозят с боевого рубежа до полсотни человек. Тяжелых отправляем в госпиталь, там их оперируют, а тех, что умирают на передовой, там же и хороним. Разумеется, после боя, когда рядом уже нет врагов. Кстати, у нас за месяц боев погибло девять медсестер, среди них и моя подруга Галя, с которой мы учились на одном факультете. Она выносила с поля боя раненого, тащила его на палатке, и на нее наехал вражеский танк...

— Тяжелая смерть, я бы такой не хотел, — прервал ее Иван Лукич. — Разве ваша профессия не опасна? А вы еще мне завидуете... — И, с минуту помолчав, добавил: — А я прибыл сюда из Хабаровска сражаться за свой родной город.

— Так вы родом из Сталинграда? — едва не вскрикнула Оксана. — И я тоже из этих мест.

— Да? — обрадовался Иван Лукич. — Вот здорово! Никак не ожидал встретить на борту баржи свою землячку.

— Сестрица, дай еще попить, — попросил раненый. — Что-то нога стала болеть. Может, дашь какую-нибудь таблетку?

Оксана наклонилась к раненому, дала ему воды и обещала принести таблетку. Она попросила Ивана Лукича побыть с раненым, а сама пошла в нос баржи, где в кубрике находился врач.

«Симпатичная девушка, — подумал Бурлак, когда медсестра ушла. — Интересно, есть у нее муж?»

Вернулась Оксана разочарованной: таблеток у врача нет, и, коль раненому нужна операция, ему пока никакого лекарства давать не следует.

— Это приказ врача, — объяснила Оксана раненому. — Врач у нас строгий...

День клонился к вечеру. Солнце укатило за горизонт, стало чуть прохладнее — значит, августовская ночь будет еще холоднее. Баржу слегка качало, хотя Волга была спокойной, легкий ветерок гнал по волне курчавые барашки. Где-то неподалеку грохотали орудия, эхо пропадало у песчаного берега. Над баржой пролетел «юнкере», но он был высоко в небе, и, видимо, поэтому зенитчики не открыли по нему огонь.

— Когда баржа подойдет ближе к причалу, немцы откроют по ней огонь из орудий, — сказала Оксана. — Так было вчера, когда в это же время буксир вез раненых.

— Все может быть, — согласился с ней Бурлак. — Вы поберегите себя, Оксана. Если вдруг с вами что-то случится, муж не перенесет.

Она резко произнесла, не глядя на него:

— У меня его нет. — И сухо добавила: — Я уже обожглась...

— Вы были замужем? — насторожился Иван Лукич.

— Нет, просто дружила с одним парнем... — Она явно не желала говорить на эту тему и даже сердито съязвила: — По мне некому плакать, если что-то случится, а вот вам надо себя побережь.

— Для кого? — Он дернул бровями, и она заметила это, но тут же отвела глаза в сторону, давая понять, что ей не хотелось бы распространяться на эту тему.

— Для своей жены, детишек... — все-таки ответила Оксана и умолкла, в напряжении ожидая, что он ей скажет.

— Вы правы, моя жена будет лить по мне крокодиловы слезы...

В это время недалеко от баржи разорвался снаряд, обдав брызгами всех, кто находился на верхней палубе. Немцы начали обстрел, и Оксана не на шутку испугалась. Она смахнула с лица капли воды, подошла ближе к корме баржи, где лежал на носилках раненый, и вытерла платком его мокрое лицо. Он открыл глаза и тихо спросил:

— Что, причалили к берегу, сестрица? — Чуть приподнял голову, чтобы посмотреть, но она тут же откинулась назад.

— Лежите спокойно, мы уже подходим к причалу, и там вас ждут, — ответила Оксана.

Она шагнула к капитану, хотела сказать ему что-то, но вдруг за бортом взорвался снаряд. В лицо пахнуло горячим воздухом, потом Оксану накрыла большая волна, сбила ее с ног и потащила за собой. Последнее, что слышал Иван Лукич, был крик Оксаны: взрывной волной его отбросило в сторону, и он упал, ощутив в правой руке колючую боль. «Еще рана откроется», — пронеслось в его голове. Он тут же поднялся и посмотрел на корму. Оксаны там не было. Она барахталась в воде неподалеку от места взрыва и что-то кричала.

— Спасите ее, она не умеет плавать! — крикнула другая медсестра, подбежав к Бурлаку.

В одно мгновение Иван Лукич сбросил на палубу портупею и прыгнул за борт. Он плыл на голос Оксаны, ее голос то стихал, то вновь возникал, и он понял, что девушка барахтается в воде, наверное, уже захлебывается, и что было сил греб руками воду под себя и неутомимо работал ногами. А вот и она. Появилась на воде и снова исчезла, а на поверхности остались пузыри. В самый последний момент Иван Лукич нырнул под Оксану, цепко схватил ее за волосы и вытащил ее голову из воды. Успел заметить, что лицо у нее блее мела, глаза красные и распахнутые, а из груди вырывались тяжелые стоны. Бурлак натужно держался на воде, левой, больной рукой прижимал девушку к себе, а правой с силой греб. Самоходная баржа застопорила ход и плавно качалась на воде. Кто-то из экипажа бросил в их сторону спасательный круг, а медсестра, подруга Оксаны, во весь голос кричала:

— Плывите сюда, капитан!..

Рывок, еще рывок. Иван Лукич схватил спасательный круг и набросил его на плечи Оксаны, крикнув:

— Держись за круг руками, а я буду подталкивать!..

Их подняли на борт. Бурлак стоял на палубе, вытянув руки вдоль туловища, с него струями стекала вода. Он снял гимнастерку, выжал ее и снова надел. Оксана лежала на палубе и громко стонала, а потом и вовсе потеряла сознание. Ее правое плечо было в крови, на нем болтался клочок кожи.

— Она ранена в плечо! — крикнул Бурлак медсестре которая возилась с раненым, лежавшим на носилках

Странно, но волна не смыла его за борт, он что-то говорил, но Иван Лукич не мог понять его слов. Подумалось: наверное, бредит после всего, что случилось. Кусок деревянной обшивки болтался, едва не касаясь воды. Подошел боцман и начал срезать его ножом, но дерево не поддавалось. Между тем подруга Оксаны стала перевязывать ее. Подошла врач и осмотрела девушку,

— В плече сидит осколок от разорвавшегося снаряда, — сказала она. — Ее надо срочно оперировать. Варя, — окликнула она медсестру, — принеси мне нашатырный спирт!

— Берег уже рядом, — вымолвил Бурлак.

Врач окинула его суровым взглядом:

— Она что, ваша знакомая? — и отбросила со лба метелку рыжеватых волос.

— Мы с ней на барже познакомились. — Бурлак почувствовал, как к лицу прихлынула кровь.

— Вы спасли ей жизнь, иначе она утонула бы, — проникновенно сказала врач. — А что это с вашей рукой? Да вы ранены! — всполошилась она. — Я сейчас перевяжу вам руку.

— Был ранен две недели тому назад, рана зажила, но, видно, оттого, что попал в воду и дал руке нагрузку, она стала кровоточить.

Медсестра принесла нашатырный спирт. Врач намочила свой платочек и поднесла его к носу Оксаны. Та вдохнула пары несколько раз и очнулась.

— Где я? — вырвалось из ее груди.

— Ты с нами, Оксана, — успокоила ее врач. — Опасность миновала, так что не волнуйся.

— Мне тяжело дышать, у меня кружится голова, и мне холодно, — с трудом проговорила Оксана. Ее взгляд блуждал по сторонам и вдруг остановился на Бурлаке. — Кто это?

— Твой спаситель, — улыбнулась врач. Она помогла девушке встать, потом осторожно повела ее к рубке. — Мы уже прибыли на место.

Баржа ошвартовалась у разбитого причала. Передав Оксану медсестре, врач надела очки и посмотрела на капитана.

— Медсестра Оксана где проходит службу? — спросил он.

— В санбате. А что? — Врач вскинула на него свои зеленоватые с чернотой глаза.

— Мне казалось, что она из саперного батальона.

Раненых выносили с баржи и тут же сажали в госпитальную машину «скорой помощи». Бурлак уже наполовину обсох, правда, рука ныла. Перед сходом на берег он подошел к врачу.

— Что теперь будет с медсестрой? — спросил он.

— Положим в госпиталь на операцию: надо же извлечь из плеча осколок, иначе возникнет гангрена и придется ампутировать руку. — Врач взглянула поверх головы Бурлака и увидела, что из рубки ей машет рукой усатый моряк. — Извините, товарищ капитан, я пойду.

— Всех вам благ, доктор!..

У заводского КПП[8] капитан Бурлак увидел группу рабочих в спецовках. Они что-то читали на доске объявлений. Он решил посмотреть, что там такое. Оказалось, что на доске висело воззвание городского комитета обороны, который возглавлял первый секретарь областного обкома ВКП(б) Чуянов.

«Дорогие товарищи! — читал про себя Бурлак. — Родные сталинградцы! Остервенелые банды врага подкатились к стенам нашего родного города. Снова, как 24 года назад (имеется в виду оборона Царицына в 1918 году. — А.З.), наш город переживает тяжелые дни. Кровавые гитлеровцы рвутся в солнечный Сталинград, к великой русской реке Волге... Товарищи сталинградцы! Не отдадим родного города, родного дома, родной семьи. Покроем все улицы непроходимыми баррикадами. Сделаем каждый дом, каждый квартал, каждую улицу неприступной крепостью. Выходите все на строительство баррикад. Организуйте бригады. В грозный 1918 год наши отцы отстояли Красный Царицын. Отстоим и мы в 1942 году краснознаменный Сталинград! Все на строительство баррикад!

Все, кто способен носить оружие, на защиту родного города, родного дома...»

— Берет за душу, — промолвил Бурлак, прочитав обращение.

— Немец уже в полсотне километров от города, а баррикад что-то не видно, — усмехнулся стоявший рядом с Бурлаком рабочий.

Другой добавил:

— А что сделают баррикады против немецких танков? — Он взглянул на Бурлака. — Вот вы, товарищ капитан, танкист, рассудите нас.

Бурлак улыбнулся, пожал плечами.

— Смотри какие баррикады, а то могут и они лишить вражьи машины маневра, — веско произнес он. — Пожалуй, так оно и будет, если в городе начнутся уличные бои. Но лучше задержать танки противника, не дать им возможность войти в город, уничтожить их еще на подступах к Сталинграду.

— Горячее это дело, можно и обжечься, — бросил реплику молодой парень, дымя цигаркой. Он был в кожанке, хотя августовское солнце припекало.

— Ас холодным делом и дурак справится, — усмехнулся Иван Лукич.

— Вы-то сами уже сражались с немецкими танками? — спросил парень. — Как ведут себя гитлеровцы?

— Довелось сразиться, и в первом же бою на моей «тридцатьчетверке» снарядом разорвало гусеницу, — пожаловался Иван Лукич. — Пришлось пересест в другой танк и продолжать бой. Ну а как ведут себя немцы? — Он снова усмехнулся. — Бегут, если по ним хорошо ударить, не то что наш брат — бьется до последнего. Беда на всех одна — у врага много танков, а у нас впятеро меньше, проще сказать — единицы. Такая же ситуация и с самолетами. Но, товарищи, успех у фашистов временный, и смею заверить вас, что скоро наша промышленность даст Красной армии много танков и самолетов. А пока надо сдерживать натиск врага, не отдать ему Сталинград, и мы на фронте будем стоять насмерть!..

Бурлак услышал, как к ним подъехала легковушка. Из нее вышел высокий полный мужчина в шляпе и сером костюме. Он подошел к рабочим и спросил с улыбкой на загорелом лице:

— Что тут у вас такое?

— Да вот читаем обращение к населению города о сооружении баррикад, а капитан рассказывает, как наши танкисты сражаются с фашистами, — пояснил парень в кожанке.

— Ну, и как же они сражаются? — спросил мужчина в шляпе.

— Хорошо сражаются, но у наших бойцов мало танков, у врага их намного больше, — ответил Иван Лукич.

— Вы правы, товарищ капитан, но скоро и наши войска получат машин вдоволь, уже скоро, — повторил он и взглянул на Бурлака. — А вы что, пришли к нам на завод?

— Так точно, к директору завода, — подтвердил Иван Лукич. — Но на месте ли он, время-то позднее? А меня командировал сюда лично заместитель командующего Сталинградским фронтом генерал Гордов.

В глазах мужчины в сером костюме блеснула хитринка.

— Пойдемте со мной, мне тоже надо к директору, — сказал он.

Они вошли в кабинет. Мужчина уселся за стол, на котором лежала кипа бумаг, кивнул на стоявший рядом стул:

— Садись, капитан! — Он улыбнулся. — Тут просторно, не то что в танке. Ну, я слушаю вас!

Бурлак растерялся:

— Извините, но дело у меня к директору завода...

— Я и есть директор, — прервал его мужчина.

— Товарищ Задорожный?

— Собственной персоной! А вы, наверное, прибыли из штаба фронта? Генерал Гордов звонил мне насчет танков. У нас отремонтировано десять машин Т-34, и рабочие собрали еще два десятка танков. Завтра можете их забирать. Так и скажите товарищу Гордову.

— Разрешите?

В кабинет вошел нарком танковой промышленности генерал Малышев. Бурлак уже дважды видел его в штабе фронта и сразу узнал.

— Заходите, Вячеслав Александрович! — Директор придвинул ему кресло. — Садитесь, пожалуйста.

Генерал Малышев сел.

— Вам не звонил генерал Еременко, командующий двумя фронтами? — спросил он. — Ему крайне нужны танки.

— Ко мне уже прибыл гонец от его заместителя по Сталинградскому фронту генерала Гордова. Вот он, капитан Бурлак.

— Это вы Бурлак? — Малышев пристально посмотрел на капитана.

Тот вскочил с места, представился:

— Командир танкового батальона капитан Бурлак!

— У вас есть потери в танках за время боев? — поинтересовался нарком.

— Есть потери, товарищ генерал, — подтвердил Бурлак. — А как же без потерь на войне? Танки — наше главное оружие, и наших «тридцатьчетверок» немецкие танкисты боятся.

Нарком на минуту задумался, потом закурил папиросу и, выпустив колечки дыма, произнес:

— Так-то оно так, капитан, и я тебе верю. Но плохо то, что наши танкисты, особенно молодежь, еще не нанялись хорошо воевать, у немцев на этот счет больше опыта, — подчеркнул нарком. — Они оккупировали почти всю Европу. — Он взглянул на Бурлака. — Сам-то уже бил фрицев?

— Довелось... — смутился капитан. — Но в танке еще не горел.

— И не надо в танке гореть! — улыбнулся нарком. — Что важно в танковом сражении? Не подставлять свой борт врагу, стремиться первым нанести по нему удар, заняв выгодную позицию. Верно, капитан?

— Иначе быть не может, — улыбнулся и Бурлак. Он встал. — Товарищ директор, если у вас ко мне больше нет вопросов, я могу идти?

— Иди, капитан. Доложи генералу, что три десятка машин можно уже завтра с завода взять. А вам я желаю успехов в боях!

— Спасибо! — Бурлак направился к двери, но директор задержал его.

— Где сейчас находится штаб фронта? — спросил он. — Там же, в центре города, или переехал?

— На старом месте, — подтвердил Бурлак. — А вот для удобства управления войсками в районе Малой Ивановки вчера там оборудовали вспомогательный пункт управления — ВПУ. Там сейчас находятся заместитель командующего фронтом генерал Коваленко и начальник штаба фронта генерал Никишев. Вы

хотите им что-то передать?

— Да нет, капитан, мне нужно переговорить с начальником бронетанковых и механизированных войск фронта генералом Штевневым. На днях он обещал быть на заводе, но почему-то не пришел. Ладно, капитан, иди, небось тебя ждет генерал Гордов.

Когда Бурлак вышел, Задорожный взглянул на наркома Малышева:

— А теперь я в вашем распоряжении, Вячеслав Александрович.

— Давайте пройдем в цех сборки танков Т-34. — Малышев встал. — У меня есть предложение по увеличению выпуска машин. Кстати, когда вчера я разговаривал по ВЧ с председателем Комитета обороны товарищем Сталиным, он интересовался, как идут дела на вашем заводе.

— Пока срывов как таковых нет, но нас все чаще бомбят «юнкерсы», — пожаловался директор завода. — Желательно, чтобы противовоздушная оборона была надежней. Я уже просил об этом генерала Еременко, он обещал усилить охрану завода с воздуха.

— Я еще с ним сам поговорю, — заверил нарком.

На левобережье Волги, где формировалась танковая бригада, капитан Бурлак возвращаться не торопился. Комбриг Румянцев сказал ему, что если задержится на заводе, то может переночевать у матери. Но прежде велел зайти в штаб фронта и доложить генералу Гордову о результатах поездки на завод. Если он дает танки, то сколько и когда, чтобы сформировать для этих машин экипажи. Потому-то сейчас Бурлак и спешил в центр города, где располагался штаб фронта. «Доложу генералу Гордову о том, что сделал на заводе, затем поеду к маме и у нее заночую», — решил Иван Лукич. За все прошедшее время после его приезда в Сталинград он еще не был дома, и, наверное, мать беспокоится. Но тут же другая мысль обожгла его: как быть с медсестрой Оксаной? Надо бы проведать ее в госпитале, узнать, как она себя чувствует, хотя бы потому, что он выручил ее из беды. Но, поразмыслив, он решил навестить ее в другой раз: не то, чего доброго, сочтет его навязчивым. О том, что он вытащил ее из воды, вряд ли она помнит, так как потеряла сознание, когда ее подняли на палубу. Это даже лучше, если она не помнит, кто спас ее от верной гибели. «А вот матери расскажу о ней, — решил Иван Лукич. — Интересно, как она воспримет эту новость? Не станет ли упрекать в том» что я рисковал? Впрочем, что было, то было, и остается только ждать».

Иван Лукич торопливо шел по улице. На ней было оживленно, особенно много попадалось военных с оружием. По всему чувствовалось, что где-то неподалеку фронт. Несмотря на то что в городе было объявлено военное положение, паники среди гражданского населения не было, хотя многих женщин, стариков и детей уже эвакуировали на левый берег Волги. На правый берег каждый день на фронты прибывали новые войска и боевая техника. Невзирая на бомбежку, корабли и суда Волжской военной флотилии перевозили войска и боевую технику в Сталинград, а часть боевых кораблей флотилии своим артогнем наносили удары по войскам противника, прорвавшимся к северной окраине города.

Проходя мимо почты, Бурлак вдруг услышал окрик:

— Ваня!

Он посмотрел в сторону и увидел свою бывшую жену Кристину. Она была в трауре. Интересно, отчего вдруг, что у нее случилось? Бурлак остановился и стал ждать ее. Почему-то ему пришли на память слова матери, сказанные в день его приезда из Хабаровска: «Ты же совсем не знаешь Кристину, кто она и чем дышит. Да и любит ли она тебя?» И тут же словно наяву он услышал голос Кристины: «Зачем мне ребенок от человека, которого я не люблю и от которого твердо решила уйти?» Кажется, давно это было, но и теперь от этих слов Кристины его охватило щемящее чувство, словно он только что вышел из боя и еще не

пришел в себя...

Кристина подошла к нему, запыхавшись. Не лицо, а желтая маска, в глазах тоска.

— Привет, Иван! — сухо бросила она, поправляя прическу.

Иван Лукич поднял на нее глаза и тихо обронил:

— Здравствуй, Кристина.

— У меня большое горе... — выпалила она на одном дыхании.

— Какое еще горе? — Он усмехнулся и насмешливо добавил: — Горе у тебя уже было — это когда мы с тобой разошлись, а точнее, когда ты бросила меня. Хотя для тебя это, видно, не горе, а что-то вроде пустячного эпизода.

— Все ёрничаешь... — Она сердито скосила на него глаза. — У меня страшное горе... Вчера я похоронила Алексея. Его во время бомбежки... осколком от бомбы. Удар в самое сердце. Отец по нему рыдал, и мне было не по себе, я ходила как в тумане...

— Жаль парня, — коротко изрек Иван Лукич.

— Весь день я была в слезах. Теперь не знаю, что мне делать и как дальше жить. Может, дашь совет?

— Тебе совет? — Иван Лукич усмехнулся. — Ты ошиблась адресом. Я ведь советы давать не умею. Не я же дал тебе совет познакомиться с Алексеем... — Он сделал паузу. — Что, порвалась ниточка, связывающая тебя с наукой? Или пропала твоя перспектива?

— Не груби, — оборвала она его. — У меня и так на душе холодно и пусто. Потерять такого человека... — Она всхлипнула.

Иван Лукич подошел к ней ближе, посмотрел в глаза.

— Не будь артисткой, Кристина, — жестко одернул он ее. — Дать тебе совет... Смешно!..

— Послушай, Ваня, может, помиримся, а? — Она вытерла платком мокрые глаза. — Начнем нашу жизнь с нуля?

Бурлаку так и хотелось крикнуть во весь голос: «Ты убила моего ребенка!..» Но в последний момент он пересилил себя и сдержанно промолвил:

— С тобой у нас все кончено! И горевать тебе не надо. Что, разве на Алексея свет клином сошелся? Был я твоим мужем, но ты от меня ушла к другому. А третьего что, не найдешь?! Смешно! — Он повернулся, чтобы уйти, но Кристина схватила его за руку, придержала и выдохнула ему в лицо:

— Я буду другой, я больше не позволю себе...

— Уйди! — резко оборвал он ее. — Я не желаю с тобой видеться, не то что разговаривать.

Она не знала, что ответить ему, ее нервы были на пределе. Она стояла бледная и безутешная.

— Мне к генералу Гордову, — сказал Бурлак дежурному по штабу майору с тонкими усиками и косыми бакенбардами, придававшими его худощавому лицу округлость.

Дежурный сообщил, что у замкомандующего фронтом находится начальник бронетанковых и механизированных войск фронта генерал Штевнев.

— Мне и к нему надо...

— Минутку, я доложу генералу Гордову... — И майор метнулся к кабинету.

Через пять минут он вышел и на ходу бросил Ивану Лукичу:

— Проходите!

Генералы о чем-то беседовали. Увидев Бурлака, Гордов встал, поздоровался с ним за руку и, глядя на Штевнева, сказал:

— Вас не было в штабе, и мне пришлось посылать на завод командира танкового батальона.

— Да? — Штевнев тоже встал, подошел к Бурлаку. — Ну и как, что-нибудь выходили?

Бурлак ответил, что был на приеме у директора тракторного завода Задорожного и передал ему просьбу генерала Гордова. В это время к нему прибыл нарком танковой промышленности генерал Малышев и тоже завел речь о танках, заметив, что его просил об этом генерал Еременко...

— Ты, Бурлак, говори короче, — произнес Гордов.

— Понял, товарищ замкомандующего. Если коротко, то завтра с экипажами бойцов надо быть на заводе. Танки можно брать.

— Сколько? — напружинился Гордов.

— Десять отремонтированных и два десятка новых Т-34!

Генерал Гордов похвалил Бурлака. Он вернулся к столу, позвонил начальнику штаба и велел прибыть к нему, потом, взглянув на генерала Штевнева, распорядился, чтобы тот немедленно подобрал экипажи для танков и завтра же вывел их с завода.

— А вы, капитан Бурлак, тоже подключайтесь к этому делу, помогите генералу набрать танкистов, они есть и в вашей бригаде. Возьмите лучших людей — и на завод. Прошу опробовать каждую машину. Ясно?

Штевнев коротко ответил:

— Все в точности исполню!

Он направился к выходу, а Бурлак попросил Гордова разрешить ему позвонить комбригу и предупредить, что на левобережье он сегодня не переправится, так как поедет с генералом получать танки.

— Я сам позвоню комбригу, он мне нужен, — сказал генерал Гордов.

— Слушаюсь! — И Бурлак вышел вслед за начальником бронетанковых и механизированных войск Сталинградского фронта.

— Я сейчас на пять минут заскочу к начальнику оперативного отдела, — сказал Бурлаку Штевнев, — а вы идите в штаб фронта в мой кабинет. Подберем людей, и вы пойдете отдыхать, а утром явитесь ко мне.

12

К матери Иван Лукич пришел в десятом часу вечера. Она еще не спала и обрадовалась его приходу, однако бросила ему упрек.

— Целый месяц тебя не было, сынок, — промолвила она, вешая его капитанскую фуражку на гвоздь зеркала. — Все гадала, где ты и не попал ли в какую-либо беду. Что, наверное, был на передовой?

— Побывал, но, как видишь, вернулся цел и невредим, правда, руку малость задело осколком, но рана уже почти зажила. — Он снял гимнастерку, поправил на руке бинт.

— Сердцем почуяла, что ты придешь сегодня, — продолжала мать, — и напекла пирожков с вишней. Ох и вкусные! Вот отведай. — Она поставила на стол целую миску еще теплых пирожков.

Он посмотрел ей в глаза. Они светились, как два маленьких солнышка, и такое тепло исходило от них, что Ивану Лукичу стало жарко. А она уже рассказывала ему о том, как на прошлой неделе почти весь день сидела с соседями в бомбоубежище: город сильно бомбили немецкие самолеты.

— Слухи ходят, что немец еще ближе подошел к городу, — сказала Татьяна Акимовна. — Неужели возьмут Сталинград?

— Не возьмут, мать, — уверенно заявил Бурлак, за обе щеки уплетая пирожки. — Верховное главнокомандование посылает под Сталинград все новые войска и боевую технику. Сюда прибыли бойцы из далекой Сибири и с Дальнего Востока.

Мать села напротив, подперев правой рукой щеку, и все смотрела на сына. Потом заговорила о другом:

— Ты не очень-то страдай, сынок, по своей бывшей жене Кристине. Живи по совести, как жил твой отец, и Бог тебя сохранит. — Передохнула и добавила: — Она подарила свою любовь другому, но твоя судьба от этого не перекосилась. Найдешь себе девушку, только бы себя не потерять...

Иван Лукич слушал ее, а в голове билась мысль: «Как там Оксана, сделали ли ей операцию, да и жива ли она?»

— У меня для тебя новость, мать, — начал Иван Лукич, когда поужинал и лег на диван отдохнуть. — Сегодня в центре города я встретил Кристину. Когда переходил улицу, она меня окликнула.

— И что ей нужно было? — насторожилась Татьяна Акимовна.

— Она была в трауре, — сообщил Иван Лукич. — Ее нового избранника убило во время бомбежки пристани. Говорит, осколок попал в самое сердце.

— Господи, да неужто правда? — Мать перекрестилась.

— Правда. Мне показалось, что Кристина очень переживает. — Иван Лукич немного помолчал и продолжал: — Предлагала мне помириться. Говорит: давай, мол, начнем нашу жизнь с нуля. Но я отверг ее...

Татьяне Акимовне стало жаль бывшую невестку, и она сказала:

— Не суров ли ты, сынок? — Она пристально посмотрела на него. — Я не хочу смягчить твое горе, но, может, гибель Алексея на многое ей открыла глаза? Мстить ей — чувство нехорошее, сынок, хотя мне и хочется тебя утешить...

— Ты еще не все знаешь, мама, — прервал он ее. — Думаешь, у меня нет сердца? Но то, что она

сделала, я ей простить никак не могу.

— Что еще она такое сделала, какой грех взяла на свою душу? — напряглась Татьяна Акимовна.

— Большой грех на ее совести, — вздохнул Иван Лукич. — Но я тебе все открою... Помнишь, как я уезжал в Хабаровск? Она провожала меня на поезд и, когда мы вошли в купе, шепнула мне, что у нас будет малыш. Сказала: «Ты там у себя пока подумай, какое имя ему дадим». И что же? Ради этого Алексея она лишила ребенка жизни!

— Сделала аборт?

— Оно самое...

— Горе ты мое — она же преступница перед тобой и Богом! — запричитала мать. — Теперь понятно, почему она лежала в больнице. А я-то, старая дура, передачу ей носила. Спросила, чем больна, она ответила, мол, простуда. Вот ведь шельма, обманула.

— Ну ладно, хватит о Кристине, — махнул рукой Иван Лукич. — У меня есть еще одна новость...

И он рассказал, как сегодня искупался в реке, когда бросился в одежде спасать медсестру.

Татьяна Акимовна даже в лице изменилась.

— А если бы сам утонул? — Голос у нее стал строгим и холодным, как вода в Волге.

— Если честно, мать, я даже не успел об этом подумать. Сиганул в бурлящий поток — и все. Медсестра совсем не умела плавать. Это же погибель ей!

— Она красивая, эта Оксана? — поинтересовалась Татьяна Акимовна.

— Симпатичная, ничего не скажешь. Кстати, родом из Сталинграда. Студентка, а теперь медсестра. Сама попросилась на фронт.

— Она тебе, видно, глянулась? — Мать улыбнулась, и у ее глаз резко обозначились глубокие морщины.

— Да нет, я на барже был с ней с полчаса.

Он так ответил, хотя не переставал думать об Оксане. А Татьяна Акимовна мысленно сказала ему: «Ты, сынок, любил Кристину, но она тебя предала, хотя притворялась влюбленной, а это грех. Как бы ты снова не попал в женские сети...»

Помолчали, потом Иван Лукич произнес:

— Давай спать, мама, мне завтра с утра надо быть на тракторном заводе. Танки нам дают, свои-то мы в боях потеряли.

Однако мать спросила о другом:

— Ты сказал, что Оксана из местных, да? Как ее фамилия, может, я ее родных знаю?

— Рядовая Оксана Бурмак! — четко выговорил Иван Лукич.

Татьяна Акимовна долго размышляла, потом промолвила, что где-то слышала эту фамилию.

— Давай спать, мама, — повторил сын.

В эти суровые дни, когда весь мир затаив дыхание наблюдал за развернувшимся сражением на Волге, Сталин, казалось, не находил себе места. Гитлер, бросив под Сталинград свои лучшие силы, требовал от генералов «стереть с лица земли Красный Царицын». Наши войска оказывали врагу упорное

сопротивление, но гитлеровцы, неся огромные потери, все ближе подходили к городу. Сталина тревожил вопрос, смогут ли отстоять город на Волге войска двух фронтов — Сталинградского и Юго-Восточного. Пожалуй, ни одно сражение, если не считать битву под Москвой, так не волновало его, как ситуация, сложившаяся под Сталинградом. Словно сквозь дымку минувших лет ему виделся Царицын восемнадцатого года, когда молодая и еще не окрепшая в боях Красная армия обороняла город от белогвардейских полчищ. И что греха таить, моментами будто наяву вождь видел себя в Царицыне, где красные командиры под его руководством били врага. Теперь же идет совсем другая война — война моторов, а этих самых моторов, танков да авиации, у нас оказалось намного меньше, чем у вермахта. На вооружении у гитлеровских генералов идея «Канн»^[9] — они стремились нанести поражение войскам Красной армии глубокими фланговыми ударами по сходящимся направлениям. Эту тактику они хорошо отработали, особенно отличился генерал Паулюс, по оценке Гитлера, «самый талантливый полководец». Поражение наших войск под Минском, Уманью, Вязьмой и Киевом в сорок первом и под Харьковом в сорок втором путем их окружения — это своего рода «Канны». Неужели Паулюсу удастся сделать «Канны» в районе Сталинграда? (Случилось, однако, так, что «Канны» стали смертельны для окруженной под Сталинградом 6-й армии фельдмаршала Паулюса — А.З.) Сей полководец, подпитываемый свежими силами вермахта, изо дня в день наращивал свои удары по нашим оборонительным позициям. Командующий двумя фронтами генерал-полковник Еременко, которого Сталин послал на поединок с опасным и коварным врагом, уже трижды звонил ему и просил подкреплений из резерва Ставки, нажимая на танки Т-34 и КВ. А где их взять, если наши эвакуированные вглубь России заводы только-только наладили их производство? Тот же Сталинградский тракторный завод с начала войны выпускал 45 процентов «тридцатьчетверок», теперь его бомбят «юнкерсы» и обстреливают из своих орудий гитлеровцы...

Раздумья верховного нарушил резкий звонок «кремлевки». Он взял трубку:

— Слушаю!

— Генерал Щербаков беспокоит, товарищ Сталин, — раздался в трубке басовитый голос секретаря ЦК ВКП(б) и начальника ГлавПУ Красной армии, недавно назначенного на эту должность. — Мне надо решить вопросы по линии Совинформбюро. Когда вы сможете меня принять?

— Это что, срочно? — уточнил верховный.

— Да нет...

— Александр Сергеевич, сейчас я занят Сталинградом, заходите завтра к шести утра. Сможете?

— Постараюсь...

Положив трубку, Сталин нажал кнопку звонка, и тотчас в кабинет вошел его помощник генерал Поскребышев.

— Срочно вызовите в Ставку наркома Военно-морского флота адмирала Кузнецова. И еще, — торопливо продолжал верховный, — мне не звонили из Сталинграда Жуков или Василевский? Нет? Если кто-то из них объявится, дайте мне знать.

— Слушаюсь, Иосиф Виссарионович!

Сталин с тоскливым холодком в груди закурил трубку, попытлел ею, потом подошел к столу и стал разглядывать оперативную карту. Заместитель начальника Генштаба генерал Боков в отсутствие генерала Василевского, который находился в командировке на фронте, каждое утро отмечал на ней передвижение наших и вражеских войск под Сталинградом за сутки. Но сегодня Боков почему-то еще не сделал пометок. Это вызвало у вождя легкое раздражение: он не привык к тому, чтобы его указания игнорировались, а кто

этого не понимал, сурово наказывался. Сталин позвонил в Генштаб. Ему кто-то невнятно ответил, и чей это был голос, верховный не разобрал, поэтому спросил:

— Товарищ Боков?

— Так точно! — отозвалась трубка «кремлевки».

— Почему вы до сих пор не внесли изменения на мою оперативную карту? — сурово осведомился Сталин.

Генерал Боков объяснил, что начальник Генштаба генерал Василевский был в войсках 62-й армии генерала Чуйкова и только сейчас он, Боков, связался с ним, и тот сообщил обстановку.

— Я как раз собрался ехать к вам, товарищ Сталин, — заключил Боков, и в его голосе вождь уловил дрожь.

— Ну и какая там обстановка?

— Тяжелая, товарищ Сталин. С утра гвардейская дивизия генерала Родимцева вступила в бой с фашистами на Мамаевом кургане. Гвардейцам удалось отбить высоту, но через час фашисты снова захватили Мамаев курган. Еще неясно, чем там закончится бой.

— Понятно, товарищ Боков, — тяжело вздохнул в трубку верховный. — Приезжайте ко мне. Захватите еще одну карту Сталинградской области и города.

В кабинет вошел нарком ВМФ адмирал Кузнецов.

— Прибыл по вашему вызову, товарищ Сталин! — четко отрапортовал он.

Хозяин кабинета пригласил его к столу и без всяких уточнений перешел к делу.

— Скажите, что делают военные моряки Волжской флотилии под Сталинградом? — спросил он. — Там сейчас нашим защитникам очень тяжело, и нам важно помочь войскам 62-й и 64-й армий отбить натиск врага. Сегодня для всех нас важнее Сталинграда ничего нет. Я слушаю вас...

Адмирал Кузнецов по своему характеру был человеком проницательным и сразу заметил, что Сталин необычно озадачен и чем-то расстроен. «Наверное, Сталинград его терзает», — подумал нарком. Он подошел к столу, за которым сидел вождь, но сам не сел, а устремил свой тяжелый взгляд на оперативную карту, испещренную красными и синими стрелами.

— Я начну свой разговор с 13-й гвардейской дивизии генерала Родимцева, — произнес нарком ВМФ.

Вчера, отметил адмирал Кузнецов, корабли Волжской военной флотилии перебрасывали войска этой дивизии на правый берег, в Сталинград, где на подступах идут жестокие бои. Сначала бронекатера и тральщики высадили на другой берег 42-й стрелковый полк. Гвардейцы с ходу вступали в бой, их поддерживали своим огнем корабли флотилии. Командиру полка командующий фронтами генерал Еременко поставил задачу — оттеснить немцев и захватить плацдарм для высадки основных сил дивизии, что и было сделано, хотя и не без потерь: пока корабли флотилии с войсками на борту пересекали Волгу, немцы вели по ним ураганный огонь. Высадку войск осуществляли разные корабли, катера, буксиры, баржи и даже рыбацьи лодки! Время было дорогое, ибо немцы за два дня боев продвинулись к центру города на 300–400 метров. Командующий флотилией контр-адмирал Рогачев держал по радио постоянную связь с комдивом Родимцевым, и, как доловил Рогачев в Наркомат ВМФ, действиями моряков Командование фронта осталось довольно.

«Нарком флота хорошо информирован о действиях моряков флотилии, а я вот сомневался, — выходит ошибся», — отметил про себя Сталин. Он прошелся по ковровой дорожке вдоль стола и, когда оказался рядом с наркомом, спросил:

— Что еще примечательного сделали ваши моряки под Сталинградом, на Волге?

— Недавно на бронекатерах мы установили «катюши», и они первым же залпом накрыли танки и мотопехоту врага, — улыбнулся Кузнецов.

— Вот как? — вскинул брови Сталин. — Интересно! Ну-ка, расскажите.

Дело было так. 23 августа немецкие танки с автоматчиками на броне прорвались к правому берегу Волги на участке Рынок — Латошинка, севернее Сталинграда. Командование фронта резервов под рукой не имело, и немцы вот-вот могли ворваться в город. Тогда сняли танковую бригаду с одного рубежа и бросили ее к месту прорыва, сюда же быстро перебросили противотанковый полк и сводный батальон моряков под командованием капитана 3-го ранга Телевного, занявшего позицию северо-восточнее тракторного завода. Моряков доставили на огневой рубеж на машинах, и они вступили в бой.

(Применять реактивное оружие на флоте предложил лейтенант Г. В. Терновский, он обосновал установку реактивных систем на малых быстроходных кораблях и специальных судах для поддержки морского десанта. Капитан 1-го ранга Терновский — Герой Советского Союза, умер летом 1970 года. —А.З.)

Вошел Поскребышев и сообщил о звонке генерала армии Жукова.

— Он просил передать вам, что он и генерал-полковник Василевский завтра утром вылетят в Ставку, — сказал Поскребышев. — Я хотел соединить вас, но Георгий Константинович говорил не по ВЧ, как обычно, а по переносной радиостанции, находясь вблизи передовой.

— Хорошо, Александр Николаевич. — Сталин подошел к письменному столу, взял какую-то бумагу и вернулся к своему постоянному рабочему месту в торце длинного стола заседаний. Взглянул на адмирала Кузнецова и проговорил: — Если у вас нет ко мне вопросов, можете идти.

— Есть просьба, товарищ Сталин. — Адмирал Кузнецов встал, одернул китель. — Разрешите мне съездить на Волжскую военную флотилию?

— Вы же недавно там были? — упрекнул верховный наркома и, не дожидаясь ответа, добавил сухо и даже жестко: — Сейчас в Сталинграде находится немало государственных и военных мужей, так что вам отлучаться из Москвы не следует. У меня для вас есть важное задание по линии союзных конвоев. Возможно, полетите в Архангельск и на Северный флот. — Сталин набил свою трубку табаком и закурил. — У меня возник к вам еще один вопрос. Скажите, как обороняют военные моряки порт и город Туапсе?

Адмирал Кузнецов ответил, что, насколько ему известно, на Туапсинском направлении немцы сосредоточили главные силы 17-й армии: больше 160 тысяч человек, почти 150 танков и самоходных орудий и более 350 самолетов. Наших сил и боевой техники крайне недостаточно. Военных моряков там более 10 тысяч человек.

— Вчера звонил мой заместитель адмирал Исаков, — добавил адмирал Кузнецов. — Я спросил его, как сражаются с врагом моряки, на что он мне ответил: «Моряки и сухопутные войска нашей 18-й армии дают достойный отпор врагу, порт и город Туапсе ему не взять!» И еще он сказал, что немцы несут огромные потери, сил у них становится все меньше, и вряд ли им удастся захватить Туапсе, чтобы продолжить свое наступление на Поти и Батуми. К тому же Туапсе — один из трех пунктов базирования Черноморского флота, через которые снабжаются сухопутные войска. 23 августа, как вы знаете, решением Военного совета Северо-Кавказского фронта создали Туапсинский оборонительный район. Его командующий — командир Туапсинской военно-морской базы контр-адмирал Жуков, человек знающий, энергичный, хорошо проявивший себя при обороне Одессы в сорок первом. Подчинен он командарму 18-й генералу Гречко, и тот действиями адмирала Жукова доволен. Я, как нарком ВМФ, с ним согласен.

Сталин несколько раз попытался трубкой и грустно произнес:

— Если мы не сдадим Сталинград, то немцы не возьмут и Туапсе. Я прав?

Кузнецов заметно смутился и ответил не сразу, словно о чем-то раздумывал.

— Молчите? — усмехнулся Верховный. — Значит, сомневаетесь!

Адмирал передернул плечами.

— За моряков, товарищ Сталин, я ручаюсь, они скорее погибнут, чем уйдут из Туапсе, — заверил нарком ВМФ. — А вот бойцов 18-й армии я не знаю, потому как ими не командую и ручаться за них не могу.

— У меня надежда и на моряков, и на бойцов, и на командиров, что Туапсе, как и Сталинград, они не отдадут врагу. Я жду возвращения в Ставку товарищей Жукова и Василевского. С ними мне надо решить весьма серьезный вопрос...

Верховный не договорил. Он имел в виду разработку плана наступательной операции под Сталинградом, но строго-настрого предупредил Жукова и Василевского, чтобы эта операция держалась в строгой тайне, и приказал никому не говорить о ней, даже членам Государственного комитета обороны. Не сказал он о ней и наркому ВМФ. «Еще не время, узнает позже», — подумал сейчас Сталин.

Прибыл заместитель начальника Генштаба генерал Боков, о чем Поскребышев доложил Сталину.

— Пусть войдет! — Верховный загасил трубку и доложил ее на край стола. — Еще с утра он должен был отметить на моей оперативной карте расположение наших и немецких войск за прошедшие сутки, да вот не отметил. — Он взглянул на адмирала Кузнецова. — Можете быть свободны, Николай Герасимович. Прошу вас, держите связь с адмиралом Рогачевым. Скажите ему, чтобы активно помогал командармам Чуйкову и Шумилону в отношении всех перевозок через Волгу для их армий. На эти армии у нас теперь вся надежда.

Генерал Боков вошел в кабинет и застыл у порога, не зная, как ему быть. Сталин заметил его растерянность.

— Проходите к столу и работайте на оперативной карте, — сказал он. — А я пока выпью боржоми.

Сталин устало шагнул в свою комнату отдыха, потом вышел и, сев на свое место, стал читать какие-то бумаги. Позвонил нарком иностранных дел Вячеслав Молотов.

— Иосиф, ты подписал мои документы по линии дипломатии? — спросил он.

— Зайдешь вечером и возьмешь.

— А сейчас?

— Я занят Сталинградом, — коротко ответил Сталин. — Завтра утром у меня будут Жуков и Василевский, и мне надо подготовить некоторые вопросы, касающиеся Сталинградского сражения.

— Добро, Иосиф, — добродушно отозвался Молотов.

Верховный взглянул на часы. На три часа дня он вызвал в Ставку наркома авиационной промышленности Шахурин. Время подошло, а его не было. Пришлось вызвать Поскребышева. Когда тот вошел в кабинет, вождь спросил:

— Товарищ Шахурин еще не прибыл?

— Он несколько минут назад звонил, что уже выехал.

«Я успею еще выпить чаю», — решил Сталин. Но едва он начал пить душистый напиток маленькими глотками, как прибыл нарком Шахурин.

— Разрешите, товарищ Сталин? — Нарком держал в руке тяжелый портфель с бумагами по самолетному делу. На его груди сияла Золотая Звезда Героя Социалистического Труда: он был награжден в 1941 году.

— Присаживайтесь, Алексей Иванович. — Сталин кивнул на стоявший рядом стул. — Как, не тяжело носить Золотую Звезду? — спросил он, улыбаясь в усы,

— Уже привык, товарищ Сталин, — без тени смущения произнес Шахурин. — Вы сказали, что я заслужил ее за хорошую работу, — так могу ли я не носить Звезду?!

Сталин сообщил, что сейчас пригласит к себе Молотова, Микояна и Берию и они начнут работу. Этим занялся Поскребышев.

— Пока они придут, выпейте у меня чаю, хотите? — предложил хозяин кабинета.

Но нарком, поблагодарив его, отказался:

— Я только что отобедал, Иосиф Виссарионович.

Прибыли и приглашенные. Первым вошел в кабинет Молотов, следом за ним — Микоян и Берия. Сели за стол, а Берия подошел к Сталину и что-то шепотом спросил у него. Тот недовольно пробурчал:

— Это решим после совещания, Лаврентий... — Верховный взглянул на наркома авиационной промышленности, потом скосил глаза на Молотова. — У товарища Шахурина возник ряд серьезных вопросов по обеспечению сырьем и материалами наркомата с целью резкого увеличения выпуска новых типов самолетов для нужд фронта. Мы должны оказать наркому помощь, но прежде заслушаем его информацию. Вам слово, Алексей Иванович. Кстати, я уже говорил вам, что вы проделали большую работу по эвакуации предприятий авиапромышленности в восточные районы страны, а также по увеличению выпуска авиатехники для фронта. А сейчас вы руководите организацией серийного производства новых типов боевых самолетов, так?

— Верно, товарищ Сталин.

— Мы хотели бы знать, что у вас появилось нового и сколько боевых машин разных типов вы дадите нам в ближайшее время. Вы, наверное, знаете, что под Сталинградом сложилась тяжелая обстановка? Войскам, обороняющим город от лютого врага, не хватает танков и самолетов? Нам это дело надо срочно поправить!..

— Через месяц-полтора, товарищ Сталин, мы дадим Красной армии большое количество новых машин, — начал говорить нарком Шахурин. — И неплохих машин...

В это время заголосила «кремлевка». Сталин снял трубку. Оказалось, что звонил первый секретарь Сталинградского горкома и обкома партии Чуюнов.

— Что у вас, Алексей Семенович?.. На подступах к городу идут тяжелые бои... Я об этом знаю. Там у вас находятся мой заместитель товарищ Жуков и начальник Генштаба товарищ Василевский, они меня регулярно информируют... Нет, вчера генерал Еременко мне не звонил. А что случилось?.. Ах вот оно что! Да, это меня не радует... Хорошо, я позвоню Еременко. Мы поможем резервами Ставки и генералу Чуйкову, и генералу Шумилову. Вас прошу нацелить всех коммунистов города на отпор врагу. Танки, самолеты мы фронтам дадим, но чуть позже. До свидания! — Положив трубку, Сталин цепким взглядом окинул сидевших. — Чуюнов просит разрешения вывезти с тракторного завода ценное оборудование, боится, что немцы могут захватить Сталинград. Мамаев курган уже в их руках, они, как цепные псы, рвутся в центр города. Просит, чтобы я потребовал от генерала Еременко усилить оборону города.

— Маленков все еще там, ему бы на месте и помочь Чуюнову, — подал голос Молотов.

— Все резервы находятся в Ставке, и Маленкову негде взять войска, — сухо заметил Сталин. — К тому же ему поручено проверить, все ли делается для того чтобы усилить борьбу с противником. После совещания я переговорю с Еременко, спрошу, почему у них там неразбериха, почему он не поможет Чуянову. Алексей Семенович партиец ответственный, но в военном деле мало что смыслит, и ему надо подсказать, что и как делать. Ладно, продолжайте, товарищ Шахурин, а я отключу «кремлевку» на часик, чтобы нам никто не мешал. — Он вызвал Поскребышева, тот сразу прибыл. — Позвоните в штаб Сталинградского фронта генералу армии Жукову и передайте мой приказ: ему и товарищу Василевскому быть завтра к десяти утра в Ставке. Со мной по «кремлевке» пока никого не соединяйте, я буду очень занят.

13

Командный пункт 62-й армии находился у подножия Мамаева кургана. Генерал Чуйков оставил свою машину и стал подниматься на курган пешком. Уже стемнело, на небе выпали звезды. До высоты доносилось эхо орудийных залпов, а черное небо чертили зеленые и красные ракеты. Где-то неподалеку слышалась пулеметная трель. А севернее кургана взрывались бомбы, сбрасываемые «юнкерсами», и вся земля дрожала, словно где-то происходило землетрясение.

«Успеть бы принять командование армией, не то попаду под пулю или осколок», — не без тревоги подумал Чуйков. Цепляясь за кусты колючего шиповника, он поднялся на курган чуть выше. Часовой с автоматом в руках преградил ему путь.

— Кто вы? — спросил он.

— Я новый командарм. Мне нужен штаб армии.

— В блиндаже, чуть правее, — пояснил часовой.

Чуйков шагнул в блиндаж. У деревянного стол стоял генерал и кого-то распекал по телефону:

— Кто вам разрешил перенести командный пункт на самый берег Волги? Не надо мне длинных речей, отвечайте коротко и ясно!.. Ах, вы сами приняли такое решение? Это безобразие!.. Нет, новый командарм еще не прибыл, но вот-вот будет. Вы сами ему доложите? Хорошо, я разрешаю вам это сделать.

Генерал, положив трубку, взглянул на Чуйкова:

— Вы кто? Слушаю вас!

Чуйков протянул ему документ. Генерал прочел его и сказал:

— Будем знакомы, я начальник штаба генерал-майор Крылов Николай Иванович. А вы, стало быть, наш командарм?

Чуйков улыбнулся мягко, доверчиво:

— Генерал-лейтенант Чуйков Василий Иванович, до прихода сюда был заместителем командующего по Сталинградскому фронту генерала Гордова. Кажется, мы с вами где-то встречались. Нет?

Крылов чему-то усмехнулся, но тут же посерьезнел:

— В сорок первом я был начальником штаба Приморской армии, оборонял Одессу, потом Севастополь, так что пришлось надышаться горьковатым дымком.

— Я вижу, человек вы опытный в штабном деле, и рад этому, потому как у меня есть пробелы в этом.

Крылов неторопливо закурил.

— Скромничаете, Василий Иванович, — улыбнулся он. — А кто был главным военным советником при главнокомандующем китайскими вооруженными силами Чан Кайши?

Чуйков помялся.

— Да, когда началась война, я работал в Китае, — подтвердил он. — Что делал? Много чего делал. Помогал китайскому народу в организации борьбы с японской военщиной: она уже тогда захватила главные промышленные центры и морские порты Китая. Но если честно, — продолжал Василий Иванович, — мне хотелось скорее вернуться в Москву, потому что на моей Родине шла война и я горел желанием принять участие в борьбе с врагом. Но вернулся в начале марта сорок второго года.

— Но до отъезда в Китай вы участвовали в советско-финской войне и командовали 9-й армией, так ведь? — Крылов смотрел на командарма не мигая.

— Что было, то было, — вздохнул Чуйков. — Но войну с белофиннами разве сравнить с войной нынешней? Гитлер бросает все новые и новые силы, только бы уничтожить Красную армию, поставить наш советский народ на колени. Но у него ничего не получится. И Сталинграда ему не видать как своих ушей. Гитлер повторит судьбу Наполеона. — Чуйков закурил, жадно глотая дым. — Давайте перейдем к нашим делам. Как тут наша армия себя чувствует?

— Я готов доложить вам обстановку на оборонительных рубежах 62-й армии. — Крылов развернул на столе свою оперативную карту.

— А кого вы отчитывали по телефону, когда я вошел в блиндаж? — спросил Чуйков. — Мне понравилось, как культурно вы стегали его.

Крылов, слегка покраснев, ответил, что это был командир танкового корпуса. Он самовольно переместил свой КП ближе к берегу Волги, подальше от огневого рубежа. Но ведь есть приказ номер 227, где ясно сказано: «Ни шагу назад!»

— Ну и как теперь быть с комкором? — поинтересовался Чуйков.

— Теперь это решать вам, товарищ командарм, — усмехнулся Крылов. — Считаю, что надо вызвать генерала сюда, и если не наказать, то хотя бы строго предупредить.

Чуйков кивнул головой.

— Согласен. Прикажите генералу вместе с комиссаром корпуса прибыть ко мне на Мамаев курган, и мы побеседуем с ними.

— Я сейчас позвоню в штаб корпуса, — заторопился Крылов.

В блиндаж вошел член Военного совета армии дивизионный комиссар Гуров, с которым Чуйков раньше служил и которого хорошо знал.

— Поздравляю вас, Василий Иванович, с назначением в армию! — Гуров пожал ему руку.

— Выходит, нам выпало снова вместе служить? — улыбнулся Чуйков.

— Я не против, а вы, Василий Иванович? — Гуров с добродушной улыбкой смотрел на командарма.

— Где же мне взять лучшего комиссара, чем Кузьма Акимович Гуров?

Гуров стушевался, но нашелся что сказать командарму:

— Я за вами как за каменной стеной!

— А ты знаешь, что в армии случилось ЧП? — вдруг спросил Чуйков.

Гуров, распахнув глаза, растерянно смотрел то на командарма, то на начальника штаба Крылова, словно ища у него поддержки. Тот, однако, и слова не обронил, а командарм продолжал:

— У меня даже язык не поворачивается объяснять тебе случившееся, Гуров! — Он почесал пальцами лоб. — Понимаешь, командир танкового корпуса едва ли не дезертир...

— Что ты мелешь, командарм?! — горячо воскликнул член Военного совета, пристально глядя на Чуйкова, словно видел его впервые.

— Факты, Кузьма Акимович, упрямая вещь. — У командарма заныло сердце. — И ты, Гуров, не гори порохом, поначалу выслушай, а уж потом будешь кукарекать. Так вот сей генерал самовольно перенес свой КП на берег Волги, подальше от горячей точки: вдруг его штаб накроет вражеская артиллерия или

воздушные пираты «юнкеры»? А тут рядом вода, сел на катер и через полчаса уже на левом берегу, где тишь да благодать, а?

Член Военного совета понял, что Чуйков не шутит и если все так, как он говорит, дело серьезное.

— Чего притих, Кузьма Акимович? — усмехнулся командарм. — Ты вот ответь мне, что теперь будем делать? Может, отстраним нашего «героя» от должности и сообщим телеграммой командующему фронтом? Или тебе, комиссар, жаль комкора?

Член Военного совета Гуров резко возразил:

— Ты слишком строг, командарм! Этот генерал раньше нас не подводил, человек он волевой, и храбрости ему не занимать. А вот что побудило его совершить такой шаг, для меня загадка.

Чуйков помолчал, потом разжал губы.

— Ты говорил, что рад вместе со мной работать, а сам идешь против меня, — произнес он с насмешкой.

Это задело Гурова за живое. Он слегка загорячился.

— Ты что же, Василий Иванович, считаешь себя последней инстанцией в этом деле? — сдерживая вдруг охватившее его волнение, спросил член Военного совета. — Нет, дружище, я не считаю твое слово последним. Я же сказал тебе, что раньше к комкору у меня претензий не было, не было их и у начальника штаба Крылова. И танк для комкора не кусок железа, а мощное оружие, которым он дорожит и которое не раз выручало его людей в жестоких боях. Так нужно ли рубить сплеча? Отстранить от должности... Позволь, Василий Иванович, с тобой не согласиться, — уже мягче добавил Гуров. — Ты же командира танкового корпуса еще не видел, а уже судишь!.. Негоже так, командарм. Давай послушаем генерала, отчего вдруг ему захотелось иметь КП на берегу?

— Пожалуй, ты прав, Кузьма Акимович, — согласился Чуйков. — Окончательное решение я приму после того, как побеседую с генералом. Пусть объяснит мне, что побудило его уйти подальше от огневого рубежа.

— Так и надо сделать, товарищ командарм, — подал голос до этого молчавший начальник штаба армии генерал Крылов. — Генерал не рядовой, и разбрасываться ими нельзя.

Пока Чуйков знакомился с начальниками отделов штаба и другими руководящими работниками армии, на КП прибыли командир и комиссар танкового корпуса. «Я немедленно пригласил их в блиндаж, задержав у себя всех, кто находился в это время в штабе», — вспоминал Чуйков. Он спросил:

— Как вы, советский генерал, будучи начальником боевого участка, станете смотреть на то, если ваши подчиненные командиры и штабы отойдут без вашего разрешения в тыл? Как вы расцениваете свой поступок с точки зрения выполнения приказа номер 227 народного комиссара обороны — самовольный перенос командного пункта соединения в тыл командного пункта армии?

«Ответа на свои вопросы я не получил. И командир, и комиссар сгорали от стыда. Это было видно по их глазам. Я строго предупредил, что расцениваю их поступок как дезертирство с поля боя, и приказал им к 4 часам 13 сентября быть с командным пунктом на высоте 107,5.

Гуров подтвердил мое решение своим кратким «правильно», а комиссару приказал зайти к нему в блиндаж. Не знаю, о чем они там говорили, но, когда мы вновь встретились, Гуров сказал:

— Давай и впредь делать именно так».

Приняв 62-ю армию, генерал Чуйков доложил об этом командующему генералу Еременко. Едва он переговорил с командующим, как в блиндаж вошел заместитель Еременко генерал Голиков.

— Ну, здравствуй, командарм! — бросил он с ходу, пожимая Чуйкову руку. — Армию принял?

Он сел на стул, снял фуражку, и его бритая голова заблестела от пота. Достав платок, он вытер ее.

Чуйков ответил, что армию принял, о чем недавно доложил командующему Еременко, и, хотя она понесла большие потери в ожесточенных боях, люди настроены по-боевому, тщательно готовятся к новым сражениям.

— Нравится мне, Василий Иванович, что ты не льешь слез и не просишь подкреплений, несмотря на то что войска и боевая техника, особенно танки и орудия, тебе нужны позарез. Или я ошибаюсь?

Чуйков смутился, но все же сказал, что он просил дать ему хотя бы одну стрелковую дивизию и командующий Еременко обещал помочь. Командарм кивнул на стол, на котором лежала его оперативная карта.

— Вот Мамаев курган, где мы с вами сейчас находимся, — пояснил он. — А вот, Филипп Иванович, передовой рубеж, где скопились вражеские войска. Расстояние не более десяти километров. Если немцы бросят на нас танки, чем мы будем их бить? У меня нет и полсотни танков. Как мне быть? Одна надежда — противотанковые ружья да бутылки с горючей смесью.

— Понимаю тебя, Василий Иванович, — посочувствовал генерал Голиков. — Но для тебя есть хорошая весточка. Я только что разговаривал по ВЧ с Генштабом, и заместитель начальника Генштаба генерал Боков сказал мне, что Чуйкову из резерва Ставки хотят дать 13-ю гвардейскую дивизию генерала Родимцева. В ней более десяти тысяч отборных бойцов и командиров, у которых есть боевой опыт. Комдив сегодня же получит приказ переправиться на правый берег, в Сталинград. Так что о тебе, Василий Иванович, верховный заботится. Город никак нельзя отдавать врагу. Усек?

— Я это давно усек, Филипп Иванович, — повеселел Чуйков. — А о дивизии Родимцева я буду молчать, пока меня не уведомят официально, что она отдана в мое распоряжение. Родимцева я знаю, комдив что надо, храбрый из храбрых.

— А с руководящим составом своей армии ты познакомился? — спросил Голиков.

Чуйков заметил, что он это сделал в первую очередь. Кроме того, провели заседание Военного совета, на котором решили: отступить больше нельзя, врага надо разбить.

— Мы это сделаем, Филипп Иванович, или умрем на рубеже. — Чуйков помолчал, ожидая, что скажет генерал Голиков, но тот ни слова не изрек. Тогда он продолжал: — Я принял решение — штабу армии оставаться в Сталинграде, на правом берегу Волги, а на левый берег и острова не уходить.

— Не опасно ли, Василий Иванович? — бросил реплику Голиков.

— Когда чувствуешь опасность, лучше будешь воевать, — улыбнулся Чуйков. — Иначе поступить не могу. Командир должен находиться там, где сражаются с врагом его бойцы. Не я это придумал — Суворов.

— Не прогадай, суворовец! — кольнул его Голиков.

Перед отъездом он спросил Чуйкова, когда тот решил контратаковать противника и какую задачу поставил своим войскам.

— Я наметил в центре занять разъезд Разгуляевка и оседлать железную дорогу до поворота на Гумрак, — пояснил Василий Иванович. — Начнем боевые действия завтра на рассвете. Правда, сил для этого выделили маловато — танковый корпус, части пехоты и артиллерия. Оголять другие рубежи рискованно. Если у нас все получится, то двинем войска дальше, чтобы занять Городище и Александровку.

— Должно получиться, Василий Иванович, — поддержал его Голиков.

На рассвете 14 сентября Чуйков распорядился перенести КП армии в блиндаж-тоннель, обитый внутри досками. Раньше здесь располагался командный пункт Юго-Восточного и Сталинградского фронтов. В блиндаже два выхода — к реке Царица и на Пушкинскую улицу города. Тут были все удобства для управления войсками, а Чуйкову, кроме того, нужна была связь ВЧ, чтобы оперативно связываться со штабом фронта, как только его войска начнут контрнаступление, а начнется оно после артиллерийской подготовки. Перед этим Чуйков позвонил командующему Еременко и попросил распорядиться, чтобы авиация прикрыла с воздуха действия армейцев, на что Еременко ответил:

— Я сейчас отдам такой приказ! Для вас сообщу приятную новость. Ставка передала вам из своего резерва 13-ю гвардейскую дивизию генерала Родимцева. К вечеру она начнет сосредотачиваться на переправах через Волгу, в районе Красной Слободы. Так что встречайте.

— Спасибо за поддержку, товарищ командующий! — во весь голос пробасил в трубку Чуйков. — Я сейчас пошлю людей в Красную Слободу для встречи гвардейцев.

Контратака едва не захлебнулась: к полудню немцы бросили против наших войск значительные силы, которые и потеснили обороняющихся. Свой главный удар противник нацелил на центральный вокзал и Мамаев курган, где недавно находился КП 62-й армии.

«Хорошо, что мы успели перенести свой КП, не то все погибли бы», — подумал Василий Иванович.

Сражение развернулось по всему огневому рубежу, чего Чуйков никак не ожидал. Гитлеровцы шли напролом. Автоматчики на танках и машинах рвались к центру города, не считаясь с большими потерями. Сотни убитых фашистов, крики и стоны раненых. Немецкие солдаты были пьяны, они как саранча лезли вперед, но тут же падали, сраженные очередями из автоматов наших бойцов, которые вели огонь по врагу из разбитых каменных домов, прямо в упор расстреливая его. «Если так будет продолжаться, — подумал Чуйков, — то, пока сюда подойдут гвардейцы генерала Родимцева, немцы захватят вокзал и выйдут к центральной переправе, чего допустить никак нельзя». Жестокий бой шел уже в пятистах метрах от КП армии. Это опасно. Что же делать? На какое-то время командарм смешался, но тут же пришел в себя. «У меня уцелел небольшой резерв, — отмечал позднее Чуйков. — Единственная тяжелая танковая бригада в составе 19 танков. Она находилась за левым крылом армии, около элеватора, на южной окраине города. Я приказал срочно перебросить один батальон танков этой бригады к командному пункту штаба армии. Часа через два этот батальон в составе десяти танков прибыл. К этому времени генерал Крылов уже сформировал две группы из штабных работников и роты охраны...» Удалось не только преградить путь гитлеровцам к пристани, но и прикрыть от вражеского огня паромы с гвардейцами дивизии генерала Родимцева.

Трое суток кряду шли ожесточенные бои с переменным успехом. Особенно тяжелыми они были в районе Мамаева кургана. Не раз бойцы шли в штыковую, бутылками с горючей смесью забрасывали немецкие танки. Наконец утром 16 сентября, как отмечал генерал армии Жуков, гвардейцы Родимцева отбили Мамаев курган. Помогли сталинградцам авиаторы генералов А. Голованова и С. Руденко, а также атаки и артобстрелы с севера войск Сталинградского фронта по частям 8-го армейского корпуса немцев. Достойный вклад в оборону города в эти суровые дни внесли войска Сталинградского фронта: 24-й армии генерала Д. Козлова, 1-й гвардейской армии генерала К. Москаленко, 66-й армии генерала Р. Малиновского, — а также летчики 16-й воздушной армии. «Со всей ответственностью заявляю, — писал Жуков, — что если бы не было настойчивых контрударов войск Сталинградского фронта, систематических атак авиации, то, возможно, Сталинграду пришлось бы еще хуже». По этому поводу весьма любопытно горькое признание офицера разведотдела штаба 8-го армейского корпуса 6-й армии генерала Паулюса — Иоахима Видера. В своей книге «Катастрофа на Волге» он писал: «За два месяца непрерывных кровопролитных боев нам так и не удалось выбить из города русских, стоявших насмерть на своих

последних оборонительных рубежах по эту сторону Волги. В то же время части нашего корпуса понесли огромные потери отражая в сентябре яростные атаки противника, который пытался прорвать наши отсечные позиции с севера. Дивизии, находившиеся на этом участке, были обескровлены, в ротах оставалось, как правило, по 30–40 солдат».

В эти сентябрьские дни в Ставке было особенно напряженно. Верховный с нетерпением ожидал возвращения в Москву своего заместителя генерала армии Жукова и начальника Генштаба генерал-полковника Василевского, которых он послал на фронт со специальным заданием. Но прилетели они в Ставку не вместе, а порознь. Первым вернулся Василевский, изучавший условия для контрнаступления армий левого крыла Юго-Восточного фронта, а следом — Жуков, находившийся на Сталинградском фронте у генерала Гордова. Прилетев в Москву, Георгий Константинович прямо с аэродрома направился в Генеральный штаб, без стука шагнул в знакомый кабинет. Василевский сидел на своем рабочем месте и уточнял какие-то данные по Юго-Восточному фронту на оперативной карте, ему что-то объяснял его заместитель генерал Боков.

— Привет, Александр! — с ходу громко произнес Жуков. — А я думал, что ты летишь на своем «Дугласе» вслед за мной. Ну, ты, однако, даешь...

— Я раньше вылетел, — улыбнулся Александр Михайлович. — Надо же было кое-что подготовить для разговора с верховным. Кстати, нам в Ставке быть к девяти?

Жуков снял фуражку и сел в кресло.

— К десяти, Александр. — Он зевнул. — Извини, дружище, я всю ночь спал урывками. Давай обсудим с тобой все то, о чем будем докладывать верховному, — предложил Георгий Константинович. — Да, а ты уже завтракал? Нет? Я тоже в рот крошки не брал.

— Тогда пойдем в наш генштабовский буфет и перекусим, а потом вернемся сюда. — Василевский увидел, что генерал Боков уже разложил на столе оперативную карту. — Кстати, нам надо быть готовыми и к решению кадровых вопросов.

— Ты о чем? — не понял его Жуков.

Василевский сказал, что перед поездкой на фронт верховный интересовался генералом Гордовым: как он руководит войсками, дружно ли работает со штабом армии, нет ли каких-либо конфликтов с руководством армии. Сталин сообщил начальнику Генштаба, что командующий генерал Еременко недоволен своим заместителем по Сталинградскому фронту, стилем его работы.

— Андрей Иванович порой сам груб с людьми, нередко покрикивает на Гордова, а тот, естественно, этого не терпит, — усмехнулся Жуков. — Но если верховный предложит на место Василия Николаевича толкового генерала, я возражать не стану. А ты?

Василевский отложил карту в сторону и живо повернулся к Жукову:

— Видишь ли, Георгий, у самого Андрея Ивановича Еременко характер не сахар. — В его глазах метнулся холодный огонек. — Так что оба хороши. Сейчас под Сталинградом, да и в самом городе идут тяжелые бои, и на месте Сталина я бы не менял командующих. Но, если это все же произойдет, не стану же я конфликтовать с верховным! Ему виднее. Важно и другое: кого он предложит на место генерала Гордова? Не стало бы хуже для фронта. — Василевский одернул китель. — Ну, пойдем перекусим, на голодный желудок хорошие мысли не рождаются, — насмешливо заметил Александр Михайлович.

Сталин уже ждал их. О том, что оба военачальника прибыли в Москву, ему доложил Поскребышев, а тому об этом дал знать дежурный центрального аэродрома, где приземлились их самолеты. Верховный рано пришел на службу и некоторое время обсуждал с Молотовым вопросы по развитию танковой

промышленности (В 1943 году за заслуги в развитии танковой промышленности В. Молотов был удостоен звания Героя Социалистического Труда. — А.З.) Речь зашла и о конвоях союзников в порты советского Заполярья — Архангельск и Мурманск. Сталин был доволен тем, что Черчилль снял свое табу на конвои и теперь они снова пошли. А предлог для табу у старого «друга» Советского Союза нашелся: ранее вышедший конвой PQ-17 подвергся нападению подводных лодок и авиации противника, в результате из 36 транспортов конвоя 23 погибли. Вместе с ними под воду ушли 3350 автомашин, 430 танков и 210 самолетов, так необходимых Красной армии. И случилось это в период с 5 до 24 июля, когда на Сталинградском направлении шли кровавые бои и наши войска под напором больших сил врага отступали. После разгрома конвоя PQ-17 отправка союзных конвоев в СССР по инициативе Черчилля была приостановлена до наступления полярных ночей.

— Виноваты в том, что случилось, английские адмиралы, — заметил Сталин, глядя на Молотова. — Тут нарком ВМФ Кузнецов прав. Вины командования Северного флота в этом нет, хотя Черчилль пытался доказать обратное.

— Разрешите, товарищ Сталин? — Жуков вошел в кабинет вождя, следом за ним Василевский.

— Наконец-то появились мои гонцы! — довольно произнес Верховный и улыбнулся. Он взглянул на Молотова. — Ты свободен, Вячеслав. Впрочем, сейчас мы станем вести речь о Сталинграде, и ты можешь послушать.

— Пойду, Иосиф. Мне будет звонить из Мурманска уполномоченный ГКО по перевозкам на севере Папанин. Для оборудования мурманского порта, чтобы он мог принимать союзные конвои с грузами, много чего требуется. Меня, как заместителя председателя ГКО, Папанин стал часто «бомбить» по ВЧ: то ему дай, другое дай... Комфлот Головкин куда более сдержан в своих просьбах, хотя ему тоже многое надо. Английские адмиралы очень капризны, если им что-либо не выдашь.

— Что поделаешь! — Сталин развел руками. — Пока их помощь военными грузами нам очень нужна, но уже наши военные заводы, которые мы эвакуировали на восток, начали выпуск танков и самолетов.

Когда Молотов вышел, Сталину кто-то позвонил. Он взял трубку и негромко проговорил:

— Извините, я очень занят. Перезвоните, пожалуйста, часов в семь вечера. — Верховный положил трубку на аппарат «кремлевки» и взглянул на Жукова: — Давайте начнем наш разговор с событий на Сталинградском фронте, — сказал он. — Какова там сейчас ситуация, готов ли фронт к контрнаступлению и что для этого еще надо сделать? Только коротко и самое главное.

Жуков встал, улыбнулся.

— Если коротко, то фронт готов к контрнаступлению, но Ставка должна укрепить его свежими силами, выделив из своего резерва новые войсковые соединения, — жестко проговорил он.

Сталин привычно прошелся вдоль длинного стола, на котором генерал Боков еще утром разложил оперативную карту и сделал на ней пометки.

— А что собой представляет генерал Гордов? — вдруг, остановившись возле Жукова, спросил Верховный. — Меня насторожило то, что генерал Еременко им недоволен, о чем с горечью заявил мне по ВЧ. Просит дать в его распоряжение другого генерала. Может, уважим его просьбу?

Жуков был весьма требователен к своим подчиненным, кто бы они ни были, спуску не давал, строжайше взыскивал за самую, казалось бы, мелочь. Особенно боялись его генералы. Жуков говорил им то, что думал о них. И сейчас он не изменил своей привычке. Он сказал, что Василий Николаевич Гордов в оперативном отношении подготовлен хорошо и это ему импонирует. А вот характер у него острый, как бритва. Не терпит критики, многое делает сам, и на этой почве у него возникают конфликты со штабом.

— Я бы еще добавил, что Гордов на обещания не щедрый, не то что Еременко, — вставил Василевский. — Если уж дал слово, то сдержит его.

Сталин в раздумье поднял на Жукова глаза.

— Командующий не ладит со штабом... — произнес он. — Это уже серьезно, тогда следует кого-то убрать: или командующего, или начальника штаба, — веско добавил он. — Иначе пострадает дело. В данной ситуации на фронт следует поставить другого генерала. У вас есть кто-либо на примете?

— Генерал-лейтенант Рокоссовский! — предложил Жуков.

Начальник Генштаба Василевский поддержал его, заметив, что Рокоссовский стоящий генерал, у него шире кругозор, он видит далеко вперед, да и боевой опыт имеет богатый, и в оперативном отношении подготовлен не хуже, если не лучше, Гордова.

Сталин согласился с ним. И тут же было решено переименовать Сталинградский фронт в Донской, а Юго-Восточный в Сталинградский. Командующим Донским фронтом Ставка назначила генерала Рокоссовского, начальником штаба — генерала Малинина. Командующим вновь создаваемым Юго-Западным фронтом утвердили генерала Ватутина. За костяк штаба фронта решили взять штаб 1-й гвардейской армии генерала К. Москаленко, а сам командарм возглавил 40-ю армию.

— Полагаю, что теперь наши оборонительные позиции под Сталинградом, да и в самом городе станут крепче. — Сталин подошел к столу и, взяв трубку, закурил. — Теперь у генерала Еременко остался в подчинении один фронт, и ему будет легче. Что скажете, товарищ Жуков?

Тот сразу отозвался, глядя на верховного:

— Согласен, товарищ Сталин. Андрею Ивановичу нелегко было управлять войсками двух фронтов, естественно, некоторые вопросы в работе с войсками он упускал.

— А почему молчит товарищ Василевский? — улыбнулся в усы верховный.

Начальник Генштаба заметно смутился, однако ответил, что ему нечего добавить к тем решениям, которые приняла Ставка. По ходу боевых действий могут возникнуть проблемы — вот тогда он будет обязан принять необходимые меры.

При этих словах Василевского Сталин отчего-то усмехнулся и даже слегка качнул головой.

«Наверное, сейчас скажет что-то не в мою пользу», — промелькнуло в голове начальника Генштаба.

— Мне по душе, что оба вы сторонники действий, — серьезно произнес Верховный. — И такая ваша позиция верна. Ромен Роллан, творчество которого я ценю, говорил, что действие — это цель мысли и всякая мысль, не имеющая это в виду, является выкидышем и предательством.

Жукову сказанное понравилось, он даже засмеялся.

— Что правда, то правда. Лучше выдать одно слово, но умное! Порой слушаешь иного командира и не понимаешь, что он хочет сказать. Ни мысли, ни чувств в его фразах. Создается впечатление, что он просто фразер.

— Вот-вот, фразер — это вы хорошо подметили, товарищ Жуков, — горячо поддержал его Сталин. — А фразер на фронте тот же враг, от такого командира надо избавляться.

Верховный загасил трубку, бросил ее на край стола и подошел к Жукову.

— Кажется, мы с вами ушли чуть в сторону от наших дел, — заметил он. — Я хотел бы дать вам конкретные задания. Вам, товарищ Жуков, надлежит ехать на Сталинградский фронт вместе с генералом Рокоссовским. Проследите, чтобы он принял фронт по всем правилам. Потом он поедет знакомиться с

войсками, а вы возвращайтесь в Москву. Если возникнет что-либо на месте, сами принимайте решение. — Верховный бросил взгляд на Василевского: — А вам поручаю тщательно проверить, каковы в наличии резервы Ставки, чего и сколько мы получим с военных заводов в ближайшее время. Сделайте упор на танки, авиацию и орудия. Неплохо провести подсчет боеприпасов. Предстоящую наступательную операцию важно обеспечить сполна всем необходимым. Тут уж постарайтесь...

14

Генерал Рокоссовский был доволен тем, что Ставка поручила ему фронт. Он был весел, часто шутил, в недавно появившееся дело вникал с чувством удовлетворения, ничуть не сомневаясь в том, что руководство фронтом будет ему не в новинку. Но где-то в глубине души его нет-нет да и тревожило сомнение: справится ли? «Надо справиться, иначе чего я стою как боевой генерал? — мысленно спрашивал он себя. — В боях был трижды ранен...» И, сам того не желая, вспоминал, как получил первое ранение. Произошло это 7 ноября 1919 года во время налета в тыл белогвардейцев. Отдельный Уральский кавалерийский дивизион, которым командовал Рокоссовский, прорвался ночью через боевые порядки колчаковцев. И что же? Оказалось, что в станице Каркульной находится штаб омской группы войск. «Атаковать!» — решил Рокоссовский. Удар был нанесен из тыла. Колчаковцы дрогнули, кавалеристы Рокоссовского порубили часть из них, остальных беляков взяли в плен. Вражеский штаб был разгромлен, но Рокоссовскому не повезло. В поединке с командующим омской группой генералом Воскресенским тот ранил его в плечо из нагана. Превозмогая боль, Рокоссовский нанес генералу смертельный удар шашкой...

Позже, в июне 1921 года, Красная армия добивала барона Унгерна на границе с Монголией. Тогда Рокоссовский уже командовал 35-м кавполком. У станицы Желтуринской его бойцы атаковали вражескую колонну, которая прорвалась через нашу пехоту. Горячая была схватка, в которой Рокоссовский лично зарубил нескольких белогвардейцев, но и сам получил тяжелую рану в ногу с переломом кости.

«Все, конец моей военной карьере», — с грустью подумал тогда Рокоссовский.

Но рана быстро зажила, кость срослась, и он уже мог сесть на лошадь и вести людей в атаку.

А третье ранение Константин Константинович получил на третьей войне, когда под Москвой в сорок первом командовал войсками 16-й армии. И как глупо все вышло! И не в бою, а в тихий вечерний час, когда бойцы отдыхали после тяжелой схватки. Генерал Рокоссовский, начальник штаба генерал Малинин и генерал Казаков находились в штабе армии. По случаю праздника 8 Марта член Военного совета принес командарму на подпись приказ. Рокоссовский взял ручку и хотел было подписать документ, как вдруг за окном разорвался немецкий снаряд. Он ощутил сильный удар в спину. С губ командарма сорвалось: «Кажется, меня ранило...» Едва он произнес это, как словно жгутом ему перехватило дыхание...

Ранение оказалось тяжелым. Командующий фронтом генерал армии Жуков приказал срочно отправить раненого на самолете в Москву в военный госпиталь, который находился тогда в здании Тимирязевской академии. Рокоссовский лечился долго, но здоровье свое поправил. Теперь вот Сталин вызвал его в Ставку по случаю назначения командующим фронтом. Поздоровавшись, верховный тепло пожал ему руку.

— Вас хорошо подлечили? — спросил он.

Высокий, стройный, как кипарис, Рокоссовский ответил молодцевато и даже с веселой улыбкой:

— Чувствую себя отлично, готов выполнить любое задание Ставки! — В его озорных глазах блеснули искорки, и Сталин поверил, что генерал совершенно здоров, и от этой мысли самому верховному стало легче...

Случилось так, что, когда Жуков и Рокоссовский на самолете Ли-2 совершили посадку неподалеку от Сталинграда, они сразу же отправились на ожидавших их машинах на наблюдательный пункт командующего Сталинградским фронтом, находившийся восточнее Ерзовки. Здесь шел напряженный бой. Войска левого крыла фронта вели наступление на немцев, которым удалось прорваться к Волге у северной окраины Сталинграда на участке Рынок — Акатовка.

— Давно тут начался бой? — спросил генерал армии Жуков у начальника штаба фронта.

— Уже третий день, — ответил тот и тяжело вздохнул. — На этом участке у немцев сражаются немалые силы 14-го танкового корпуса. Две их дивизии — 60-я и 3-я моторизованные — обращены фронтом на север, а 16-я танковая и 389-я стрелковая — на юг. Они обороняли пробитый ими коридор, который своей вершиной упирался в Волгу.

— И какова ширина этого коридора? — спросил генерал Рокоссовский.

— Чуть больше десяти километров, — пояснил начальник штаба. — Мы никак не можем выбить противника: сил у нас маловато.

Жуков прильнул глазами к стереотрубе. Вражеские позиции были отчетливо видны, они возвышались над местностью, а наши части находились на виду у немцев, которые не скупались на мины и снаряды, обстреливая наши боевые порядки. По всему фронту, насколько хватал глаз, снаряды и мины пахали землю. Противник хорошо пристрелялся из орудий, и едва появлялись наши танки, как немцы открывали огонь и машины сразу вспыхивали. А с воздуха наши позиции бомбили «юнкерсы».

— На стороне противника значительное превосходство в силах, — грустно произнес Жуков, понаблюдав картину боя. — Какие наши части участвуют в сражении? — спросил он генерала Гордова.

— Части 1-й гвардейской и 66-й армий. Им поставлена задача соединиться с 62-й армией генерала Чуйкова, но, видимо, у них ничего не получится, — ответил Гордов. — У меня очень мало танков, не говоря уже о самолетах. Немецкие «юнкерсы» как коршуны носятся над окопами, забрасывают их бомбами, а наших истребителей нет. Потому-то я и приказал войскам перейти к обороне. — Гордов взглянул на Жукова. — Поезжайте с Рокоссовским на мой КП, а я сейчас прибуду.

Пока они, приехав на командный пункт, выпили чаю, прибыл генерал Гордов. Он выглядел удрученным.

— Ну что, Василий Николаевич, не удалось отбросить противника? — осведомился Жуков, закуривая папиросу.

Он сидел за столом, перед ним лежала оперативная карта. Генерал Гордов устало промолвил:

— Не удалось... — На его посеревшем лице поблескивало пламя от горевшего светильника. По всему было видно, что он остро переживал неудачу. — Плохо у меня с артиллерией, Георгий Константинович, очень мало стволов, да и те мелковаты калибром. И чертовски не хватает боеприпасов.

Гордов еще не знал, зачем Жуков прибыл к нему на фронт с Рокоссовским, но догадывался, и, когда объяснил, почему наступление армии не имело успеха и войска перешли к обороне, Жуков сказал:

— Ставка назначила командующим войсками Сталинградского фронта генерала Рокоссовского, так что приказываю передать ему командование фронтом.

У генерала Гордова в голове забились острая мысль. «Сняли меня», — только и подумал он, а вслух произнес:

— Я готов сдать...

Рокоссовский, однако, счел нужным заявить Жукову, что признает обеспокоенность генерала Гордова тем, что операция сорвалась, и согласен с теми причинами, которые назвал Василий Николаевич. Он попросил Жукова предоставить ему возможность самому командовать войсками в духе общей задачи, поставленной Ставкой, и с учетом сложившейся обстановки.

— Короче говоря, — прервал его Георгий Константинович, — хотите сказать, что мне здесь делать нечего? Хорошо, я сегодня же улетаю.

Естественно, Жуков в душе обиделся на Рокоссовского, который открыто и жестко встал на сторону Гордова, хотя не подал виду. Каждый генерал по-своему сражается с противником, у каждого свой стиль, свое видение ситуации на данный момент, и надо ли всех стричь под одну гребенку? Отнюдь нет.

«Что ж, поглядим, как у Кости пойдут дела на посту командующего, — подумал Жуков. — Но одно мне ясно: в беде его не оставлю».

На другой день рано утром Жуков улетел в Ставку. Генерал Рокоссовский проводил его к самолету.

— Ну, дружище, желаю тебе успехов на столь ответственном посту! — сказал Георгий Константинович. — Гляди, не подведи меня. Ведь это я предложил верховному твою кандидатуру. И Василевский меня поддержал.

— Спасибо, Георгий, я постараюсь, — горячо проговорил Рокоссовский. — А если вдруг не получится, сам подам в отставку...

На прощание они обнялись.

После завтрака генерал Рокоссовский вместе с начальником штаба Малининым поехал знакомиться с войсками. Наступило временное затишье, и он решил воспользоваться этим. Какие же силы входили в состав Донского фронта? 63-я армия генерала В. Кузнецова занимала участок по левому — северному — берегу Дона, она удерживала плацдарм в районе Верхнего Мамона на южном берегу; 21-я армия генерала А. Данилова заняла северный берег на рубеже протяжением до 150 километров с плацдармом на южном берегу в районе Еланской, Усть-Хоперской, Серафимовича; 4-я танковая генерала В. Крючкина занимала участок на северном берегу и в междуречье Волга — Дон протяжением до 30 километров; 24-я армия, которой руководил генерал И. Галанин, держала оборону в междуречье на участке в 50 километров; 66-я армия генерала Р. Малиновского тоже оборонялась в междуречье, но длина рубежа была меньше 20 километров, армия упиралась своим левым флангом в Волгу. Рокоссовского огорчало то, что все соединения Донского фронта понесли в боях немалые потери и теперь были малочисленными. Но если у Рокоссовского фронт состоял из пяти армий, то в составе Сталинградского фронта (бывший Юго-Восточный), которым командовал генерал Еременко, находились четыре армии, тоже понесшие немалые потери в прошедших боях: 62-я армия генерала В. Чуйкова, 64-я армия генерала М. Шумилова, 57-я армия генерала Ф. Толбухина и 57-я армия генерала Труфанова, оборонявшаяся на широком фронте к югу от озера Барманцак...

Но вернемся в Ставку, где Верховный главнокомандующий Сталин вместе со своим заместителем Жуковым и начальником Генштаба Василевским обговаривал во всех деталях план контр наступательной операции. Из всех вопросов Жукова особенно беспокоил один: сумеет ли наша военная промышленность к ноябрю обеспечить операцию танками, самолетами, самоходными орудиями и другой боевой техникой?

— Этот вопрос для меня не праздный, товарищ Сталин. — Голос Жукова прозвучал напряженно. — Я волнуюсь, как бы нас не подвели.

Последние слова вызвали в душе верховного раздражение и едва скрытую досаду, но он не стал упрекать своего заместителя в чем-либо, а подчеркнул: нарком танковой промышленности Малышев и нарком авиационной промышленности Шахурин заверили его, что заявка Генштаба на танки и самолеты хотя и велика, но ее выполнят.

— А что вы скажете, товарищ Василевский? — Сталин посмотрел на начальника Генштаба в упор, и злая усмешка тронула его шершавые губы.

Василевский встал, но верховный жестом указал, чтобы он сел, потому как еще не решены все вопросы.

— В этой работе, — вновь заговорил Сталин, — нам надо хотя бы чуть-чуть опережать время. Во всяком случае, сделать все, чтобы по максимуму вооружить наши войска, восполнить потери, которые они понесли в боях. Так что вы скажете, товарищ Василевский? — повторил свой вопрос верховный.

— Конкретные цифры я смогу назвать вам, товарищ Сталин, через два-три дня, когда переговорю с моими помощниками, — ответил начальник Генштаба. — Сейчас могу лишь отметить, что материальное обеспечение предстоящей операции идет наравне с разработкой плана контрнаступления. В войска фронтов уже стали прибывать первые эшелоны с тяжелой боевой техникой. Это танки, особенно «тридцатьчетверки», самолеты, орудия, «катюши», правда, еще не так густо, но с каждым днем военные заводы увеличивают выпуск боевой техники. Не сочтите это за нескромность, но у меня все на строгом контроле. Даже находясь на фронте, я часто звоню по ВЧ на заводы и уточняю, как там идут дела. Кое-кого нам пришлось подстегнуть. Хорошо помогает нам в этом вопросе Вячеслав Михайлович Молотов. Как заместителю председателя ГКО я часто звоню ему, прошу помочь в решении той или иной проблемы, и он делает это успешно.

— Так, может быть, по совместительству есть смысл назначить его вашим заместителем по генштабовским делам? — спросил Сталин, и на его смугловатом лице появилась насмешливая улыбка.

Василевский смутился: то ли шутит верховный, то ли говорит всерьез. Выручил его Жуков:

— Я полагаю, Иосиф Виссарионович, что генштабовские дела, как выразились вы, Василевский будет решать сам. — Он облегченно перевел дух. — Здесь ведь своя, я бы подчеркнул, особая специфика, от которой во многом зависит успех. Тут дипломатией, если можно так выразиться, не пахнет. И потом, в вашем лице Генштаб всегда видит достойного советчика едва ли не по всем военным проблемам, коими положено заниматься специалистам Генштаба.

Сталин прошелся вдоль стола, обернулся и вскинул глаза на Жукова.

— Что возразить вам? — спросил он, не почувствовав при этом ни раздражения, ни обиды. — Вас двое, а я один, так что не стану вас критиковать.

Поговорили еще с полчаса об обеспечении всем необходимым нового Юго-Западного фронта, командовать которым был назначен генерал Н. Ватутин, заместитель начальника Генштаба.

— У Николая Федоровича светлая голова, и я уверен, что он станет одним из лучших командующих фронтами, — серьезно произнес Жуков, когда верховный завел речь о Ватутине.

— Поживем-увидим, — коротко изрек верховный. Он приказал Жукову и Василевскому еще раз побывать на фронте, чтобы подготовить исходные районы для сосредоточения резервов. — Принимайте все меры, чтобы как можно больше измотать силы врага на оборонительных рубежах Сталинграда.

«После тщательного изучения на месте всех условий для подготовки контрнаступления, — отмечал Жуков, — мы с А. М. Василевским вернулись в Ставку, где еще раз был обсужден в основных чертах план контрнаступления и после этого утвержден.

Карту-план контрнаступления подписали Г. К. Жуков и А. М. Василевский. «Утверждаю», — надписал верховный.

И. В. Сталин сказал А. М. Василевскому:

— Не раскрывая смысла нашего плана, надо спросить мнение командующих фронтами в отношении их дальнейших действий.

Бой закончился в полдень, и по сигналу командира бригады уцелевшие машины возвращались к

месту сбора. Капитан Бурлак, оказавшись на заданном рубеже, приказал механику-водителю остановиться, и, когда двигатель его танка умолк, ловко вылез в открытый люк и спрыгнул на жухлую землю. Размял ноги, и стало вроде легче. К переправе вражеские танки и мотопехоту не пропустили, их атака была сорвана. Понесся большие потери, немцы откатились назад. Да, жарким было сражение. Бурлак только сейчас сбросил с себя напряжение боя, мышцы тела вмиг ослабли, и теперь ему дышалось легко и свободно. Но едва он вспомнил о том, что его батальон потерял три танка, как в душе появилась холодная, как изморозь, пустота. Еще горше стало при мысли, что все три экипажа погибли, никому из расчетов не удалось покинуть горящие машины. Видимо, при взрыве вражеских снарядов заклинило крышки люков, но люди могли отравиться и угарным газом, тем более если кто-то уже был ранен. «Наверное, заживо сгорели ребята, — подумал он, — и хоронить-то по-божески некого». Ивану Лукичу трудно было сдержаться, глаза у него все-таки повлажнели, а сердце тяжело заворочалось. «Ладно, — решил он, — надо идти к комбригу на доклад, а уж потом заняться разбором танковой атаки, хотя потерь в этот раз совсем мало». Экипажи его машин действовали слаженно, сноровисто, без страха и в первые минуты боя решительно атаковали врага, бросившего к переправе полсотни танков, двигавшихся ромбом. Батальон Бурлака напал на них неожиданно из засады, когда они форсировали широкую балку и ускоренным ходом шли к переправе.

«Хорошо, что нам удалась атака, не то фрицы в пух и прах разбили бы переправу, а корабли Волжской военной флотилии пустили ко дну реки, — отметил про себя Бурлак. — Кажется, я вовремя отдал людям приказ...»

— Внимание, говорит Третий (позывной командира танкового батальона), экипажам рассредоточиться, — прокричал в микрофон капитан. — Справа от меня идут на врага пять машин, слева — четыре. Я буду идти по центру. Огонь из орудий открывать самостоятельно!

И тут началось. Противник решил упредить наших своим огнем. Слева и справа стали гулко взрываться снаряды, по броне стучали осколки. Кверху комьями взлетала земля, поднимая облака серой пыли. Рокот двигателей машин, перестрелка заглушили все окрест. В смотровую щель танка Бурлак увидел, что справа от него ехавший впереди танк почему-то не вел огня, даже сбавил ход. Что с ним, не повредило ли ему гусеницу взрывом? Бурлак запросил командира танка. Там находился лейтенант Игорь Савельев.

— Савельев, говорит Третий, почему молчит орудие? — прижав бляшку микрофона к губам, произнес Бурлак. — Как понял, прием!

— Третий, пока не выбрал цель, — отозвался в шлемофоне голос командира танка.

— Какая тебе нужна цель, когда на поле урчат десятки фашистских машин?! — едва не выругался капитан. — Жми полным ходом и бей по этим гадам!

— Исполняю! — хрипло ответил лейтенант.

Степь, местами ухабистая, изрытая бомбами и снарядами, густо заросла бурьяном и ковылем, особенно в балке, где после прошедших дождей скопилась вода. Танк Бурлака шел на большой скорости, его бросало из стороны в сторону, пришлось уменьшить ход. Перед глазами капитана прыгала смотровая щель, но он успел разглядеть, как к подножию невысокого кургана подошел немецкий танк Т-1?. Он повернул чуть влево, и в этот момент подставил свой грязно-серый борт.

— Бей гада! — во весь голос прокричал Бурлак наводчику, и почти сразу гаркнула пушка. Наводчик метко попал в танк. От сильного взрыва он остановился, окутанный черным дымом, и мгновенно по броне поползли языки огня.

— Молодец, Петр! — похвалил Бурлак наводчика.

Тот повернул к нему лицо — на нем блестели крупные капли пота, а в чуть приоткрытом рту белели

зубы.

— Товарищ капитан, я угостил фрица бронбойным! — крикнул он.

Над гудящим от моторов полем ключьями висел темно-серый дым. Степь проглядывалась до самой реки. Но вскоре видимость стала хуже, и разглядеть что-либо можно было только вблизи: дымилось уже до десятка вражеских машин. Но что это? В дымном тумане Бурлак увидел чужой танк, он натужно поднимался на горку, чтобы потом спуститься вниз и обстрелять переправу. Но наводчик тоже заметил противника и открыл по нему огонь. Танк качнулся от удара и сразу задымил. Из машины начали выскакивать немцы в черных комбинезонах. От огня пулеметчика четверо упали замертво, трое свалились на землю, а четвертый успел лишь наполовину вылезти из люка, когда его настигла пуля: он согнулся в поясе, доставая длинными руками бурьян.

«Успеть бы перекрыть всю дорогу к переправе, а если прорвется хоть один вражеский танк, уничтожить его», — подумал Бурлак.

Сколько прошло времени, капитан не помнил. До боли напрягая зрение, он вглядывался в немецкие танки, мимо которых проходил его танк. Неожиданно в шлемофоне раздался голос командира бригады. Он скрашивал Бурлака, сколько машин подбил его батальон.

— Двенадцать, своих потерял три, — ответил Бурлак.

Голос комбрига пропал, в шлемофоне раздавался атмосферный шум. Что с комбригом? Неужели его танк подбили фашисты? Только Бурлак подумал об этом, как снова раздался голос полковника. Он сообщил, что к переправе прорвались три вражеских танка, надо попытаться пересечь им путь.

— Сможешь? А то моя машина подбита, быстро ехать не могу.

— Вас понял, действую! — гулко отозвался Бурлак.

Увлечшись боем, заряжающий не заметил, как кончились снаряды. А тут, как на грех, немецкий танк, укрывшись за двумя дымящими машинами, вел прицельный огонь по нашим танкам. Вот вспыхнула одна «тридцатьчетверка», другая... Что делать? У Бурлака до боли сжалось сердце. Решение пришло мгновенно — идти на таран!

— Обходи фрица с тыла! — приказал он механику-водителю. — Бей носом ему в задний каток!

Водитель лихо развернул машину и, включив третью скорость, рванулся к противнику. Тот догадался, в чем дело, хотел отвернуть в сторону, но не успел — наш танк своей лобовой частью ударил врага в заднее ведущее колесо. Сильный скрежет металла — и у немецкого танка разорвало на куски гусеницу.

У Бурлака отлегло на душе. С его губ сорвалась похвала в адрес механика-водителя:

— Ловко ты его, Федя, трахнул! Бери курс к переправе!

У берега удалось подбить еще два танка, но это сделали другие экипажи, для которых у командира танкового батальона тоже нашлись похвальные слова...

Вся эта картина прошедшего сражения промелькнула перед глазами Бурлака, пока он шел в штаб бригады. Прямо в комбинезоне он явился на доклад к комбригу. Тот сидел за столом и с кем-то разговаривал по полевому телефону. Рядом с ним расположился начальник штаба и что-то писал. Увидев капитана, комбриг бросил в трубку: «Ну, будь здоров, ко мне тут пришли», — и положил ее на аппарат. Левая рука у него была забинтована.

— Вы ранены, товарищ полковник? — обеспокоенно спросил Бурлак.

Тот вскинул лохматые брови, закивал головой, и было такое ощущение, что вопрос капитана застал

его врасплох.

— Фрицы подбили мой танк, и, когда я вылезал из люка, мякоть руки прошла пуля. Не беда, уже почти не болит. Ты вот лучше скажи, сколько вражьих танков подбил твой батальон?

— Двенадцать, товарищ полковник. Мог бы и больше, но враг отступил. — Бурлак немного помолчал, словно раздумывал, нужно ли еще что-то сказать, и все же решился: — В самый разгар боя кончились снаряды. А я вижу в смотровую щель, что из-за разбитого танка фриц бьет прямой наводкой по нашим танкам. Пришлось уничтожить немца тараном.

— Вот как? — сурово промолвил комбриг. — А почему мне не доложил? Мог бы угробить и себя. Таран — это крайний случай, понимаешь? Тут мигом все рассчитать следует.

— Дело решали секунды, и потому я не стал терять время, товарищ комбриг. — Бурлак скупое усмехнулся. — Мой танк не пострадал. В его лобовой части краску содрало, но ребята наведут марафет. Таран прошел удачно...

— Главное, однако, не в нем, — сердито прервал его комбриг. — А в том, что твоему танковому батальону удалось защитить переправу, где скопились войска стрелковой дивизии. Прорвись туда хоть один танк противника, он бы там бог знает что натворил. — Полковник шевельнул левой раненой рукой. — Ноет рана, наверное, к перемене погоды. Вот что, Иван Лукич, — повеселевшим голосом продолжал комбриг, — дай мне имена тех, кто отличился в бою, чтобы представить их к наградам. Сегодня вечером буду звонить командарму генералу Шумилову. Надо же подвиг людей отметить! Тебя я тоже представляю к награде.

Бурлак некоторое время, сдвинув брови, стоял неподвижно. Затем резко вскинул голову и, глядя на комбрига, сказал:

— Я не гонюсь за наградами, а вот моих людей отметить не мешает.

— Ладно, я сам знаю, что мне делать, — грубовато прервал его комбриг и встал. — Батальону привести свое хозяйство в порядок, получить боезапас и отдохнуть. Даю двое суток. Ясно?

— Так точно, товарищ полковник! — козырнул капитан, но с места не двинулся.

— У тебя что-то есть ко мне! — уточнил комбриг.

— Просьба есть. — Бурлак помялся, как провинившийся лейтенант. — Разрешите завтра с утра отлучиться в город. Мать следует проведать, может, ей какая-то помощь нужна. Ведь многие жители эвакуируются...

Комбриг разрешил, только велел взять у начальника штаба командировочную на двое суток.

— У нас же тут фронт, и без документов тебя могут арестовать, — предупредил полковник.

— Само собой, возьму бумагу, — улыбнулся Бурлак. — Не то еще заберут в комендатуру, и останется мой танковый батальон без командира, — шутливо добавил он.

— Как бы моя бригада не осталась без командира, — усмехнулся полковник. — Чертовски болит рука чего доброго, опухнет. А в санбат к врачам идти не хочу — отправят в госпиталь. С врачами, сам, наверное знаешь, дискуссию не разведешь, укутут в палату — и баста. Вон генерала Рокоссовского ранило под Москвой, так его сразу в самолет — и в Москву. Но он был командующим 16-й армией, а я всего лишь комбриг. Между прочим, скажу тебе по секрету, — шевельнул бровями комбриг. — Командующий нашим Сталинградским фронтом генерал Еременко был дважды ранен под Москвой. Долго лежал в госпитале и сейчас все еще ходит с палочкой, хромает на одну ногу. Не замечал?

— Когда генерал приезжал к танкистам, я видел в его руках палку, но как-то не придал этому

значения, — признался Бурлак. — А он, оказывается, перенес два ранения...

15

После разговора с комбригом на душе у Бурлака потеплело, словно туда проник лучик солнца. А вот ночью он почти не спал. Долго сидел во дворе штаба и жадно курил. Разные мысли лезли в голову, и одна из них вытеснила все остальные: как там мать? Больше месяца он не видел ее. С тех пор как на заводе получали танки, не мог вырваться к ней: то одно, то другое. Завтра он увидит ее. Загасив окуроч, Бурлак снова прилег, но сон долго не шел.

Рано утром, когда над Волгой заалела заря, он поспешил на пристань. У причала уже дымил небольшой пароход, и у трапа толпились люди, желающие попасть на другой берег. Ночь в городе прошла спокойно, если не считать, что на рассвете «юнкерсы» бомбили его. Но больше других объектов досталось тракторному заводу: на него немцы сбросили сотни бомб. А вот утро выдалось тихим и безветренным. Августовское солнце припекало. «Наверное, будет жаркий день», — отметил про себя Бурлак.

Комендант переправы посмотрел его документы и кивнул на корму, где блестел спаренный пулемет, из которого недавно расчет вел огонь по вражеским самолетам, пытавшимся потопить его. Так уже было не раз.

— Проходите вон туда, к пулемету, а здесь расположилась группа минеров, — сказал комендант переправы. Он глянул поверх головы Бурлака. — Девушка, а вам находиться у борта опасно. Пройдите подальше, в нос судна.

«У борта стояла медсестра Оксана, и, когда рядом разорвался снаряд, взрывной волной ее сбросило в воду, и я прыгнул за ней, — вспомнил Бурлак тяжелый июльский день. — Ее, раненную, отправили в госпиталь. Где она теперь? Может, поправилась и снова попала на фронт? Вот бы увидеть ее...»

Волгу пароход пересек без приключений. Сходя на берег, капитан Бурлак увидел сержанта в армейской форме. Лицо показалось ему знакомым. Где он видел его? Ага, вспомнил...

— Андрей! — окликнул он сержанта.

Тот замер на месте, потом взглянул на Бурлака распахнутыми глазами.

— Кто вы? — напрягся сержант. Он с затаенным дыханием смотрел на Ивана Лукича, словно боялся ошибиться. И вдруг с жаром воскликнул: — Так вы же капитан из Хабаровска! Я даже говорил вам, что зря вы пошли в танкисты, что профессия эта опасна, что в танке можно заживо сгореть. Погодите, как же вас звать-то? — На какое-то время сержант задумался, отчего на его широком лбу разгладились две извилины и уже не таким старым выглядело его лицо. — Все, вспомнил — Иван Лукич!

— Он самый, — улыбнулся Бурлак. — Мы с тобой на пару сидели в купе поезда «Пермь — Сталинград» и пили «горючку».

Лицо у Андрея просияло.

— Я же давал вам свой адрес, а вы так и не навестили бывшего водолаза, а ведь обещали!

— Ты же сам видишь, что делается в городе, — с огорчением произнес Иван Лукич. — Идет великое сражение, фашисты заверили своего фюрера, что возьмут Сталинград, но не взяли. Есть в этом и наша с тобой заслуга, маленькая такая, но есть, и ты, Андрей, гордись!

— Я живу в Красной Слободе, там у нас не так горячо, как в самом городе, — улыбнулся Андрей. — А ты, Иван Лукич, по-прежнему на танке бьешь фрицев?

— Я же танкист, мне сам Бог велел этих гадов, что запоганили нашу землю, уничтожать, — выругался

Бурлак. — Только вчера вернулся мой танковый батальон из боя. Двенадцать фашистских танков уничтожили ребята. Так увлеклись боем, что не заметили, как кончились снаряды... — И Иван Лукич рассказал, что было дальше. После недолгой паузы он добавил: — Как видишь, в танке я не сгорел.

— А сейчас куда путь держишь? — поинтересовался Андрей.

— Отпросился у комбрига проведать мать, — вздохнул капитан. — Надо в крыше дыру заделать, как дождь, промокает потолок. Обещал починить, но никак не мог вырваться домой хотя бы на пару часов. Да и скучаю я по маме, понимаешь. Постарела она, и сил у нее поубавилось. А ты почему в сержантской форме? Ты же служил на военном флоте, под воду спускался, и вдруг стал пехотинцем, а?

— Все по закону, — повел плечами Андрей. — На военном флоте я был старшиной 1-й статьи, что соответствует сухопутному званию «сержант», и, когда я попросил военкома направить меня в действующую армию, мне присвоили это звание и определили в батальон связи. В боях, правда, еще не был, а тянуть связь под огнем противника довелось. И не раз.

— А куда идешь-то? — спросил Бурлак.

— На командный пункт командарма, нужно поставить там три телефонных аппарата для связи со штабами стрелковых дивизий. Мой напарник уже на месте, а я вот задержался. Что-то горло болит, так я заходил в санчасть, и мне его чем-то помазали. Стало легче.

— Домашние все живы-здоровы? — спросил Бурлак. — Ведь город и причалы «юнкерсы» часто бомбят, и от этого страдает мирное население.

— Есть потери, капитан. — Андрей шевельнул губами, словно не желал, чтобы об этих «потерях», как он выразился, кто-то знал. — Дочь моего старшего брата, что погиб в бою под Москвой в сорок первом, ранило, когда переправлялась на другой берег. Чуть в Волге не утонула, но вояки спасли. В госпитале у нее из плеча вынули осколок, рана затянулась. И что ты думаешь? Она снова ушла на фронт, говорит: «У меня призвание спасать раненых бойцов». Сама щуплая, а вытащила с поля боя уже не одного бойца.

— Она что, у тебя живет?

— Да, а вот ее мать, Полина Моисеевна, утонула в Волге, — вздохнул Андрей. — Все как-то глупо получилось. В субботу поехала на другой берег проведать сестру. Утром дело было. Села на рейсовый, а тут налетели «юнкерсы», и бомба угодила в судно, оно сразу затонуло. Никто не спасся. Достать бы ее из воды и по-людски предать земле, но кто станет это делать, когда от вражеской авиации погибают десятки и сотни мирных жителей? Дочь вся слезами изошла. Теперь она круглая сирота, и мне, Иван Лукич, до боли жаль ее.

— Да, война уже многих пометила чем-то, — грустно произнес Бурлак.

В груди у него заныло, и он не знал отчего, наверное, вспомнил свою мать, и в нем с новой силой вспыхнуло желание поскорее увидеть ее.

— Послушай, Иван Лукич, немцы возьмут Сталинград? — вдруг спросил Андрей.

Этот вопрос вызвал в душе капитана смятение. Он и сам боялся, что немцам удастся захватить город и всячески избегал разговоров на эту тему, но Андрей надо было что-то ответить, и ответ вмиг созрел в голове Бурлака.

— Пока мы с тобой, Андрей, ходим по сталинградской земле, врагу город не взять, — твердо заявил капитан. — Это же наша с тобой родина, здесь наши корни, все нам тут с детства дорого. И вдруг все это отдать врагу? Нет, Андрей, такому не бывать, пока мы с тобой живы. А таких, как мы, в городе тысячи. Уже одно то, что наш город носит имя великого человека, отдавать его врагу никак нельзя!

— Оно, конечно, так, но фашисты прут на Сталинград, как саранча, — осторожно возразил Андрей. — У них масса танков. Видно, тяжело нам еще придется...

У почты они распрощались.

— Если будешь в Красной Слободе, не забудь заскочить ко мне, адрес я тебе еще в поезде дал, — сказал Андрей. — Ты, надеюсь, его не потерял?

— Он хранится в надежном месте, — заверил его Бурлак.

Вскоре он подошел к своему дому. Но что это? Калитка закрыта. Неужели матери нет дома? Он отодвинул щеколду и вошел во двор. Ключом, который ему дала мать, легко открыл дверь и шагнул в сени. Пахло чабрецом и мятой. «Значит, мать летом собирала эти травы, чтобы заваривать вместе с чаем», — подумал Иван Лукич. На столе он увидел записку, взял ее и прочел про себя: «Ванюша, сынок, я уехала к сестре в Саратов. Боюсь, что в Сталинград могут ворваться фашисты. Узнают, что мой сын командир Красной армии, и убьют. А я еще пожить хочу, дождаться внучонка. Не сердись, пожалуйста, и побереги себя. Целую. Твоя мама. 29.09.42.

Вскоре после того, как ты уехал, ко мне приходила Кристина, просила, чтобы я уговорила тебя вернуться ней. Говорит: «Лучше вашего сына мужа себе не найду». Мне стало жаль ее. Может, и вправду она любит тебя?.. Вернула тебе золотое обручальное кольцо. Я положила его в шкатулку, где хранятся твои письма, которые ты присылал мне из Хабаровска».

«Эх, мать, неужели ты не видишь, как хитра Кристина? — мысленно спросил он Татьяну Акимовну. — Она любого разжалобит, но я не клюну на ее удочку. Хватит, и так обжегся от ее “любви”».

Кто-то постучал в дверь. Бурлак открыл ее. Это был сосед, старый волжский рыбак Кузьма Петрович, с которым дружил отец. Борода у него стала совсем седой — белая, как морская пена.

— Добрый день, Иван Лукич! — сказал он и улыбнулся. — Хорошо, что ты пришел. Твоя мама уехала в Саратов. Туда уходила военная машина со Сталинградского тракторного завода и попутно взяла ее. Она просила передать, чтобы ты поберег себя.

— Спасибо, Кузьма Петрович, — поблагодарил Бурлак и пригласил соседа пройти с ним в комнату.

Окна были закрыты, и Иван Лукич зажег лампу. Стало светло как днем. Кузьма Петрович уселся на мягкий диван.

— А ты, Ванюша, все еще воюешь? — усмехнулся он, поджав губы, и, не дождавшись ответа, продолжал: — Вчера у меня был день рождения. Стукнуло мне шестьдесят. Жаль, что тебя не было, выпили бы по рюмашке за мое здоровье.

Бурлак сказал, что у него припасена бутылка водки. Кузьма Петрович потрянул бородой.

— Вот здорово! — воскликнул он. — У меня с утра горело во рту, надо было опохмелиться.

Они выпили и закусили. Бурлак проголодался и с аппетитом ел сало, принесенное соседом. Оно было пахучим и мягким. Оба повеселели от выпитого, особенно Кузьма Петрович. Глаза у него загорелись, словно в его сети попал огромный сом. Он заговорил:

— Слышал я от твоей матери, что генерал армии Жуков лично вручил тебе медаль за отвагу, когда в тридцать девятом на Халхин-Голе ты крепко крушил на своем танке япошек. Это правда?

— Правда, Кузьма Петрович, что было, то было, — ответил Иван Лукич и добавил: — На танке воевать нелегко, и, если ты его не изучил, не научился маневрировать им, добиться победы над противником никак не сможешь. Это я испытал на своей шкуре.

— Любишь свое дело? — спросил сосед.

— Любить можно только женщину, — серьезно возразил Бурлак. — А чтобы стать отличным танкистом, нужно много и упорно учиться. Вот я и учился.

— Я считаю, что все, от чего ты можешь погибнуть, вещь опасная, потому и мужество свое обретаешь.

— Правильно рассуждаешь, Кузьма Петрович, — улыбнулся Бурлак и снова наполнил стаканы. — Давай свой тост, — сказал он, глядя в черные, как омут, глаза соседа. — Скажешь?

— Выпьем за ребят, что до самой последней возможности держат оборону Сталинграда!

— Хороший тост, — похвалил соседа Иван Лукич.

От выпитого ему стало жарко, тело будто налилось свинцом, и заветной легкости он не ощущал.

Между тем сосед посмотрел на часы. Скоро девять вечера, пора домой.

— Я затопил баньку, хочу погреть свои старые кости. — Кузьма Петрович поднялся. — Хочешь, пойдём ко мне, искупаешься?

— Я утром мылся в части, так что спасибо!..

Переночевал Бурлак дома, а утром позавтракал и поспешил в военную комендатуру. Он хотел узнать, куда переехал госпиталь, в котором оперировали Оксану.

Комендант в чине майора встретил его приветливо.

— Танкистам мы всегда рады, — улыбнулся он и, когда Иван Кузьмич высказал ему свою просьбу, ответил, что нужный ему госпиталь теперь находится на левом берегу Волги, так как на подступах к городу начались бои.

— Где-то неподалеку от центральной переправы. — уточнил майор.

Госпиталь долго искать не пришлось. Размещался он в детском саду. Еще недавно здесь были дети, их эвакуировали, а обжитый большой деревянный двухэтажный дом занял госпиталь. Дежурный военврач, коренастый усатый капитан с темно-серыми глазами и худощавым, обветренным лицом, выслушав Бурлака, спросил:

— Как фамилия медсестры?

— Оксана Бурмак.

— А вы Бурлак? — усмехнулся капитан. — Интересно, однако, кто она вам — сестра, жена?

Бурлак покраснел до корней волос и обронил:

— Просто хорошая знакомая...

Военврач полистал журнал, куда заносились фамилии поступающих в госпиталь раненых, и, найдя фамилию Оксаны, воскликнул:

— Нашел! — Он начал вслух читать все, что там было написано: — Оксана Бурмак, раненная в правое плечо, подлечилась и убыла в войска Сталинградского фронта, в санбатальон, откуда и поступила.

— Благодарю вас, товарищ военврач, — улыбнулся Бурлак. — Теперь я легко найду ее.

Командующий 64-й армией генерал Шумилов чувствовал себя неуютно, если не побывал в войсках: ему казалось, что он лишился того, без чего не может состояться стоящий военачальник. Но в этот раз он весь день провел с бойцами и командирами. Вместе с членом Военного совета генералом Сердюком он

проверял, как оборудованы передовые позиции, в полный ли рост вырыты окопы, сколько огневых точек и все ли они замаскированы от ударов авиации. В беседах с бойцами и командирами Михаил Степанович убедился в том, что люди, испытывая на себе удары превосходящих сил врага, не только стойко оборонялись, но и нередко сами контратаковали и, хотя порой противник теснил их боевые порядки, находили в себе силы до последней возможности удерживать свои рубежи.

Генерал Шумилов в сопровождении начальника штаба стрелковой дивизии зашел в блиндаж, где располагались связисты, следом за ним вошел член Военного совета генерал Сердюк. Было светло, и командарм увидел раненого бойца. Он лежал на койке и негромко стонал, шаря тупым взглядом по стене, на которой бликами играл солнечный луч, пробивавшийся в открытую дверь блиндажа. Медсестра, среднего роста девушка с резко очерченным лицом, ловко перевязывала его окровавленную ногу и тихо говорила:

— Не горюй, солдатик, до свадьбы заживет!

— Женат я, сестрица... — прошептал боец запекшимися губами и, передохнув, продолжал с трудом подбирать слова: — Как бы доктора ногу не отрезали. А кому я нужен без ноги? Разве что маме, а жена от меня сразу откажется...

Увидев командарма и члена Военного совета в сопровождении начальника штаба дивизии, медсестра выпрямилась, представившись старшему начальнику.

— Куда ранен боец, в ногу? — спросил ее генерал Шумилов.

— Так точно, товарищ командарм, — милым голосом произнесла медсестра и так доверчиво посмотрела в лицо генералу, что он смутился. — Рана тяжелая, пуля задела кость...

— Почему до сих пор не отправили его в медсанбат или в госпиталь? — В голосе Шумилова прозвучали суровые нотки. Но медсестра ничуть не оробела и пояснила, что давно ждут машину, а ее все нет. Командарм строго взглянул на начальника штаба дивизии: — Полковник, это что же такое, а? У бойца может возникнуть гангрена, если ему не будет оказана срочная помощь. Кстати, кто он?

Полковник неуклюже дернул плечами, лицо его покраснело.

— Сапер, товарищ командующий. Минировали дорогу, по которой должны были пройти вражеские танки, и он попал под шальную пулю. У нас еще пятеро раненых, их доставили с передовой сюда на рассвете.

— Ну и как, немец напоролся на эти мины? — спросил Шумилов.

— Три танка подорвались, траки им порвало...

— Тогда, может быть, надо наградить сапера?

— Безусловно, раненый это заслужил, — поддержал командарма член Военного совета.

— Можно, сапер он храбрый, — подал голос начальник штаба. — Вернется из танковой бригады комдив, и я доложу ему ваше мнение, товарищ командующий.

Словно не слыша его, генерал Шумилов распорядился, чтобы всех раненых немедленно отправили в медсанбат. Он взглянул на медсестру.

— А вы почему не сражаетесь со своим начальством, держите раненых без лекарств?

Медсестра растерялась и не сразу нашла что ответить:

— Обещали подать машину, вот я и жду...

Поездкой в войска командарм Шумилов остался доволен. Оборонительные рубежи в инженерном

отношении подготовлены надежно. Окопы протянулись вдоль густого кустарника, и с воздуха «юнкерсам» вряд ли удалось бы обнаружить их.

— Хорошая маскировка — залог успеха в бою, — Улыбнулся генерал Шумилов, глядя на члена Военного совета Сердюка. — Ты, Зиновий Тимофеевич, согласен?

На загорелом лице Сердюка появилась добродушная улыбка, но свою мысль он выразил сдержанно:

— Я полагаю, маскировка своего рода искусство, военная наука, что ли, и относиться к ней следует серьезно. А Лев Толстой, чье творчество мне по душе, говорил, что, не будь наук и искусств, не было бы и человеческой жизни. Так что и мы с тобой, Михаил Степанович, внесем свой вклад в разгром фашистов под Сталинградом, — со свойственной ему прямоотой добавил Сердюк.

— Ты едва ли не целую лекцию мне прочел. — Шумилов остро и пристально посмотрел на своего коллегу. — Понимаешь, есть в армии такие бойцы, кто считает маскировку излишней: мол, прячутся от противника, а его надо не бояться, а уничтожать твердой рукой. Что, станешь возражать?

— Да нет, горе-вояки еще водятся, но я таковых не жалую. Мне сродни те, в ком горит огонь Павки Корчагина...

Нелегко пришлось командарму Шумилову действовать в августовские дни боев под Сталинградом. После того как противник прорвал нашу оборону и вышел к Волге в районе Латашанки командование фронта это озадачило, нужно было любой ценой, как выразился на Военном совете фронта генерал Еременко, срезать этот «змеиный язык» врага, высунувшийся к Волге, соединить фланги Сталинградского и Юго-Восточного фронтов.

— Для нас сейчас важнее задачи нет, — подчеркнул Еременко, когда на Военном совете обсуждалась директива Верховного главнокомандующего, адресованная представителю Ставки генералу армии Жукову, находившемуся в это время в штабе Сталинградского фронта в Ивановке. «Сталинград могут взять сегодня или завтра, — телеграфировал Сталин, — если северная группа войск не окажет немедленную помощь. Потребуйте от командующих войсками, стоящими к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь сталинградцам. Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению...»

Жуков прочел директиву Ставки и отдал ее Еременко.

— Ознакомься с документом и подумай, какие войска надо задействовать, — сказал он. — Обрати внимание вот на эти слова в директиве: «Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению».

Пока командующий фронтом читал, Жуков закурил. «Строгая директива, — подумал Георгий Константинович, попыхивая папирсой. — И поступила она после того, как Сталину позвонил по ВЧ Еременко и доложил, что враг может захватить город, если Ставка не даст из своих резервов подкрепление фронту».

— Мы подумаем, товарищ Еременко, чем вам помочь, — коротко резюмировал верховный, выслушав его.

А на другой день в штаб фронта на имя Жукова поступила эта грозная директива за подписью Сталина. В конце ее была такая приписка: «Получение и принятые меры сообщите незамедлительно».

Верховный, однако, понимал, что командующий фронтом не зря его побеспокоил. Значит, бои под Сталинградом достигли критической отметки и необходимо принимать решительные меры. Поэтому Сталин распорядился значительно усилить свежими резервами войска, находившиеся к северу от Сталинграда. Фронту немедленно были переданы 24-я армия генерала Д. Т. Козлова и 66-я армия генерала

Р. Я. Малиновского. Сталинградский фронт был также усилен авиацией.

— Ну, что скажешь, Андрей Иванович? — спросил Жуков, когда Еременко вернул ему директиву.

— Я считаю, что по врагу надо нанести два удара. — Андрей Иванович подошел к карте. — И сделают это войска левого крыла Сталинградского фронта...

— Интересно, продолжай, — сказал Жуков, воспользовавшись паузой.

— Первый контрудар нанесем 5 сентября, а второй недели через две. Цель этих контрударов — ликвидировать «клин», уничтожить группировку противника который прорвал нашу оборону в районе Рынка и вышел к Волге, а также отвлечь часть вражеских сил от Сталинграда.

— И это всё? — Жуков загасил окуроч в пепельнице

— Не всё, Георгий Константинович. — Взгляд генерала Еременко снова скользнул по карте. — В районе Юго-Восточного фронта мы в срочном порядке проведем оргмероприятия. В частности, создадим фронтовую артиллерийскую группу из двух арtpолков и одного-двух артдивизионов. Наша оборона от этого обретет стойкость.

Жуков одобрил наметки комфронта, но заметил, что делать это нужно оперативно, да и Ставка ждет ответа.

Еременко пояснил представителю Ставки, что сейчас он соберет руководящий состав фронта и работа закипит.

— Кого из командармов, кроме генерала Козлова и Малиновского, вы решили задействовать? — спросил Жуков.

— Шумилова и Чуйкова. И 62-я армия, и 64-я армия — моя опора во всех тяжких делах. На эти две армии в основном Ставка и возложила оборону Сталинграда, и пока обе они справляются.

Справедливости ради отметим, что в дальнейшей обороне Сталинграда все мероприятия, о которых Еременко докладывал генералу армии Жукову, сыграли решающую роль.

По характеру генерал Еременко был человеком дотошным, иногда грубым, вспыльчивым, чего и сам не отрицал, но военное дело знал до тонкостей, жил и дышал им. Что же касается директив Ставки, он выполнял их незамедлительно и с большой пользой для фронта. Член Военного совета Хрущев как-то бросил реплику:

— Ты, Андрей Иванович, порой буквоед!

— Может быть, но по-другому поступать не могу, — возразил с улыбкой комфронт. — Что-то проглядишь, что-то не доделаешь, и в сражении зря погибнут люди.

— Слабые бойцы пусть учатся у сильных, — заметил Хрущев.

— Нет, Никита Сергеевич, слабым надо помочь, научить их хорошо владеть своим оружием, задушить в себе страх, — возразил командующий. — Еще Шекспир говорил, что поднять слабого — мало, надо затем и поддержать его.

Заголосил телефон ВЧ. Еременко рывком снял трубку. Говорил Сталин.

— Каковы у вас дела, товарищ Еременко? — спросил он слегка хрипловатым голосом.

Генерал Еременко доложил, что сейчас разгорелись ожесточенные бои на внутреннем обводе. Гитлеровцы нанесли мощные удары по войскам на участке 62-й и 64-й армий. Но все атаки отбиты. Директиву на имя Жукова восприняли близко к сердцу и почти выполнили ее. Генералы Шумилов и Чуйкову, бойцы и командиры, участвовавшие в нанесении контрударов по врагу, действовали

самоотверженно и мужественно.

— Потери у вас большие? — поинтересовался верховный.

— В наших дивизиях осталось по двести-триста человек. У противника втрое больше сил и боевой техники. Но мы слез не льем, товарищ Сталин, и, пока руки держат оружие, сражаемся за Сталинград. Врагу мы его не отдадим!

— Меня радует ваш оптимизм, — громче обычного зазвучал в трубке голос верховного, и он перевел разговор на другое: — Где сейчас товарищ Жуков? В войсках! Передайте ему, чтобы позвонил мне.

— Будет исполнено, товарищ Сталин.

— И еще вопрос к вам, товарищ Еременко, — произнес верховный. — Как у вас обстоят дела с материально-техническим обеспечением войск?

— По тылу есть проблемы, — признал Еременко. — Порой плохо доставляются продукты, не вовремя завозится хлеб...

— К вам на фронт вылетает начальник тыла генерал Хрулев. Выскажите ему, что вас волнует, он имеет полномочия решить все вопросы.

— Вот за это спасибо, товарищ Сталин! — воскликнул Еременко. — Я надеюсь, что Андрей Васильевич нам поможет.

Положив трубку, Андрей Иванович взглянул на члена Военного совета Хрущева, который сидел за столом и что-то писал. Казалось, он не обращал внимания на разговор комфронта с верховным. Однако на самом деле Никита Сергеевич ловил каждое его слово. Хотелось знать, спросит ли о нем Сталин? Но тот не спросил, и от этого Хрущеву стало не по себе. Он хотел что-то сказать Еременко, но комфронт заговорил раньше.

— Сложная все-таки фигура Сталин, — вздохнул Андрей Иванович. — Кажется, что простой он, на самом же деле очень тонкий политик, душу не каждому раскроет. И порой непредсказуем. Когда у меня на Брянском фронте дела не пошли и я был ранен, то сильно переживал, как к этому отнесется Иосиф Виссарионович. Полагал, что, как только выпишусь из госпиталя, он мне припомнит Брянский фронт. Но оказалось, что вождь не был зол на меня, даже проведаль в госпитале, спросил, как себя чувствую. Я тогда очень плохо себя чувствовал, но сказал ему: «Все хорошо, выздоравливаю и желаю скорее снова попасть на фронт». Он коротко тогда заметил: «Мы вас не забудем, товарищ Еременко». И не забыл. Когда я уже почти выздоровел, он пригласил меня в Кремль и предложил должность командующего фронтом. Вот и рассуди, кто он — товарищ Сталин, наш вождь и учитель. Взять Сталинград, — продолжал Еременко. — Тут идут тяжелые, кровавые бои, а он говорит с тобой по телефону спокойно, без дрожи в голосе. А ведь прекрасно знает, что сейчас здесь решается судьба не только города, но и всей родины. Да, Иосиф Виссарионович порой горяч, суров, даже очень суров, но то, что он мудрый политик, — факт!

Хрущев слушал комфронта молча, а когда тот умолк, изрек:

— Ты, Андрей, плохо знаешь Сталина. Это с виду он вроде бы равнодушен к тому, что происходит у нас на фронте. На самом же деле у него на душе буря! Но тебя, Андрей Иванович, он уважает и ценит — это я давно заметил.

16

В Москве уже настало утро, когда «Дуглас» приземлился на центральном аэродроме. Из самолета вышел заместитель наркома обороны — начальник Главного управления тыла Красной армии генерал-лейтенант Хрулев. Свежий ветер дохнул ему в лицо. На часах шесть утра, и Сталин, наверное, еще не прибыл в Кремль.

«Что ж, поеду на службу, а потом позвоню Поскребышеву и все узнаю», — решил Андрей Васильевич. Летал он в Свердловск по заданию верховного, чтобы проверить, как выполняются заказы Наркомата обороны по выпуску новой боевой техники и оружия. Особый упор был сделан на танки и самоходные артиллерийские орудия — САУ. Хрулев в феврале находился в отъезде, когда ему сообщили о том, что Государственный комитет обороны назначил его по совместительству наркомом путей сообщения. «Даже не спросили меня, смогу ли выполнять эту работу, — чертыхнулся в душе Хрулев. — У меня в подчинении весь тыл Красной армии, это же целая планета!.. Нет, как только окажусь в столице, сразу же пойду к верховному и заявлю ему свой протест. Жаль, что сейчас вождя нет в Кремле, не то прямиком бы направился к нему».

Но когда Хрулев вошел в Генштаб, генерал Боков, заместитель начальника Генштаба, увидев его, подошел к нему.

— Вы только что прилетели? — спросил он, здороваясь с Хрулевым.

— Да, — подтвердил тот. — Хочу сказать вам, Федор Ефимович, кое-что по военным заводам Свердловска...

— Извините, Андрей Васильевич, но я срочно везу сводку о фронтах верховному, он звонил мне, — объяснил заместитель начальника Генштаба. — Василевский в Сталинграде, вот и приходится мне крутиться...

«Сталин в Кремле, а я полагал, что так рано он еще дома», — подумал Хрулев. Он поднялся в свой кабинет и по «кремлевке» позвонил верховному. Тот ответил сразу.

— Докладывает генерал Хрулев, товарищ Сталин. Я только что прибыл из Свердловска и хотел бы знать, когда вы примете меня.

— Жду вас через час, сможете? — услышал он добродушный голос верховного.

Генерал Хрулев руководил тылом Красной армии, а с февраля 1942 года стал еще и наркомом путей сообщения. Позже он узнал, что его кандидатуру на эту ответственную должность предложил Молотов и Сталин согласился с ним.

— Андрей Васильевич хозяйственник до мозга костей, так что справится с работой на двух постах, — безапелляционно заявил Вячеслав Михайлович.

За полгода генерал Хрулев сделал для улучшения работы железнодорожного транспорта столько, что иной этого не сделал бы и за пять лет. Когда после очередного доклада начальника Генштаба Василевского в Ставке Сталин спросил его, доволен ли он работой наркомата путей сообщения, Александр Михайлович ответил:

— Если хотите заменить генерала Хрулева кем-то на этом посту, то я бы этого не желал. У Андрея Васильевича талант хозяйственника, хотя, конечно, ему на железной дороге все достается не так просто.

— Странно, однако, вы рассуждаете, товарищ Василевский, — подал реплику присутствовавший в кабинете Верховного Анастас Микоян. — У Хрулева две должности, а у меня гораздо больше, и я не

плачусь. Сейчас идет война, и она требует от нас немало сил. Что же, по-вашему, у товарища Сталина меньше работы? Он делает на своем посту столько, сколько делаем все мы, вместе взятые.

Сталин чему-то усмехнулся, качнул головой, но все же не сдержался и заметил:

— Анастас, что это ты расшумелся? Кажется, в адвокаты я тебя не нанимал... А если говорить начистоту, то оценку, которую дал Хрулеву начальник Генштаба, я разделяю полностью. Такой же оценки придерживается и мой заместитель по ГКО Вячеслав Молотов. Конечно, — продолжал верховный, — генералу Хрулеву тяжело, но кому из нас легко?..

«Вот уж никак не ожидал, что по моей персоне чуть ли не дискуссия была», — усмехнулся в душе Хрулев, вспомнив этот разговор, когда ехал в Кремль.

И в этот раз, едва Андрей Васильевич вошел в кабинет, Сталин поднялся из-за стола и пошел ему навстречу. Тепло поздоровался и вдруг спросил, почему у него такое усталое лицо.

— Наверное, ничуть не отдохнули после поездки?

Хрулев кашлянул в кулак, повел бровями, потом взглянул на вождя.

— Прямо с аэродрома поехал на службу, домой даже не успел позвонить, — глухо произнес он. — Разрешите доложить о командировке?

— Поезжайте домой, отдохните с дороги, а в десять вечера мы с Молотовым и Берией заслушаем вас, Андрей Васильевич. — Сталин привычно неторопливо прошелся по ковровой дорожке вдоль стола. — У вас что-то есть ко мне? Да вы садитесь, пожалуйста.

— Просьба есть... — Хрулев хотя и смутился, однако напрямую заявил Сталину, чтобы его заменили на посту наркома кем-то другим. — Тыл Красной армии весьма сложный и чуткий организм, — шумно вздохнул он. — В материально-техническом обеспечении армии и военного флота есть масса вопросов, которые надо решать, особенно теперь, когда идет такая тяжелая война... — Он качнул головой. — Нет, я не справлюсь с этой работой, потому как тыл давит мне на плечи.

Сталин ответил не сразу. Хрулева он знал давно, ценил его как исполнительного военачальника, для которого служба в Вооруженных силах стала смыслом жизни, и, может быть, поэтому Андрей Васильевич относился с полной мерой ответственности к порученному ему участку работы. Он старался проявить инициативу, если дело касалось улучшения материального и технического обеспечения войск армии и флота. Взять, к примеру, последний эпизод с водкой. Раньше личному составу войск действующей армии ее выдавали ежедневно. По мнению генерала Хрулева, это было излишним расточительством. К тому же в отдельных воинских частях и соединениях злоупотребляли этим напитком, на почве пьянства совершались грубые нарушения воинской дисциплины. Генерал Хрулев предложил сохранить ежедневную выдачу водки лишь военнослужащим частей передовой линии, но не всем, а тем, кто имел успехи в боевых действиях на фронте против немецко-фашистских захватчиков, увеличив норму выдачи до двухсот граммов на человека в день.

— Интересное предложение, — улыбнулся в усы Сталин. — А всем остальным бойцам и командирам передовой линии не выдавать водки? — спросил он.

Хрулев тоже улыбнулся, но, увидев строгое лицо верховного, вмиг посерьезнел:

— По справедливости надо решать. Им тоже выдавать спиртное, но лишь по сто граммов и только в революционные и общественные праздники, иначе у сражающихся на фронте не будет стимула.

— Вы, Андрей Васильевич, все подсчитали, как заядлый кулак, — усмехнулся Сталин.

В его голосе Хрулеву почудилась насмешка, но он не придал ей значения, заметив:

— Водка — это народное добро, и его следует расходовать экономно. Как хлеб, как любой другой продукт.

— А сами вы употребляете это народное добро? — спросил Сталин.

— Так, иногда — для поднятия духа!

— Ваше предложение заманчиво, — сказал верховный после минутного раздумья. — Но надо еще посоветоваться с членами Государственного комитета обороны, и если они нас с вами поддержат, так и решим.

«Зря я разоткровенничался в Ставке, — отметил про себя генерал Хрулев. — Сталин еще будет советоваться, а там, глядишь, и загубят хорошее дело». Но каково было его удивление, когда на другой день, ближе к вечеру верховный вызвал его в Ставку и вручил ему Постановление ГКО о порядке выдачи водки войскам действующей армии! Все, что предлагал он, было отражено в документе без каких-либо поправок. Андрей Васильевич чувствовал себя именинником.

— Я рад, Иосиф Виссарионович, что вы поддержали меня.

Теперь вот ГКО, разумеется не без предложения верховного, возложил на Хрулева исполнение еще одной должности — наркома путей сообщения, чему он противился: уж больно хлопотливое дело.

— Так как нам быть? — вновь заговорил генерал Хрулев. — У меня сразу две больших должности, а у кого-то нет ни одной. Если не возражаете, Иосиф Виссарионович, я могу найти вам на эту должность хорошего генерала!

Сталин повел плечами. Что-то в словах Хрулева ему не понравилось, но он не стал уточнять, что именно и почему.

— Андрей Васильевич, — заговорил верховный, поднимаясь из-за стола, — давайте сделаем так. Поработайте еще немного на посту наркома путей сообщения, пока мы не подберем на ваше место другого товарища. Обещаю вам, что постараюсь ускорить это дело.

— Ну, если так, я согласен. — В зеленовато-темных глазах Хрулева заблестели искорки.

— Ну вот мы и разрешили вашу проблему, — усмехнулся Сталин.

В двадцать два ноль-ноль, как и распорядился Сталин, Хрулев прибыл в Кремль. Увидев его, Поскребышев улыбнулся.

— Хозяин уже спрашивал о вас, Андрей Васильевич, — сказал он. — У него Молотов и Берия. Проходите, пожалуйста.

— Ну что, набрались сил после отдыха? — спросил его верховный, приглаживая шершавой ладонью усы. — Тогда мы вас слушаем...

Генерал Хрулев говорил недолго, но предметно, внес конкретные предложения, внедрение которых на производстве ускорит выпуск военной продукции.

— Скажите, Андрей Васильевич, какая серьезная проблема тревожит сейчас Урал? — неожиданно прервал его Сталин.

— Нехватка рабочих рук и материальных ресурсов! — четко ответил Хрулев. — Я был на многих военных заводах, встречался с руководителями и рабочими, беседовал в обкоме партии и убедился в том, что именно по этой причине на Урале еще не налажена работа полсотни крупных эвакуированных предприятий, а ведь они могли бы дать немало военной продукции для Красной армии и Военно-морского флота!

Сталин взглянул на Берия.

— Лаврентий, придется тебя туда послать, — грубовато произнес он. — Кое-кого там надо подтолкнуть к более активной работе, а с кого-то и спросить по законам военного времени.

— А что удалось сделать на Урале? — спросил Молотов.

— Остановить падение объема производства, с марта 1942 года его быстро наращивают, — объяснил Хрулев. — Я думаю, что перевод народного хозяйства на военные рельсы на Урале почти завершился. Теперь мы располагаем слаженным военным хозяйством, которое обеспечит армию и флот в возрастающих размерах производства основных видов вооружения, в частности танков, самолетов, орудий, минометов. Я уже не говорю о боеприпасах. Назову некоторые цифры. Выпуск танков в этом году по сравнению с сорок первым увеличился на 274 процента, самолетов — на 60 процентов. Уже в этом году авиационная промышленность освоила производство 14 новых типов самолетов и 10 авиационных двигателей...

Слушая Хрулева, Сталин подумал: «Хорошо он поработал на Урале, надо послать его и в Сталинград, там много нерешенных вопросов по тылу». Когда Хрулев умолк, он похвалил его:

— Ваша информация, Андрей Васильевич, очень ценная, и я благодарю вас за проделанную работу. — Сталин прошелся вдоль стола и остановился напротив начальника тыла. — У меня родилась дерзкая мысль — послать вас в Сталинград. Как вы?

— Готов улететь туда хоть завтра с утра! — поднялся Хрулев.

— Садитесь, Андрей Васильевич.

И верховный повел с ним доверительный разговор. Суть его была такова: сейчас немцы рвутся на Северный Кавказ, им нужна нефть Грозного, Майкопа и Баку; на их пути, словно гранитный утес, стоит Сталинград, а это важный в промышленном отношении центр, где одни только танки Т-34 составляют почти половину продукции всех заводов.

— Поэтому надо любой ценой отстоять Сталинград, не дать врагу захватить его, — жестко подчеркнул Сталин. — Там уже работает группа из ЦК партии и Наркомата обороны. А теперь и вам надлежит заглянуть туда своими цепкими глазами, посмотреть, всем ли обеспечиваются наши люди, которые ведут смертный бой с фашистами. Как заместитель наркома обороны, — продолжал Сталин, — вы на месте можете решить ряд вопросов. Ну а если что — звоните мне. И еще, товарищ Хрулев. — Он взял со стола трубку и закурил. — В недалеком будущем возникнет возможность решительно изменить обстановку в Сталинграде к лучшему...

Сталин, однако, не стал вдаваться в подробности, но генерал Хрулев и так понял, что готовится контрнаступление.

— Прошу вас обратить особое внимание на работу железнодорожного транспорта, — вновь заговорил верховный. — В глубине европейской части страны, в Сибири и Средней Азии, заканчивается формирование и подготовка крупных резервов Ставки, которые будут сосредоточены под Сталинградом. Эти войска, особенно танковые, и помогут изменить обстановку под Сталинградом в нашу пользу. Сами понимаете, что для переброски резервов Ставки потребуется немало эшелонов. И Наркомат путей сообщения вместе с Генеральным штабом должен это обеспечить. У вас уже была предварительная встреча с Василевским?

— Была, товарищ Сталин, мы условились с ним продолжить этот разговор. Он вам разве не сообщил об этом?

— Он сделает это после возвращения из Сталинграда, — пояснил верховный. — Пока он там как

представитель Ставки.

(Как и обещал И. В. Сталин, в апреле 1943 года он освободил генерала Хрулева от должности наркома путей сообщения, дав ему возможность всецело сосредоточиться на работе тыла Красной армии. Хозяйство у Хрулева было большое и хлопотное. Но Сталин был доволен его работой. Правда, однажды вождь был в гневе и едва не наказал Андрея Васильевича. А дело было так. В июне 1945 года указом Президиума Верховного Совета СССР в Вооруженных силах ввели высшее воинское звание Генералиссимуса Советского Союза. Тогда же это звание присвоили И. В. Сталину. Ему срочно сшили форму генералиссимуса, и начальник тыла Красной армии генерал армии Хрулев одобрил ее. Теперь следовало доложить об этом Сталину. С этой целью главный интендант генерал-полковник Драчев надел эту форму. Мундир был сшит по модели времен Кутузова, с высоким стоячим воротником. Брюки сшили по современному, но с позолоченными лампасами. О новой форме для генералиссимуса Сталину доложил Хрулев и попросил у него разрешения показать ее.

— Давайте, — улыбнулся Сталин. — Вот и Генштаб посмотрит.

В кабинете вождя кроме членов Политбюро находились начальник Генштаба генерал армии А. И. Антонов и начальник Оперативного управления Генштаба генерал С. М. Штеменко. В кабинет вошел генерал Драчев в форме генералиссимуса. «Сталин окинул его беглым взглядом, — вспоминал генерал армии Штеменко. — Видимо, он догадался, что это за форма».

— Кого вы собираетесь так одевать? — спросил он А. В. Хрулева, слегка кивнув головой в направлении главного интенданта.

— Это предлагается форма для генералиссимуса, — ответил А. В. Хрулев.

— Для кого? — спросил Сталин.

— Для вас, товарищ Сталин.

Верховный главнокомандующий велел Драчеву удалиться, а сам, не стесняясь присутствующих, разразился длинной и гневной тирадой. Он протестовал против особого внимания к его личности, говорил, что это неумно, что никак не ожидал этого от начальника тыла». — А.З.)

Что же происходило в это время в стане противника и что делал Гитлер, когда ему докладывали сводку боевых действий вермахта в районе Сталинграда? Он уже трижды назначал сроки взятия города, но Сталинград продолжал сражаться. Порой фюрер приходил в ярость, когда ему сообщали о неудачах войск вермахта, сыпал упреки в адрес своих генералов. Ему было не понять, почему русские так упорно обороняются, что заставляет их в бою жертвовать своими жизнями. Парадоксально, но фюрер этого действительно не мог понять.

«У русских нет столько танков, сколько их имеет Паулюс, — думал Гитлер. — Порой русские с винтовками идут в атаку на наши танки и поджигают их бутылками с зажигательной смесью. Нет, это не люди, а фанатики!..» Вчера у фюрера была беседа с фельдмаршалом Кейтелем, начальником штаба Верховного главнокомандования вермахта — ОКВ. Естественно, речь зашла прежде всего о Сталинграде, где вермахт за время летних боев понес ощутимые потери.

— Вильгельм, как мой ближайший советник скажи, почему до сих пор генерал Паулюс, которого мы обожаем как умного стратега и мыслящего тактика, никак не может взять Сталинград? — спросил фюрер фельдмаршала. Он сцепил пальцы обеих рук и неподвижно стоял перед Кейтелем, сверля его острым взглядом серых глаз. — Может, мы переоценили способности Фридриха? И зря наградили за окружение русских войск маршала Тимошина под Харьковом...

— Мой фюрер, — прервал его Кейтель, — не Тимошин: такого маршала у русских нет, есть маршал

Тимошенко, приближенный Сталина.

— Какая разница, кто он? — вскинулся Гитлер, теребя тонкими пальцами свои колючие усы. — Главное в том, что его разбили под Харьковом. И сделал это генерал Паулюс. Я наградил его рыцарским крестом, лично поздравил телеграммой, а он нас подводит! Уже почти два месяца его армия топчется у стен города. Это позор, Вильгельм, и, кажется, у меня лопнет терпение ждать, когда над Сталинградом затрепещет наш флаг со свастикой. — Гитлер тяжелыми шагами прошелся по кабинету. — Почему ты молчишь, Вильгельм?

Кейтель снял монокль и стал протирать стекло платком.

— Я размышляю, мой фюрер, — произнес он тихо, словно не хотел, чтобы его слышали другие, кроме фюрера. — Сам удивлен, отчего вдруг скромничает Паулюс, давно пора ему разделаться с красным городом. По моим данным, его обороняют лишь две армии русских — 62-я генерала Чуйкова и 64-я генерала Шумилова.

— Кто эти генералы? — громче обычного крикнул Гитлер. — Паулюс разбил войска самого маршала Тимошенко, а с малоизвестными двумя генералами Фридрих никак не может справиться! Они сдерживают порыв лучшей армии вермахта! А ведь в июне на совещании в Полтаве, где мы отработывали общий план летнего наступления на германо-советском фронте, фельдмаршал фон Бок заявил, что 6-я армия Паулюса по достижении Дона выполняет чисто оборонительную задачу, но она должна быть готова на возможно широкое продвижение на восток. Фридрих принял это как должное и слова не обронил. А что теперь? Я не понимаю, что мешает ему взять город!

Кейтель заговорил о том, что генерал Паулюс намерен был с ходу взять русский город, но ему это не удалось. Мощное сопротивление русских в боях западнее Дона сорвало его планы, остановило продвижение 6-й армии. И этого было достаточно, чтобы русские успели свежими силами укрепить свою оборону.

— На этом совещании, мой фюрер, — вновь заговорил Кейтель, — вы заявили, что Красная армия русских почти разбита, она уже не может представлять для нас серьезную угрозу и оказать войскам вермахта достойное сопротивление. Но уж если вы, мой фюрер, так оценили обстановку в районе Сталинграда, то мог ли Паулюс возражать вам и поступать иначе?

Гитлер усмехнулся в усы:

— Вильгельм, так это же правда. Или у тебя другое мнение?

Кейтель снова надел монокль.

— Тогда вы сказали истину, мой фюрер, но прошло некоторое время, и русским удалось подбросить к городу новые силы, а Паулюс почему-то этого не обнаружил. Разведка, наверное, прозевала.

Гитлер едва не выругался, лицо его исказила недовольная гримаса.

— Не обнаружил... — сердито протянул он. — А чем занималась его армейская разведка? — Он прошелся вдоль стены, на которой висела карта Сталинградской области. На ней были четко видны все промышленные объекты, а Сталинградский тракторный завод обведен черным кружочком. Это означало, что его надлежало полностью уничтожить. — Покажи, Вильгельм, где сейчас находятся главные силы Паулюса.

Взяв со стола тонкую палочку, Кейтель подошел к карте. Острием он ткнул в черный крестик, обозначающий Мамаев курган.

— Паулюс захватил эту высоту, которая находится неподалеку от вокзала, — пояснил Кейтель.

Высокого роста, он чуть согнулся в плечах, словно на них давила тяжесть фронтовых дел.

— И что же теперь? — спросил его Гитлер. — Говори, ты же мой главный советник!

Насмешка, прозвучавшая в голосе фюрера, не смутила Кейтеля. Будь он на месте Паулюса, сказал фельдмаршал, то взял бы курс прямо к Волге и разбил все причалы, чтобы русские не смогли присылать в Сталинград подкрепления: ведь они питают свои две армии, на место погибших в сражениях приходят новые люди.

— Я уверен, мой фюрер, что Паулюс так и поступит, — подчеркнул Кейтель, — иного пути у него нет. Теперь Мамаев курган, эту стратегическую высоту, он никому не отдаст, приди туда хоть сам генерал армии Жуков. За время передышки Фридрих хорошо подготовится и нанесет мощный удар, для русских, вероятно, он станет последним. Ему очень нужна Волга с ее причалами, чтобы ни один корабль русских не подошел к правому берегу.

Гитлер долго молчал, размышляя у карты. Потом подошел к столу, взял черный карандаш и нанес грубый крест на кружочек, обозначавший Сталинград.

— Возможно, ты и прав, Вильгельм, — грустно произнес он, глядя на фельдмаршала. — Бои Паулюс ведет медленно, черепашьими шагами, и меня это злит. Ведь мы на сегодня так и не выиграли битву на Кавказе, хотя продвинулись наши войска в том направлении далеко. Однако наши отборные войска застряли на Тереке и перевалах Кавказского хребта. Так что пока Баку и Черноморское побережье нам не видать как своих ушей, и поверь, Вильгельм, мое самолюбие уязвлено.

— Мой фюрер, там такие горы и ущелья, что наши танки беспомощны, они лишены самого малого маневра, — попытался успокоить фюрера Кейтель. — В основном туда нам следовало посылать горные войска, которых там очень мало.

Гитлер, привычно задрав подбородок и вытянув вперед нос, словно что-то вынюхивал, глядел на карту, потом вдруг обернулся к фельдмаршалу и спросил, есть ли у него надежная связь со штабом 6-й армии.

— Да, такая связь у меня есть, мой фюрер, — подтвердил Кейтель. — Вам нужен генерал Паулюс? Могу вызвать его на связь, если прикажете.

Гитлер какое-то время молчал, раздумывая, надо ли ему сейчас говорить с Паулюсом, не лучше ли позже вызвать его в свою Ставку и поговорить с глазу на глаз. Да, пожалуй, он так и поступит.

— Нет, Вильгельм, — резко бросил он. — В начале сентября я полечу в Винницу, в свою штаб-квартиру, поближе к Сталинграду, и вызову к себе фон Вейхса и генерала Паулюса. Первый доложит мне о своей армейской группировке «Б», а второй охарактеризует положение войск 6-й армии под Сталинградом. И ты полетишь со мной.

— Мой фюрер, я готов вас поддержать в любом деле, — отозвался фельдмаршал Кейтель.

Утром 12 сентября Гитлер со своей свитой, в которую вошли военачальники Кейтель, Йодль, начальник штаба сухопутных войск Гальдер, начальник оперативного отдела ОКХ Хойзингер и генерал-квартирмейстер ОКХ Вагнер, прибыли в Ставку неподалеку от Винницы.

Едва они вошли в дом, как Гитлер открыл форточку, чтобы было не так жарко, подошел к Кейтелю и сказал, чтобы тот вызвал сюда командующего группой войск армий «Б» фон Вейхса и генерала Паулюса.

— Пока мы позавтракаем и отдохнем с дороги, оба должны быть здесь, — предупредил Гитлер.

— Будет исполнено, мой фюрер! — Кейтель направился в комнату дальней связи, где находились аппараты. Там фельдмаршал был недолго, вышел с улыбкой на худощавом лице. — Они вылетают, мой

фюрер, — сказал он и тоже сел к столу, на котором уже дымился пахучий чай, а на подносе лежали бутерброды с ветчиной и красной икрой.

Съев бутерброд, Кейтель, глядя на сидевшего напротив фюрера, произнес:

— Очень вкусная икра! Кто вам ее доставил, мой фюрер?

— Манштейн привез, когда взял Севастополь, — пояснил Гитлер. — Пожалуй, это самое ценное, что он нашел в городе после его падения. Я разрешил ему отправить часть этого дорогого груза на летевшем в Берлин самолете для своих родных и близких. Манштейн это заслужил, он прекрасно проявил себя в боях в Крыму...

Прибыли те, кого так жаждал услышать Гитлер. В его кабинет вошел фон Вейхс, следом за ним — генерал Паулюс. Фюрер встретил их с улыбкой. В его глазах появились искорки.

— Ну, господа непобедимые полководцы, чем порадуете своего фюрера? — в шутовском тоне спросил их Гитлер, пожимая тому и другому руки. Погасив улыбку, он посерьезнел и продолжал: — Затянули вы оба операцию по захвату Сталинграда. Небось вождь русских, в честь кого назван город, сейчас сидит в Кремле и смеется над нами: мол, слабаки эти немцы, не взять им моего города! Пусть он смеется над вами, господа хорошие, но только не надо мною. Я для вас сделал все, что следовало, теперь ваша забота порадовать меня победой над противником. Это то, чего так ждет мое разбитое сердце. Что скажешь, фон Вейхс?

Генерал поспешно поднялся с места.

— Мой фюрер, — заговорил он слегка писклявым голосом, — что я хочу вам сказать! При планировании операций на летнее время мы не учли важный момент — силу русских. Они очень упорно обороняются, и лишь поэтому наши войска в боях понесли большие потери. В дивизиях осталась половина солдат и офицеров, а восполнять наши потери нечем. У меня стало вдвое меньше танков, да и те использовали максимум своих ресурсов, часть их надо уже теперь ремонтировать. — Он сделал паузу. — Да, танки — вот что мне нужно в первую очередь. Русские боятся наших танков, хотя и пожгли их немало, разумеется от отчаяния что не могут нас одолеть.

— А где нам взять танки, если вы их так легко и быстро теряете? — бросил реплику Кейтель и перевел взгляд на Гитлера: — Мой фюрер, у русских танков совсем мало, но они настойчиво обороняются, хуже того, нередко сами контратакуют. Фон Вейхс по телефону мне сам об этом говорил... Значит, не все дело в танках, надо лучше воевать, а не бежать с поля боя, едва русские «катюши» дадут залп.

— Вильгельм, ты выразил мои мысли, — повеселел Гитлер. — У нас есть люди, которые переходят на сторону русских, боятся потерять в бою свою шкуру. Таким солдатам и Германия не родина, им только бы жить в свое удовольствие. Есть, наверное, такие вояки и в 6-й армии Паулюса. Я считаю, что тянуть со взятием Сталинграда — значит вредить себе, дать возможность противнику принести войскам вермахта серьезные потери, чего допустить мы никак не можем, если хотим победить большевиков. Я считаю, что десять суток хватит, чтобы покончить со Сталинградом. — Фюрер подошел ближе к Паулюсу. — Я слушаю вас, Фридрих!

— Мой фюрер, — заговорил Паулюс слегка дрогнувшим голосом, — немецкий фронт под Сталинградом значительно ослаб после понесенных потерь. Война есть война, и обе стороны — мы и противник — несут потери. Я не знаю, какие точно потери у русских, но у нас они огромные. Раньше я не имел таких в боях. Наибольшая опасность сейчас возникла на левом фланге 6-й армии. Вы же знаете, что там находятся итальянские войска, войска других наших союзников, и сражаются они весьма слабо. К ним нужно послать немецкие войска, тогда пользы от наших союзников будет больше. Но у меня нет таких войск, я сам нуждаюсь в подкреплении.

— О том, что наши союзники не научились воевать, я и сам знаю, — сдержанно заявил Гитлер, что-то отмечая в своем рабочем блокноте. — Но теперь иного выхода у нас нет. На эту тему можно говорить долго и правдиво, но я желал бы знать, когда вы наконец возьмете Сталинград? Для меня, для всей Германии важно, чтобы это произошло как можно скорее.

Паулюс какое-то время молчал, словно подсчитывал в уме, сколько еще пройдет дней, пока его войска не покорят весь город. Гитлер терпеливо ждал, то и дело бросая косые взгляды на своего любимца. Правый глаз у него дергался, огоньки в глазах угасли, они помутнели, словно их накрыла пелена тумана. Во взгляде фюрера виделся такой укор, что Паулюс невольно отвел свои глаза в сторону. Он очень уважал Гитлера, преклонялся перед ним, считал его великим стратегом, как не раз говорил об этом своим коллегам. Однако все это его ничуть не смущало, и он прямо и открыто заявил:

— Мой фюрер, войска донельзя измотаны боями, они понесли тяжелые потери, каких раньше у нас не было. И что удивительно, русские не ослабили свои атаки, они наращивают их, и нам с трудом дается каждый метр русской земли. Сейчас в основном идут уличные бои, и русские сражаются до последнего. Если раньше их солдаты сдавались в плен, то теперь это редкое явление.

— Чем вы это объясните? — сухо спросил Гитлер.

— Наверное, они чувствуют свою силу, надеются, что Красная армия одержит над нами верх.

— Я так и не услышал от вас, когда возьмете Сталинград, — грубо прервал его Гитлер. — А то, как упорно сажаются русские, мне знать неинтересно. — И уже мягче добавил: — Если вы не уверены в победе на Волге, так и скажите, и мы решим вашу судьбу. Кстати, сколько вам надо дивизий, чтобы смять оборону русских в городе?

Лицо у Паулюса посветлело.

— Хотя бы три боеспособных дивизии, мой фюрер, — повеселевшим голосом ответил генерал.

— Хорошо, я решу вашу проблему, — сказал Гитлер.

В разговор вмешался Франц Гальдер, у которого в 1940 году Паулюс был заместителем начальника Генштаба и которого он ценил. Сейчас ему хотелось хоть как-то помочь молодому и талантливому военачальнику, и он заявил, что эти три дивизии нелегко изыскать, но, будь они в резерве, быстро перебросить их в район Сталинграда нечем.

— Мой фюрер, у меня есть другое предложение...

Гальдер подошел к карте, висевшей на стене.

— Южнее Сталинграда, вот здесь, — он ткнул карандашом в точку на карте, — расположена 4-я немецкая армия Гота, ее вполне можно отдать в распоряжение Паулюса.

— Это было бы для меня хорошим подспорьем, — улыбнулся Паулюс, устремив взгляд на фюрера.

Гитлер, однако, почему-то промолчал.

Еще накануне совещания начальник Генштаба сухопутных войск генерал Гальдер сделал в своем дневнике такую запись: «У Сталинграда отрядные успехи в наступлении на северном участке — успешное отражение атак противника». А после совещания он коротко записал: «Доклады у фюрера прошли в ледяной атмосфере». Но Паулюс все еще надеялся, что фюрер поможет ему с резервами. Наверное, об этом он сообщит ему завтра, решил генерал.

На другой день с утра совещание было продолжено. Разговор снова коснулся положения немецких войск в районе Сталинграда. Но теперь Гитлер напомнил генералам и об Астрахани.

— Я хочу предупредить вас, что удар на Астрахань не отменяется, — заявил он. — Мы начинаем его готовить. Тем не менее меня насторожил левый фланг 6-й армии. Надо не допустить, чтобы русские нанесли по нему удар, для чего уже сейчас важно срочно оборудовать оборонительные позиции на Дону западнее южнее Воронежа. Промедление в этом деле может сыграть с нами злую шутку.

Фон Вейхс и генерал Паулюс согласились с ним. В развитие этого вопроса оба предложили не пытаться полностью захватить Сталинград до берега Волги, но разрушить его так, чтобы он потерял себя как центр военной промышленности и узел коммуникаций. А разрушить город до основания нетрудно с помощью авиации и обстрела из орудий. Гитлер не выразил свою поддержку их предложения, но подписал директиву, в которой приказывал группе армий «Б» подготовить «среднее решение» вопроса о начертании линии фронта, куда непременно войдет и Сталинград.

Ранее, 3 июля, Гитлер со своей свитой уже прилетал в Полтаву. Здесь его ожидал генерал-фельдмаршал Федор фон Бок, с которым фюрер часто консультировался по военным вопросам. У фон Бока был весьма богатый опыт в проведении операций на фронтах. Он участник Первой мировой войны, с 1935 года командовал корпусами и армией, во время Второй мировой войны — группой армий «Север» в польской кампании и группой армий «Б» во французской кампании. С первых дней нападения фашистской Германии на Советский Союз фон Бок был на фронте. Вначале он командовал группой армий «Центр», с января 1942 года — группой армий «Ю» и «Б». Он был одним из тех, кто вел себя с Гитлером просто, не ел фюрера глазами, не угодничал перед ним, потому что знал себе цену. Над генералом Паулюсом он шефствовал, однако раньше других заметил его талант видеть в любой проводимой им операции главное, за что и ценил младшего коллегу.

Выйдя из самолета, Гитлер пожал фон Боку руку и спросил:

— Какова обстановка на юге?

Генерал-фельдмаршал четко и коротко доложил фюреру о действиях подчиненных ему войск, заметив что лично он ходом событий пока доволен, хотя и есть в этом деле неудачные моменты, но они настолько незначительны, что не могут затмить главное: его армии храбро сражаются на фронте, несут гораздо меньше потерь, чем войска Красной армии. У Гитлера было хорошее настроение, и слова фон Бока были для него едва ли не музыкой. А порадовал фюрера Манштейн, который наконец захватил Севастополь — главную базу русских на Черном море и в Крыму. Гитлер щедро отблагодарил своего выдвиженца за его большой вклад в битву за Крым, присвоив ему звание фельдмаршала. Теперь же Гитлер прибыл в Полтаву, чтобы поговорить с ним о дальнейшем продвижении войск вермахта на Кавказ, и, когда выслушал его доклад о сложившейся обстановке в донской излучине к юго-востоку от Воронежа, откуда русские войска способны ускользнуть, выразил свое беспокойство.

— Если вам удалось окружить хотя бы одну армию противника, — вслух рассуждал Гитлер, — то надо сразу же уничтожать ее, а не ждать, пока другие армии русских ее выручат.

— Мой фюрер, я так и поступаю, — подтвердил фон Бок. — Вы же знаете, кого-кого, а большевиков я люто ненавижу. Их и комиссаров я приказываю сразу же расстреливать на месте. Это нелюди-фанатики, и мы их не перевоспитаем.

Гитлер улыбнулся и качнул головой в знак удовлетворения услышанным. Он приказал фон Боку форсировать бои за Воронеж.

— Для этого я оставляю вам один танковый корпус, — жестко сказал он. — А остальные танковые соединения велел отправить на юг в распоряжение штаба армии Гота.

— Мой фюрер, одного танкового корпуса мне недостаточно, — возразил фон Бок, но Гитлер свел его возражение к шутке.

— Федор, ты ведь не крокодил, чтобы лить слезы?! — ухмыльнулся он. — Я привык видеть на твоём мужественном лице улыбку.

Позже выяснилось, что решение, принятое фюрером, было ошибочным. Взять в кольцо наши войска в районе Воронежа немцы не смогли, и фон Бок потерпел фиаско.

«Как бы не случилось подобное со мной под Сталинградом», — недобро подумал сейчас генерал Паулюс.

— Мой фюрер, а как быть с моей просьбой выделить для 6-й армии подкрепления? — спросил он, глядя на Гитлера, все еще стоявшего у оперативной карты.

— Разве я не сказал? — смутился Гитлер. — Я велел Готу выделить из своей 4-й танковой армии три дивизии и передать их в ваше распоряжение. Но теперь мы удлиним фронт для вашей армии на юг, чтобы Сталинград находился в районе действий 6-й армии. Надеюсь, вы не возражаете?

— Нет, мой фюрер, — вздохнул Паулюс. Глядя на стоявшего рядом фон Вейхса, он попросил его, чтобы эти три дивизии были срочно направлены к нему.

— Не беспокойся, Фридрих, я заинтересован в этом не меньше тебя, — заверил его фон Вейхс. — Красный город будет у ног фюрера, мы должны сделать это, чего бы нам ни стоило. Ты будешь собирать в штабе своих старших офицеров?

— Да. Надо же довести до их сведения те задачи, которые поставил перед нами фюрер, — ответил Паулюс.

— Тогда и я заскочу к вам, чтобы принять в этом участие. — Фон Вейхс слегка улыбнулся, отчего лицо его приняло веселое выражение.

Гитлер подошел к ним, смерил Паулюса насмешливым взглядом.

— Что, не все русские генералы вам по зубам? — с ехидцей спросил он командарма 6-й.

Паулюс не успел что-либо ответить, как заговорил Кейтель.

— Мой фюрер, в этом Фридрих сам виноват, усмехнулся он. — В тридцатые годы Паулюс служил в Генштабе, учил красных генералов умению воевать. Среди этих людей был и маршал Егоров, наиболее талантливая личность в Красной армии. Не так ли, Фридрих?

— Маршал Егоров был примерным слушателем, — подтвердил Паулюс. — Он как-то рассказывал, что в Гражданскую войну командовал войсками Южного фронта, которые обороняли от белогвардейцев Царицын, а Сталин был членом Реввоенсовета этого фронта. Оба помогли Семену Буденному в декабре 1920 года создать 1-ю Конную армию.

— А где сейчас маршал Егоров? — спросил генерал Гальдер.

— Его расстреляли по приказу Сталина еще до войны, — грустно ответил генерал Паулюс.

Закрывая совещание, Гитлер пожелал генералам успехов в сражении с русскими.

— Я очень желаю, чтобы цитадель большевиков — бывший Царицын — наконец-то пала, — подчеркнул Гитлер. — Красная армия истощена боями и уже не представляет большой угрозы для войск вермахта, так что вы без особого труда захватите Сталинград. Нужен еще один крепкий удар по русским, и город будет наш.

— Да, мой фюрер, нужен еще один крепкий удар по русским, и они будут разбиты! — поддержал фюрера Кейтель.

Вечером 13 сентября генерал Паулюс после совещания в Полтаве вернулся в штаб 6-й армии. Его

встретил генерал Шмидт и доложил, что в отсутствие командующего в армии ничего негативного не случилось: русские атак не вели, «мы тоже отдыхали».

— Как поездка, Фридрих, удалась? — спросил он. В серых глазах Шмидта был холодный блеск.

— Гитлер по моей просьбе выделил в наше распоряжение три дивизии из 4-й танковой армии Гота, хотя я просил фюрера отдать нам всю армию, — сообщил Паулюс.

— Негусто, Фридрих, — сквозь зубы процедил генерал Шмидт. — Этими тремя дивизиями русских не запугаешь. — Он сел рядом с командармом. — Наверное, фюрер сыпал в адрес 6-й армии упреки за то, что мы все еще не взяли Сталинград?

— Было такое, — устало произнес Паулюс. Видно было, что поездка утомила его, лицо осунулось и посерело. Командарм распорядился, чтобы завтра к десяти утра начальник штаба собрал руководящий состав армии. — Я доложу им о совещании в Ставке фюрера, о его требованиях к 6-й армии и о тех задачах, которые он поставил перед нами. Главная из них — как можно скорее взять Сталинград.

— Это будет непростым делом, — заметил генерал Шмидт.

— Я сам знаю, но приказ Гитлера надо выполнять, иначе чего мы стоим как военачальники?..

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Крепит Отчества любовь

Сынов российских дух и руку.

М. Лермонтов

1

Сталинград, октябрь 1942 года.

В октябре похолодало, чувствовалось приближение зимы. Но передышки в сражениях под Сталинградом и в самом городе не наступило, бои еще более разгорались. Гитлеровцы всей мощью навалились на войска 62-й армии генерала Чуйкова. Командующий фронтом генерал Еременко был весьма обеспокоен. Выстоят ли бойцы Чуйкова? Его армия понесла большие потери, а восполнить их пока нечем. Едва подумал об этом, как позвонил Чуйков. Его доклад не обрадовал Андрея Ивановича: Мамаев курган отбить у врага не удалось, немцы контролируют и выходы к реке в районе тракторного завода и устья Царицы. Движение по Волге они держат под постоянным огнем.

— У нас, товарищ командующий, создалось критическое положение, — глухо звучал в телефонной трубке голос Чуйкова. — Из разбитых домов почти в упор расстреливаем фашистов, а они, пьяные, прут на нас валом...

Выслушав Чуйкова, генерал Еременко заявил:

— Я немедленно еду к вам в штаб! Хочу все увидеть своими глазами, поговорить с комдивами...

— Что вы, товарищ командующий! — громким голосом прервал его Чуйков. — Это путешествие очень опасно. Чтобы попасть к нам, надо плыть по Волге под ураганным огнем врага с десятков километров да пройти еще берегом километра четыре. Чертовски рискованно, поверьте мне. Я боюсь за вас, Андрей Иванович.

— Ты меня не пугай, Василий Иванович, — остудил пыл командарма Еременко. — Тебе, надеюсь, известно, что человек я битый, — насмешливо добавил он. — До встречи!

Положив трубку, он пригласил к себе своего заместителя генерала Попова, недавно назначенного Ставкой на Сталинградский фронт, и сообщил ему о звонке командарма 62-й армии.

— Маркиан Михайлович, давайте вместе съездим в штаб Чуйкова, — сказал Еременко. — У них сложилась тяжелая ситуация, и надо поддержать людей, поднять моральный дух, поговорить с командирами.

Генерал Попов был немногословен, лишь спросил:

— Когда едем?

— Я переговорю с начальником штаба фронта, и махнем.

День 16 октября выдался прохладным. Сквозь грязно-серые тучи тускло светило солнце. Генералы Еременко и Попов прибыли на КП Волжской военной флотилии. Их встретил командующий флотилией контр-адмирал Рогачев, с которым Еременко уже встречался, когда в июле Волжская военная флотилия была передана в подчинение Сталинградского фронта. Он отдал командующему фронтом рапорт.

— Как вы тут живете, Дмитрий Дмитриевич? — улыбнулся Еременко, пожимая ему руку.

— Помогаем армейцам бить фашистов, Андрей Иванович, — тоже улыбнулся Рогачев. — Вот только что прибыл с отдаленного участка фронта. Там мы высадили на берег морских пехотинцев. Пока шли по Волге, нас бомбили «юнкеры», а с правого берега обстреляли из орудий и крупнокалиберных пулеметов В борту корабля несколько дыр от пуль и осколков, но как видите, я жив-здоров, правда, ранен один моряк.

— А я к вам с просьбой: мне нужен бронекатер. Хочу проскочить на КП командующего 62-й армией генерала Чуйкова. По Волге надо будет пройти до десяти километров, а от берега до КП командарма идти

еще метров пятьсот. Тяжко им там сейчас, нужно поддержать их боевой дух.

— Могу дать в ваше распоряжение, товарищ командующий, и два бронекатера, но не советую идти по Волге днем, — озабоченно сказал адмирал Рогачев. — Теперь вся Волга вдоль правого берега, где идут бои, находится под огнем врага. Вчера немцы потопили наше судно. Нет, идти сейчас туда опасно. К чему рисковать?

Генерал Еременко словно не слышал то, о чем предупреждал его адмирал, и жестко произнес:

— Подготовьте мне бронекатер!

«Упрямый генерал», — пронеслось в голове Рогачева.

— Есть! — тихо отозвался он и добавил: — А второй бронекатер будет вас сопровождать.

— Не надо меня сопровождать, — с горячностью оборвал адмирала генерал Еременко и уже мягче добавил: — Ни к чему охрана. Если погибнет корабль от вражеского огня, то один — зачем же терять второй? — Командующий фронтом вдруг улыбнулся.

Рогачев не понял, то ли шутит он, то ли говорит всерьез, и все же рискнул дать ему совет:

— Тогда вам лучше выехать позже, когда начнет темнеть. По опыту знаю, что в такое время фрицы меньше постреливают. А пока приглашаю вас посмотреть наши корабли, встретиться с краснофлотцами, поговорить с командирами кораблей и судов. Если желаете, на моем флагманском корабле перекусите на дороге. Да и «наркомовская» у меня найдется. По рюмашке можно... Ну как?

Генерал Еременко посмотрел на своего заместителя.

— Может, согласимся, Маркиан Михайлович? — спросил он. — Признаться, я еще не обедал.

— И я тоже, — обронил генерал Попов.

— Ладно, моряк, мы в твоём распоряжении, — улыбнулся Еременко.

После обеда командующий фронтом посетил боевые корабли, ближе узнал жизнь моряков, по душам побеседовал с ними и призвал их «беспощадно уничтожать гитлеровцев».

— Сталинград — это клятва на верность Родине, и сражаются за него наши войска мужественно и храбро, совершая подвиги, — подчеркнул генерал Еременко. — Товарищи краснофлотцы, мы должны отстоять наш славный город, как отстояли его в годы Гражданской войны царицынские рабочие дружины. Но к вам у меня нет претензий, — продолжал командующий фронтом. — Я очень доволен действиями моряков Волжской флотилии, о чем докладывал Верховному главнокомандующему. И на Волге, и на суше моряки сражаются выше всяких похвал. Спасибо вам за это, краснофлотцы! Народ не забудет ваши подвиги!

Уходя, генерал Еременко попросил контр-адмирала Рогачева завтра утром после подъема военно-морского флага всем краснофлотцам от его имени объявить благодарность за мужество и отвагу, проявленные в боях с фашистами.

— Будет сделано, товарищ командующий фронтом! — четко отрапортовал контр-адмирал Рогачев.

Солнце скатилось за горизонт, небо стало набухать темнотой, чайки, которые еще недавно носились над кораблями, улетели на ночлег. Начало смеркаться. Корабль с находящимися на его борту генералами Еременко и Поповым отдал швартовы и взял курс на Сталинград. Командир бронекатера подошел к генералу Еременко и предложил спуститься в кубрик.

— На верхней палубе находится опасно, особенно когда немцы откроют по кораблю огонь.

— Хорошо. Вам лучше знать, где нам находиться, — улыбнулся Еременко. — Проводите нас,

пожалуйста!

Расстояние в десять километров прошли без происшествий. Правда, как и предупреждал гостей контр-адмирал Рогачев, вскоре после того как корабль вышел из истока Ахтубы, его обстреляли из орудий. Но снаряды взрывались далеко от бронекатера, который бежал по воде зигзагами, не давая противнику возможности вести по нему прицельный огонь.

Бронекатер сбавил ход, лихо повернул вправо и подошел к причалу завода «Красный Октябрь». Генералы Еременко и Попов в сопровождении автоматчиков из батальона охраны штаба фронта сошли на берег. Вся земля тут была изрыта воронками от снарядов и мин, и прибывшие с трудом пробивались сквозь груды камней и колючую проволоку. То там, то здесь все еще дымились разрушенные дома. Где-то на северной стороне шел бой, слышались далекие орудийные залпы, взрывы бомб и снарядов. Небо пересекали красные и белые ракеты, трассирующие пули яркими огоньками уносились с земли в неведомую высь. Звезды холодно мерцали в густо-синем небе.

«Далекие и таинственные миры», — усмехнулся в душе Андрей Иванович, глядя на Млечный Путь.

— Кажется, нам уже недалеко, — тихо обронил адъютант генерала Еременко, хорошо знавший, где располагается штаб 62-й армии.

Находился штаб в районе завода «Баррикады» в старой штольне, метрах в пятистах от берега Волги. Показался в темноте и командный пункт армии, и, хотя уже было темно, осветительные ракеты на парашютах, сбрасываемые немецкими «юнкерсами», освещали все окрест.

На КП генерала Чуйкова не оказалось. Командующего встретил рапортом начальник штаба генерал Крылов. Здесь же был и член Военного совета дивизионный комиссар Гуров.

— А где командарм? — спросил начальника штаба Еременко, снимая кожаное пальто.

— Василий Иванович Чуйков пошел встречать вас, — пояснил Крылов. — Но, видимо, в темноте он с вами разминулся.

Не успели гости освоиться в блиндаже штаба, как прибыл генерал Чуйков.

— Я не знал, что ваш бронекатер встанет у разбитого причала, а искал вас у пристани завода, — смущенно проговорил Чуйков. Поздоровавшись с генералами, он добавил: — Я рад, что вы прибыли, Андрей Иванович и Маркиан Михайлович. Признаюсь, боялся, как бы враг не атаковал ваш корабль. Хорошо, что все обошлось. С чего желаете начать работу? Если не возражаете, товарищ командующий, начальник штаба генерал Крылов доложит вам обстановку, а потом обговорим ряд вопросов, касающихся укрепления армии, иначе нам тут не выстоять.

— Подходит! — коротко бросил Еременко.

То, о чем говорил начальник штаба Крылов, командующему фронтом было известно из донесений. Ему хотелось знать подробности того, как гитлеровцам удалось взять тракторный завод.

— Все просто, Андрей Иванович, — начал объяснять Чуйков. — Наши бойцы долго оборонялись, но враг бросил на них несколько десятков танков и несколько сот человек пехоты, а перед этим их забросали бомбами «юнкерсы» и пришлось отойти.

— Кто оборонял завод? — спросил Попов.

— 37-я гвардейская дивизия, — ответил Чуйков и кивнул на сидевшего за столом генерала Желудева: — Вот он и доложит вам, как все было.

Генерал встал. Невысокого роста, широкоплечий, он неловко помялся, кашлянул в кулак и наконец глухо заговорил:

— Моя дивизия, товарищ командующий, почти вся полегла, сражаясь за тракторный завод. От дивизии в живых осталась горстка людей. Бойцы стояли насмерть, никто и шага не сделал назад. В атаку на моих гвардейцев шло полторы сотни танков, за ними волна за волной пехота, с воздуха бомбили «юнкеры», они буквально засыпали нас бомбами. Все вокруг горело, дымилось, но ни один боец не оставил боевую позицию. Там ребята и остались лежать... — Голос у генерала дрогнул, его глаза повлажнели, казалось, из них вот-вот брызнет скупая мужская слеза.

У Еременко вырвалось:

— Да, война неумолима, а враг жесток и коварен!

После этого генерал Еременко поговорил с командирами 95-й и 138-й стрелковых дивизий, командные пункты которых находились рядом с КП фронта. Он высказал им ряд советов по укреплению войск, потребовал усилить удары по врагу, выслушал, какие проблемы их волнуют. А с комдивом 37-й гвардейской Андрей Иванович побеседовал по душам: Желудев остро переживал потерю своих людей во время боев за тракторный завод.

— У всех вас, товарищи, характеры твердые и ваши руки крепко держат оружие, — подытожил Еременко. — Но враг еще силен, и он не отказался от мысли захватить Сталинград. Но мы не позволим ему сделать это.

— Пока мы живы, врагу нас не одолеть, — подал реплику слегка повеселевший генерал Желудев.

Андрей Иванович хотел побывать на КП генерала Родимцева, чьи бойцы храбро проявили себя в боях. Но было уже поздно, пора было возвращаться на КП фронта, а Родимцев находился далеко от него. Андрей Иванович переговорил с ним по телефону. Комдив был рад услышать голос своего командующего и не скрывал этого. Генерал Еременко был для него кумиром, у которого было чему поучиться, хотя сам Родимцев прошел большую школу борьбы с врагом.

— Как поживаете, трудно вам? — осведомился Андрей Иванович.

Родимцев засмеялся в трубку:

— Всяко бывает, война не тещина свадьба, она не разбирает, кто ты такой, а бьет крепко, если дашь промашку. Заскочили бы и в мою дивизию, товарищ командующий, — попросил он.

— Не могу, в другой раз, — пообещал Еременко. — Вы бейте врага наотмашь. Никакой пощады ему!

— Пока живы, бьем фашистов, товарищ генерал-полковник, и будем стоять до конца, из города они нас не выкурят.

— Потери у вас большие?

— В моей дивизии осталась половина людей, — ответил Родимцев. — А что поделаешь — война, тут если не ты фашиста, так он тебя. А мы хотим жить и будем сражаться до победы. Одна к вам просьба: если возможно, дайте нам подкрепления..

Еременко не мог обещать ему дать резервы, но сказал, что в ближайшие дни будет нанесен по врагу удар на правом фланге 64-й армии генерала Шумилова в районе Купоросное — Зеленая Поляна, чтобы облегчить положение 62-й армии, а также отвлечь внимание противника от предстоящего контрнаступления.

— Да, Василий Иванович, вам тут нелегко, — посочувствовал Еременко, глядя на генерала Чуйкова.

Было уже далеко за полночь, когда генералы обсудили все насущные вопросы обороны.

— Василий Иванович, я доволен тем, как вы тут обороняетесь, — сказал Андрей Иванович Чуйкову. —

Надо еще немного продержаться. Скоро грянут события, когда мы крепко ударим по врагу...

«Надо еще немного продержаться...» Эти слова комфронта тронули Чуйкова, но он лишь горько усмехнулся. Кто-кто, а он знает, как важно в трудные минуты сражения быть рядом с подчиненными, поэтому и мысли не допускал, чтобы перевести свой КП из горящего города на противоположный берег, где было безопасно. Перед приездом командующего фронтом на КП армии у Чуйкова состоялся откровенный разговор с членом Военного совета Гуровым. А начался он тогда, когда противник усилил удары по войскам армии. Гуров в перерыве между боями, увидев задумавшегося командарма, шепнул ему на ухо, что у него в запасе есть несколько лодок для Военного совета армии и, если настанет роковая минута, они переплывут на левый берег. «Я ему ответил, что это меня не касается, — вспоминал после войны Чуйков, — на левый берег я не попаду, если буду в полном сознании.

Гуров крепко обнял меня и сказал:

— Будем сражаться даже вдвоем до последнего патрона.

Это нас породнило с ним крепче всякой дружбы.

Николай Иванович Крылов соглашался со мной, что управлять войсками армии, находясь в 1–3 километрах от противника, очень трудно. Но когда я делал намеки ему переселиться на промежуточный пункт связи, находящийся на левом берегу, он категорически возражал, говоря:

— Будем вместе прочищать свои пистолеты, а последнюю пулю — себе в голову.

Мы чувствовали и знали, что за поведением Военного совета следили почти все штабы дивизий и даже полков... Поняв это, мы, то есть я, Гуров и Крылов, не отсиживались все время на своем командном пункте, частенько ходили на наблюдательные пункты дивизий и полков и доходили до траншей, чтобы бойцы сами видели, что генералы — члены Военного совета — их не покинули, были с ними. Если Паулюс со своим штабом во время жестоких боев находился в Нижне-Чирской или в станице Голубинской, в 120–150 километрах, то Военный совет 62-й армии и его штаб в середине октября несколько суток находились в 400 метрах от переднего края».

Вернулись Еременко и Попов на КП штаба фронта поздно. Звезды на небе медленно гасли. Еременко уже не мог уснуть. Когда шли обратно, бронекатер враг не обстреливал, зато поднялся сильный ветер, какие случаются глубокой осенью. Волга вздыбилась, заштормило, и корабль переваливался с борта на борт. У Андрея Ивановича ныла нога, и ему пришлось пользоваться палкой, так как без нее он прихрамывал. Правда, усталости он не чувствовал, хотя весь день провел на ногах. В его-то возрасте, да еще после двух перенесенных ранений — нет, не каждому такое по силам.

— Иди, Маркиан Михайлович, поспи до утра, — сказал он Попову. — А я еще поколдую над оперативной картой. Да и переговорить с командармом 64-й генералом Шумиловым надобно.

— Что-то на сон меня не тянет, — усмехнулся Попов. — Если не возражаешь, Андрей Иванович, я хотел бы съездить к танкистам в бригаду. Они вызвались своими силами отремонтировать девять танков. Посмотрю, что у них получилось. Машин-то у нас совсем мало.

— Добро, Маркиан Михайлович, поезжай, но долго там не засиживайся. В шестнадцать ноль-ноль у нас Военный совет.

— Я помню, товарищ командующий, так что буду вовремя. — И Попов поспешил к выходу.

Андрей Иванович начал с того, что позвонил командарму 64-й генералу Шумилову. Не хотел будить его, но оказалось, что он тоже не спит: недавно возвратился с боевого участка, где саперы минировали дорогу, по которой должны пройти танки противника. На вопрос, как идет подготовка к нанесению контрудара, он ответил, что все делается строго по утвержденному плану. Андрей Иванович сообщил, что

только что сам вернулся из поездки в штаб 62-й армии генерала Чуйкова. Там сложилась тяжелая ситуация, и он питает большие надежды на контрудар, который поможет оттянуть часть вражеских войск.

— Михаил Степанович, форсируй подготовку, не то противник опередит тебя, — предупредил Шумилова командующий фронтом.

— Через пять дней думаю начать операцию, — глухим голосом отозвался Шумилов.

Слово свое он сдержал. 25 октября его войска атаковали противника. 29-я дивизия полковника Лосева и 7-й стрелковый корпус генерала Горячева в составе трех бригад нанесли чувствительный удар по немцам, причем для них это было так неожиданно, что они не сразу оказали сопротивление. Сражение было упорным, в нем особо отличились 93-я стрелковая бригада полковника Галая, 96-я стрелковая бригада полковника Бережного и 97-я бригада полковника Тихомирова. Операцией руководил генерал Шумилов. Успех объясняется еще и тем, что контрудар 64-й армии был поддержан левым крылом Донского фронта генерала Рокоссовского, а также действиями войск этого фронта в районе Клетской.

Противник понес большие потери и был вынужден на несколько дней прекратить атаки в заводской части Сталинграда. Однако на других участках фронта положение оставалось опасным, и генерал Еременко делал все, чтобы немцы не могли добиться перелома событий в свою пользу. Огорчало его и то, что ранее врагу удалось захватить тракторный завод и теперь он стремится развить свой успех, атаковав поселок Спартаковец и завод «Баррикады». Но все атаки немцев были успешно отбиты, что, естественно, подняло наступательный дух бойцов, а уж о настроении Андрея Ивановича говорить, не приходится. Он воспрянул духом, голос у него стал крепче. Теперь враг не скоро снова ринется в атаку, а это позволит доставить с левого берега на правый новые войска, продовольствие и боезапас, особенно артиллерийские снаряды, которых у генерала Шумилова осталось, как он выразился, с гулькин нос. Андрей Иванович вызвал к себе дежурного по штабу.

— Майор, принеси мне, пожалуйста, горячего чая и чего-нибудь поесть: мой адъютант ездил со мной по Волге и сейчас спит, а я не хочу его будить.

— Слушаюсь, товарищ командующий. — Майор резво шагнул к двери, но задержался: — Утром нам доставили хлеб и консервы — свиную тушенку, хотите?

— Давай свиную тушенку, — махнул рукой генерал.

Еременко неторопливо пил чай, и все его мысли были заняты предстоящим контрнаступлением, о котором ему сказал недавно бывший на Сталинградском фронте Жуков. Только бы в этот раз все получилось хорошо! Надо же наконец крепко ударить по фашистам, чтобы отголоски этого удара дошли до столицы Берлина! Его раздумья прервал заголосивший в комнате связи телефон ВЧ. И тут же в кабинет вошел дежурный по связи.

— Вас требует к телефону товарищ Сталин! — торопливо доложил он.

«Чего он вдруг звонит в такое позднее время?» — пронеслось в голове Андрея Ивановича. Он поспешно шагнул в соседнюю комнату, рывком взял со стола трубку:

— Слушаю вас, товарищ Сталин!

Голос у верховного был тихий и чуточку вялый, словно он недавно проснулся, но Андрей Иванович давно разгадал эту манеру вождя: если он начинал разговор тихо, значит, следует ожидать неприятностей. Еременко напрягнулся, готовый на вопросы верховного дать четкие ответы. Но пока разговор шел о самом что ни есть обычном: какова ситуация на Сталинградском фронте, как ведет себя противник и что сейчас особенно тревожит командование фронта. На все вопросы Еременко ответил коротко и конкретно, что не вызвало возражения со стороны верховного. Но Андрея Ивановича задела за живое слова вождя

«как ведет себя противник». Генерал эмоционально, громче обычного заговорил:

— Противник, товарищ Сталин, вел и ведет себя нагло. Ему нужен Сталинград, и он варварски рушит все на своем пути, лишь бы скорее захватить город и поднять над ним флаг с черной свастикой. И мы его бьем, товарищ Сталин, бьем всем, чем располагает фронт. Однако у нас очень мало танков. Если есть возможность, дайте их нам из резерва Ставки.

— У нас пока их нет, — ответил верховный резко и, кажется, с обидой и вдруг спросил о другом: — Генерал Попов подошел вам как заместитель командующего фронтом?

Андрей Иванович поначалу растерялся, не зная, что ответить.

— Почему вы молчите? — повысил голос Сталин.

— Размышляю, с чего начать. Попов только что прибыл к нам, еще не был в боевых делах, и, на что он способен, не знаю, — ответил Андрей Иванович. — Но желание работать в полную силу у него есть, что я и приветствую.

Казалось бы, на этом разговор закончится, но верховный упрекнул командующего фронтом еще за недостатки в тыловом обеспечении войск.

— Чем вы их объясните? — Теперь в голосе Сталина прозвучали стальные нотки.

«Это генерал Хрулев покати́л на меня бочку», — усмехнулся в душе Еременко. Со свойственной ему прямоотой Андрей Иванович заявил, что срывы с материально-техническим и продовольственным обеспечением войск случались по разным причинам, чаще из-за того, что противник своими острыми атаками мешал этому. Есть упущения и в работе начальника тыла фронта генерала Анисимова, на что ему было указано. Сейчас он снабжает войска всем необходимым для жизни и боя. Он, Еременко, им доволен, о чем сообщал и начальнику тыла Красной армии генералу Хрулеву.

Пока он говорил, верховный его не прерывал, но когда умолк, Сталин сказал:

— Сейчас вам очень тяжело, но уже скоро станет легче, и не только вам, всем нам станет легче.

Во время пребывания командующего фронтом на КП 62-й армии Чуйков ни о чем его не просил, а когда Еременко собрался уходить, Василий Иванович набрался храбрости и обратился с просьбой дать ему пополнение людьми.

— Я не прошу у вас дивизий, дайте мне хотя бы маршевые подразделения, — добавил командарм. — На исходе в армии и боеприпасы. Если кончатся, немцы возьмут нас тут голыми руками. Я никак не могу допустить такое.

Генерал Еременко знал, что для Сталинградского фронта по решению Ставки было переправлено через Волгу лишь в последнее время более шести доукомплектованных стрелковых дивизий, так как от прежнего состава 62-й армии почти ничего не осталось, кроме тылов и штабов. Но если учесть, что в октябре продолжались упорные бои в самом Сталинграде и в прилегающих к нему районах, выделенных войск и боевой техники было крайне недостаточно. Андрей Иванович, глядя в суровое лицо командарма Чуйкова, никак не мог отказать ему.

— Хорошо, Василий Иванович, мы дадим тебе подкрепление, — обнадежил его командующий фронтом. — Но я рекомендую тебе в связи с прибытием в твоё распоряжение 138-й стрелковой дивизии сменить место своего командного пункта. Перенеси его в другое место.

— Куда, Андрей Иванович? — усмехнулся Чуйков. — Здесь я зарылся в землю, как крот. Немцы до сих пор меня не обнаружили, снаряды рвались рядом, а я цел и невредим!

— Перенеси КП южнее по правому берегу реки, там будет надежнее, — посоветовал ему

командующий фронтом. — А здесь у тебя совсем не житье. Я хотел было у тебя заночевать, но куда же ты меня положишь? — шутливо добавил он. — Куда ни глянь из твоего блиндажа, над головой — небо!

— А на небе звезды светятся, — улыбнувшись, прервал Чуйков командующего. — Это мне по душе. Звезды на небе располагают к романтике, хочется мечтать...

— Звезды на небе высоко, до них далеко, да и свет от них холодный, — подал реплику генерал Попов.

Когда рядом с ним находился командующий фронтом, он старался не вмешиваться в разговор, а тут не сдержался, хотя командарм Чуйков ему нравился, человек он был волевой, энергичный, такому, пожалуй, любое дело по плечу.

Андрей Иванович поглядел на командарма, и добродушная усмешка тронула его губы:

— Завидую тебе, Василий Иванович, а вот меня на романтику что-то не тянет. Должно быть, уже постарел... — И хитринка блеснула в его глазах. — Ну, ладно, нам с Поповым пора. Под покровом ночи незаметно для фрицев наш бронекатер проскочит опасную зону. — Но он не ушел. — Все хочу спросить тебя: правда ли, что у твоего отца была самая большая семья в селе Серебряные Пруды, где вы жили?

— Правда, Андрей Иванович, — сдержанно подтвердил Чуйков. — У бати было восемь сыновей и четыре дочери.

Еременко с минуту помолчал, шевеля косматыми бровями.

— А когда ты учился на Первых Московских курсах?

— После революции, Андрей Иванович, а до этого немного послужил матросом в учебно-минном отряде в Петрограде.

— Вон оно что, я об этом не знал, — улыбнулся Еременко. — Теперь понятно, почему у тебя налажился надежный контакт с контр-адмиралом Рогачевым: моряк моряка видит издали! Мне он давал два бронекатера, чтобы к вам добраться, а тебе даст целых пять!

— Если честно, то моряки Волжской военной флотилии нас здорово выручают, — понизил голос Чуйков. — Корабли, суда и юркие катера делают по пять-шесть рейсов с левого берега Волги на правый, и чаще всего под обстрелом врага. Что и говорить, отчаянные люди моряки!..

Когда корабль отошел от берега и растаял в темноте, Чуйков под охраной двух бойцов-автоматчиков еще немного постоял, придерживая фуражку, чтобы ее не сорвал с головы поднявшийся ветер, потом зашагал на свой командный пункт, желая вновь окунуться в дела армии. Но прежде он выпил стакан горячего чая, затем сел к столу, где лежала оперативная карта.

— Разрешите? — К нему вошел начальник штаба.

— Что у тебя, Николай Иванович? — спросил командарм.

Генерал Крылов сообщил, что Северная группа войск ведет тяжелые бои. Немцы прорвались на южную сторону поселка Спартановка, и остановить их атаку никак не удастся.

— Надо бы нашим помочь, но как? — На лице начальника штаба застыло выражение суровой сдержанности. — Туда следует послать опытного командира. Может, мне добраться?

На какое-то время Чуйков задумался, цепким взглядом шаря по карте, словно в ней был заключен ответ. Но вот он вскинул голову.

— Где сейчас находится начальник оперативного Управления полковник Камынин?

— На месте, а что?

— Пусть немедленно отправится в Северную группу войск и разберется, в чем там дело.

— Понятно, Василий Иванович! — Генерал Крылов поспешил к выходу.

Прошли еще тревожные сутки. 18 октября генерал Чуйков получил телефонограмму от Камынина: «Прорвавшийся в Спартановку противник уничтожен».

Обстановка на Сталинградском фронте менялась с каждым днем, и Чуйкову приходилось латать дыры в обороне. В середине октября немцы на всех участках фронта развернули новое наступление в надежде, что в этот раз им удастся покончить со Сталинградом. Завязались ожесточенные бои, некоторые участки города, крупные каменные дома по несколько раз переходили из рук в руки, чаще обычного бойцы ходили в штыковую атаку. Враг нес большие потери, но не прекращал своих попыток сломать нашу оборону. Особенно ожесточенно дрались гвардейцы 13-й дивизии генерала Родимцева, 37-й дивизии Желудева, 95-й дивизии Горишнего, 112-й дивизии Ермолкина, группы Горохова, 138-й дивизии Людникова, 84-й танковой бригады Белого. Сражение шло на улицах города, в жилых домах и на заводах, на берегу Волги, куда то и дело доставлялось подкрепление для наших войск с левого берега реки. Соединения несли потери, но ни один боец не оставил без приказа свой боевой участок. Каждый из них мысленно повторял девиз, ставший клятвой: «За Волгой для нас земли нет!»

В короткие передышки наши бойцы писали домой родным, и в каждой строке была мысль: «Сталинград жив и будет жить, и врагу его не взять!» Боец 32-го мотострелкового батальона Николай Ларченко написал матери в Чкаловскую область, в Губерлинский совхоз: «Сейчас мы находимся на очень важном участке фронта, и мы дали клятву умереть, но не дать противнику продвинуться ни шагу вперед. Наш лозунг теперь — ни шагу назад. Это говорит о том, что нам придется, может быть, сегодня или завтра идти в бой не на жизнь, а на смерть. Мы покажем, что мы способны не только остановить врага, но и разгромить его, начать решительное наступление. Не видать врагам Сталинграда. не быть им долго в Ростове. Когда вы получите это письмо, возможно, меня уже не будет в живых, но помните, что я погиб как герой, честно защищая нашу родину, что еще миллионы таких, как я, во сто крат отомстят за меня»[\[10\]](#).

Боец Оленин писал своей сестре: «В 1942 году фашизму будет конец. Относительно фашистов, дорогая сестрица, будь уверена, моя рука не дрогнет и пуля не минует ни одного фашиста, с которым придется еще встретиться. Они должны от меня получить двойную расплату за отца, за мать, за Украину, украинский народ. За все посчитаюсь, не буду щадить сил, ни самой жизни для достижения полной победы над врагом»[\[11\]](#).

«Если меня убьют, — пишет военнослужащий 186-го стрелкового полка Лелеко домой, — то пусть мои сыновья в десять раз отомстят этому проклятому врагу. Сыновьям советую за кровь отца в десять раз больше отомстить, чем я уже отомстил. Еще в мире не было такого заклятого врага и ни одна страна не вела такой войны, какую ведет сейчас наша. Я был в окружении, видел, как он расправляется с мирными жителями, все грабит, убивает жен и детей...»[\[12\]](#)

2

В часы затишья на фронте генерал Чуйков чаще всего размышлял о тех, кто, быть может, завтра пойдет в бой и не вернется, и тогда невольно билась в голове мысль, все ли сделал, чтобы его люди меньше гибли, чтобы враг ощутил на себе неистовый удар бойцов его армии, которая день за днем сражается за Сталинград а стало быть, и за Родину. Он вспомнил командира 308-й стрелковой дивизии полковника Гуртьева, которая сдерживала натиск врага на главном направлении в районе завода «Баррикады». Оказывается, кроме того, что Гуртьев храбро сражается, он еще имеет привычку философствовать. Вчера в землянке, беседуя с прибывшим пополнением о том, кто и как бьет фашистов, он словно бы вскользь бросил фразу: «У подвига нет возраста».

— У меня в дивизии люди разные; и молодые, безусые парни, и пожилые с сединой на висках, — говорил комдив. — Но и те, и другие могут преподнести фрицам настоящий «гостинец»...

И вправду, сибиряки Гуртьева проявили свой закаленный характер в боях с врагом. Только в октябре дивизия Гуртьева отбила более ста атак! Порой бойцы отражали в день по десять и более атак танков и пехоты противника. Особенно ловко орудовали бойцы бутылками с зажигательной смесью. Едва вражеский танк показывался перед окопами, как в него летела бутылка с «горючкой». Удар — и в одно мгновение машина вспыхивала сине-черным огнем и пылала как факел. Ни один танк не прорвался сквозь прочную оборону. В очередной атаке красноармейцы подожгли танк, из него стали выскакивать танкисты в синих комбинезонах и черных шлемах. Один из них был захвачен в плен. Коренастый рыжий немец с серыми глазами-пуговицами ошалело смотрел на комдива. Когда его привели на допрос, он рявкнул:

— Гитлер капут!

Гуртьев засмеялся:

— Если Гитлер капут, почему ты из своего танка стрелял по нашим бойцам? — Полковник взглянул на лейтенанта из стрелкового батальона, приведшего пленника на допрос:. — Переведи ему то, что я сказал.

Тот перевел. Гитлеровец, не смущаясь, ответил:

— Фюрер приказал нам убивать всех русских, а отвечать за это будет он.

— И ты, Ганс, ему поверил? — усмехнулся Чуйков.

— Нет. Я не убил ни одного русского, это ваши люди подожгли нашу машину «коктейлем Молотова».

— Чем? Не понял! — насупил брови Чуйков.

— Так в нашей армии прозвали бутылки с зажигательной смесью, — пояснил Ганс. Видимо, правая щека у него сильно болела, потому что почернела от ожога, и он то и дело проводил по ней влажными пальцами. — Наши танкисты больше всего боятся этих «горючек». Говорят, что их придумал сам Молотов...

Слушая пленного немца, полковник Гуртьев сказал:

— Немцы лезут напролом, пока их крепко не ударишь, а ударишь, они во весь голос орут: «Гитлер капут!» У них это стало своего рода паролем для объяснения с русскими, когда попадают в плен. У меня, однако, жалости к ним нет. Они варвары и звери, их надо уничтожить!..

(Генерал-майор И. Н. Гуртьев погиб смертью храбрых в боях за город Орел летом 1943 года, посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза. — А.З.)

Чуйкову вдруг вспомнился морской пехотинец Михаил Паникаха, совсем юный герой, приехавший защищать Сталинград с Дальнего Востока. В заводском районе Сталинграда в тот день разгорелся

ожесточенный бой. Натиск фашистов сдерживала морская пехота. Немецкие танки поливали огнем из орудий и пулеметов наш передний рубеж, неся большие потери, враг медленно, но упорно продвигался вперед. В грохоте сражения Паникаха не слышал лязга гусениц, на уши Давил лишь грохот орудий да взрывы мин перед окопами. Танк с черным крестом на борту неожиданно вырос перед ним. Матрос швырнул в него последнюю гранату. Взрыв окутал машину, а когда дым рассеялся, вражеский танк дал ход.

— Вот гад, а? — выругался вслух Паникаха. — Но я тебя сейчас поджарю, как рыбу на сковороде!

Он взял бутылку с горючей смесью, размахнулся, чтобы швырнуть ее в танк, но... вражеская пуля угодила в бутылку, жидкость облила матроса и тут же вспыхнула. Еще мгновение, и матрос схватил вторую бутылку, ловко выпрыгнул из окопа и ударил ею в решетку моторного люка танка. Бойцы, находившиеся в окопе, увидели, как взметнувшееся пламя поглотило героя вместе с горящим танком. Душа, как бриллиант, ценится по чистоте...

«У Михаила Паникахи душа была чистая, как капля родника в горах, и светлая, как луч солнца», — подумал генерал Чуйков. Но тут же ему на память пришел сержант Яков Павлов. Разве он не герой? Пятьдесят дней и ночей с горсткой храбрецов он удерживал в центре города дом, стоявший выше других домов, из которого хорошо просматривалась местность едва ли не до берега Волги. Дом стоял на левом фланге, где стойко оборонялась стрелковая дивизия генерала Родимцева, по словам командарма Чуйкова, человека «двужильного и храбрейшего из храбрых». Не раз «юнкерсы» бомбили дом Павлова с воздуха, засыпали его минами, били по нему едва ли не прямой наводкой из орудий. Но дом стоял, словно крепость. Так и не удалось фашистам сломить стойкость героического гарнизона...

Чуйков попросил своего адъютанта вызвать к нему сержанта Павлова.

— Скажи, что командарм желает поговорить с ним по душам.

Павлов стоял перед Чуйковым слегка улыбающийся, с автоматом в руках. Взяв под козырек, он доложил:

— Товарищ генерал, сержант Павлов прибыл по вашему вызову!

Василий Иванович обнял его, как сына, и расцеловал.

— Ты как есть герой, Павлов! — весело произнес командарм. — Его глаза светились. — Все мы восхищены тем, как ты и твои люди обороняли дом. Спасибо тебе, сержант, за все, что сделал ты во имя нашей Родины! Быть тебе Героем Советского Союза, думаю, что Верховный главнокомандующий не откажет мне. Надо уметь бить врага, и ты делал это достойно. Выходит, что честь для тебя превыше всего.

— Оно самое, товарищ командарм. — Губы сержанта изогнулись в улыбке. — Честь. Как же без нее жить, если потеряешь? Она как воздух для нас... Никакой пощады врагу — вот чем мы сейчас живем и что движет нашими сердцами. Может, я говорю слишком выпендрено, но мои слова от души, правдивы, потому как истину я люблю больше самого себя.

— Мудрые слова, сержант, — похвалил его Чуйков. — Хочу пожелать тебе добиться новых успехов в боях с врагом!..

Герои и подвиги... Сколько их родилось под Сталинградом?!

Чуйков задумался, потом начал мысленно перечислять тех, которые отличились в недавнем сражении. Почему-то более других врезался в память наводчик орудия Любавин. Меткими выстрелами он уничтожил два вражеских танка, но и сам был ранен осколками снаряда в обе ноги. Адская боль пронзила все его тело, оно стало словно деревянное. И все же у него хватило сил остаться у орудия и вести по врагу огонь. Запылали еще два танка... Когда в санбате Любавину делали перевязку, он, тяжело дыша, промолвил:

— Пятый-то ушел от меня...

— Кто ушел? — не поняла врач.

— Фашистский танк, — пояснил Любавин. — Четыре машины подбил, а пятый танк удрал. Когда теперь я снова попаду на фронт?

— Заживут раны на ногах, и можешь ехать, — сказала врач. — Ну вот, я тебя перевязала, не болит?

— Чуток ноет... — Он улыбнулся краешками губ. — Нелегко уничтожить вражеский танк, но я это сделал. А почему?

— Наверное, тебе просто повезло.

— На везение я никогда не рассчитываю. — Любавин передохнул и добавил: — Это что-то вроде кота в мешке.

— А что же? — допытывалась врач.

— Я знаю смысл своей жизни, потому и выиграл поединок с врагом. А тот, кто его не знает, ничего путного в своей жизни не сделает.

— Может быть, ты и прав, солдат...

Генерал Чуйков перевернул очередную страницу своего фронтового блокнота, куда вносил самые важные сведения. «Стрелок-снайпер Василий Зайцев из своей винтовки уничтожил 225 немецких солдат и офицеров», — прочел он неровные строки на листке. А потом, когда встретился с ним, узнал больше. Оказалось, что 28 солдат, которых Зайцев обучил снайперскому делу на фронте, истребили 1106 фашистов. Хорош вклад в общую победу над врагом под Сталинградом! Позже, когда поутихли бои, Чуйков прибыл в штаб дивизии, где служил знатный снайпер. С виду Зайцев был, как и все: простой, чуть худощавый, лоб открытый, а лицо такое добродушное, что хочется его поцеловать. А вот глаза, кажется, не такие, как у всех, то есть такие, но взгляд острый до боли и пронзительный. Должно быть, у всех снайперов подобный взгляд.

Чуйков повертел в руках винтовку героя, даже посмотрел в оптический прицел и улыбнулся.

— Скажи, Василий, ты сразу берешь фрица на мушку, едва он появится, или как? — спросил генерал.

Вопрос Чуйкова, видимо, удивил Зайцева, потому что он чему-то усмехнулся, но тут же лицо его посерьезнело.

— У каждого снайпера, товарищ командарм, своя тактика выжидания врага, — с горячностью стал объяснять он. — Иногда я часами нахожусь в засаде, а фриц не появляется. Это чаще всего случается, когда наблюдение я устраиваю в районе вражеского штаба. Там один фриц стоит десяти рядовых...

— Понятное дело, работник штаба, у него уйма секретов, — подтвердил Чуйков.

— Так вот сию я час, другой и вдруг вижу, появился фриц, — продолжал Зайцев. — Мигом беру его на мушку и нажимаю курок. Все, штабник отправлен на тот свет. Мой секрет снайпера прост: чем больше терпения, тем больше убитых врагов.

— Выходит, жива пословица: «Будь ты хоть семи пядей во лбу, а учись», — улыбнулся Чуйков. — Тогда любое оружие в твоих руках — гроза для противника.

— Истина, товарищ командарм!

А вот командир орудия старший сержант Алексей Алексанцев, прямой наводкой из своего орудия уничтоживший в бою 6 вражеских танков, никогда не думал, что станет заядлым артиллеристом. Но стал им! Правда, на слова он был скуп и собой недоволен, когда узнал, что командир взвода роты тяжелых

танков старший лейтенант Иван Корольков своим танком уничтожил 26 немецких танков и подмял гусеницами 34 орудия противника!

— Молодец! — похвалил его комдив. — За такой «урожай» на поле боя тебе полагается дать орден.

— Я сполна с фрицами еще не рассчитался, — улыбнулся Корольков. — До тридцати танков еще не набрал, но взять в бою на прицел четыре машины я уж постараюсь. Батя как-то мне говорил, что сила духа у меня есть, а это мое главное оружие.

— Отец для тебя, Корольков, нашел нужные слова, — одобрительно произнес генерал.

Заместитель командующего Сталинградским фронтом генерал Попов только что вернулся из 284-й дивизии генерала Батюка. Он умылся, привел свою форму в порядок и поспешил к генералу Еременко, чтобы доложить о своей поездке. Вошел к нему и увидел, что Андрей Иванович куда-то собрался: он надел плащ и готов был уйти.

— Куда вы, Андрей Иванович? — спросил опешивший генерал Попов. — Я вернулся от генерала Батюка и хотел бы...

— Потом, Маркиан Михайлович, когда возвращусь, — прервал его командующий. — К нам едет генерал армии Жуков. Я отправляюсь на аэродром встречать его.

В эту темную ночь во время своего дежурства Оксана не сомкнула глаз. А когда наступило сырое, дымчатое утро, во двор санпункта въехала санитарная машина с ранеными, и она, наскоро выпив чаю, вместе с другими медсестрами стала укладывать пострадавших на койки. Кто стонал от тяжелых ран, кто просил дать воды, а совсем молодой сапер, которому взрывом мины оторвало ногу, просил военврача усыпить его: «Кому я нужен такой беспомощный?..»

В районе Мамаева кургана стрелковая дивизия генерала Батюка вела тяжелый бой с наступающим противником, и полки несли потери. В полдень сражение обострилось: немцы бросили в атаку танки и мотопехоту, а с воздуха их прикрывали «юнкерсы». Разорвавшиеся бомбы глубоко вспахали землю, разворотили брустверы окопов... Оксана переживала, боялась, что свободных коек в лазарете осталось мало, а раненые вот-вот поступят. Санпункт был развернут неподалеку от штаба дивизии и надежно охранялся бойцами. Дел у Оксаны — по самое горло, только успевай поворачиваться. Однако ей не терпелось скорее уйти туда, где идет бой. Она привыкла чаще других медсестер бывать на переднем крае, оказывать первую помощь людям, а уж потом решат, кого отправить в госпиталь, кого лечить в санпункте. Военврач — высокий, чернобровый капитан с коротко подстриженными усами и в очках — по-хозяйски осматривал, все ли есть в наличии для раненых. Но вот он нахмурился и окликнул медсестру:

— Красноармеец Бурмак, подойдите ко мне!

За глаза Оксана называла военврача очкариком, но относилась к нему с уважением: свое медицинское дело он знал хорошо и ей всячески помогал стать настоящей сестрой милосердия. Правда, в последнее время он начал придирается к ней, как ей казалось, по мелочам, и это ей не нравилось.

«Может, он ревнует меня к танкисту? — вдруг подумала она. — Да, так оно и есть. Он видел, когда ко мне приходил Иван Лукич Бурлак. Не случайно же он спросил меня, что надо танкисту на санпункте. Ревность, она порой туманит голову...»

Оксана заправила койку белой, как снег, простыней и поспешила к военврачу. Капитан сердито кивнул на носилки, лежавшие в углу блиндажа.

— И это все? — Он смотрел на медсестру с огорчением.

Она мило улыбнулась, кивнула головой, и длинные золотые сережки в ее розовых ушах качнулись, испуская светло-оранжевый свет.

— А зачем больше? — вскинула тонкие брови Оксана. — Я и так очень устала на дежурстве, а когда сменилась, отдохнуть не пошла. Поэтому о носилках как-то не подумала.

Ее глухой голос едва не сорвался на крик, и это не понравилось военврачу. Лицо его слегка дрогнуло, вытянулось, чего за ним Оксана раньше не замечала, но голос он не повысил, а спросил как-то побудничному:

— Что за разговоры, красноармеец Бурмак?

Военврач с минуту смотрел на нее в упор, наверное, ожидал, что она скажет, но медсестра промолчала. Она покраснела, а военврач подумал о том, не наказать ли ее? Словно догадавшись о его мыслях, Оксана торопливо промолвила:

— Извините, Захар Иванович, я погорячилась...

— Так-то оно лучше, — усмехнулся капитан. — Вот вы спросили, зачем нужны носилки? Странно, однако: разве вы не носили на них раненых?

— Носила, но сейчас их пока нет...

— А если будет много раненых, станете тащить их на себе? — снова усмехнулся военврач, поправляя на голове фуражку. — Силенок у вас не хватит. Надо еще хотя бы пяток носилок. Передайте мое распоряжение старшине, чтобы принес их сюда.

Ей следовало произнести «слушаюсь» и исполнять приказание, а она, глядя на него, улыбнулась.

— А вот фуражка вам никак не идет, — сорвалось с ее губ. — Наденьте белый чепчик, как и полагается военврачу.

В эту минуту в блиндаж внесли первого раненого.

— Куда его, товарищ военврач? — спросил санитар.

— На койку положите, я сейчас буду его осматривать...

Оксана не без интереса посмотрела на бойца. Кровь выступила у него на правой руке, чуть ниже плеча. Был он в сознании, лишь тихо стонал. У него было круглое, с розовым оттенком лицо, широкие, как у цыгана, брови, а лоб прямой и тоже широкий.

— Чего так глядишь, сестрица? — спросил раненый, и усмешка скользнула по его губам.

— Нравишься ты мне, вот и гляжу! — улыбнулась медсестра.

— Ты тоже мне по душе... — Передохнув, он серьезно добавил: — У меня есть жена, Анюта. У нее такие же глаза, как у тебя, только в них почему-то много грусти... — Он кашлянул. — У тебя есть вода? Дай попить. Понимаешь, мина у бруствера рванула, двоих наповал уложила, а мне руку задела. Может, перевяжешь, а то повязка вся пропиталась кровью?

Она дала ему воды и подозвала санитаря, который сидел за столиком и что-то писал.

— Перевяжи раненого, мне надо уходить туда... — небрежно бросила Оксана.

«Туда» — это значит на поле боя, где сражаются войска и откуда доносятся орудийные выстрелы и взрывы гранат.

— Наверное, наши ребята пошли в атаку, — подал голос военврач, глядя, как она собирается. Он подошел к ней ближе. — Будь, пожалуйста, там осторожнее и не вздумай шагать во весь рост — фрицы

сразу возьмут на мушку.

— Ну и что? — с горячностью спросила она, тряхнув кудрями. — Все равно по мне некому слезы лить!

— А может, и есть кому... — Военврач строго взглянул на нее. — Не очень-то храбрись. Пуля не разбирает, кто ты есть... Что, разве забыла, как тебя взрывная волна сбросила с кормы судна в Волгу? Твое счастье, что спасли, не то мне пришлось бы посылать похоронку твоим родным.

— Я и сама все еще не верю, что осталась жива, — сказала Оксана.

— Твой спаситель — герой, — произнес военврач.

— Капитан-танкист смельчак, ничего не скажешь...

— Ты, наверное, его отблагодарила?

Оксана напряглась:

— В каком смысле?

— Ну хотя бы поцеловала его?

— Еще что придумали, — усмехнулась медсестра, а про себя подумала: «Вот и очкарика влечет моя персона, но у тебя, дружок, ничего не получится».

Наконец двое санитаров принесли еще пять носилок. Оксана уложила их и подошла к военврачу, который сидел за столом и листал журнал, куда вносили данные о раненых.

— Я могу идти за ранеными? — спросила она.

— Иди, голубка, — весело изрек военврач. — в пекло не лезь. Твой объект — раненый боец. Спасай его от смерти, как можешь. Если что, санитары там есть и тебе помогут.

Оксана короткими перебежками продвигалась вперед, где горели два танка и слышалась стрельба, но бой шел уже где-то за Мамаевым курганом, а может, ей так почудилось. Было три часа дня. В небе гуляли косяками черные тучи, казалось, что вот-вот брызнет дождь. Октябрьское солнце скупо пригревало землю, но в воздухе чувствовался запах приближающейся зимы. От быстрой ходьбы Оксане стало жарко, она расстегнула ворот гимнастерки. Впереди замаячил небольшой куст, а рядом с ним что-то чернело. Она взгляделась. Так это же боец лежит! Она присела на корточки и с минуту напряженно на него смотрела, но он не двигался. «Наверное, убит», — решила Оксана и выпрямилась. И тут же по ней дал очередь фашистский автоматчик, засевший неподалеку за камнями. Она пригнулась к земле. Слышно было, как над головой просвистели пули. Тогда Оксана грудью прижалась к земле. Она пахла чем-то горелым и прелыми листьями, и Оксана дважды чихнула. Передохнув, она поползла дальше. А вот и боец. Он лежал на правом боку и негромко стонал.

— Живой! — воскликнула от радости Оксана и, увидев на лбу бойца рану, повернула его лицом к себе и начала обрабатывать ее куском ваты. — Ты меня слышишь, солдат? — спросила она громко, с надрывом.

Но боец молчал. Глаза у него были закрыты, дышал он тяжело и неровно. Оксана быстро перевязала рану и на секунду задумалась: то ли позвать санитаров и они унесут бойца на носилках, то ли попытаться самой вытащить его из опасного места. «Да, надо его унести отсюда», — решила она. Взяв плащ-накидку бойца, она перекатила на нее раненого и стала тянуть его за собой. Не успела пройти и пяти метров, как немец снова открыл по ней огонь. Свиста пуль она в этот раз не слыша, а ощутила лишь легкий толчок в левое плечо — пуля сорвала кусок гимнастерки, но тело не задела.

«Вот паршивец, засел где-то в окопе и постреливает», — выругалась в душе медсестра. Напрягая силы, она с трудом тянула раненого. Наконец добралась до окопа, втащила его и начала приводить в

чувство. Выдула из своей медицинской сумки пузырек с нашатырным спиртом и поднесла его к носу раненого. Тот раз-два потянул носом и вдруг открыл глаза. У него они были большие и голубые-голубые, как вода в горном озере.

— Где я? — тихо спросил он, пристально глядя на нее.

— У Мамаева кургана, где фрицы подстрелили тебя, — с улыбкой сказала медсестра. — Сейчас оттащу тебя на санпункт, и, если ранение сложное, отправим в госпиталь. Болит-то что у тебя?

— В голове шум, сестрица, — прошептал боец. — И в правом боку колет, будто шилом. Опять же не раз терял сознание.

Она приподняла ему правый бок. Вся его гимнастерка была в крови, запах острый и какой-то неприятный. Пощупала пальцами рану. Там была дыра...

— Рана в боку опасная, — засуетилась Оксана. — Надо скорее добраться до санпункта.

— Ты перевяжи мне бок, сестрица, а уж после потащишь меня, — попросил раненый. — А где мой товарищ? Его тоже ранило, и он лежал рядом со мной.

Она удивленно заморгала длинными ресницами:

— Нет, солдатик, ты лежал один, потом я притащила тебя в окоп.

— Там он, мой друг, — простонал раненый. — Сходи за ним, прошу тебя...

— Хорошо, но ты будь здесь, пока я не вернусь, — предупредила она раненого.

Бой еще продолжался, но уже где-то далеко за курганом. Там в небо поднимались черные клубы дыма, слышались пулеметные и автоматные очереди, периодически ухали орудия. Видимо, противник обстреливал наши войска, которые упорно продвигались вперед. Все звуки сливались в один протяжный гул, впечатление было такое, что рядом гремит гром, хотя день выдался тихий.

Вот наконец и то место, обозначенное кустарником, где Оксана взяла раненого. Но тут никого не было, если не считать разбросанных во все стороны камней и глубокой воронки от шального снаряда. Впереди чернел холмик, а чуть дальше горел танк, но другой, не тот, который она видела раньше. Это был наш Т-34, у него разорвалась гусеница и снарядом сорвало часть башни. Она шагнула чуть в сторону и увидела бойца. Он лежал на спине, глядел куда-то в небо и стонал едва слышно. Оксана нагнулась к нему, провела мягкой ладонью по лицу. Увидев ее, раненый попытался улыбнуться, но улыбка получилась натянутой и какой-то неживой.

— Воды... — прошептал раненый. — Дай пить...

Оксана присела на корточки, чтобы ее не задела шальная пуля, и стала выяснять, куда он ранен. Хотела спросить у него, но он заговорил первым.

— Понимаешь, сестрица, рядом с пупком дырка от пули, — натужно произнес он, потом вынул из-под гимнастерки руку с окровавленным носовым платком. — Надо было кровь остановить, так я платком...

Она начала бинтовать его.

— Твоего друга я оттащила в окоп, это он сказал, что ты ранен. — Оксана куском бинта вытерла раненому лицо, нежное, как у девушки. — Можешь встать?

— Помоги мне, только тихонько, адская боль в животе, — часто дыша, промолвил он и попытался поднять голову. Она подложила под нее свою руку, и ему стало легче. — Где окоп-то?

— Тут неподалеку...

Они прошли несколько шагов, и раненый начал падать. Она едва успела подхватить его другой рукой.

— Живот у меня горит, сестрица, будто туда попал раскаленный уголь. Идти дальше не могу. Давай носилки.

С трудом они добрались до окопа, где лежал раненный в голову. Увидев медсестру, он шевельнул губами:

— Дышать тяжело, сестрица, словно кто-то меня душит...

Оксана сказала ему, что сейчас сбегает за санитаром в санпост и возьмет носилки.

— Полежи тут немного, я мигом...

Когда она вернулась, тот, что был ранен в голову, умер. Лежал он на земле как живой, лишь лицо стало желтым, как лимон. Почему-то на память пришли слова песни, которую она часто слышала от отца, когда еще ходила в школу: «Жена найдет себе другого, а мать сыночка никогда...» От жалости к погибшему солдату у нее до боли сдавило грудь, она почувствовала, как повлажнили глаза, и слезы уже ожгли ей лицо. Раненный в бок молча глядел на нее и молчал. Много раненых Оксана вынесла с поля боя, но ни один из них не умер. Это первый...

— Мой друг умер, да? — едва ли не шепотом спросил раненый.

Оксана повела бровью.

— Твой друг потерял много крови, — пояснила она. — В его животе открытая рана. А твоя рана не так опасна, и ты еще поживешь на белом свете.

Пришли два санитары с носилками. Они положили на них раненого, и все трое поспешили в санпункт.

«Надо было мне отнести раненого в голову в санпункт, а уж потом заняться его другом», — упрекнула себя Оксана.

Она уложила раненого на койку, сменила ему повязку. Пришел военврач.

— Тебе помогли санитары или сама тащила его? — спросил он, кивнув на раненого.

Оксана, казалось, не слушала его, она всецело была занята тем, что наполняла свою сумку всем необходимым, и собиралась снова уйти труда, где шел бой.

— Ты пока побудь здесь, — сказал ей военврач. Он осмотрел раненого, на его лице она заметила тревогу. — Нужно поставить ему капельницу, чтобы подкрепить организм, иначе дело может кончиться худо. Ранение в живот весьма опасно, так что пригляди за ним. Я съезжу в санбат, а когда вернусь, посмотрю его. Тут важно прежде всего не допустить заражения крови.

— Хорошо, товарищ капитан, я сделаю все, что положено, — заявила медсестра. — Много сегодня доставили раненых?

— Двадцать девять, с твоим — тридцать. — Он снял очки, протер их платком и снова надел. — Пятеро уже скончались, двое в реанимации. Может, и твоего взять в реанимацию?

— Не надо, пусть здесь полежит. Если ему станет хуже, тогда другое дело, — возразила Оксана.

— Ладно, — согласился военврач.

После капельницы раненому стало намного лучше, а к вечеру он совсем повеселел. Он сказал, что его зовут Олегом, рассказывал Оксане о том, как он и его друг подожгли бутылками с зажигательной смесью вражеский танк и в этот момент рядом разорвалась мина и обоих ранило.

— Осколок ударил Сергея в голову, и он сразу потерял сознание, а я еще держался. Я подружился с

ним на фронте, он был старше меня на пять лет. И воевал он лучше. В немецкий танк я первым бросил бутылку, но промахнулся, а он угодил ему своей «зажигалкой» прямо в лоб. Так вмиг объяло пламенем. Жаль, что потерял друга...

— На войне всегда так, не знаешь, где потеряешь, а где найдешь, — рассудительно промолвила Оксана.

— А ты, сестрица, давно на фронте?

— С тех пор как враг пошел на Сталинград, — грустно ответила Оксана. — Училась в пединституте, а тут война. Пошла на курсы медсестер и не жалею...

— Сколько вынесла раненых с поля боя? — спросил Олег. — Человек десять?

— Тридцать девять не хочешь? — усмехнулась она, поправляя сбившиеся волосы.

— Почти взвод! — Он с затаенной улыбкой взглянул ей в лицо. — Ты просто героиня. Небось орден тебе какой-нибудь дали?

Она сдвинула брови:

— Да уж куда там — героиня... За что мне орден? Оказывать помощь раненым — моя работа, и я стараюсь честно выполнять ее. — После паузы она неожиданно добавила: — Герой тот, кто рискует своей жизнью, когда идет на опасное дело. Я знаю одного капитана... Еще летом на судне я везла раненых в госпиталь. Немцы обстреляли нас, снаряд разорвался рядом с кормой судна, взрывной волной меня выбросило в Волгу, и я стала тонуть...

— Что, не умела плавать? — прервал ее Олег.

— Как на грех, не умела... — Оксана качнула головой. — Так вот этот капитан бросился в воду и спас меня. Хуже того, оказалось, что в правое плечо угодил осколок. Пришлось недели две полежать в госпитале.

— Где он теперь, твой капитан?

Она пожала плечами:

— Не знаю. А хотелось бы повидать его. Он танкист, фамилия — Бурлак. Когда он впервые назвался, я почему-то вдруг вспомнила картину Репина «Бурлаки на Волге». Призналась ему, а он съерничал: мол, лучше быть бурлаком и тянуть баржу, чем воевать.

— Тогда, быть может, твой капитан сгорел в танке, — серьезно сказал Олег. — Я сам видел, как часто немцы поджигали наши танки.

Оксана грустно вздохнула.

— Я в это не верю, — жестко заявила она. — Скорее всего он где-то на фронте.

— Как тебя звать?

— Оксана. А что?

— Глядишь, повстречаю на фронте твоего капитана и передам, как по нему тоскуешь.

Оксана засмеялась, отчего ее пухлые розовые щеки придали лицу выражение благодушия и доброты.

— Разве тебе будет дело до моего танкиста? Подлечишься и снова уйдешь на фронт. Он танкист, а ты сапер. Разные профессии, а значит, и разные судьбы, и вряд ли ты когда-либо увидишь капитана. — Она потрогала бинт на животе Олега. — Не туго перевязала? Не больно тебе?

— Все хорошо, Оксанушка. — Он отдышался. — Знаешь, философ Сенека в свое время говорил, что

жизнь длиннее, если ею умело пользоваться. Так что у меня есть шанс долго жить...

Из санбатальона вернулся военврач. Он сразу же подошел к раненому, присел рядом.

— Как себя чувствуете? — спросил он.

— Боли в животе поутихли, появился аппетит, вот сестра тут все время сидит, и мне спокойнее. — Раненый улыбнулся.

— Значит, капельница вам помогла?

— Еще как помогла, товарищ капитан! А вот мой друг Сергей умер. Осколок попал ему в голову...

— Стало быть, вашему другу выпала иная судьба, — изрек военврач. — А судьбу, как и командира, не выбирают, — добавил он.

Оксана все это время молчала. Она очень устала, глаза сами собой закрывались, ей хотелось лечь и выспаться. Военврач, словно угадав ее желание, вынул из кармана платок, зачем-то протер себе лицо, а ей сказал:

— Пока в санпункте покой и тишина, можешь пойти поспать. Раненых обещали привезти под утро, а сейчас еще только вечер. Тут подежурят санитары, а я прослежу.

— Я час посплю, не больше, товарищ капитан... Спасибо!

3

Всю ночь майор Бурлак бредил: то звал к себе мать, то просил свою бывшую жену дать ему попить, то приказывал наводчику орудия бить прямой наводкой по фашистскому танку. Медсестра, дежурившая у койки раненого, мочила кусок марли в бачке с холодной водой и клала майору на лоб. На время раненый затихал, но вскоре снова метался на койке и бредил. Медсестра уже который раз подумала о том, что раненого надо отправить в госпиталь, но военврач уехал в штаб, когда вернется, она не знала, а без него некому было заняться этим.

На рассвете в санчасть дивизии доставили группу раненых бойцов. Привез их на полуторке военврач. Он вместе с санитарями разместил раненых по койкам и подошел к дежурной медсестре.

— Ну что, Маша, танкист хоть немного поспал? — спросил он, тихо кашлянув.

— Что вы, Захар Иванович! — удивленно воскликнула медсестра. — Он и минуты не спал и мне не дал сомкнуть глаз хотя бы на часик. Как бы майор не умер...

В черных глазах военврача отразилась тревога.

— У майора сквозное ранение. Одна пуля прошла ему грудь, едва не задела сердце, не то бы не жить ему, а другая застряла в легком, — со вздохом произнес военврач. Он поднял глаза на медсестру: — Оксана Бурмак еще не вернулась из госпиталя?

— Пока нет, Захар Иванович, — грустно промолвила Маша. — Кстати, она вам ничего не говорила перед тем, как ехать в госпиталь?

— Нет. А что?

— Она хочет попросить командира дивизии, чтобы ее перевели служить в санчасть к танкистам.

Военврач рассеянно посмотрел на медсестру.

— Что, Оксане у нас не нравится? — спросил он не без огорчения.

Маша усмехнулась, на ее худощавом лице появилась улыбка:

— Вы что, товарищ капитан, забыли, кто у нее кумир?

— Кто же? — насторожился военврач, пальцами поправляя на носу очки.

— Танкист, который вытащил ее из воды!

— Она мне об этом рассказывала, — печально произнес военврач, а про себя с горечью отметил: «Любит она этого танкиста. Ищет его, а он лежит у нас, но я ей об этом не скажу. А Маша не знает, что раненый, у койки которого она провела всю ночь, и есть тот самый танкист, только ранее он был капитаном, а теперь майор».

Военврач какое-то время стоял задумчивый, потом собрался выйти из блиндажа, но к нему подошла медсестра Катя, коренастая сероглазая девушка с рыжими кудрями, и глухо сказала:

— Товарищ капитан, он умер. — И во весь голос зарыдала.

Захар Иванович не знал, что и подумать. Его рассердило то, что медсестра пустилась в слезы.

— Красноармеец Колосова, доложите, как положено, — одернул он ее. — Кто умер и почему?

Катя, уняв слезы, объяснила военврачу, что умер боец по имени Олег, которому Оксана Бурмак ставила капельницу. Чувствовал он себя после капельницы хорошо, даже смеялся, шутил, рассказывал ей,

как его ранило и он долго лежал в траншее без сознания, пока санитары не унесли его в санчасть. Но вдруг Олегу стало плохо, он позеленел, хотел ей сказать что-то и не мог. Потерял сознание и тут же скончался.

— А где вы были, когда раненому стало плохо? — строго спросил военврач, насупив брови.

Медсестра Колосова была самой молодой среди своих подруг, менее опытна, и в глубине души Захар Иванович был убежден, что Катя растерялась и не оказала раненому должной помощи.

— Я все время сидела рядом с койкой раненого, потом принесла ему воды, а он уже потерял сознание... В траншее раненый потерял много крови, и, наверное, это явилось причиной его смерти...

— Ладно, — прервал ее военврач, — вскрытие покажет, отчего он умер. А с Оксаной Бурмак я поговорю сам, когда она вернется. Ясно?

— Слушаюсь, товарищ капитан, — сквозь слезы промолвила Колосова.

Военврач ушел к себе и начал просматривать документы на раненых. Он не сразу решил, что делать с танкистом майором Бурлаком. Сначала хотел доложить о нем начальнику санбата, но тут же отказался от этого. «Я отправлю его в госпиталь, — озабоченно подумал военврач. — Там есть все условия, чтобы поставить его на ноги. Так будет лучше и для меня. Вернется Оксана Бурмак, увидит майора и очень огорчится. А я не хочу видеть ее опечаленной. — Он передохнул. — Да, надо отправить майора в госпиталь, но где взять машину?..»

Неожиданно во дворе заурчала машина. Кто бы мог приехать так рано? Военврач вышел из блиндажа. Это на своем «виллисе» прибыл командир дивизии. Странно, однако: вчера генерал был тут, проверял, как лечатся раненые, и вдруг снова приехал. Военврач разволновался, но рапорт комдиву отдал четко.

— Майор Бурлак у вас? — спросил генерал, глядя на Захара Ивановича пристально, словно тот в чем-то провинился.

— У нас, товарищ генерал, — подтвердил военврач. — Доставили его сюда с поля боя вчера поздно вечером.

— Как он?

— Все время бредит. Я принял решение срочно отправить его в госпиталь, ему нужна операция, но пока нет транспорта. В моем распоряжении две полуторки, но обе машины доставляют с передовой в санчасть раненых...

— Госпиталь далеко? — прервал его генерал.

— Километров десять, в селе Красный Яр.

— Отвезите раненого на моем «виллисе», а я пока буду решать свои вопросы в штабе, — распорядился комдив. — Вы меня огорчили, капитан. Я просил вас лично позаботиться о майоре Бурлаке, а вы даже в госпиталь его не отвезли.

— Я же доложил вам, что не было транспорта... — начал было оправдываться Захар Иванович, но генерал снова прервал его.

— Почему мне раньше не доложили? — суровым тоном спросил он. — Есть машины и в штабе дивизии, могли бы попросить у начальника штаба.

— Начальник штаба был занят, и я не стал его беспокоить.

— Вот уж не ожидал от вас такой скромности, Захар Иванович, — жестко произнес комдив, глядя на военврача колючими глазами. — Вернетесь из госпиталя, и мы об этом поговорим, а теперь везите майора,

не то может случиться беда. Сколько в его груди пуль?

— Одна, товарищ генерал, но в таком месте, что извлечь ее способен лишь опытный хирург. В госпитале есть такие врачи.

— Через час постарайтесь вернуться, — предупредил комдив.

Военврач внезапно расслабился и промолвил:

— Слушаюсь, товарищ генерал!..

Машина выехала на проселочную дорогу и, набрав скорость, скрылась за поворотом. Провожая ее взглядом, комдив подумал: «Только бы “виллис” не атаковали “юнкеры”».

Вернулся военврач, как и велел ему комдив, через час. Ночью шел дождь, и земля вокруг блиндажа раскисла, сапоги вязли в черной жиже. Капитан наскоро вытер сапоги и вошел в блиндаж. Генерал уже ждал его. Выслушав доклад, спросил:

— По дороге вас не бомбили?

— Обстрелял «юнкере», но не бомбил, видно, где-то уже сбросил свой смертоносный груз, — объяснил Захар Иванович. — Выпустил по машине пулеметную очередь, но не попал.

— А что майор Бурлак, как он?

— Пока ехали по степи, он постанывал, а потом снова начал бредить. Его сразу же стали готовить к операции, а я тронулся в обратный путь.

После недолгой паузы комдив спросил военврача, спасут ли раненого.

— Скажи честно, он будет жить? — Генерал смотрел в упор, давая понять военврачу, что судьба командира танковой бригады волнует его.

— Я убежден, что майор выкарабкается, — на веселой ноте произнес Захар Иванович. — Организм у него крепкий, тут я спокоен, а вот то, что раненый долго бредит и не приходит в себя, меня настораживает, — с горечью добавил очкарик. — Как только танкиста прооперируют, доложу вам обстановку.

— Добро, капитан, — согласился комдив. — Звони мне в любое время, что и как. Храбрецов я очень уважаю, а майор как есть храбрец. Кстати, на днях у меня была на приеме медсестра Оксана Бурмак, — спохватился генерал. — Просила перевести ее в санчасть к танкистам. Вы в курсе?

Военврач покраснел, и это не ускользнуло от генерала.

— Она высказывала мне свою просьбу, но я счел нужным ее не отпускать, — пояснил капитан. — У меня и так не хватает медицинских сестер. — Он помолчал. — Я не разрешал ей обращаться к вам по этому вопросу. Вот вернется из госпиталя, и я поговорю с ней.

— Не надо наводить справки, капитан, — перебит военврача генерал. — Переводить ее к танкистам не будем.

Захар Иванович стоял перед комдивом, размышляя, не доложить ли ему о том, что медсестру спас Бурлак, когда взрывной волной ее сбросило с палубы корабля в воду. Теперь она ищет своего спасителя, а его отправили в госпиталь. «Нет, комдиву я об этом не скажу», — решил военврач.

— Похоже, капитан, медсестра влюбилась в танкиста, — после долгой паузы промолвил комдив. Он сузил глаза. — Что скажешь?

— Все может быть, хотя ничего особенного в этой Оксане нет... Разрешите закурить?

— Кури, — грустно отозвался генерал и заговорил о другом: — У вас вчера был начальник санслужбы дивизии военврач 2-го ранга Нестеров?

— Был, — подтвердил Захар Иванович. — Он проверял, как мы лечим раненых, велел всех тяжелых отправлять в госпиталь. Я хотел было сделать операцию майору-танкисту, но он сказал, что в госпитале лучшие условия. Он дал мне хороший совет.

Военврач достал трофейные папиросы и закурил, жадно глотая дым. Разные мысли ручейками потекли в его голове, и эту озабоченность заметил комдив.

— О чем задумался, капитан? — спросил он с ухмылкой. На его полном лице у глаз появились морщины.

— О судьбах людей на фронте, товарищ генерал, — усмехнулся Захар Иванович. — Тот же майор Бурлак. Разве знал он, что бой у переправы будет для него последним? В его танк угодил вражеский снаряд, двоих убило, а майор чудом остался жив, но с пулей в груди. Значит, не судьба ему погибнуть.

— Судьба всегда стоит за храбрых, капитан, — философски заметил генерал. — Не зря в народе говорят, что тот, кто хочет быть Цезарем, должен иметь душу Цезаря...

Их разговор прервал появившийся дежурный по связи лейтенант с тонкими усиками и слегка загоревшим лицом.

— Товарищ генерал, вас требует к телефону командующий армией! — доложил он.

— Иду! — громко отозвался комдив. Он взглянул на военврача: — Когда здесь появится начальник санслужбы дивизии, скажите ему, чтобы связался со мной.

Захар Иванович выпрямился, в его глазах блеснули искорки.

— Будет сделано, товарищ генерал! — четко произнес он.

Полуторка, груженная медикаментами, въехала во двор санчасти вечером, когда на небе высыпали звезды. Ветер еще с утра прогнал косяки черных туч, небо посветлело, и лишь на западе, где проходил главный рубеж обороны, громыхали орудия. В самом Сталинграде бои не утихали, и, хотя враг пытался овладеть городом, ему достичь этого пока не удалось. Захар Иванович только что закончил обход раненых и уединился в углу блиндажа, где находился небольшой деревянный стол, за которым он работал. В прошлую среду их район подвергся бомбардировке, и одна из бомб, сброшенных «юнкерсом», разорвалась неподалеку от санчасти. Вышел из строя электродвигатель, и в блиндаже погас свет. Пришлось зажигать свечи, и как был рад Захар Иванович, когда электрики завели запасной электродвигатель и лампочки вновь зажглись в блиндаже, освещая огромную комнату, где на койках лежали раненые! Едва военврач стал делать записи в журнале, как услышал громкий голос дежурного санитаря:

— Товарищ капитан, вас просят на выход!

Во дворе Захар Иванович увидел полуторку, около нее суетился сержант-водитель, а Оксана Бурмак, стоявшая в кузове машины, подавала ему небольшие картонные ящики с бинтами и разными лекарствами.

— Что вы делаете, красноармеец Бурмак? — подал голос военврач. — Отставить разгрузку! Я сейчас пришлю сюда бойцов, а вы отдыхайте с дороги. Не женское дело таскать грузы. — Он подошел к ней так близко, что заметил под ее глазами темные крапинки.

Оксана отбросила со лба челку.

— Я очень устала, Захар Иванович, — призналась медсестра, — но рада, что получила на госпитальном складе все необходимое для раненых. Нам даже дали десять капельниц.

Военврач мягко улыбнулся, отчего на его правой щеке резко обозначился шрам. Оксана невольно подумала: «Какое же некрасивое у него лицо!»

— Я знал, кого надо посылать за медикаментами. Ты просто молодчина, Оксана!

Она сказала, что без водителя не справилась бы. Захар Иванович взглянул на сержанта, который рассматривал в ящике какие-то лекарства.

— Как работала моя медсестра? — спросил он.

— Оксана? — переспросил сержант. — Отлично! Она приглянулась начальнику госпиталя, он даже предложил ей работу в хирургическом отделении, но она отказалась, сославшись на то, что уже привыкла оказывать помощь раненым на передовой, и хотя там опасно — того и гляди, ужалит пуля или осколок, ее это не страшит.

Захар Иванович взглянул на медсестру.

— Это правда, Оксана? — И, не дождавшись ответа, добавил: — Я рад, что ты отказалась перевестись в госпиталь. Все мы к тебе привыкли, и нам без тебя будет не по себе. Ты моя первая помощница.

«Не хитри, очкарик, — мысленно ответила Оксана своему начальнику. — Ты пялишь на меня глаза, но мне по душе танкист, а не ты...»

После ужина Оксана зашла к нему.

— Хочу спросить вас, Захар Иванович: к нам поступали раненые, когда я уезжала в госпиталь?

— Семнадцать человек. А что?

— Есть среди них танкисты? — поинтересовалась Оксана.

Военврач ответил не сразу. Он помолчал, размышляя, и наконец разжал тонкие губы:

— Был один майор. У него тяжелое ранение, и я не стал его оперировать, а отправил в госпиталь. Боялся, что сам не справлюсь.

«Иван Лукич Бурлак — капитан, значит, раненый танкист не он», — горестно вздохнула Оксана.

— Ну а ты как съездила? Удалось побывать дома? — спросил Захар Иванович. — Или Кировский район города немцы тоже захватили?

— Пытались захватить, но наши бойцы отбили все их атаки. — Голос у Оксаны был ровный, но в нем военврач уловил тревожные нотки. Ему захотелось хоть как-то ободрить медсестру, и он, улыбаясь, произнес:

— С гитлеровцев сбита спесь, и города им не взять!.. Да, а маму свою видела или она эвакуировалась?

Оксана поджала губы, и Захар Иванович увидел, как посерело ее лицо, а в глазах угасли искорки.

— Болеет она, сердце прихватило. Сказала, что когда ей станет легче, уедет к сестре на левый берег. Она боится бомбежки и, если появляются «юнкеры», забирается в погреб и сидит там, пока не улетят самолеты. Жаль мне ее до слез, а что поделаешь — война, и все мы страдаем.

— А где твой отец?

— В сорок первом погиб под Москвой. Он был танкистом.

— Потому-то к танкистам у тебя доброе отношение, — улыбнулся Захар Иванович. — Кроме того, как говорила мне, танкист вытащил тебя из воды, не так ли?

— Он самый... — тихо обронила Оксана, поведя бровью.

— Хотел бы я оказаться на месте того танкиста, — задумчиво промолвил военврач.

Она усмехнулась:

— У вас, Захар Иванович, руки хирурга — нежные, как у женщины, и вы не смогли бы управлять грозным танком.

— Человек привыкает ко всему, и я бы привык, — возразил военврач. Он тяжело поднялся со скамейки, остро взглянул на медсестру: — В ночь заступишь дежурной по санчасти, а я уезжаю в три часа дня в соседний санбат, буду оперировать там сапера. Так что остаешься тут старшей.

— Хорошо, Захар Иванович, можете не беспокоиться, — заверила его Оксана.

Кажется, никогда она еще так не волновалась, как в этот раз. Дежурство ей выдалось беспокойное. В полночь привезли группу раненых бойцов, и она вместе с подругой Машей трудилась без устали, пока не сделали всем перевязки. Двоим тяжелораненым пришлось поставить капельницы, и после этого им стало лучше. Кареглазый сержант-артиллерист лежал на койке без правой руки. Поначалу он стонал, потом притих и долго глядел куда-то в белый потолок. Оксана присела к нему на койку, улыбнулась.

— Где это тебя так шарахнуло? — спросила она, меняя ему бинт, пропитавшийся кровью.

Белое, как стена, лицо бойца слегка зарумянилось.

— Я сам удивляюсь, что остался жив, — глухо сказал он. — На нас шли вражьи танки, а мы били из орудий по ним в упор. Я был заряжающим, снаряды подавал в ствол, как мячики, хотя они чертовски тяжелые. Три машины удалось подбить, один танк горел. Но и нам досталось. Снаряд разорвался рядом с орудием. Меня ослепило, присыпало землей, а когда очнулся, то увидел, что правой руки у меня нет. Лежал на дне траншеи весь в крови. Помню, как ко мне подскочил санитар и начал бинтовать. И тут я потерял сознание. Очнулся, когда нас привезли сюда на машине. — Он передохнул. — Жаль, что остался без руки. Правда, и с одной рукой жить можно, а вот на фронт я больше не попаду.

— Родом откуда? — спросила его Оксана, закончив перевязку.

— Из Минска я, там сейчас хозяйничают фашисты. Мой отец ушел в лес к партизанам, а где мама — не знаю: то ли у сестры в деревне неподалеку от Минска, то ли стала беженкой. Я очень люблю свою маму и потому часто думаю, где она и жива ли.

— Кто же не любит свою маму? — грустно усмехнулась Оксана. Она помолчала с минуту и спросила: — Рана не болит?

— Чуток ноет... — Боец посмотрел ей в лицо: — Курить охота, может, скрутишь мне сигарку? — В его голосе она уловила дрожь.

— Курить тебе сейчас никак нельзя, голубок, — жестко возразила медсестра. — Утром тебя будет осматривать врач... А вот укол я тебе сделаю, чтобы унять боль.

Она сделала ему укол, и он тут же уснул.

Оксана обошла раненых. Боец с перевязанной головой захотел воды, другой, раненный в ногу, спросил, отправят ли его в госпиталь, а третий умолял Оксану помочь ему написать письмо своей невесте.

— Она, моя Клава, живет в Москве и, должно быть, волнуется, почему от меня нет писем, — сказал боец. — А когда мне было писать, если мы то и дело бросались в атаки, не давая фашистам продвигаться к столице? А потом нашу дивизию перебросили под Сталинград...

— Напишем письмо утром, а сейчас на работе у меня много дел, — улыбнулась Оксана. — Хорошо?..

Неожиданно заголосил телефон прямой связи с госпиталем, где недавно Оксана получала

медикаменты. Она взяла трубку. Оказалось, это был хирург, он просил позвать к телефону своего коллегу Захара Ивановича.

— Он уехал в санбатальон, — пояснила Оксана. — Что-нибудь случилось?

— Передайте ему, что операция майору-танкисту сделана, — заговорила телефонная трубка. — Из левого легкого я извлек пулю. Майор чувствует себя удовлетворительно. Вы поняли?

— Так точно! — мигом отозвалась Оксана. — Скажите, а как фамилия раненого?

— Майор Бурлак!

У Оксаны кольнуло в груди. Сердце бешено забилося.

— Как зовут майора? — только и спросила она.

— Иван Лукич, — ответил хирург. — А кто это спрашивает? Вы же сами вчера доставили нам этого раненого, он лежал у вас в санчасти! Сам Захар Иванович привез его в госпиталь... А с кем я говорю?

— Дежурная медсестра красноармеец Оксана Бурмак!

— Вы что, родственница майора? — заинтересовался хирург.

— Нет, — повысила голос Оксана. — Он Бурлак, а я Бурмак!

— Чудеса какие-то, — проворчал хирург. — Пусть Захар Иванович позвонит мне утром. До свидания!..

Оксана легко вздохнула. Она не знала, что и подумать. Наконец-то Ванек, как она про себя называла Бурлака, нашелся! Она была так рада, что на глаза навернулись слезы. Самые разные мысли наполнили все ее существо. И одна из них — почему военврач не сказал ей о майоре Бурлаке? Почему он скрыл это от нее? Ведь он знал, что она давно разыскивает своего спасителя...

«Мне надо ехать в госпиталь! — решила Оксана. — Но отпустит ли Захар Иванович? Хотя бы на денек...»

Всю ночь она не сомкнула глаз, и все ее мысли были теперь о майоре Бурлаке. Как он там после операции? «Из левого легкого я извлек пулю. Майор чувствует себя удовлетворительно», — сказал ей хирург. Эти его слова и обрадовали ее — скоро она увидит Ивана, — и насторожили — не будет ли обострения после операции? Она вспомнила раненого бойца Олега. Ставила капельницу, ему стало лучше, нормализовалась температура, он повеселел, начал говорить ей комплименты, называл «синеглазкой», хотя глаза у нее отнюдь не синие, а голубые. Собираясь ехать в госпиталь за лекарствами и медицинскими принадлежностями, она попросила медсестру Катю Колосову присмотреть за Олегом, вечером сменить ему повязку...

У Кати от улыбки посветлело лицо.

— Ты не влюбилась в него? — спросила она.

— Катюша, раненых у нас много, а мое сердце принадлежит одному...

— Кто он? — вскинула брови Катя.

— Ты его не знаешь. — Оксана глубоко вздохнула. — Гляди тут, подружка.

Когда Оксана вернулась из госпиталя, ее вызвал к себе военврач и грустно произнес:

— Раненый Олег, которому ты ставила капельницу, умер. — Захар Иванович сделал паузу. — Вскрытие показало, что в сердце попал тромб и раненый скорострительно скончался. Нашей вины в этом нет.

— Жаль парня, — вздохнула Оксана. — Шутил, смеялся и вдруг умер. Просто не верится...

Она вышла из блиндажа. Наступал рассвет. Небо у краев постепенно светлело. Где-то далеко всходило солнце, и его острые лучи на горизонте подпирали небо, которое приобретало бронзовый цвет. «Скорее бы наступило утро, тогда появится и Захар Иванович», — взгрустнула Оксана.

Но военврач пришел в шесть часов, когда она обходила раненых и меняла им повязки.

— Доброе утро, Оксана! — улыбнулся Захар Иванович. — Как вы тут без меня? Никто не умер?

Оксана разжала тонкие губы.

— Все бойцы живы, товарищ капитан, но, к сожалению, не все здоровы, — сказала она.

— Начальство не приходило?

— Пока нет. Из госпиталя, что в селе Красный Яр, звонил хирург, просил передать вам, что майору-танкисту сделали операцию, чувствует он себя удовлетворительно...

Захар Иванович ощутил, как кровь прихлынула к лицу. Он даже нагнулся, чтобы медсестра не увидела в этот момент его глаза.

— У вас всё, красноармеец Бурмак? — спросил он, не глядя на нее.

Она перевела дыхание.

— Захар Иванович, почему вы скрыли от меня, что раненый майор Иван Лукич Бурлак и есть тот танкист, которого я так долго разыскиваю? — сдержанно осведомилась Оксана.

— Кто тебе о нем сказал? — грубо спросил военврач.

— Хирург, который его оперировал. Кстати, он просил вас утром позвонить ему.

Не сразу ответил Захар Иванович. По его потемневшему лицу и глазам, в которых светилась тоска, Оксана поняла: ему стало больно то ли оттого, что не он сообщил ей о танкисте, то ли оттого, что не смог скрыть это. Потом он вскинул голову и пристально взглянул в ее лицо, которое словно накрыла грозовая туча:

— Все просто, Оксана. Я не хотел, чтобы ты переживала, увидев тяжелораненого майора, а от переживаний до сильного стресса с непредсказуемыми последствиями один шаг. — Говорил военврач неторопливо и твердо. — Но после операции, когда майору стало лучше, я бы тебе сказал, но, видит Бог, не успел. Извини, пожалуйста. — Он хотел было идти, но Оксана задержала его:

— Я хочу его проведать...

— Желаете поехать в госпиталь? — уточнил Захар Иванович.

— Да.

— Тебе повезло, Оксана. — Захар Иванович бросил на медсестру добродушный взгляд. — Сейчас нужно отправить в госпиталь четырех раненых, их надо оперировать. Кстати, тоже танкистов, правда, совсем зеленых.

— То есть... — Она запнулась.

— Молодых, значит, бойцов, недавно прибывших в часть, — пояснил военврач. — Передашь раненых и повидаете своего майора.

— Когда мне вернуться в санчасть? — уточнила Оксана.

— Завтра к десяти утра, не позже, — предупредил военврач. — На фронте идут жаркие бои, и раненых прибавится. А кто им должен оказать помощь? Только мы, медики.

— Вы тоже поедете в госпиталь? — спросила, повеселев, Оксана.

— Нет, ты будешь за старшего...

Полуторка бежала по проселочной пыльной дороге. Навстречу к переправе поротно шли бойцы при полном боевом снаряжении, на груди — автоматы. За ними — гнедые лошади с огромными волнистыми гривами тащили противотанковые орудия. У канавы машина остановилась, ожидая, когда через нее пройдут артиллеристы. В кузов, где находились раненые, заглянул курносый сержант.

— Тут, хлопцы, такая куколка сидит, что глянешь на нее — и дух захватывает! — воскликнул он. — Да у нее раненые! Куда везешь их, сестрица?

Оксана сдвинула брови.

— В госпиталь на операцию, — усмехнулась она. — Может, и тебе надо в госпиталь? — В ее голосе прозвучала насмешка.

— Боже упаси ваш госпиталь! — замахал руками сержант. — Я здоров как бык!.. А тебе, сестрица, палец в рот не клади — откусишь...

В это время раздался чей-то громкий голос:

— Воздух! Рассредоточиться!..

И в этот же миг Оксана услышала пронзительный вой пикирующих «юнкеров». Выгнанный из кузова машины, она увидела, как с юга шли в атаку на артиллеристов пять вражеских самолетов. По ним открыли огонь спаренные «максимы», треск и грохот заполнили все окрест. Взрывы бомб раскололи воздух. Однако бомба взорвалась неподалеку от машины, в которой находились раненые. Оксану ослепило яркое пламя, она выпрыгнула из полуторки и плашмя упала на землю, уткнувшись лицом в рыхлый песок, пахнувший конским навозом. Лежала до тех пор, пока «юнкеры» не ушли, напоследок обстреляв артиллеристов из пулеметов. Казалось, совсем рядом ржали от испуга лошади, слышались крики раненых. Оксана поднялась, стряхнула с себя комья земли. Она была рада, что осколки не задели ее и не угодили в машину. Но что это? В пяти шагах от нее лежал на спине тот самый сержант, который заглядывал в кузов машины и говорил ей, что он здоров как бык. Он корчился от боли, стонал тяжело, с хрипом. Она подскочила к нему. Осколком бомбы ему как бритвой отрезало по локоть правую руку. Кровь забрызгала ему лицо и грудь. Оксана выхватила из своей сумки бинт и начала делать перевязку, чтобы остановить кровь. К ней подошел майор.

— Что с ним, сестра? — спросил он. — Это сержант из моего батальона.

— Был ваш, а теперь станет нашим, — серьезно ответила Оксана. — Вы же видите, что с ним. Придется везти его в госпиталь, иначе начнется гангрена и тогда ему отрежут руку по плечо. Как звать сержанта? Вася...

Раненый застонал еще громче. В его глазах были страх и смятение.

— Он сапер, — сказал майор. — Что ж, везите его в госпиталь. Я буду знать, где он находится. О ранении сержанта доложу по команде.

Втроем — майор, сержант-водитель и Оксана — положили Васю в кузов машины, где на носилках лежали раненые.

— Товарищ майор, — проговорил сержант, — дайте знать моей маме, что ранен я... Меня подлечат, и я вернусь в родной полк.

— Отвоевался ты, Васек! — промолвила Оксана.

Она сделала ему укол, и полуторка двинулась в путь. Село Красный Яр, где расположился госпиталь, было уже недалеко.

Когда полуторка проезжала низину, неподалеку от проселочной дороги Оксана увидела глубокую воронку от бомбы. Разбитое орудие лежало на гребне воронки, а чуть дальше от него — три убитых лошади. На лафете орудия сидел боец-артиллерист и грыз сухарь.

«Хорошо, что в нашу машину не попала бомба, не то бы и раненым и мне конец...» От этой мысли на душе у нее похолодело, словно туда попал кусок льда.

Устроив раненых в палатах, Оксана поспешила в приемный покой, чтобы узнать, где лежит майор Бурлак.

— В третьей палате, — сказал ей дежурный врач. — Возьмите белый халат...

Бурмак неподвижно лежал на койке у окна. Оксана тихо подошла к нему и села рядом. У нее гулко стучало сердце, и она ничего не могла с этим поделать. Никак не ожидала она, что так сильно станет волноваться. Дежурная медсестра сообщила ей, что сделала майору укол и он уснул. Медсестра, небольшого роста девушка с тонким, слегка смугловатым лицом и карими глазами, была приветлива с ней, но все же попросила не будить раненого, пока он сам не проснется.

— Ночью у него был жар, и он не спал, — объяснила она.

— Я подожду, когда он проснется.

— Вас Оксаной зовут? — спросила медсестра.

— Да. Откуда вы знаете? — удивилась Оксана.

— Майор вчера бредил и называл это имя.

«Не забыл, значит, меня», — обрадовалась Оксана, но виду не подала. Она не знала, сколько прошло времени, но неожиданно Бурлак открыл глаза.

— Ты?! — вскрикнул он.

Оксана мягко и доверчиво улыбнулась.

— Я, Ванек... — Прильнула к его груди и поцеловала в щеку. Она была холодной, как лед.

«Это хорошо, значит, у него нет температуры», — отметила про себя Оксана, а вслух спросила:

— Как ты себя чувствуешь?

— В груди чуток побаливает. — Он сунул руку под подушку и тут же вынул ее, разжал пальцы, и на ладони Оксана увидела пулю.

— Хирург извлек из моего легкого, — пояснил Бурлак. — Пять грамм свинца. Оставил на память. — Он спрятал пулю. — Ну а где ты проходишь службу? — Иван Лукич взял ее за руку. — Меня вспоминала? — невинно спросил он.

Оксана рассеянно посмотрела ему в лицо.

— Очень даже часто вспоминала. — Она тихо вздохнула. — В санбате я служу, а сюда привозила раненых и случайно узнала, что ты здесь... Что же ты себя, Ванек, не уберег?

— Да вот и не уберег. — Он сжал губы так, что они побелели, потом разжал их. — Война, понимаешь... Помнишь, как тебя взрывная волна выбросила с палубы судна в Волгу? В один миг... Так и меня ужалила пуля. Очнулся, когда санитар тащил в блиндаж. — Он поднес ее руку к своим губам и поцеловал. — Как твое плечо, зажило?

— Давно зажило. — Она ласково ущипнула его за нос. — Я ждала, что ты проведешь меня в госпитале, но увы...

— Понимаешь, я приезжал на тракторный завод получать танки после ремонта. — Иван Лукич перевел дыхание. — Заскочил в комендатуру, чтобы узнать, где госпиталь, куда тебя положили. Оказалось, что за два дня до моего прихода его эвакуировали в село Красный Яр. Это и есть то место, где я сейчас лежу.

Помолчали, каждый думал о своем. Потом Оксана заговорила, заметив, что посидит у него час-другой, а затем проведает дядю Андрея. При этих словах глаза у нее заискрились и стали похожи на два фонарика.

— Стоп, у меня есть фотокарточка. Хочешь посмотреть?

Иван Лукич оживился:

— Не шутишь?

Оксана вынула из своей санитарной сумки фотокарточку и отдала ему, пояснив:

— Когда уходила на фронт, взяла на память.

— На фото трое: ты, твоя мама и мужчина. Кто он?

— Дядя Андрей.

Бурлак вгляделся в лицо мужчины.

— Я где-то его видел, — сказал он, почесывая лоб. — Вспомнил! Познакомился с ним в поезде «Пермь — Сталинград», когда в июле ехал сюда на фронт. Мы с ним даже выпили. Он говорил мне, что его старший брат Сергей погиб в боях под Москвой в сорок первом...

— Это погиб мой отец, — тихо обронила Оксана, и в ее голосе Иван Лукич уловил дрожь. — Он тоже был танкистом, как и ты, Ванек.

— Тогда я предложил помянуть Сергея, и мы снова выпили, — продолжал Бурлак. — Он сказал, что сам из Сталинграда, живет на Заречной улице, неподалеку от Мамаева кургана, а работает проводником в поезде. Хороший парень, мне он понравился. Да, еще говорил, что у погибшего брата осталась дочь и зовут ее Оксаной. Это, значит, ты и есть?

— Я. — Она усмехнулась. — Дядя Андрей меня очень любит. Когда я училась в институте, он помогал мне.

Иван Лукич вернул ей фотокарточку.

— Когда мы расставались с твоим дядей, то на клочке бумаги он написал свой адрес, приглашал в гости, но этот клочок я где-то посеял. Так и не пришлось мне погостить у твоего дяди. Наверное, там и с тобой познакомился бы.

— Вряд ли, Ванек, я жила с мамой и к нему заходила редко.

Иван Лукич долго смотрел на девушку, подумал и вдруг сказал:

— Ты... ты хочешь быть моей женой?

Оксана едва сдержала радость. Она никак не ожидала, что вот так напрямую, без каких-либо объяснений, Ванек сделает ей предложение. А он, приняв ее молчание за согласие, горячо продолжал:

— Вот выпишут меня из госпиталя, я приеду к тебе в санбат, и мы сыграем свадьбу, а?

Оксана без слов нагнулась к нему и поцеловала. Губы у него были горячие, и она насторожилась.

Спросила:

— У тебя нет температуры?

— Медсестра еще не давала градусник. А вот и она идет...

— Ну что, голубки, поворковали? — улыбнулась медсестра, глядя на них.

— Так, немного... — смутился Иван Лукич. — Что, снова будете ставить мне капельницу? Может, хватит? Вчера капельница, сегодня...

— Об этом спросите у своего лечащего врача, не я, а он назначил, — сухо и, как показалось Оксане, с обидой промолвила медсестра. — Вечером вам тоже будет капельница. Скорее пойдете на поправку. — Она достала из кармана своего халата градусник и дала ему: — Положите под мышку.

Пока медсестра готовила для капельницы раствор, Иван Лукич держал градусник. Наконец он вынул его и отдал Оксане:

— Погляди, что там...

Оксана едва не вскрикнула: 39 градусов!

— Вот видите, это вы его так разволновали, — упрекнула медсестра Оксану. — Вам пора уходить, а я сейчас приведу сюда врача посмотреть раненого.

Оксана молча поднялась. Ей так не хотелось уходить...

— Приходи еще, ладно? — тихо попросил Иван Лукич.

— Постараюсь. — Она снова нагнулась к нему и поцеловала в щеку. — Я люблю тебя, Ваня! — добавила она и шагнула к выходу из палаты.

4

Ноябрь пришел в Сталинград снежный и морозный. Но Волга еще не замерзла, лишь вдоль берега появились островки тонкого льда, что существенно осложнило работу переправ. А вот на дорогах колючий ветер намел сугробы, машины то и дело застревали в глубоком снегу, их приходилось вытягивать танками или тягачами. Лошади с трудом тащили за собой подводы, груженные боезапасом и продовольствием. Казалось, что холода остудят пыл гитлеровцев, но нет, бои в районе Сталинграда и в самом городе еще более обострились, и положение наших войск продолжало ухудшаться. Гитлеровское командование все силы бросило против войск 62-й армии генерала Чуйкова, перекинув на этот горячий участок фронта подкрепления из тех войск, которые ранее действовали против Донского фронта. 10 ноября врагу удалось занять южную часть завода «Баррикады» и выйти к Волге. Командующий Сталинградским фронтом генерал Еременко немедленно поставил в известность об этом Ставку. Сталин отреагировал на его донесение остро. Он вышел на связь по ВЧ со штабом фронта. Обычно, когда он звонил, разговор начинал с вопроса об обстановке на оборонительных рубежах и терпеливо выслушивал доклад командующего. В этот раз верховный повел себя по-другому. Услышав голос Еременко, он стал его отчитывать.

— Как вы могли позволить противнику выйти к Волге в районе завода «Баррикады»? — жестко спросил он.

Андрея Ивановича вопрос «в лоб» смутил, он растерялся и не сразу нашелся что ответить Верховному. А тот нажимал:

— Я вас не понимаю, товарищ Еременко. — Голос у вождя глуховатый, с надрывом — таким он был всегда, если верховный высказывал свое недовольство. — Обещали, что разделаетесь с врагом, а на деле получается совсем другое? Вам не кажется это странным?

«Опять, наверное, вспомнил про Брянский фронт и Гудериана», — пронеслось в мыслях Андрея Ивановича. А случилось это в 1941 году, когда Еременко назначили командующим Брянским фронтом и в беседе со Сталиным он заверил его в том, что в ближайшие же дни, безусловно, разгромит армию Гудериана. Но, к сожалению, действия войск Брянского фронта оказались малоэффективными. Сам же командующий фронтом генерал Еременко получил ранение и попал в госпиталь. Сталин был зол на Андрея Ивановича и все же посетил госпиталь, где он лежал. Приход вождя так обрадовал Еременко, что у него повлажнели глаза, но ему было не по себе от мысли, что свое обещание, данное верховному, он так и не выполнил.

— Я не мог разбить Гудериана, товарищ Сталин, а тут еще меня пуля прошила... — начал было оправдываться Андрей Иванович, но Иосиф Виссарионович прервал его.

— Не волнуйтесь, товарищ Еременко, у нас есть другие генералы, которые смогут разбить Гудериана, — добродушно сказал он. — Вы лечитесь и ни о чем не думайте. Отправим вас в Куйбышев, подальше от фронта, чтобы были тишина и покой. А когда поправите здоровье, мы дадим вам новый фронт...

И дали фронт — Сталинградский...

— Я слушаю вас, товарищ Еременко, — вновь раздался в телефонной трубке голос вождя.

Минутная растерянность у Андрея Ивановича прошла, и он заговорил твердым, уверенным голосом. Положение 62-й армии, подчеркнул командующий, усугубилось тем, что на Волге начался ледостав и перебросить Чуйкову подкрепление через реку не удавалось в течение двух-трех дней, а те войска, которые у него есть, очень ослабли в боях и не смогли сдержать натиск врага.

— Но я уже принял меры, товарищ Сталин, и через день-два Чуйков вышибет фашистов с занятых рубежей, — заверил верховного Андрей Иванович.

— Скажите, противник еще очень силен? — спросил Сталин.

Еременко заявил, что немцы уже не так сильны, какими были еще два месяца назад, и, хотя генерал Паулюс регулярно получает подкрепления, особенно танками, его 6-я армия выдохлась и уже не в состоянии организовать мощный удар, как это было в октябре.

— Я уверен, что это последняя попытка врага захватить Сталинград. — Андрей Иванович облегченно перевел дух. — Конечно, Паулюс будет еще наступать, но его уколы нам уже не страшны. Для нас сейчас важно другое — возобновить подвоз боеприпасов и продовольствия, а также вывезти всех раненых. Перебои не должны повториться и не повторятся.

— Вот это уже другой разговор, товарищ Еременко, — усмехнулся в трубку верховный. — У меня даже на душе потеплело. В будущем, однако, прошу не допускать промахов, которые играют на руку врагу, а мы несем лишние потери. Руководство обороной города на вашей совести.

— Слушаюсь, товарищ Сталин, — повеселевшим голосом произнес Андрей Иванович.

Переговорив по ВЧ, Еременко почувствовал, как вспотело лицо. Он достал платок и вытер его. Приоткрыв дверь комнаты, он позвал адъютанта.

— Пошлите ко мне начальника штаба генерала Варенникова, — сказал Андрей Иванович.

(Генерал-майор И.С. Варенников был назначен начальником штаба Сталинградского фронта вместо генерала Г.Ф. Захарова, ставшего заместителем командующего фронтом. — А.З.)

После разговора с командующим фронтом Еременко Сталин насторожился: все ли делается в армиях Сталинградского фронта для подготовки к контрнаступлению? На днях туда улетел его заместитель генерал армии Жуков, чтобы проверить готовность войск, у него глаз наметан. Но от Жукова пока вестей нет. Верховный вызвал Поскребышева. Тот незамедлительно явился.

— Где сейчас находится нарком Малышев? — спросил Сталин, слегка прищурился глаза.

— На Сталинградском фронте у генерала Еременко! Еще вчера я звонил ему, передал, что вы ждете его в Кремле вечером, но он почему-то не прибыл.

— И не звонил?

— Нет.

— А по «бодо» для меня ничего нет?

— Пока нет, товарищ Сталин. Я только что справлялся на узле связи Генштаба. Попробую выяснить сейчас, вылетел ли нарком из Сталинграда.

— Не надо, — резко возразил Сталин.

С видимым усилием он поднялся из-за стола и подошел к огромной оперативной карте. Сталинград... Жуков говорил ему, что немцы сильно разрушили город с воздуха, вдоль когда-то прекрасных зеленых улиц торчат одни печные трубы. И все же город врагу не покорился, по-прежнему могучим утесом стоит он у Волги-матушки. «Скоро, уже скоро, мой друг Царицын, вся фашистская свора будет выметена с твоих улиц железной метлой и ты вздохнешь полной грудью, — мысленно заверил Сталин. — Разве одному мне ты дорог? За тебя пролили кровь тысячи и тысячи преданных тебе сынов и дочерей, для них твоя земля стала родной, и они готовы отдать за тебя свою жизнь. Я будто наяву вижу тебя, мой друг...»

В это время кто-то постучал в дверь.

— Входите! — громко произнес хозяин кабинета.

Это был нарком танковой промышленности генерал Малышев собственной персоной, на его лице играла улыбка.

— Прямо с аэродрома к вам, товарищ Сталин, — сказал он, заметно смутившись, да и голос его прозвучал напряженно: чувствовалось, что он волновался, но старался не подать виду. — В городе остался Воронов, а я вернулся, чтобы переговорить с директорами заводов. Боюсь, как бы не сорвался план выпуска танков.

Сталин подошел к нему, поздоровался за руку.

— Я ждал вас вчера, Вячеслав Александрович, — сухо заметил он. — Что, была веская причина задержаться? Да вы проходите к столу и садитесь.

— Была, Иосиф Виссарионович. — Малышев с натугой опустился в кресло. — В штаб фронта был приглашен командующий Волжской военной флотилией контр-адмирал Рогачев. Речь шла о взаимодействии моряков с армейцами, высадке десантов на правый берег, переброске войск в сражающийся Сталинград. И у меня к нему было важное дело, — продолжал Малышев. — Вы давали мне указание выделить флотилии бронированные башни для катеров — так вот и об этом я беседовал с адмиралом. Засиделся допоздна, а тут над Волгой навис густой туман и летчик попросил перенести вылет в Москву на рассвет, что я и сделал.

— Как с башнями для моряков, дали? — спросил Сталин.

— Дали, Иосиф Виссарионович, но после того, как выполнили план по производству танков. Об этом я сообщил наркому ВМФ адмиралу Кузнецову, и он остался доволен.

— Хорошо, Вячеслав Александрович. — Сталин впервые за все утро улыбнулся в усы. — На этот раз вы дольше обычного находились в Сталинграде, многое там видели, со многими военными встречались, наверное, узнали немало новостей и о замыслах генерала Паулюса. Как вы считаете, есть у него шанс взять город?

Малышев смутился.

— Я же не полководец, Иосиф Виссарионович, — сказал он серьезно. — Мое дело — дать Красной армии как можно больше танков, орудий, минометов, что и стараюсь делать в меру своих сил. Могу лишь сравнить свою первую поездку в город с последней.

— И что же? — поднял брови Сталин и мягкими пальцами пригладил усы.

— Немцы весьма ослабли в боях, они не так уверены в себе и чаще стали ругать Гитлера, попадая к нам в плен. — Малышев облегченно передохнул. — Они вели себя как герои, когда у них была масса танков. Но эти танки наши бойцы жгли бутылками с горючей смесью, уничтожали из орудий. Бои на подступах к Сталинграду и в самом городе дорого обошлись им и кое-чему научили. У врага огромные потери, но он еще силен, и я бы предостерег командующих фронтами от шапкозакидательства.

— Значит, вы считаете, что враг еще силен? — уточнил верховный.

— Уверен в этом, но Сталинграда им не взять.

— Почему? — насупил брови Сталин.

— Хотя бы уже потому, что наши люди пролили за него немало крови и сейчас, перед нашим контрнаступлением, отдать врагу город... Нет, такого не случится, у нас, русских, тоже есть характер.

Помолчали. Сталин прошел к концу стола, за которым обычно сидел, набил свою трубку табаком и

закурил. Предложил наркому папиросы, но тот отказался:

— Что-то не хочется... Так я слушаю вас, Иосиф Виссарионович. Не ради же папиросы вы меня вызвали?

— До начала наступательной операции у нас осталось мало времени, и я хотел бы знать, как у вас с танками, хватит ли их, чтобы фронты смогли крепко ударить по врагу. — Теперь Сталин держал трубку в руке, но не курил, а пристально смотрел на собеседника.

Малышев добродушно улыбнулся и заявил, что танков хватит, потому что план, данный Генштабом, уже выполнен, к тому же в ближайшую неделю в резерв Ставки поступят новые машины.

— Сейчас мы приступили к производству самоходных артиллерийских установок — САУ, — сообщил нарком. — Это будут легкие, средние и тяжелые пушки. К концу декабря уже можно будет начать формирование первых самоходных артполков резерва Верховного главнокомандования. Кстати, на испытаниях самоходные артустановки хорошо проявили себя. Они могут разрушать броню любого немецкого танка.

— Это то, что нам надо, Вячеслав Александрович. — Сталин попытлел трубкой раз-другой, подошел к наркому ближе. — Теперь я хотел бы услышать от вас подробную информацию о дальнейшем наращивании плана по производству танков. Сейчас я приглашу сюда Молотова, и дадим вам слово. — Он снял трубку прямого телефона. — Вячеслав Михайлович, мы с наркомом Малышевым ждем вас...

Пока в Ставке шла своя работа, заместитель Верховного главнокомандующего генерал армии Жуков и представитель Ставки начальник Генштаба генерал-полковник Василевский находились в войсках Сталинградского фронта, где окончательно отработывали план наступления.

Поздно вечером Сталин проводил совещание со своими соратниками. Здесь были Молотов, Микоян, Калинин, Берия и другие. За последние дни накопилось много вопросов, которые надо было решить. Когда информацию по внешнеполитическим проблемам делал Молотов, в кабинет вошел Поскребышев и доложил, что по «бодо» от Жукова из Сталинграда поступило донесение.

— Давайте его сюда! — распорядился верховный.

Через несколько минут документ уже лежал на столе вождя. Сталин неторопливо стал читать. Жуков сообщал, что в течение двух дней находился у генерала Еременко, лично осмотрел позиции противника перед 51-й и 57-й армиями, подробно проработал с командирами дивизий, корпусов и командармами предстоящие задачи по «Урану» (кодовое наименование операции войск Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов, имевшей целью окружение и разгром немецко-фашистской группировки под Сталинградом. — А.З.). Проверка показала, что лучше всего идет подготовка к «Урану» у генерала Толбухина. «Мною приказано, — телеграфировал Георгий Константинович, — провести боевую разведку и на основе добытых сведений уточнить план боя и решение командарма. Плохо идет дело со снабжением и подвозом боеприпасов. В войсках снарядов для «Урана» очень мало. К установленному сроку операция подготовлена не будет. Приказал готовить на 15.11.1942 г.».

Прочитав документ, Сталин отложил его в сторону.

— Что доносит Жуков, Иосиф? — спросил Молотов.

— О готовности армий фронтов к контрнаступлению, — ответил Сталин. — Если желаешь, можешь прочесть. — Он отдал ему депешу. — Ясно, что не все еще сделано и надо форсировать действия.

Свои услуги предложил Берия.

— У тебя, Лаврентий, по линии особых отделов непочатый край работы, — усмехнулся Сталин. — А

дать тебе в подчинение фронт пока не могу, — шутливо добавил вождь. Он взглянул на Молотова: — Вячеслав, заканчивай свою информацию. Все мы уже поняли, что Черчилль и Рузвельт в этом году не откроют второй фронт. Анастас Иванович, потом мы заслушаем вас по обеспечению Красной армии горючим и продовольствием. Как член ГКО ты контролируешь организацию снабжения армии и военного флота, тебе, как говорят, и карты в руки... Мне уже жаловался командующий Северным флотом адмирал Головкин, что мало даешь ему нефти. Грузы союзников, по ленд-лизу^[13] поступающие в Советский Союз, ты забираешь, а топлива для их транспортов и кораблей на обратный путь не предоставляешь. — Сталин взглянул на Берия: — Лаврентий, может, тебе надо в этом деле разобраться?

— Проблем нет, Иосиф, но Анастас Иванович вмиг исправит свои ошибки, — улыбнулся Берия.

Совещание продолжалось.

12 ноября днем, когда верховный работал над документами, ему по ВЧ позвонил генерал армии Жуков и сказал, что он и начальник Генштаба Василевский выезжают в Москву, чтобы лично доложить ряд соображений, связанных с предстоящей операцией.

— Когда вы будете здесь? — уточнил Сталин.

— Завтра утром часов в десять, если не возражаете.

— Жду вас, — коротко бросил верховный.

«Дуглас» приземлился на центральном аэродроме в Москве. В столице шел снег, и все вокруг было белым-бело.

— Гляди, Саша, здесь тоже снега навалом, — выйдя из самолета, проговорил Жуков, полной грудью вдыхая морозный воздух.

— Зато здесь не свистят пули и мы с тобой стоим в полный рост, а не идем на КП фронта, согнувшись в три погибели, — улыбнулся Василевский. — Да, а погодка-то свежая.

— Ну что, айда в Кремль?

— Давай, верховный нас ждет...

Верховный предложил им выпить чаю с дороги, но Жуков жестко возразил: мол, сначала дело, а уж потом все остальное.

— Тогда начнем работу. — Сталин прошел к краю стола и сел на свое место. — Прежде всего я хочу знать, сильны ли войска противника на участках наших главных фронтов — Юго-Западного и Сталинградского?

Жуков ответил, что на этих участках оборону держат в основном румынские войска, но, как показали пленные, их боеспособность невысока, так что к началу контрнаступления, подчеркнул Георгий Константинович, мы будем иметь значительное превосходство и в людях, и в боевой технике.

— Если в оставшиеся до операции дни противник не перегруппирует свои силы, — заметил Василевский. — Но пока наша разведка не засекала каких-либо крупных передвижений войск противника. 6-я армия генерала Паулюса и главные силы 4-й танковой армии Гота находятся в районе Сталинграда, и похоже, что враг не догадывается о готовящемся нами контрнаступлении.

— У генералов Ватутина и Рокоссовского все готово к боевым действиям, — подчеркнул Жуков. — Но я потребовал от них еще раз все проверить и, если есть пробелы, устранить их, ибо в ходе сражения заниматься этим будет некогда.

Сталин поинтересовался, много ли недостатков выявили они в ходе проверки. Жуков перечислил

упущения. В частности, две стрелковые дивизии, 87-я и 315-я, которые Ставка выделила в распоряжение генерала Еременко, еще не грузились, так как до сих пор не получили транспорта и конского состава; из мехбригад под Сталинград пока прибыла лишь она.

— Что надлежит еще сделать? — спросил Жуков и сам же ответил: — Отправить генералу Еременко для мехчастей 100 тонн антифриза, без него мехчасти не смогут передвигаться; доставить 51-й и 57-й армиям теплое обмундирование и боеприпасы с прибытием в войска не позже 14 ноября. Далее. — Жуков полистал свой блокнот. — Задачи фронтов, армий и войсковых соединений отработаны. Взаимодействие всех родов оружия мы увязали непосредственно на местах. Особое внимание уделили вопросам внутреннего окружения сталинградской группировки врага, внешнего фронта с целью обеспечить ликвидацию войск противника. На этот счет мы отработали несколько вариантов. И последнее. — Георгий Константинович вновь полистал блокнот и закрыл его. — Операцию можно начать войсками Юго-Западного и Донского фронтов 19 ноября, а Сталинградского на сутки позже.

Все, о чем доложили Жуков и Василевский, Верховный воспринял как должное, не внес в их план каких-либо своих предложений. Он стоял у оперативной карты и задумчиво потягивал трубку. Потом разгладил усы и, глядя то на Жукова, то на Василевского, довольно произнес:

— Расписано все как по нотам, осталось лишь нажать клавиши, чтобы полилась музыка.

— Музыка сражения, — усмехнулся Василевский. — Это вы точно заметили.

Пока шло обсуждение неотложных проблем, в кабинете Сталина собрались члены ГКО и некоторые члены Политбюро. Пока вопросов они не задавали, а терпеливо слушали.

— Вы уверены в успехе операции «Уран»? — спросил Молотов у Жукова, когда тот умолк.

— Уверен, Вячеслав Михайлович.

— А вы? — Молотов перевел взгляд на Василевского.

Он так пристально глядел на начальника Генштаба, что казалось, тот в чем-то провинился перед ним Александр Михайлович, однако, добродушно улыбнулся и произнес одно слово:

— Да!

В кабинете повисла напряженная тишина. Все почему-то смотрели на Сталина. Он пощипал усы кончиками своих длинных пальцев и заговорил:

— Мне кажется, что немцы будут крепко биты, если товарищи Жуков и Василевский успешно проведут в жизнь разработанную наступательную операцию.

Молотов чему-то улыбнулся, покачал головой, но ничего не сказал. С места поднялся Жуков.

— Есть еще одно важное предложение, товарищ Сталин, — жестко промолвил он, загадочно улыбаясь. Но улыбка на его загрубевшем лице растаяла, и он продолжал: — Когда в районе Сталинграда для немцев наступит тяжелая ситуация, они будут вынуждены перебросить часть своих сил из других регионов, в частности из Вязьмы. Чтобы этого не допустить, надо разгромить врага в районе Ржевского выступа. К этой операции мы с Василевским предлагаем привлечь войска Калининского и Западного фронтов.

— Это было бы хорошо! — одобрительно воскликнул Сталин. — Но кто из вас возьмется за это нелегкое дело?

— Мы с Александром Михайловичем договорились, что он станет координировать войска трех фронтов в районе Сталинграда, а я могу взять на себя подготовку наступления Калининского и Западного фронтов.

Сталин, согласившись на предложение Жукова, сказал:

— Вылетайте завтра утром в Сталинград. Проверьте еще раз готовность войск и командования к началу операции...

14 ноября в полдень генерал армии Жуков прибыл в войска Юго-Западного фронта. Генерал Ватутин встретил его с беспокойством, чего от Георгия Константиновича не скрывал.

— Что-нибудь случилось? — спросил он.

Жуков улыбнулся. Генерала Ватутина он уважал и ценил. Николай Федорович недавно стал командующим фронтом, у него было мало опыта в руководстве армиями, и Георгий Константинович нередко подсказывал ему, что и как лучше сделать, чтобы и он, и войска были готовы не только стойко оборонять свои рубежей, но и самим наносить по врагу чувствительные удары. Кажется, у Ватутина это получалось, хотя сам он считал, что еще недостаточно опытен в этом деле.

— Вот снова, Николай Федорович, прибыл к тебе на денек-два, — промолвил Георгий Константинович. — Учти, твой фронт ударный, он первым начинает контрнаступление, и Верховный опасается, как бы у тебя не сорвалось что-либо. Потому и послал меня в войска, чтобы я убедился, что твои армии готовы решительно и мужественно атаковать зарвавшегося врага.

Ватутин тоже улыбнулся, на душе у него полегчало. Он сказал, что собрался съездить в 5-ю танковую армию, которую недавно принял под свое крыло генерал Романенко, и желал бы обговорить с ним некоторые вопросы взаимодействия.

— Эта танковая армия — моя главная ударная сила, — добавил Ватутин. — Хотелось бы лучше узнать командарма, его соратников. Не возражаете, Георгий Константинович, если вас будет сопровождать мой начальник штаба?

— Нет, голубчик, я желаю видеть рядом тебя, комфронта, — усмехнулся Жуков. — Чай, надоел тебе?

— Боже упаси, Георгий Константинович! — воскликнул Ватутин. — Да я с вами хоть на край света!.. Не знаю, как вам, но мне общение с вами приносит большую пользу.

— Вот и поедем с тобой в 5-ю танковую армию, подглядим, как твой командарм освоился с новой должностью, — усмехнулся Жуков. — Но поначалу дай мне чаю, я в Москве не позавтракал. Погода стала портиться, и я опасался, что мой вылет может задержаться...

Весь день начальник Генштаба Василевский провел в войсках Сталинградского фронта. Еременко был доволен, что к нему вновь прибыл представитель Ставки, и заверил Александра Михайловича, что его фронт «готов ударить по врагу так, чтобы ему на всю жизнь запомнилось пребывание на сталинградской земле».

— У меня для этого есть все, — улыбнулся Еременко. — Правда, если из резерва Ставки мне дадут еще полторы-две сотни танков Т-34, не откажусь.

— Дадим, Андрей Иванович, не переживай, — пообещал Василевский. — А сейчас я хотел бы знать, сколько у тебя орудий и «катюш». Не маловато ли?

Неожиданно заворчал аппарат ВЧ. Генерал Еременко снял трубку. Это был Жуков. Он попросил передать трубку Василевскому.

— Привет, друже. Говорит Константинов (псевдоним Г.К. Жукова на время проведения операции. — А.З.).

— Как у тебя идут дела?

— Работаю. А что?

— Хотел бы с тобой встретиться и кое-что обговорить.

— Так срочно?

— Да. Я только что получил телеграмму от Васильева (псевдоним Сталина. — А.З.), она короткая, но тебе важно знать ее содержание. А то я завтра уже вылетаю в Ставку.

— Тогда завтра и заедешь ко мне, — предложил Василевский.

На следующий день после полудня Жуков прибыл на КП фронта, где его и встретил Василевский. Он предложил Георгию Константиновичу пройти в его блиндаж. В нем было тепло и уютно. Жуков снял шинель и сел за стол, рядом примостился Александр Михайлович.

— Вот этот документ, прочти!

Василевский развернул листок и стал читать про себя. «День переселения Федорова (день наступления Ватутина. — А.З.) и Иванова (день наступления Еременко. — А.З.) можете назначить по вашему усмотрению, а потом доложите мне об этом по приезде в Москву. Если у вас возникнет мысль о том, что кто-либо из них начал переселение раньше или позже на один или два дня, то уполномочиваю вас решить и этот вопрос по вашему усмотрению. Васильев».

— Понял, да? — спросил Жуков. — Давай все оставим так, как решили у верховного. И сроки наступления фронтов менять не будем. Согласен?

— А зачем менять сроки, если у вас все на мази? — усмехнулся Василевский. — Ты завтра улетаешь в Ставку? Так и доложи верховному. А я еще денек-два тут поработаю.

— Тогда я поеду на аэродром, провожать меня не надо. — Жуков надел шинель.

5

Генерал Еременко, согнувшись над столом, вместе с начальником штаба фронта разглядывал на оперативной карте расположение войск 62-й армии генерала Чуйкова и 64-й армии генерала Шумилова. Они поработали с полчаса, когда прибыл член Военного совета фронта Хрущев. Вчера весь день Никита Сергеевич пробыл в войсках, вернулся в штаб поздно. Командующий еще не лег отдыхать, и Хрущев рассказал ему о своих впечатлениях.

— Люди настроены по-боевому, — заверил он Андрея Ивановича. — Но боезапас и продовольствие в последние дни на первый берег почти не поступают.

— Почему? — вскинул кустистые брови Еременко. — Я ведь уже говорил начальнику тыла фронта генерала Анисимову: кровь из носу, а войска должны все это получать вовремя и сполна!

— Андрей Иванович, не в генерале Анисимове дело, — возразил ему Хрущев. — Корабли и суда не могут пробиться сквозь лед, да еще под обстрелом врага. Волга-то наполовину замерзла. У нас тут в подземелье тепло, а наверху двадцать градусов мороза! Я переговорил с командующим Волжской военной флотилией адмиралом Рогачевым, и уже пять судов с грузами пробились на правый берег и без потерь...

Утром после завтрака Еременко сказал Хрущеву, что намерен работать с начальником штаба, а потом свяжется по телефону с командармом Чуйковым, чтобы предупредить его о готовящемся немцами наступлении.

— А где будешь ты, Никита Сергеевич?

— Хотел бы смотаться на левый берег к танкистам, — ответил Хрущев. — Я давно у них не был, да и ты тоже, а скоро нам придется наступать...

— Не возражаю, — согласился с ним Еременко. — Но прежде переговори с начальником тыла, подскажи, чтобы не в штабе он сидел, а ехал туда, где налажена переправа на правый берег.

Хрущев вышел.

Еременко в уме подсчитал, сколько стрелковых дивизий находится сейчас в армии Чуйкова, по числу вполне достаточно, но каждая дивизия после непрерывных боев понесла большие потери и стала наполовину меньше. Такое же положение и в армии генерала Шумилова.

— Надо бы подбросить подкрепления Чуйкову, а потом и Шумилову, — распорядился командующий, на что начальник штаба ответил:

— У нас есть некоторый резерв, его и пошлем Василию Ивановичу. И немедленно!..

В штаб вернулся Хрущев.

— Андрей Иванович, из Москвы прибыла группа журналистов, в их числе писатель Константин Симонов, — сообщил Никита Сергеевич. — Просят, чтобы вы приняли их для беседы.

Еременко сказал, что сейчас очень занят.

— Поговори с ними, Никита Сергеевич, а позже я подключусь. Я полагал, что ты уже уехал к танкистам.

— Собрался ехать, а тут эти корреспонденты...

Константин Симонов впервые приехал в Сталинград, и все, что увидел в разрушенном городе,

поразило его. Сталинград жил и сражался! Бойцы неустрасливо отбивали атаки врага, следовавшие одна за другой, совершали подвиги, но не считали свои боевые дела подвигами.

Симонов буквально все схватывал на лету. Когда в штабе фронта заговорили о героях сражений и прозвучала в чьих-то устах фамилия командира 33-й гвардейской дивизии полковника Утвенко, Симонов на другой день встретился с комдивом. Они уселись на берегу Волги, где не рвались вражеские снаряды и мины, было относительно тихо, лишь изредка пролетали немецкие самолеты-разведчики, и полковник Утвенко стал рассказывать о себе. Судьба выпала ему тяжелая. На Западном фронте он был контужен, и под Рузой его ранило в руку, в ногу и в грудь, лечился до марта 1942 года. После выписки из госпиталя ему дали резервную дивизию. Не успел как следует познакомиться с личным составом, как срочной телеграммой был вызван для принятия 33-й гвардейской дивизии...

«Александра Ивановича Утвенко я встречал и потом, — пишет Симонов, — и на войне и после войны. Но он уже никогда не возвращался к тому своему рассказу, который остался у меня в блокноте. Да и никогда больше я его не видел таким, как в ту ночь в деревне за Волгой...»

Ноябрь в Сталинграде, да и во всей области, выдался холодным и снежным. С Волги часто дул стылый ветер, наметал сугробы, а 9 ноября утром было минус 19 градусов. Волга у берега застыла, и лишь посредине реки вода блестела и серебрилась на солнце. Корабли и суда Волжской военной флотилии с трудом продвигались по Волге, то и дело натываясь на огромные куски льда. Экипажам пришлось рисковать, так как больше было некому доставлять на правый берег реки армейцам боезапас и продовольствие, а также войска и боевую технику. По сведениям нашей разведки, генерал Паулюс готовил новое, третье наступление, чтобы захватить город. С утра 12 ноября противник начал перегруппировку своих сил, подтягивал резервы, особенно танки и мотопехоту. Естественно, генерал Еременко тут же вышел на связь с командующим войсками 62-й армии Чуйковым и потребовал встретить новые атаки врага с достоинством и честью.

— По-другому, товарищ командующий, мы воевать не привыкли, — усмехнувшись в телефонную трубку, ответил генерал Чуйков. — Кажется, фрицы это давно поняли.

Прав был Чуйков, «фрицы это давно поняли», но только не Гитлер. Он был настолько уверен в захвате Сталинграда, что в телеграмме в штаб генерала Паулюса приказал разработать проект ордена «За Сталинград», который должен быть готов к 25 ноября. Об этом пишет в своей книге «Сталинград» немецкий военный корреспондент Хейнц Шрётер. По его словам, во второй половине дня с телеграммой фюрера ознакомился командующий.

— Крым и Нарвик принесли нам явный успех. Сталинград — это эксперимент, — сказал офицер разведки командующему.

Командующий, глядя в окно, ответил:

— Харьков тоже был экспериментом, а Фридрих II (генерал Паулюс имел в виду себя. — Л. З.) превратил опасную ситуацию в решающую победу...

Приказ о разработке ордена «За Сталинград» был передан в 637-ю агитационно-пропагандистскую роту. Здесь за работу взялся военный художник Эрнст Айгенер, который находился в войсках начиная с Польши и Франции и кончая Россией, а теперь Сталинградом. «В центре ордена, — пишет Хейнц Шрётер, — Эрнст Айгенер изобразил бункер с руинами волжского города, к которому было обращено лицо мертвого солдата. Каску солдата обвивала колючая проволока, а поперек всего проекта прямыми буквами было написано: «Сталинград».

Проект был отклонен Ставкой фюрера. «Слишком деморализующе», — было написано на краю проекта. На следующий день, который выдался очень солнечным, Айгенер в возрасте 37 лет погиб — это

произошло 20 ноября 1942 года. Он остался там, где позднее хотел построить себе дом, — на дороге, проходившей через донскую возвышенность недалеко от Калача.

«Звезды вечны, но люди поступают так, будто завтра их здесь уже не будет» — так писал Айгенер за три часа до своей смерти.

И в этот раз генерал Паулюс начал наступление на всех участках фронта с целью захвата города. Перед этим, подписывая приказ войскам, он заявил начальнику штаба 6-й армии генералу Шмидту:

— Если русским удастся выстоять, то я перестану себя уважать. Для нас это последний шанс, и мы должны им воспользоваться!

— Бог в помощь, Фридрих, — сказал генерал Шмидт, его лицо с резко очерченными скулами посерьезнело.

Бои носили ожесточенный характер. Сильный удар приняли на себя военные моряки с Дальнего Востока — 3-й батальон 92-й стрелковой бригады, который был передан в стрелковую дивизию генерала Горишного. Они не только отбили натиск врага, но и сами контратаковали его. Свидетелем их мужества и стойкости стал сам командарм Чуйков, наблюдавший за сражением со своего КП. Позже Василий Иванович вспоминал: «Краснофлотцы в пылу боя сбрасывали с себя шинели и в одних тельняшках и бескозырках, отбив атаки, сами переходили в наступление. Не менее жестокая борьба шла в цехах заводов “Красный Октябрь”, “Баррикады” и на Мамаевом кургане. Нам самим уже стало казаться, что наши бойцы превратились в бессмертных богатырей, что их никакая сила не берет».

На узком участке у завода «Баррикады» немцам все же удалось выйти к Волге и отрезать 138-ю стрелковую дивизию генерала Людникова от основных сил. Войска этой дивизии были зажаты противником с севера, запада и юга, а с востока отделены Волгой, по которой по-прежнему шел сплошной лед. И все же 14 ноября пароход «Спартаковец» смог перевезти на правый берег прямо к заводу «Красный Октябрь» 400 бойцов с вооружением и 40 тонн боеприпасов и продовольствия. Пароход принял на свой борт 350 раненых. И все это делалось при обстреле завода и причала вражеской артиллерией. Пароход форсировал льдистую Волгу и через час уже ошвартовался на левом берегу.

— Я думал, что фрицы накроют нас с воздуха, — перевел дух капитан парохода. — Но выручили наши летчики, они прикрыли нас. А армейцам мы все-таки помогли. Пожалуй, это был самый опасный для экипажа рейс. Но риск — дело благородное, да и мы люди благородные, — улыбнулся капитан.

За Мамаев курган билась стрелковая дивизия генерала Батюка. Даже танки не помогли немцам, бойцы закалились в боях, набрались боевого опыта и с завидным упорством сумели отбить яростные атаки врага.

А командарм Чуйков между тем собрал все части стрелковой дивизии генерала Смехотворова в один полк, направил его на правый фланг дивизии генерала Горишного, чтобы контратаковать противника. Трудно было, но контратаки сделали свое дело — враг попятился. «Несмотря на исключительно тяжелое положение, там (в штабе Людникова. — А.З.) соблюдали спокойствие и уверенность, — вспоминал Чуйков. — Телефонная связь, разумеется, была порвана, работала только радиостанция. Я лично несколько раз открытым текстом говорил по радио с Людниковым. Мы узнавали друг друга по голосу, не называя себя по имени и фамилии. Я не стеснялся открыто говорить ему, что помощь будет оказана, что скоро соединимся с ним. Я надеялся, что он понимает, почему разговор с ним ведется открыто и что скоро никакой помощи мы дать ему не можем. Он мне тоже говорил о надежде на скорое соединение. Мы старались таким образом ввести в заблуждение противника. Лишь в ночь на 16 ноября наши «ночные» самолеты на парашютах сбросили Людникову четыре тюка продовольствия и четыре тюка боеприпасов. А в ночь на 20 ноября четыре бронекатера наконец пробились к протоку Денежная Воложка, затем к берегу,

где оборонялась дивизия. Катера доставили боеприпасы, медикаменты и вывезли 150 раненых».

В эту снежную ноябрьскую ночь генерал Еременко допоздна работал на своем КП, но усталости не было ни в одном глазу. Сейчас он пил чай, а в голове все еще звенел недавний разговор с Верховным главнокомандующим, хотя он и был коротким.

Из танковой бригады вернулся член Военного совета Хрущев. Он стал хвалиться, как тепло встретили его танкисты, рукоплескали ему, а усатый комбриг, говоря о предстоящем сражении, заявил, что его люди будут «бить фашистов, не щадя своих сил и самой жизни».

— Любишь ты, Никита Сергеевич, громкие слова, а мне они режут слух, — сухо сказал Андрей Иванович. Незнакомая судорожная усмешка сделала лицо командующего окаменевшим, каким-то неживым. — «Не щадя своих сил и самой жизни...» — иронически произнес он. — Ладно, щадить свои силы не надо, они потому и нужны каждому, чтобы бороться. Но к чему призывать людей приносить в жертву свою жизнь? Надо врага уничтожить, а самому живым остаться — вот наш лозунг, в этом суть героического. А для этого следует хорошо знать свое оружие и уметь воевать. Помнишь, что говорил Максим Горький? Герой — это тот, кто творит жизнь вопреки смерти, кто побеждает смерть.

— Это же лозунг, Андрей Иванович, — с улыбкой на полном холемом лице возразил Хрущев. — Комбриг так выразился, не стану же я поправлять ему речь? У людей боевой настрой, они горят желанием скорее идти в бой...

Еременко запальчиво прервал его, повысив голос:

— Все горят желанием идти в бой... Да разве в этом суть, Никита Сергеевич? Мало одного желания идти в бой, главное — суметь одолеть врага, рассчитать свои силы на весь ход сражения. А порой случается, что даже опытные вояки допускают серьезные промахи в подготовке своих войск и в бою нередко за это платят своей жизнью. Помнишь, в середине сентября в районе Мамаева кургана сложилась критическая ситуация?

— Помню, — напряженно промолвил Хрущев, еще не догадываясь, к чему клонит командующий.

— Тогда с левого берега Волги корабли Волжской военной флотилии перебросили в распоряжение Чуйкова 13-ю гвардейскую дивизию генерала Родимцева, Героя Советского Союза, — продолжал Андрей Иванович. — Дивизия в десять тысяч бойцов! И что же? Когда гвардейцы прибыли в район Мамаева кургана, то оказалось, что более тысячи гвардейцев не имели винтовок, не то что автоматов. Тогда я приказал своему заместителю генералу Голикову в течение суток обеспечить дивизию оружием и доставить его в район Красной Слободы. Спрашиваю Александра Ильича Родимцева, как такое могло случиться? Он объяснил это тем, что спешили на фронт. Вопиющая безответственность комдива!

— Сам-то генерал Родимцев геройский человек, воевал в Испании, уже там он нещадно бил фашистов, — заметил член Военного совета.

Помолчали. Потом Хрущев поинтересовался:

— Сталин тебе не звонил?

— Перед твоим приходом в штаб звонил, — вздохнул Андрей Иванович. Брови у него дрогнули, и Хрущев подумал о том, что верховный, наверное, в чем-то упрекнул командующего, но вопросов не задавал, ждал, что тот еще скажет. — Сталин спросил, все ли у нас готово к наступлению, которое уже не за горами. И почему-то спросил, получено ли нами сто тонн антифриза для танков и автотранспорта. Я даже поначалу растерялся, не знал, что ему ответить. Откуда вдруг взялся этот антифриз? Ему о нем я не говорил. Подумал, что, наверное, когда у нас недавно был генерал армии Жуков, ему кто-то из моих людей

нашептал. Не ты ли, Никита Сергеевич?

Хрущев заметно смутился, хотя Андрею Ивановичу он во всем доверял, был с ним честен и прям. На душе у Никиты Сергеевича стало горько, словно туда попала перчинка, и, уже не сдерживая голоса, он заговорил:

— Жукову я не шептал, товарищ командующий, а по данному мне праву как члену Военного совета доложил представителю Ставки, что у нас еще не получено и чего не хватает. Ведь Жуков специально по заданию верховного прибыл на фронт, чтобы выяснить, все ли у нас есть в наличии, не то могло случиться, как с той самой дивизией генерала Родимцева. Поступил я так еще и потому, что, когда Жуков приехал в штаб, ты находился в войсках. И, как видишь, нам дали все — и войска, и оружие, и злополучный антифриз.

Хрущев ожидал, что Еременко станет задавать вопросы, но тот продолжил разговор совсем о другом:

— У меня что-то пересохло в горле. — Он с ухмылкой взглянул на покрасневшее лицо Хрущева, потом кивнул на тумбочку, которая стояла у койки: — Будь любезен, возьми там пару стаканов и коньяк. Вставать не хочется: что-то моя нога опять загудела.

«Отчего вдруг его потянуло на рюмку?» — недоумевал Никита Сергеевич, но сделал все, о чем попросил командующий. Еременко налил коньяку в оба стакана, выпил и предложил Хрущеву. Тот мигом опорожнил стакан.

— Крепкий, чертяка, видно, большой выдержки. — Он облизал губы.

— Армянский, пять звездочек! — Еременко упрямо мотнул головой. — А дал мне пару бутылок начальник тыла Красной армии генерал Хрулев, когда приезжал к нам. Говорит: «Пей каждый день по пятьдесят грамм, и твоя нога не будет бунтовать». А я в это не верю.

— А меня Андрей Васильевич коньяком не угостил, — с невольным огорчением проговорил Хрущев.

— У тебя, Никита Сергеевич, обе ноги целы, и коньяк тебе не нужен, — усмехнулся Еременко. — А я все еще хожу с палкой. Правда, на боеспособность фронта это не влияет, — шутливо добавил он. — Сам я уже два ранения перенес, а у тебя на теле нет даже царапины.

— Значит, не судьба мне попасть под вражью пулю, — шумно вздохнул Хрущев. — А тебе, Андрей Иванович, я сочувствую. Два ранения — дело тяжелое, и не каждый их перенесет, а ты, слава богу, как огурчик. Свеж, энергичен, работаешь в полную силу. — Он немного помолчал и неожиданно перевел разговор на другое: — Что-то не верится мне, чтобы Сталин не упрекнул нас в чем-либо. Он всегда чем-то недоволен, часто ворчит. Любит он кольнуть нашего брата и по делу, и без дела.

— Я подобного в нем не замечал, — сухо промолвил Еременко, давая понять, что не в его натуре осуждать человека за глаза.

— Не замечал? — едва не выругался Хрущев. У него даже покраснели скулы, а на лбу заблестели капельки пота. — А когда ты не разбил армию Гудериана под Москвой, хотя обещал верховному это сделать, разве он погладил тебя по головке?

— Что было, то было, и Гудериана я не разбил, и не вовремя был ранен, — вздохнул Андрей Иванович. — Но я ничуть не обижаюсь на Сталина. Зато после выздоровления меня назначили командующим двумя фронтами!

— Уважает тебя Иосиф Виссарионович, факт, а вот меня он не жалует, особенно после того, как в мае мы с маршалом Тимошенко завалили операцию под Харьковом. И побил нас тогда генерал Паулюс, который и тут под Сталинградом сушит нам с тобой мозги. Как думаешь, отстоим мы город?

— Мы его уже отстояли, — серьезно произнес Еременко. — У тебя есть еще ко мне вопросы? Я

собираюсь пройти на узел связи. Надо переговорить с командирами и комдивами. Скоро начнем наступление, и очень важно не дать фрицам разгуляться в городе, — не сдерживая голоса, заключил Андрей Иванович медленно и раздумчиво.

Наступило молчание.

— Ты о чем задумался, Андрей Иванович? — спросил Хрущев с понимающей усмешкой.

— Завидую я тебе, Никита Сергеевич, умеешь ты легко находить контакт с людьми, а вот у меня не получается, — признался Андрей Иванович. — Грубоват я. То ли сердце мое зачерствело, то ли нос я стал задирать. Вот на днях был в штабе 39-й дивизии генерала Гурьева...

— Мужественный и боевой командир, — бросил реплику Хрущев. — Его гвардейцы в прошедших боях отступления не знали.

— Вот-вот, герой, — согласился Еременко. — А я начал упрекать его в том, что, когда в сентябре в составе 1-й гвардейской армии его дивизия атаковала немцев в районе деревни Кузьмичи, она понесла большие потери. Дивизия много дней обороняла завод «Красный Октябрь». Похвалить бы генерала, а я возьми и кольни его за то, что не все в дивизии хорошо подготовлены к сражению с врагом, иначе она не потеряла бы половину своего состава. Гурьев стал возражать, мол, у противника больше свежих сил и танков, но я резко оборвал его, заявил, что не стоит оправдываться. Сказал ему, что каждый из нас хочет стать героем, но не у каждого есть твердая стартовая площадка.

— Логично, Андрей Иванович. И что Степан Савельевич, обиделся? — грустно спросил Никита Сергеевич.

— Еще как обиделся! Говорит, командовать легче, чем исполнять. Весь покраснел, как будто я нанес ему пощечину. Меня словно что-то укололо: конечно, поступил я с ним грубовато.

— Извинился? — Хрущев в упор смотрел на Андрея Ивановича, а в его глазах вспыхнули огоньки.

Еременко с усмешкой бросил:

— Не умею я извиняться, Никита Сергеевич, даже если не прав. Это мой серьезный недостаток. Что я сделал? На другой день позвонил комдиву, спросил, как дела. Отвечал Гурьев сдержанно и нехотя, и я понял, что обида на меня точит его сердце. Тогда я сказал: «Степан Савельевич, пока твоя гвардейская дивизия сражается лучше других и Военный совет тобой доволен. Говорят, что от дисциплины до геройства один шаг, но ты сделал их сотни, и я не хочу, чтобы среди этих тяжких шагов был хоть один фальшивый». Он ответил: «Спасибо, товарищ командующий», — а я так и не понял, за что...

На столе командующего загомосил аппарат ВЧ. Генерал Еременко снял трубку.

— Слушаю вас!

— Говорит Константинов (псевдоним Г. К. Жукова. — А.З.). Как у вас идет подготовка, вы все получили? Я имею в виду войска, боевую технику, антифриз и так далее.

— Все, товарищ Константинов! — громче обычного прокричал в трубку Андрей Иванович. — Но если вы решили дать нам еще что-то, буду рад принять.

— У меня ничего нет, проси у Михайлова (псевдоним А. М. Василевского. — А.З.), он находится неподалеку от вас. Ну, будь здоров!

— Жуков звонил, — сказал Еременко, глядя на Хрущева. — Значит, вот-вот начнется наше наступление, и чем ближе оно, тем тревожнее у меня на душе.

— Отчего вдруг? — с сочувствием спросил Хрущев.

— Если честно, то боюсь хуже других фронтов сработать, — признался Андрей Иванович. — У командующего Юго-Восточным фронтом генерала Ватутина меньше опыта в руководстве армиями, чем, скажем, у меня, зато его фронт Ставка сильно укрепила, у него тех же танков намного больше, чем у нас.

Хрущев возразил: Ватутин в операции «Уран» будет наносить по врагу главный удар, а коль так, то его фронт в первую очередь получил все необходимое, чтобы смять оборону неприятеля. А вот у командующего Донским фронтом генерала Рокоссовского сил и средств значительно меньше, чем у него, Еременко. Хрущев напомнил Андрею Ивановичу, что, когда во второй половине августа под Сталинградом сложилась критическая ситуация и войска 62-й и 64-й армий не смогли сдержать натиск врага и начали отходить, Сталин вызвал к ВЧ генерала Рокоссовского и спросил, чем он может помочь сталинградцам. И Константин Константинович предложил направить туда два танковых корпуса генералов Катукова и Ротмистрова, находившиеся в составе Воронежского фронта, которым и командовал генерал Рокоссовский.

— Да, эти танковые корпуса стали для нас большим подспорьем, — сказал Еременко, выслушав члена Военного совета, и уже в открытую признал, что, будь он на месте Рокоссовского, не пошел бы на это.

— Сильные натуры всегда охотно что-то отрывают от себя и отдают другим, — философски заметил Хрущев. — А ты, Андрей Иванович, на войска жлоб, как говорят у нас на Украине. У тебя, пожалуй, и полк не выпросишь, не то что дивизию.

«Все же изловчился укусь меня», — отметил про себя Еременко, а вслух произнес сдержанно и жестко:

— Я не жлоб, Никита Сергеевич, просто хочу лишний раз обезопасить себя, в том числе и свой фронт. Я не прошу у Ставки дополнительного, дайте моему фронту все, что положено. Спрос ведь с меня будет?..

«Не ловчи, Андрей Иванович, ты умен, но и я не так глуп, как тебе кажется», — мысленно возразил Никита Сергеевич командующему.

Утром, едва забрезжил рассвет, а горизонт окрасило в багровый цвет, прекратила свою пляску метель. Ночь прошла относительно спокойно, если не считать звонка командующего Волжской военной флотилией контр-адмирала Рогачева. Он доложил генералу Еременко, что для переброски войск на правый берег Сталинграда корабли и суда в количестве 12 единиц выделены.

— Но я боюсь, что к берегу они вплотную подойти не смогут, ведь там толщи льда, — сокрушался адмирал. — Нельзя ли, чтобы ваши люди разбили лед?

— Там уже все сделали саперы, Дмитрий Дмитриевич, так что направляйте к нам ваши корабли, мы ждем их к десяти утра, — ответил командующий. — Сможете?

— Сделаем, товарищ генерал! — заверил адмирал Рогачев.

Андрей Иванович побрился и собирался идти на завтрак: адъютант доложил, что стол накрыт. Но в это время вошел начальник штаба и с порога заявил:

— У нас потери, товарищ командующий. В бою в районе поселка Сталинградского тракторного завода тяжело ранен командир танковой бригады майор Бурлак. В разгар сражения он зашел в тыл врагу и своим командирским танком Т-34 уничтожил три немецких танка и «фердинанд». Нам звонили из штаба бригады.

— А почему звонили? Как будто генерала потеряли! — усмехнулся Еременко. — А ранен-то командир бригады!

Хрущев посмотрел на него с упреком:

— Ты же сам, Андрей Иванович, отдал приказ, что, если ранят или убьют в бою кого-либо от комбрига

и выше, сразу же докладывать в наш штаб, что и было сделано.

— Верно, такой устный приказ мною был дан, — подтвердил командующий.

— Тут важна еще одна деталь, Андрей Иванович, — продолжал член Военного совета. — Майор Бурлак Иван Лукич и есть тот самый комбриг, который заявил мне, что его люди будут сражаться с врагом «не щадя своих сил и самой жизни». Вы даже упрекнули меня, что не поправил тогда его речь...

— Вспомнил! — ударил себя ладонью по лбу Андрей Иванович. — Это же ему, командиру танкового батальона, за успехи в сражениях под Сталинградом Военный совет присвоил звание майора, а позже принял под свое крыло танковую бригаду. — Еременко встал и заходил по комнате. — Ну, и где теперь наш майор?

— В санбатальоне, наверное, не выживет, — грустно промолвил начальник штаба. — Бой в районе поселка тракторного завода был тяжелый. Когда его танк вспыхнул от взрыва снаряда, экипаж стал покидать машину. А тут новый взрыв, двоих убило наповал, а комбрига ранило, когда он спрыгнул на землю.

— Хорошо, что не сгорел в танке, — грустно заметил Еременко. — А танкист он стоящий. Кто-то говорил мне, что с Дальнего Востока он написал письмо генералу армии Жукову, чтобы тот помог ему попасть на фронт, и Георгий Константинович уважил его просьбу. Не ты ли, Никита Сергеевич?

Хрущев улыбнулся:

— Генерал Гордов нам говорил, когда приезжал на командный пункт.

— Да, Василий Николаевич, — смутился Андрей Иванович. — Запомню. А вот у тебя на этот счет голова крепкая, Никита Сергеевич. Ты все-все помнишь!..

Еременко задумчиво стоял у оперативной карты фронта. Его раздумья нарушил дежурный по связи, пригласивший Андрея Ивановича к аппарату ВЧ. Еременко не сразу узнал этот голос: на линии связи были атмосферные помехи, какие-то пискливые шумы в телефонной трубке.

— Кто это, не понял? — спросил он. — Повторите, пожалуйста.

— Это я, Донцов (псевдоним К. К. Рокоссовского. — А.З.), — заговорила трубка. — У тебя там, в штабе, нет Михайлова (псевдоним А. М. Василевского. — А.З.)?

«Так это же Костя Рокоссовский!» — воскликнул в душе Андрей Иванович, узнав наконец его охрипший голос. Он объяснил коллеге, что Михайлов был у него 14 ноября, а потом вместе с Константиновым (псевдоним Г. К. Жукова. — А.З.) убыл в Ставку.

— Значит, он к вам еще не вернулся? — спросил Донцов.

— Пока нет, но обещал быть.

Донцов уточнил с Еременко некоторые вопросы взаимодействия во время начала боевых действий и, пожелав ему успешно бить врага, попрощался.

— Я все собирался к тебе приехать, да так и не выбрался, — задержал своей откровенностью Донцова Андрей Иванович, надеясь, что своим признанием хоть как-то оправдает себя, и тут же предложил командующему Донским фронтом замену себе: — Хочешь, я с утра пошлю к тебе члена Военного совета и ты обговоришь с ним все, что тебя беспокоит?

— Кого пошлешь? Хрущева? — отозвалась трубка.

— Разумеется, его. У меня один член Военного совета.

— Не надо, — резко ответил Донцов. — Главное мы с тобой обговорили, а если в ходе боевых

действий возникнут вопросы, я выйду на связь с тобой. Добро?

— Добро, — грустно обронил Андрей Иванович, а сам подумал: «Если бы этот разговор услышал Никита Сергеевич, он бы обиделся».

6

«Дуглас» приземлился на центральном аэродроме в Москве в семь утра, а через час генерал армии Жуков вошел в кабинет Верховного главнокомандующего.

Сталин, ссутулившись, сидел за столом и курил трубку.

— Хорошо, что вы пришли, садитесь, пожалуйста. Ну, какова обстановка в Сталинграде, жарко, наверное? — Он смотрел на Жукова с легкой улыбкой на усталом лице.

— Не жарко, товарищ Сталин, а горячо! — Жуков снял фуражку и положил ее на стол перед собой. — Солдаты генерала Паулюса как цепные псы рвутся захватить город. Бои идут днем и ночью. Несмотря на превосходство сил противника, особенно в танках и авиации, войска генералов Чуйкова и Шумилова сдерживают натиск фашистов. Их армии находятся под тяжелым прессом вермахта. Ну а то, что вы поручали мне, товарищ Сталин, я выполнил и готов доложить подробности, — подчеркнул Жуков.

— Товарищ Василевский еще остался там? — спросил Сталин.

— У него есть некоторые вопросы к генералу Ватутину, а вернется он в Ставку завтра, о чем просил меня вам сообщить.

— Хорошо, — одобрил верховный. — Давайте сделаем так. Вы сейчас поезжайте домой и отдохните с дороги. Я до шести вечера буду занят с Молотовым, потом перекушу, а к семи часам вечера жду вас, и мы подробно поговорим о ситуации на Сталинградском направлении. Не возражаете?

— Никак нет.

— Тогда можете идти.

Когда Жуков вышел, Сталин в комнате отдыха выпил боржоми и снова сел на свое место.

Подготовка к проведению наступательной операции «Уран» шла к своему завершению. Утром генерал армии Жуков и начальник Генштаба генерал-полковник Василевский после пребывания на фронтах Сталинградского направления вернулись в Москву. Жуков работал в основном на Юго-Западном фронте у генерала Ватутина, а Василевский — на Сталинградском фронте у генерала Еременко. Прямо с аэродрома оба поехали в Генштаб и, расположившись в кабинете начальника Генштаба, подвели итоги работы, проделанной в войсках. Генералы были готовы доложить о них Сталину. Они уточнили также некоторые моменты плана операции «Уран».

— Ну что, позвоним верховному и узнаем, когда он сможет нас принять? — спросил Жуков, глядя на своего коллегу. — А не лучше ли тебе позвонить Иосифу Виссарионовичу? — Глаза Георгия Константиновича излучали тепло и доброту.

Василевский рассеянно посмотрел на него.

— Кто у верховного заместитель? — ответил вопросом Александр Михайлович. — Ты, голубчик, стало быть, тебе и докладывать. Но малость погоди, я еще не уточнил, сколько танков мы будем иметь для проведения этой операции, — добавил он. — Вот-вот должен подойти начальник Главного автобронетанкового управления генерал Федоренко, но, видно, где-то задержался.

Едва Василевский это проговорил, как дверь открылась, и в кабинет вошел раскрасневшийся от стылого ветра генерал Федоренко. Его лицо расплылось в добродушной улыбке.

— Боже, да у вас тут заседание Военного совета! — шутливо произнес он, здороваясь с генералами за руку. — Погода, прямо скажем, нелетная. Повалил снег, дует сильный ветер. — Он сел напротив

начальника Генштаба, откинувшись на спинку кресла, в его глазах читалась некоторая раздраженность.

Жуков не любил делать намеки на то, что волновало его, он говорил в лоб, напрямую. И в этот раз он не изменил своей привычке.

— Яков Николаевич, вы, надеюсь, не станете возражать, если я скажу, что решающая роль в предстоящей операции «Уран» отводится танковым и механизированным войскам, — сказал Георгий Константинович, подняв густые брови, в которых уже давным-давно поселилась седина.

Генерал Федоренко через силу улыбнулся, в его больших серых глазах притаилась грусть.

— Танки, Георгий Константинович, моя стихия, и разве я стану возражать? — В его голосе почувствовалась твердость. — Да еще кому возражать — заместителю Верховного главнокомандующего!

— Я тоже так думаю, — ничуть не смутился Жуков, моргнув Василевскому: мол, пусть знает наших. — Верховный принял решение дать из резерва Ставки в район Сталинграда к началу операции «Уран» четыре танковых и два механизированных корпуса...

— И тогда общее количество танков на фронтах Сталинградского направления дойдет до девятисот единиц, — вставил Василевский.

— Нам бы еще занять хотя бы сотни две танков Т-34, — вздохнул Жуков. — Может, найдешь, Яков Николаевич?

Федоренко кивнул на Василевского:

— Ты, Георгий, спроси у начальника Генштаба о танках, все, что было, я отдал ему. Он — главный распорядитель резервов войск и боевой техники Ставки.

Александр Михайлович заметно смутился.

— А разве у начальника Главного автобронетанкового управления нет заначки? — На его лице вспыхнула улыбка, но тут же исчезла.

— Есть заначка, но я могу дать машины, если скажет лично верховный, — возразил генерал Федоренко.

Жуков чему-то усмехнулся, но Василевский догадался: Георгий Константинович сейчас отколет какую-нибудь шутку. Так оно и случилось. Он закурил сигарету и, глядя на генерала Федоренко, заговорил:

— Все хочу спросить у вас, Яков Николаевич, как вы попали в танкисты? Я не знаток вашей биографии, где и когда вы громили беляков в годы Гражданской войны, но хорошо знаю, что в то лютое и кровавое для нас время вы командовали бронепоездом. Или я что-то напутал? — Георгий Константинович лукаво прищурился.

Генерал Федоренко выпрямился в кресле. В его глазах появился блеск.

— Нет, Георгий, ты не ошибся, я командовал бронепоездом, и, кажется, у меня неплохо получалось. Сколько мне тогда было? Двадцать три года! Молодость, так сказать. Кровь в жилах бурлила, а враг вот он, перед тобой на коне, а в руках огнем горели шашки. Мы тогда крепко били беляков. Да ты сам в Гражданскую рубил их шашкой до седла... — Федоренко унял возбуждение. — А бронепоезд я полюбил. Его бронированные вагоны были похожи на огромные танки. И орудия на нем были приличные... Потому-то я и стал танкистом. И не жалею. Едва увижу на поле танки, сразу волнуясь, а почему — и сам не знаю.

— Привычка — вторая натура! — бросил с улыбкой Василевский. — А мне по душе пришлась кавалерия, в ней и начинал свою службу.

— И я в те годы без коня да шашки не мог жить, — грустно промолвил Жуков. — Но нынешняя война

— война моторов, и танки главное наше оружие. Тут вы, Яков Николаевич, раньше нас с Василевским оказались на железном коне...

— Разрешите? — В дверях появился дежурный по Генштабу, высокий усатый полковник.

— Что случилось? — Василевский вскинул голову и пристально посмотрел на него.

Полковник, однако, ничуть не смутился. Он доложил, что в Генштаб звонил помощник Верховного главнокомандующего генерал Поскребышев.

— Он передал, чтобы в двадцать ноль-ноль вы были у товарища Сталина.

Генерал Федоренко сказал, что ему тоже велено быть у верховного к двадцати ноль-ноль.

— У товарища Сталина будет совещание тех, кто участвует в подготовке контрнаступления, — добавил Яков Николаевич. Он поднялся с места. — Тогда до встречи в Кремле. Мне надо еще зайти к генералу Щербакову в ГлавПУ Красной армии.

Когда генерал Федоренко ушел, Василевский отложил бумаги в сторону и, глядя на Жукова, произнес:

— Сейчас по ВЧ свяжусь со штабом Сталинградского фронта: надо же узнать, в чем там дело.

— Потом мне скажешь. — Жуков встал. — Значит, к верховному идем к двадцати ноль-ноль. А сейчас я съезжу домой, приболела моя жена. Если вдруг верховный позвонит тебе, молви, где я, и дай мне знать.

— Добро, Георгий.

Поздно вечером после обсуждения в Ставке проблемных вопросов план и сроки операции «Уран» были окончательно утверждены.

— И на нашей улице будет праздник! — заключил Сталин, имея в виду предстоящую наступательную операцию трех фронтов в районе Сталинграда. — Кажется, нами все учтено. И если говорить правду, я так много еще никогда не работал, чтобы подготовить сражение. Нет, не сражение, — поправился он, — это будет битва, и мы должны ее выиграть!

— Иначе нам удачи не видать, — улыбаясь, сочинил на ходу генерал армии Жуков. Он тут же скосил глаза на верховного в ожидании, что тот наверняка что-то скажет. И Сталин сказал:

— Я доволен тем, как в этот раз работали вы, товарищ Жуков, и ваш коллега, товарищ Василевский. Но главная ваша работа впереди. Она-то и покажет, где мы выиграли, а где проиграли. Разумеется, нужные уроки из этой наступательной операции мы обязательно извлечем...

У Сталина было хорошее настроение, но он счел нужным обратить внимание присутствующих, особенно Жукова и Василевского, на скрытность в подготовке наступательной операции.

— Специальная директива Генерального штаба определила мероприятия, цель которых — исключить просачивание любых сведений о масштабе контрнаступления, — заметил начальник Генштаба Василевский. — Я лично готовил ее и все ваши замечания, товарищ Сталин, учтены.

Сталин, попыхивая трубкой, взглянул на своего заместителя генерала армии Жукова.

— Вас есть что добавить? — спросил он.

Жуков резво поднялся.

— Считаю, что если нам удастся сохранить в тайне все, что касается операции «Уран», то успех не замедлит сказаться, — жестко промолвил Георгий Константинович.

Легкая тень озабоченности легла на лицо Сталина.

— Возражать против этого вряд ли кто станет, — горячо произнес он. — Но я хочу спросить вас вот о

чем, товарищ Жуков. Вы получили задание Ставки подготовить отвлекающую операцию на Калининском и Западном фронтах. Как идет подготовка, можете доложить?

— Могу, товарищ Сталин. — И Жуков коротко, но конкретно объяснил, что уже сделано штабами этих фронтов. Основной удар будет нанесен по Ржевскому выступу, где держит оборону большая группировка войск противника. — Я полагаю, — поспешно продолжал Георгий Константинович, — что 8 декабря планирование и подготовка наступления фронтов будут закончены. Директиву фронтам доложу вам позже.

— Вы уверены, что генералы Пуркаев и Конев выполнят задачу? — спросил верховный.

— Есть такая надежда...

(К сожалению, надежда генерала армии Жукова на этот раз не оправдалась. Калининский фронт под руководством генерала Пуркаева свою задачу выполнил. Группа войск фронта, наступавшая южнее города Белого, успешно протаранила вражескую оборону и двинулась на Сычевку. А вот группа войск Западного фронта должна была прорвать оборону гитлеровцев и идти вперед навстречу войскам Калининского фронта, чтобы замкнуть кольцо окружения Ржевской группировки врага. Но Западный фронт сломить оборону гитлеровцев не смог. Сталина это очень обеспокоило. Он приказал Жукову немедленно выехать в штаб генерала Конева и повторить операцию, оказав командованию фронта необходимую помощь. Позднее Жуков отмечал, что, прибыв на КП Западного фронта и разобравшись в причинах неудачи, он пришел к выводу, что повторять операцию было бесполезно: «Противник разгадал наш замысел и сумел подтянуть в заданный район значительные силы с других участков».

Хотя ликвидировать Ржевский выступ фронтам не удалось, но своими активными действиями войска Калининского и Западного фронтов не позволили немецкому командованию перебросить значительные подкрепления с этого участка в район Сталинграда. Кроме того, стремясь оставить в своих руках ржевско-вяземский плацдарм, командование вермахта было вынуждено перебросить в район Вязьма — Ржев 4 танковые и 1 механизированную дивизии. — А.З.).

Кажется, верховный на этом совещании сделал все, что намечал. Он на минуту задумался, о чем-то размышляя. Нет, кое-что он упустил. В уголках его губ скользнула ехидная усмешка, но она тут же исчезла.

«Что-то он глядит в мою сторону», — решил Василевский и опустил глаза. Снова подняв их, он встретил мягкий укоряющий взгляд верховного и тут же услышал его голос:

— Я вот о чем подумал... Ставка поручила вам, товарищ Василевский, курировать все три фронта под Сталинградом. Не тяжело ли будет? Может, дать вам в помощники еще людей?

— Не надо, товарищ Сталин. — Василевский тряхнул своей черной шевелюрой. — Командующих фронтами генералов Ватутина, Рокоссовского и Еременко я давно и хорошо знаю, изучил их стиль руководства войсками. Эти люди хорошо знают и меня. Так что справлюсь.

— Ну-ну, — буркнул Сталин, — возражений не имею. — Он загасил трубку. — Кстати, где вы оборудовали пункт руководства фронтами? В городе Серафимовиче?

— Так точно, — ответил Василевский. — Там находится и штаб Юго-Западного фронта. Ведь ему Ставка отвела ведущую роль в первые дни контрнаступления — я это учитывал. Да и у Ватутина не так уж много опыта в руководстве войсками фронта. В свое время он сам попросил вас назначить его командующим Воронежским фронтом, я его поддержал и теперь несу моральную ответственность за него.

— Что, у вас возникли сомнения в его способностях? — Судорога пробежала по лицу верховного, и это не ускользнуло от Василевского.

— Да нет, товарищ Сталин, но операция будет нелегкой, к тому же его фронт поначалу будет играть главную роль, и у меня слегка тревожно на душе, — высказался напрямую начальник Генштаба.

Верховный, казалось, оставил без внимания его последние слова, а выбор места, откуда Василевский собирался руководить фронтами, одобрил:

— Выбор для себя вы сделали правильный. Если что — сможете в любое время связаться с командующими фронтами. И звонить в Ставку легче по прямой линии ВЧ. Когда будете в Серафимовиче?

— За день до начала операции «Уран»...

Сталин поднялся из-за стола.

— Если нет вопросов, все свободны. А вас, — верховный взглянул на генерала Федоренко, — прошу остаться.

«Наверное, речь пойдет о моей новой командировке в Сталинград», — забеспокоился Федоренко.

— Садитесь ко мне поближе, — улыбнулся Сталин, пододвинув Якову Николаевичу кресло. — Ваша стихия — танки, вот я и хочу о них поговорить. Вы были в Сталинграде в середине августа, так? — уточнил верховный.

Генерал Федоренко помнил свою поездку в деталях. 19 августа немецкое командование начало наступление на Сталинград силами 6-й армии генерала Паулюса и 4-й танковой армии генерала Гота. Бои на ближних подступах к городу носили ожесточенный характер. Сильной подвижной группе противника, в которой насчитывалось немало танков, 23 августа удалось прорвать нашу оборону к северу от калача и выйти к Волге севернее Сталинграда, несмотря на упорное сопротивление войск 62-й и 64-й армий. Враг подверг город жестокой бомбардировке с воздуха. Налет совершили главные силы 4-го воздушного флота генерала фон Рихтховена. Весь день шла атака города с воздуха, тысячи бомб сбросили воздушные пираты Гитлера на промышленные предприятия и жилые кварталы Сталинграда.

В Сталинграде находился также член ГКО Г. М. Маленков и командующий ВВС Красной армии генерал А. А. Новиков. Они вместе с командующим генералом Ватутиным обсуждали назревшие вопросы обороны города на командном пункте Юго-Западного фронта. Представитель ГКО В. А. Малышев, заместитель наркома танковой промышленности А. А. Горегляд, первый секретарь Сталинградского обкома и горкома партии А. С. Чуюнов и начальник Главного автобронетанкового управления НКО СССР Я. Н. Федоренко в это время работали на тракторном заводе, который все еще выпускал танки Т-34. Вместе с директором завода К. А. Задорожным и парторгом ЦК завода А. М. Шапошниковым они руководили ремонтом танков, изготовлением новых машин, формированием истребительных батальонов и эвакуацией наиболее ценного заводского оборудования.

— Засучив рукава и надев рабочий халат, я проверял работу двигателей танков Т-34, — проговорил генерал Федоренко, глядя на Сталина. — Двигатель — сердце машины, и важно, чтобы это железное сердце работало без перебоев. Если честно, товарищ Сталин, не мое дело заниматься двигателями, но данной мне властью я приказал директору завода добиться того, чтобы завод выпустил как можно больше танков. Ведь рядом проходил фронт, и все мы были свидетелями, как фашисты стремились захватить город. Они шли напролом, на своем пути убивали все живое, сжигали дома и предприятия. Сталинград буквально стонал от вражеских атак, и отразить их могли только наши танки... Тогда их у нас было мало. Теперь же к концу этого года наши заводы дадут Красной армии двадцать пять тысяч танков. У нас уже сейчас стало больше танковых корпусов...

— Вот о них я и хочу с вами поговорить, — прервал его Сталин. — Это хорошая цифра — двадцать пять тысяч танков! А танковые корпуса — это та сила, которая может принести победу в сражении, если ею умело распорядиться. У нас уже есть отличные командиры корпусов, но их до обидного мало.

— Будет больше, Иосиф Виссарионович! — улыбнулся генерал Федоренко. — Не знаю, одобрите ли

вы мои действия, но, бывая в войсках, я подыскиваю отличных вояк, чтобы приобщить их к танкам. Когда человек воспринимает танк не как кусок металла, а как живое существо, ему можно доверить машину, и он наверняка добьется успеха в любом бою.

— Приобщить к танкам — это вы хорошо выразили свою мысль, Яков Николаевич, — горячо произнес верховный. — Ведь часто в танкисты попадают случайные люди, потому и терпят поражения на поле боя... Но вернемся к танковым корпусам, — вдохновенно продолжал Сталин. — У нас получилась какая-то чехарда. Впервые они были сформированы в 1938 году на базе механизированных корпусов, а через год мы их расформировали и стали создавать моторизованные дивизии и танковые бригады. Но начавшаяся война показала, что танковые корпуса нужны, что это могучая сила в сражениях, и вновь начали их создавать. Я, правда, не помню, сколько их сейчас у нас, но не в этом дело...

— Сейчас мы имеем 24 танковых корпуса, — подсказал генерал Федоренко. — Но их будет больше...

— Но не все танковые корпуса отвечают нынешним требованиям войны, — подчеркнул Сталин. — Некоторые командиры слабо подготовлены в тактическом отношении, экипажи порой не сколочены, потому-то в танках у нас существенные потери. Чего я хочу от вас? — Верховный глядел генералу в лицо. — Вам надлежит побывать в танковых корпусах, проверить подготовку командиров, экипажей, выявить недостатки, сделать все, чтобы выше поднять их боеготовность. Это очень важно, Яков Николаевич. Куда вам ехать? На любой фронт Сталинградского направления. Там у нас сейчас главный участок борьбы с врагом. На днях мы начнем под Сталинградом мощное контрнаступление, и все, что вам удастся сделать, пойдет нам на пользу. У генерала Еременко вы были, и он доволен тем, что вам удалось там предпринять. Можете поехать к генералу Ватутину на Юго-Западный фронт или в войска Донского фронта к генералу Рокоссовскому. Присмотритесь к командирам корпусов, возможно, есть такие, кого следует заменить. У вас, как заместителя наркома обороны, есть на это полномочия, так что вам и карты в руки. Хочу еще добавить, что мы имеем очень боеспособные механизированные корпуса, ими командуют опытные и лихие — не боюсь этого слова — генералы. Один из них — генерал Танасчишин.

— Мне он тоже нравится, — заметил генерал Федоренко. — Умен, расчетлив, храбр, правда, порой горяч. Хотя чего стоит командир, если он тих, не горит в деле, а тлеет. Нет, — вдохновенно продолжал Федоренко, — мне по душе пылкие, страстные командиры, и в жизни у них все ладится, и в бою они на виду.

— Вот такие люди, как генерал Танасчишин, и должны командовать танковыми корпусами, — жестко произнес Сталин. — А находить их, учить боевому искусству, умению побеждать в сражениях — ваша задача, Яков Николаевич. — Подумав, он добавил: — Все мы ныне в долгу перед Родиной, а долг на части не делится, его надо нести самому...

Ушел от верховного генерал Федоренко в приподнятом настроении. «Уеду на фронт на рассвете, чтобы утром быть в штабе Юго-Западного фронта у Ватутина», — решил он.

А с генералом Танасчишиным приключилась неприятная история, и принимать решение пришлось лично Сталину. И произошло это через месяц после разговора верховного с генералом Федоренко. В январе 1943 года, поведал в своих воспоминаниях генерал Ф.Е. Боков, в то время заместитель начальника Генштаба, он прибыл на очередной доклад в Ставку. (Начальник Генштаба Василевский находился в эти дни на фронте. — А.З.) Он вручил Сталину шифровку, сказав, что это представление командующего Южным фронтом генерала Еременко и члена Военного совета генерала Хрущева о снятии с должности командира 4-го механизированного корпуса генерала Танасчишина.

— А что случилось? — спросил верховный.

— Его обвиняют в превышении власти, — пояснил Боков. — Мне уже трижды звонил, просил

доложить вам генерал Еременко и дважды генерал Хрущев.

— Это какой Танасчишин? — осведомился Сталин, прочитав документ. — В прошлом кавалерист?

— Да. Зовут его Трофим Иванович.

— Я его хорошо знаю, — сказал Сталин. — Боевой рубака!.. А как воюет его корпус?

— Очень хорошо. Под его командованием стал гвардейским.

— В чем же конкретно обвиняют генерала?

Генерал Боков ответил.

— Так... Личных мотивов у него не было. Болел, значит, за выполнение боевого задания, но переусердствовал, — заметил Сталин в раздумье и поинтересовался: — А какое мнение у Генштаба? Снимать его с корпуса или нет?

— Человек он действительно порывистый, горячий и поступил неправильно. Только генерал Танасчишин в корпусе на месте. Думается, достаточно ему на первый раз сделать строгое внушение.

Сталин на мгновение задумался, а потом, поднявшись из-за стола, произнес:

— Снимать не будем. Передайте Еременко и Хрущеву, что Сталин взял Танасчишина на поруки.

Вернувшись в Генштаб, генерал Боков связался по ВЧ с генералом Еременко, дословно передал ему слова верховного и попросил сообщить об этом решении Хрущеву.

Чувствовалось, что Андрей Иванович был растерян.

— Спасибо, что позвонили, — сказал он после небольшой паузы. — А члену Военного совета, пожалуйста, сообщите об этом лично.

Генерал Боков тут же соединился с Хрущевым. Выслушав Бокова, Никита Сергеевич спросил:

— Может, вы не так доложили?

— Я доложил товарищу Сталину вашу шифровку. Если вы не согласны, можете сами позвонить ему.

— Нет, я этого делать не буду. Что ж, на поруки так на поруки.

На другой день после очередного доклада генерала Бокова Сталин с улыбкой спросил его, говорил ли он с Еременко и Хрущевым, удовлетворило ли их ходатайство верховного или нет.

Боков ответил в тон ему:

— Все нормально. Ваше ходатайство удовлетворено, товарищ Сталин.

7

В этот тревожный вечер Сталин не ушел отдыхать, а остался работать в своем кабинете. Скоро под Сталинградом начнется контрнаступление, которое потом войдет в историю как Сталинградская битва. «Итак, оборона Сталинграда в основном завершилась, — размышлял Сталин, то и дело поглядывая на оперативную карту. — Дорого обошлась нам эта тяжелая и кровавая оборона, начавшаяся еще в июле. Теперь настало время наступать...» Ставка, Генеральный штаб и он как Верховный главнокомандующий отдали немало сил масштабной подготовке контрнаступления, и сейчас он невольно тревожился: смогут ли войска трех фронтов сокрушить врага? План контрнаступления, нанесенный на карту неделю тому назад, подписали Жуков и Василевский, а он, Верховный главнокомандующий, утвердил его. Сталин смотрел на карту, и в голове невольно прокрутил, что предстояло сделать трем фронтам. Главный удар наносили войска двух фронтов — Юго-Западного и Сталинградского. Юго-Западному фронту — надлежало с ходу сломить вражескую оборону в районе Серафимович — Клетская и ускоренными темпами продвигаться вперед в направлении Калач — Советский. Сталинградский фронт производил удар из района Сарпинских озер и тоже двигался в направлении Советский — Калач. Сходящимися мощными ударами предполагалось окружать немецкие войска, находившиеся в междуречье Волги и Дона. Что касается Донского фронта, то ему полагалось осуществить два удара: один — из района Клетской на юго-восток, другой — из района Качалинской вдоль левого берега Дона на юг. Координацию трех фронтов Ставка возложила на начальника Генштаба генерала Василевского.

— Не лучше ли это дело поручить генералу армии Жукову? — высказал свою мысль на совещании в Ставке заместитель председателя ГКО Молотов.

Сталин насупил брови: так он делал всегда, когда в его душе что-то вызывало возражение.

— Почему Жукову? — спросил он спокойно, словно разговор шел о чем-то незначительном.

— Сам же говорил, что у начальника Генштаба по этой операции дел по самое горло, — усмехнулся Вячеслав Михайлович.

Верховный, однако, заметил, что Жукову Ставка поручила Калининским и Западным фронтами осуществить отвлекающую операцию на Ржевском выступе, чтобы немецкое командование не перебросило подкрепления под Сталинград.

Заголосил телефон «кремлевки». Сталин снял трубку с аппарата. Звонил начальник Главного автобронетанкового управления Красной армии генерал Федоренко. Он справлялся, может ли он прибыть в Ставку для доклада.

— Что-нибудь важное? — спросил верховный.

— Я несколько дней провел в Сталинграде и только что вернулся. Проверял танковые корпуса, их готовность к боевым действиям. Есть некоторые мысли.

— Приезжайте!..

Верховный слушал главного танкиста, как он называл генерала Федоренко, и в душе его крепло убеждение, что этот генерал тонкий знаток бронетанковой техники, ему можно поручать серьезные задания. Из его доклада стало ясно, что в эти дни он основательно побывал в танковых корпусах. Федоренко отметил, что в основном они готовы к боевым действиям. Правда, в процессе проверки выявились серьезные недостатки, которые удалось ликвидировать перед началом операции.

— Что же это за недостатки? — спросил генерал Федоренко и сам же ответил: — Во многих танках не

оказалось запасных траков, запасных баков с горючим, полного боекомплекта. Странно, — продолжал генерал, — но обнаружилась и неукomплектованность экипажей машин: то нет заряжающего, то отсутствует наводчик... На первый взгляд это мелочи, но они могут подвести экипажи в бою. Я принял меры, и все, что надо было, люди сделали. — И, как бы завершая свое объяснение, Федоренко добавил: — Любая победа над врагом легко не дается, тут играют роль все факторы, а иные командиры этого не понимают или не хотят понять.

Сталин прошелся вдоль стола, глаза его сузились, и, подойдя ближе к генералу, он заговорил:

— Цель контрнаступления, Яков Николаевич, не только в том, чтобы разгромить зарвавшегося врага, но и, главное, вырвать из его рук стратегическую инициативу. И если мы нанесем противнику тяжелое поражение, то потом будем диктовать ему наши условия борьбы. — Сталин подошел к карте. — На юго-западном направлении группа армий «Б» одна из самых крупных вражеских группировок, и, если мы с нею разделаемся, произойдет крушение всего южного фланга фронта противника. — Помолчав, верховный добавил: — Нет, не зря стойко сражались наши люди под Сталинградом, они выстояли, не сдали город врагу!..

В дверях появился Поскребышев, сообщивший о том, что прибыл начальник Главного управления тыла Красной армии генерал Хрулев.

Кажется, Сталин едва не вспылil, но лишь бросил укоряющий взгляд на своего помощника.

— Разве генерал Хрулев только начальник Главного управления тыла? — суровым тоном спросил он.

Поскребышев вмиг исправил свою ошибку, уточнив:

— И нарком путей сообщения СССР!

— Прошу точно докладывать должности генералов, — сухо промолвил Сталин.

Когда Хрулев вошел в кабинет, верховный пригласил его к столу:

— Присаживайтесь, Андрей Васильевич. — Он тепло пожал ему руку. — Мы тут с генералом Федоренко вели беседу о событиях под Сталинградом, он только что прибыл оттуда. А теперь послушаем вас. Как, всё доставили нашим трем фронтам? Да вы садитесь, в ногах правды нет, — улыбнулся верховный, когда увидел, что Хрулев не двинулся с места.

Отдышавшись, тот грузно сел в кресло.

— Я страшно устал за эти дни, — грустно произнес Андрей Васильевич. — С работой тыла еще кое-как справляюсь, но как нарком путей сообщения и белому свету не рад.

Сталин засмеялся, отчего усы у него задергались, как живые, в глазах появились искорки. Казалось, его лицо осветилось изнутри.

— Вы думаете, вот ему, нашему главному танкисту, легко? Нет, братец мой, он тоже крутится как белка в колесе... А вы, Андрей Васильевич, к тому же сами виноваты. Зачем взвалили на свои плечи две тяжелых должности?

— Я взвалил? — почти крикнул генерал Хрулев. — Побойтесь Бога, Иосиф Виссарионович! Вы же сами сделали меня начальником тыла и наркомом путей сообщения. Видите ли, Каганович завалил дела на железной дороге, а я теперь должен выправить их. Одна подготовка к контрнаступлению едва не ухайдакала меня. На перевозке войск и грузов работало едва ли не 30 тысяч автомашин, а железная дорога ежедневно подавала полторы тысячи вагонов груза! Если взять один лишь Сталинградский фронт, — подчеркнул Хрулев, — то войска и грузы перевозились в тяжелейших условиях ледохода на Волге, да еще под огнем противника. Только с 1 по 18 ноября, то есть за три недели, через Волгу было переправлено 165

тысяч солдат. 10 тысяч лошадей, 430 танков, 600 орудий, 14 тысяч автомашин и 7 тонн боеприпасов. Тяжелее всего было перевозить танки на платформах. — Хрулев кивнул на сидевшего рядом генерала Федоренко. — Вот Яков Николаевич не раз имел с ними дело, может подтвердить.

— Очень тяжелая работа, — подал голос Федоренко. — Тебе, Александр Васильевич, я сочувствую. Но пока ты нарком путей сообщения, будь любезен давать вагонов и платформ для боевой техники столько, сколько потребуется. Это уже не моя, а твоя проблема, как этого добиться.

Сталин чему-то усмехнулся и, слегка улыбнувшись в усы, спросил генерала Хрулева:

— Значит, тяжело вам, Александр Васильевич?

— Очень даже тяжело, — вздохнул Хрулев, слегка качнув головой. — Просто нет отбоя от людей. Один просит железную дорогу — доставить войска, другой требует перевезти на платформах танковую бригаду, третий кричит, мол, пора уже грузить орудия... А где взять вагонов, если их нет?

— Жаль, — обронил Сталин. — Мы тут в Ставке подумали, что за четкую работу по доставке грузов для фронтов Сталинградского направления надо дать вам звание генерала армии, но на ваши плечи прибавится тяжелого груза. — Верховный лукаво подмигнул генералу Федоренко, и тот вмиг понял его намек:

— Лишняя звезда будет невмоготу для Александра Васильевича.

— Да уж этот груз я бы принял, — промолвил генерал Хрулев.

(Звание генерала армии А. В. Хрулеву было присвоено в 1943 году после окончания Сталинградской битвы. —А.З.)

Сталин, казалось, не обратил внимания на его реплику, спросил о другом:

— Что вы можете сказать о бойцах и командирах, с которыми встречались и беседовали? Как они относятся к предстоящей операции, какое у них настроение?

Генерал Хрулев серьезно проговорил:

— У них боевой настрой, и я уверен, что они будут сражаться не на жизнь, а на смерть.

— У меня тоже сложилось такое мнение, — подал реплику генерал Федоренко.

— Отрадно это слышать. — Верховный сжал губы, но тут же разжал их, словно торопился высказать то, о чем подумал. А подумал и высказался он о командармах и командирах корпусов, и мысль его была отчаянная: все ли командиры окажутся на высоте? — Задачу перед ними ставил мой заместитель генерал армии Жуков, и все то, что он сделал, мне легло на душу...

Сталин вспомнил, как это было, и было не так давно. Перед тем как Жукову улететь в Сталинград для окончательной отработки плана контрнаступления, верховный вызвал его к себе. Разговор был короткий, но предметный.

— Я хотел бы кое о чем вам сказать...

Верховный подчеркнул, что после проведения рекогносцировки на месте надо обсудить с руководством фронта вопросы взаимодействия Сталинградского фронта с Юго-Западным. Пусть генералы Ватутин и Еременко четко ответят, как они будут осуществлять это. А при рассмотрении планов, о которых Жукову доложат командующие армиями и командиры корпусов, нужно оценить, как увязаны эти планы с планом контрнаступления. Не получилось бы так, что каждый командир тянет на себя одеяло, а до соседей ему дела нет.

— Победа на всех одна, — подчеркнул верховный. — Но за нее сражаются все — от рядового бойца

до командующего. Понятно?

— А чего тут не понять? — усмехнулся Жуков. — Вы мне все разжевали и в рот положили.

— Передайте эти мои мысли и своему коллеге генералу Василевскому, — попросил верховный. — Вы же там будете вместе проводить инструктаж.

— Вашу просьбу, товарищ Сталин, я исполню! — заверил Жуков.

Позже Жуков отмечал: «...Как мы договорились с А. М. Василевским, я прибыл на командный пункт 57-й армии в Татьяновку утром 10 ноября, где к тому времени, кроме Военного совета фронта, были: М. М. Попов, М. С. Шумилов, Ф. И. Толбухин. Н. И. Труфанов, командиры корпусов В. Т. Вольский и Т. Т. Шапкин и другие генералы фронта. Перед совещанием мы с А. М. Василевским, командующими 51-й и 57-й армиями Н. И. Труфановым и Ф. И. Толбухиным, М. М. Поповым и другими генералами выехали на участки войск этих армий, с тем чтобы еще раз посмотреть местность, где предстояло развернуть наступление главных сил Сталинградского фронта. После рекогносцировки были рассмотрены вопросы взаимодействия фронта с Юго-Западным фронтом, увязана техника встречи передовых частей в районе Калача, взаимодействия частей после завершения окружения и другие проблемы предстоящей операции. После этого были рассмотрены армейские планы, о которых докладывали командующие армиями и командиры корпусов...»

После ужина Сталин стал работать с документами. Устав за день, он сел на диван и уснул. В пять часов утра его разбудил помощник генерал Поскребышев.

— Кто это? — спросил Сталин и, увидев перед собой Поскребышева, смутился. — Что случилось, Александр Николаевич?

— Звонил по ВЧ генерал Василевский, я сказал, что вы отдыхаете, — пояснил помощник. — А через час он снова позвонил, просил разбудить вас. Он ждет у телефона.

— Переключите на меня.

Начальник Генштаба генерал Василевский был краток. Он доложил, что все три фронта готовы начать боевые действия, — Юго-Западный и Сталинградский фронты через два с половиной часа ринутся в наступление.

— У вас нет на этот счет каких-либо дополнительных распоряжений? — спросил Александр Михайлович.

— Нет, пока все остается так, как наметила Ставка, — приглушенным голосом отозвался верховный. — Как там погода?

— Туман, над полем сплошная белая пелена, но к утру он, должно быть, спадет.

— Успехов вам! — коротко бросил в трубку верховный.

Он умылся в своей комнате отдыха, навел лоск и вызвал помощника.

— Согрейте, пожалуйста, мне чаю и принесите пару бутербродов, — попросил вождь. — Что-то я проголодался. Кстати, какая у нас погода?

— Ночью выпал снег, похолодало, но ветер утих. Не хотите ли на свежий воздух? Тогда принесу вам валенки, не то еще простудитесь.

Хозяина кабинета тронула забота помощника, можно было бы и подышать морозным воздухом, но вот-вот начнется контрнаступление, и, возможно, ему будут звонить по ВЧ.

— Мне надо быть здесь, Александр Николаевич.

— Да, конечно, вам могут срочно позвонить, — проговорил Поскребышев и тихо прикрыл за собой

дверь.

Неожиданно позвонил по «кремлевке» Молотов. Сталин удивился, что Вячеслав Михайлович звонит ему так поздно.

— Не спишь, Иосиф?

— Как видишь, — обронил вождь.

— Я тоже не могу сомкнуть глаз, — признался Молотов. — Волнуюсь, как там, в Сталинграде. — После паузы он продолжал: — У меня к тебе дело. Недавно Совет Народных Комиссаров и ЦК ВКП(б) приняли Постановление «О создании из урожая 1942 года хлебного фонда Красной армии». Мы с Микояном проверили, как идет работа, и выявили факты, что на местах некоторые партийные и хозяйственные руководители мало делают для увеличения сбора зерна. А ведь хлеба уже не хватает. Сейчас на государственном снабжении хлебом в стране находится 62 миллиона человек! Рабочие и служащие получают по 400–500 граммов хлеба в день, а иждивенцы — по 300–400 граммов. Я уже не говорю о мясе и жире, их до обидного немного...

— Мы же ввели карточки на продукты, — прервал его Сталин. — Микоян уверял, что карточная система даст возможность рационально обеспечить питанием все население!

— Но от введения карточек хлеба и других продуктов не прибавилось, — возразил Молотов. — Мы с Микояном хотим предложить кое-что по сбору урожая. Необходимо объявить повсеместно борьбу с потерями зерна и овощей на полях колхозов и совхозов.

— Согласен, — поддержал Молотова вождь. — Что-то надо делать в этом направлении. Вот что, Вячеслав. Сейчас я прикован к событиям в районе Сталинграда. Заходите с Микояном дня через два-три, и все обсудим.

— Хорошо, Иосиф...

Наступило утро 19 ноября 1942 года.

На командном пункте Юго-Западного фронта было необычно тихо. Командующий фронтом генерал Ватутин то и дело подносил к глазам бинокль, осматривая раскинувшееся перед ним осенне-зимнее поле.

— Что видишь, Федор Николаевич? — спросил его начальник штаба фронта генерал Стельмах.

— Пока в голубых линзах белый туман, как бы он не сорвал нам начало операции, — едва не выругался комфронт.

Начальника штаба он ценил, потому как у Стельмаха был опыт штабной работы. Григорий Давидович — участник Гражданской войны, окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе, позже — курсы усовершенствования высшего состава. Перед войной командовал стрелковой дивизией, она была одной из лучших по боевой подготовке. Как-то в беседе нарком обороны маршал К. Е. Ворошилов сказал ему: «У вас есть все данные преподавать в Военной академии». На что комдив Стельмах ответил: «Буду рад, если меня назначат». И его назначили. Он читал лекции, и читал интересно, слушатели получали глубокие знания. Начальство оценило старания Стельмаха, и он стал преподавать в Военной академии Генерального штаба. Войну Григорий Давидович начал в должности начальника штаба Волховского фронта. Когда в октябре 1942 года формировали Юго-Западный фронт, его назначили начальником штаба. В дни подготовки к операции «Уран» Стельмах сутки провел в штабе 5-й танковой армии под командованием генерала Романенко и выявил недостатки, о которых сказал командарму. Генерал Романенко, выслушав его, заявил, что это мелочи и они не смогут повлиять на выполнение армией поставленной задачи. При этих словах командарм с хитрецей посмотрел на Стельмаха и заявил:

— Надо глядеть в корень, Григорий Давидович, а корень у меня не гнилой...

Стельмах усмехнулся:

— Ты не судья, Прокофий Логвинович, а я не прокурор, так что не лезь в бутылку. Через пару дней я снова буду в твоей армии и все проверю.

Романенко почувствовал себя неловко, даже покраснел.

— Ясно, товарищ начальник штаба фронта, все устраним.

Словно угадав, о чем задумался начальник штаба, Ватутин сказал:

— Корю себя за то, что не побывал в 5-й танковой армии Романенко. Характер у него колючий, и боюсь, как бы он нас не подвел, хотя опыта у него в танковом деле с лихвой.

— Не подведет он нас, — подал голос Стельмах. — Генерал он знающий, правда, горяч порой, как донской рысак.

— Что, ты с ним поцапался? — усмехнулся Ватутин.

— Во время проверки работы штаба армии я указал ему на недостатки и, хотя он воспринял это с обидой, в течение недели устранил их, о чем донес лично мне.

— Ну-ну, — неопределенно промолвил Ватутин. — У Романенко сейчас находится представитель Ставки генерал Василевский, у него глаз наметан: если что — поправит командарма.

«Скорее бы уж началось, а то нервы напряжены до предела», — подумал Ватутин, и, хотя свой фронт он тщательно подготовил к решительным сражениям, на душе было беспокойно: как-то развернутся события?..

Ночь наконец кончилась, и наступил рассвет. Небо висело низко над землей, белый туман окутал все вокруг... наступление Юго-Западного правого крыла Донского фронта, как и назначала Ставка, началось в 7 часов 30 минут. Два фронта обрушили на врага губительный огонь из 7 тысяч орудий. Не без огорчения Николай Федорович Ватутин подумал о том, что из-за густого тумана авиация не сможет прикрыть стрелковые части с воздуха, иначе удар по врагу был бы более мощным. Словно угадав его мысли, на КП фронта позвонил командующий 17-й воздушной армией генерал Красовский и заявил, что его самолеты пока на приколе: видимость почти нулевая.

— Товарищ командующий, как только туман спадет, мои орлы поднимутся в воздух!

Ватутин грустно вздохнул.

— Над погодой, Степан Акимович, мы с вами не властны, — сказал он. — Но если небо хоть чуть-чуть прояснится, поднимай в воздух своих богатырей.

— Хорошо, товарищ командующий, — весело отозвался Красовский.

Дал о себе знать и командующий 2-й воздушной армией генерал К. Н. Смирнов, доложив командующему фронтом, что штурмовики будут подняты в небо, лишь исчезнет туман.

Генерала Красовского Ватутин узнал ближе во время советско-финляндской войны, где тот командовал ВВС 14-й армии. А когда в 1940 году Ватутин был начальником Оперативного управления генштаба, а Красовский возглавлял ВВС Северо-Кавказского военного округа, они не раз встречались в Москве. Степан Акимович был знатоком авиации, его дела и помыслы были связаны с ней, и только с ней, и эта черта его характера особенно пленяла Николая Федоровича. И теперь он не сомневался, что летчики Красовского в сражении проявят себя. В разгар контрнаступления так оно и было. (В 1945 году генерал С. А. Красовский стал Героем Советского Союза, а в 1959 году — маршалом авиации. — А.З.) Под стать ему был и

генерал Смирнов Константин Николаевич, еще до войны командовавший 2-м авиакорпусом.

Между тем сражение разгоралось. Враг оказывал упорное сопротивление, но не смог устоять против танковых атак генерала Романенко. На КП фронта из армий и корпусов поступали доклады, они радовали Ватутина и всех, кто находился в штабе фронта.

— Вот разошелся Романенко, а? — улыбнулся Ватутин, глядя на карту, где начальник штаба отмечал путь продвижения 5-й танковой армии. — Его танки крушат все на своем пути. Хороший темп атаки!

Николай Федорович включил связь с командиром танковой армии и тотчас услышал далекий, но четкий голос генерала Романенко.

— Как обстановка, Прокофий Логвинович? — спросил командующий. — Немцы бросили в бой свои танки — сколько их?

— Много, Николай Федорович, бьем по ним прямой наводкой. Правда, пришлось чуток сбавить ход.

— А вот делать это нежелательно. Чем быстрее будешь продвигаться, тем меньше будет шансов у врага подбросить против твоей армии подкрепление, — спокойно, но твердо заявил Ватутин.

— Вас понял, исполняю!.. — глухо отозвался Романенко.

Прошло не более двух часов после того, как наши танки ринулись в атаку, и три танковые дивизии 5-й танковой армии прорвали первую позицию главной обороны врага и продвинулись в глубину на несколько километров, другие дивизии завязали тяжелые бои и наступали медленно, что, естественно, волновало командующего фронтом.

— На их пути встали вражеские танки, — сказал начальник штаба генерал Стельмах. — Я только что связывался по радио с двумя комдивами.

— Вот это известие для меня, что нож в сердце! — с горечью воскликнул Ватутин. У него от напряжения даже покраснело лицо, а глаза загорелись. — Нам надо во что бы то ни стало прорвать всю тактическую зону обороны врага, — горячо продолжал Николай Федорович. — Командарм Романенко многое сделал для этого, но не все. Я думаю, что пора вводить в сражение два резервных танковых корпуса — 1-й генерала Буданова и 23-й генерала Родина.

— Пожалуй, это для нас единственный выход! — согласился начальник штаба Стельмах.

— Отдавай им приказ! — коротко бросил Ватутин.

— Есть! — Стельмах поспешил к рации, по которой держали связь с корпусами.

Ватутин от напряжения вспотел. Перед началом операции на КП фронта прибыл представитель Ставки генерал Василевский. Он-то и посоветовал Николаю Федоровичу, чтобы танки Романенко не вели атаку противника в лоб, а клиньями охватывали вражескую оборону. Тогда враг будет вынужден оттянуть свои силы с центра и в его обороне появится брешь.

— Вот в эту брешь и бросай танки, — говорил Василевский. — Расширяй эту брешь. У вас ведь есть для этого два резервных танковых корпуса — вот и действуй...

«Я так и сделал, два танковых корпуса введены в сражение, — отметил про себя Николай Федорович. — Лишь бы они не оплошали!»

Но опасения командующего были напрасны. Танковые бригады этих двух корпусов с ходу сломали оборону врага и за день продвинулись на 20 километров. Противник бросал в атаку свежие части, но безуспешно. Особенно дерзко уничтожали врага экипажи танков 26-го танкового корпуса, 3-й и 8-й кавалерийские корпуса. В районе Распопинской было окружено 5 румынских дивизий. Почти целиком они

сдались в плен. Получив это сообщение от командарма Романенко, Ватутин весело произнес:

— Хороший улов! — Он подозвал к себе начальника штаба генерала Стельмаха: — Григорий Давидович, запроси, пожалуйста, как дела у командарма 21-й генерала Чистякова: что-то он молчит.

— Молчание — золото, — усмехнулся Стельмах и тут же добавил: — Я только что собрался звонить ему...

— Ладно, я сам переговорю, а ты позвони генералу Красовскому. Туман заметно рассеялся, небо посветлело — поднял ли он в бой свою авиацию?

Ватутин тут же связался по радио с Чистяковым. На его вопрос, как протекает атака, из динамика, висевшего над столом, донесся голос командарма:

— У нас, товарищ командующий, отличился 4-й танковый корпус генерала Кравченко. К концу дня его танки преодолеют расстояние в тридцать километров, если не больше.

— Вот это атака! — воскликнул Ватутин. — Передай мою благодарность генералу Кравченко. Скажи Андрею Григорьевичу, что будет ему орден за боевые дела, а какой — зависит от его дальнейших действий.

На проводе послышался громкий смех, и голос генерала Чистякова произнес:

— А вы хитрый, Николай Федорович!

— А как же! На войне без хитрости успеха не добьешься, голубчик!..

Какое-то время Ватутин работал над оперативной картой. Хотел было выпить стакан чаю и съесть что-нибудь, но ему позвонил командующий Донским фронтом Рокоссовский. Он был краток:

— Как дела, Николай Федорович?

— Могли быть и лучше, но ты же знаешь, противник у нас коварный, воевать умеет, вот и приходится моим танкистам драться не на жизнь, а на смерть. Но с курса ему нас не сбить! А что у тебя? Где ты сейчас пребываешь?

Рокоссовский ответил, что с началом операции он находится на вспомогательном пункте управления на участке 65-й армии генерала Батова. Бои идут тяжелые и упорные. Противник контратаками пытался затормозить продвижение войск, но командарм 65-й, главной ударной силы фронта, проявил хорошую инициативу. Он быстро создал импровизированную подвижную группу. Собрав все танки, которые у него имелись, он посадил на них десант из пехоты и направил его в обход вражеских опорных пунктов. И получилось неплохо: ударами во фланг и тыл противника подвижная группа обеспечила быстрое продвижение остальных соединений.

— Как видишь, Николай Федорович, мы импровизируем на ходу, ибо враг силен, есть у него и танки, и самолеты. Кстати, об авиации. У тебя уже действуют штурмовики? — спросил Рокоссовский.

— Начали, потому как туман немного спал. Жаль, что авиация не смогла помочь войскам, когда началось наступление.

— Не переживай, дружище, — гулко отозвался Рокоссовский. — Она наверстает упущенное. А вот мой главный авиатор Руденко стал действовать парами и одиночными самолетами, и это здорово помогло пехоте.

— Сергей Игнатьевич человек мудрый и рискованный, — отозвался Ватутин. — Ты, видно, разрешил ему в такой туман действовать так, как сказал, а я не отважился. Теперь же генерал Красовский и генерал Смирнов дают фрицам жару, и я доволен. Спасибо, что позвонил мне, Костя, а то я слишком увлекся

своими танкистами. Успехов тебе, дружище!

— И тебе тоже, — откликнулся Рокоссовский.

Перед началом операции «Уран» командующий Донским фронтом генерал Рокоссовский на вопрос Верховного главнокомандующего, готов ли фронт нанести по врагу мощный удар, ответил:

— Этим мы живем и дышим, товарищ Сталин, бойцы и командиры жаждут разгрома врага и сделают для этого все возможное! Как бы противник ни сопротивлялся, он будет бит!

Генерал Рокоссовский хорошо знал, на что способны его люди, и потому был уверен в успехе. И хотя бои в полосе наступления носили ожесточенный характер, войска Донского фронта брали одну позицию за другой. На правом крыле фронта 65-я армия генерала Батова во взаимодействии с 21-й армией генерала Чистякова успешно продвигалась на юго-восток. Генерал Рокоссовский, наблюдая за происходящим, вспоминал: «Постепенно прояснялось. Туман рассеивался, и уже кое-где поле боя стало просматриваться. В бинокль слежу за штурмом меловых обрывистых высот в районе Клетской. Видно, как наши бойцы, цепляясь за выступы, взбираются вверх. Многие срываются, скатываются вниз, а потом опять упорно, помогая друг другу, карабкаются по круче и атакуют врага. Гитлеровцы отбиваются отчаянно, но не выдерживают. Наша пехота сбрасывает их с высот. Главная полоса вражеской обороны начала давать трещины. Ломая ее, 65-я армия продвигается в глубину — с большим трудом на левом фланге и успешнее на правом, на стыке с 21-й армией...»

— Товарищ командующий, танковый корпус генерала Родина подошел к берегам Дона! — громко доложил начальник штаба генерал Стельмах. — Экипажам машин предстоит форсировать реку, но генерал пока не решил, как это сделать с меньшими потерями.

— Пусть хорошо подумает, но делает это без передышки, — отозвался Ватутин. — Нам дорог каждый час!..

22 ноября, когда 26-й танковый корпус генерала Родина достиг к вечеру берегов батюшки Дона, разведчики доложили комкору, что мост через Дон охраняют немцы.

— Что будем делать? — спросил генерал Родин, глядя на начальника штаба. — Может, рискнем перехитрить врага?

— Как? — не понял начальник штаба.

— Ты подбери мне смельчака из числа командиров, который мог бы возглавить небольшой отряд танков.

— Есть такой смельчак — подполковник Филиппов, — предложил начальник штаба. — Он храбр и хитер.

— Давай его ко мне...

Подполковник Филиппов внимательно слушал генерала Родина. А тот говорил о том, что надо под покровом ночи захватить мост, чтобы обеспечить через него переход всех машин корпуса.

— Сумеешь все сделать, представлю к званию Героя Советского Союза, — серьезно сказал генерал Родин. — Ты меня знаешь давно: если что-то пообещаю, кровь из носу, а выполню!

— Как это сделать? — спросил смущенный Филиппов.

Комкор засмеялся, отчего его лицо стало добродушным:

— А ты подумай, как. Мне доложили, что ты мастер на всякие хитрости. Вот и докажи, что это так.

Лицо Филиппова просияло:

— Я уже придумал...

Едва наступила ночь — как шесть танков Т-34 под командованием подполковника Филиппова с включенными фарами и на полном ходу подошли к переправе. Немецкие часовые, охранявшие мост, в кромешной тьме приняли их за своих, на что и рассчитывал подполковник Филиппов. Короткая схватка на мосту — и вся вражеская охрана была перебита, а мост оказался в руках танкистов. Командир отряда знал, что немцы попытаются отбить его, и приказал бойцам занять круговую оборону. И тут появились немцы. Завязался ожесточенный бой. Враг трижды пытался сбить с моста отряд Филиппова, но у него это не получилось. Танкисты удерживали мост, пока не подошли основные силы танкового корпуса. Генерал Родин вылез из своего танка и расцеловал подполковника Филиппова.

— Спасибо тебе, герой! — воскликнул он. — Твоя хитрость удалась. Мост взят быстро и без потерь. Ну а свое обещание я выполню.

Войска и боевые машины 26-го танкового корпуса переправились через Дон и завязали бои за Калач. 23 ноября над городом запылало на морозном ветру красное знамя.

(Подполковнику Г. Н. Филиппову за этот подвиг было присвоено звание Героя Советского Союза. — А.З.)

8

Спустя два дня, 20 ноября, перешли в наступление войска Сталинградского фронта. Из-за плотного тумана оно началось не в 7.30, как сделали два фронта, а на два часа позже. Такое решение был вынужден принять командующий фронтом генерал Еременко, и оно себя оправдало: к этому времени туман заметно растаял. Еременко, находясь на наблюдательном пункте 57-й армии генерала Толбухина на высоте 114,3, откуда хорошо просматривался весь участок главного удара, переживал: как и чего достигнет фронт в первые часы сражения? Он уже имел информацию о боевых действиях Юго-Западного и Донского фронтов, был рад их успехам и даже завидовал им, особенно генералу Ватутину. Все у него идет как по маслу. «Но я тоже постараюсь не ударить в грязь лицом, — подумал Еременко. — Опыта ведения боев у меня больше, чем у Николая Федоровича, хотя не только это определяет успех сражения. Тут надо учитывать все факторы, даже туман, что помешал вовремя начать операцию...»

— Что волнует командующего? — спросил начальник штаба генерала Варенников, подходя к нему. На его лице светилась улыбка, но Андрея Ивановича она смутила. Ему сейчас было не до смеха. — Откройте секрет ваших раздумий, и, возможно, я помогу вам преодолеть их.

— Мыслями я там, на поле боя, дружище, и уж поверь — сердечко прыгает, как рыбешка в сети, кажется, вот-вот вырвется из груди. А все оттого, что переживаю и за фронт, и за войска, и даже за тебя, хотя дело свое ты плетешь с толком. А что поделаешь, такая беспокойная у меня натура.

Генерал Варенников снова улыбнулся.

— А как нога, Андрей Иванович, не болит? — спросил он. — Ночью вы что-то не спали.

— Ныла нога чертовски, пришлось растереть ее спиртом, — усмехнулся Еременко.

— Зачем сами растирали, вызвали бы медсестру!

— Да ладно, боль утихла, — махнул рукой командующий.

Незадолго до начала наступления генерал Еременко распорядился обстрелять передовые позиции немцев из орудий. А под конец ударили мощные гвардейские минометы М-30 — это был сигнал к началу атаки. Из районов южнее Сталинграда три армии — 51, 57 и 64-я, — которыми командовали генералы Трофимов, Толбухин и Шумилов, нанесли мощные удары по обороне противника. 62-я армия генерала Чуйкова в это время усилила свои атаки по врагу в черте города. Погода улучшилась, и войска Сталинградского фронта поддерживала с воздуха 8-я воздушная армия генерала Хрюкина. Оборона 4-й румынской армии была смята, наши войска спешно двигались к Калачу. В прорыв генерал Еременко бросил 13-й механизированный и 4-й кавалерийский корпуса.

Бои шли тяжелые и упорные, но войскам Сталинградского фронта удалось расцечь оборону врага двумя сильными и глубокими ударами. Первый, «правый», более сильный удар нанесли смежными флангами 64-я и 57-я армии, второй, «левый», осуществила 51-я армия. Вторую, «левую», ударную группировку составила 51-я армия со средствами усиления. Ее командующий генерал Труфанов был хорошо подготовлен в военном отношении, и Еременко верил, что свою задачу армия выполнит. Перед началом боевых действий комфронт обратился с приказом к войскам, в котором были такие слова: «Идя в бой, каждый из нас знает, что мы идем освободить свою священную землю, свои города и села, свой народ от немецких варваров, захвативших часть нашей страны... Мы сумели отстоять волжскую твердыню — Сталинград, мы сумеем сокрушить и отбросить вражеские полчища далеко от Волги».

С первой же атаки бои приняли упорный характер. Враг сопротивлялся, как мог, но наши люди громили его беспощадно. На второй день операции генерал Еременко доложил в Ставку о действиях войск

фронта, назвав их успешными. Выслушав его, Сталин вдруг спросил:

— Правда ли, что взята станица Кривомузгинская?

— Так точно, взята, — подтвердил Еременко.

— Это очень хорошо! — воскликнул Сталин. — Завтра вам следует соединиться с Юго-Западным фронтом, его войска уже подошли к Калачу. Так что не снижайте темпы наступления.

— Слушаюсь, товарищ Сталин! — коротко и весело отозвался командующий фронтом.

Наконец 23 ноября то, о чем еще недавно мечтали в Ставке, свершилось: войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов при помощи правого крыла Донского фронта, продолжая стремительное наступление, встретились между Советским (Кривомузгинская) и Калачом. Бойцы 4-го механизированного корпуса генерала Вольского (Сталинградский фронт) и танкисты 4-го танкового корпуса генерала Кравченко (Юго-Западный фронт) замкнули кольцо окружения вокруг главной группировки врага, действовавшей в районе Сталинграда. От радости бойцы бросались в объятия друг друга, вверх взлетали шапки, и никто из бойцов не чувствовал холода, хотя стоял 30-градусный мороз. Над донской степью, покрытой белой снежной скатертью, неслось могучее «ура». Эхо его тонуло где-то в берегах Волги и Дона.

К месту встречи подошли танки 26-го танкового корпуса генерала Родина. Люк командирского танка открылся, и из него вылез комкор. Его полное лицо раскраснелось, в глазах огоньки радости. Генерал включил рацию и вышел на связь с командующим фронтом генералом Ватутиным.

— Товарищ командующий, докладывает генерал Родин. Мои танки в точке встречи двух фронтов у Калача! — на одном дыхании произнес комкор и переключил рацию на прием.

Ватутин откликнулся сразу:

— Рад тебя слышать, Алексей Григорьевич! Быстро ты, однако, там оказался. Сразу видно, что человек ты геройский. А с мостом на Дону ты здорово придумал, и командиру отряда, что с ходу захватил мост и уничтожил фашистов, пытавшихся вновь отбить его, будет награда, достойная его подвига... И тебя, конечно, Военный совет фронта представит к награде.

(В 1943 году после Сталинградской битвы генерал-лейтенант А. Г. Родин стал Героем Советского Союза. — А.З.)

Мысленно перенесемся на командный пункт Юго-Западного фронта. Представитель Ставки начальник Генштаба генерал Василевский доложил Верховному главнокомандующему об окружении группировки врага под Сталинградом. Войска трех фронтов в течение четырех с половиной суток нанесли противнику тяжелый урон, взяли в кольцо в междуречье Дона и Волги основные силы вермахта — 6-ю и 4-ю танковые армии в составе 22 дивизий и 160 отдельных частей. 330-тысячная группировка врага во главе с любимцем Гитлера генералом Паулюсом оказалась в котле!

Сталин внимательно выслушал Василевского и сказал:

— Поздравляю вас с большим успехом! Передайте мою благодарность своим коллегам генералам Ватутину, Еременко и Рокоссовскому. Народ не забудет их подвиг!.. — На минуту трубка замолчала, потом вновь послышался голос верховного: — Чем сейчас занимаетесь?

Генерал Василевский пояснил, что вслед за подвижными войсками стрелковые дивизии все теснее и теснее сжимают кольцо, создавая сплошной внутренний фронт окружения.

— Создаем мы и внешний фронт окружения, — добавил начальник Генштаба.

— Надо как можно быстрее и дальше изолировать окруженную группировку немцев от их войск, — сказал верховный и неторопливо промолвил: — Я рад, что стратегическая инициатива на советско-

германском фронте вновь перешла в руки Красной армии. Теперь же наша главная задача — ликвидировать окруженного противника. Подумайте, как и что следует сделать командованию трех фронтов, чтобы скорее решить эту проблему. Дайте им директиву, в которой изложите их задачи по разгрому окруженного противника. Свои соображения представьте в Ставку. Сможете?

— Смогу, товарищ Сталин, — весело подтвердил Василевский. — Переговорю с командующими фронтами, и сообща все решим.

— Только не затягивайте это дело, — предупредил верховный. — Важно упредить врага, а в том что он попытается выручить из котла свою группировку, у меня нет сомнений. — И уже неофициально Сталин добавил: — У меня, товарищ Василевский, на душе праздник, ей-богу. Я так ждал этого дня! Вам тоже спасибо за все содеянное на поле брани!..

Сталин переговорил по телефону ВЧ с начальником Генштаба Василевским, находившимся на КП Сталинградского фронта, и в целом остался доволен тем, как он выполняет задание Ставки, оказывая помощь командующим трех фронтов. Верховный пил чай, когда к нему вошел Молотов. Он слегка улыбался; глаза из-под очков смотрели пристально, в них светилась едва скрываемая радость.

— Поздравляю, Иосиф! — с порога бросил Вячеслав Михайлович, поправляя очки, сползшие на край носа. Он сел рядом с ним за стол. — Я так рад, что ты и представить себе не можешь. Давно у меня не было такого приподнятого настроения!..

— Ты о чем, Вячеслав?

— О немецкой группировке войск под Сталинградом, — усмехнулся Молотов. — Ее ведь взяли в кольцо, и теперь тысячи гитлеровцев оказались в котле. Представляю состояние Гитлера в те минуты, когда ему стало известно об этом. Наверное, рвет и мечет.

— Да, но эту группировку войск надо еще ликвидировать, а это, Вячеслав, не менее тяжелое дело, чем само окружение, — ответил Сталин. — Вот когда мы это сделаем, тогда и поздравись. — Он отставил в сторону пустой стакан, но тут же спохватился: — Может, и тебе налить чаю? У меня очень вкусная заварка, сам Анастас Микоян готовил. Он тут был у меня...

Молотов махнул рукой:

— Не нужно, Иосиф, я сейчас вернусь к себе и позавтракаю. Я к тебе по делу...

Молотов сказал, что вечером он занимался с наркомом путей сообщения генералом Хрулевым проблемами железнодорожного транспорта. Проект постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) об улучшении работы железных дорог Урала и Сибири он прочел и внес в него свои поправки.

— Что меня волнует, Иосиф? На железной дороге ощущается нехватка вагонов. Хрулев информировал, что только Сталинградское сражение потребовало около трехсот тысяч вагонов, чтобы перебросить туда войска и боевую технику, особенно танки и орудия. Но ведь Красная армия будет проводить и другие операции на фронтах. А где брать вагоны? Я уже не говорю о паровозах, которых тоже не хватает.

— Вагоны надо делать! — жестко произнес Сталин. — Лес у нас есть, железа тоже хватает, нужны рабочие руки. Я говорил об этом генералу Хрулеву, и он дал мне слово ускорить выпуск вагонов. А проект постановления оставь мне, я еще раз посмотрю его, да будем на Политбюро принимать. Железные дороги урало-сибирского направления весьма загружены, их работу следует резко улучшить, и ты, как мой заместитель по ГКО, держи это дело на контроле. Если надо, давай подключим к этому делу Лаврентия.

— Еще одна проблема, Иосиф, — вновь заговорил Молотов. — В связи с захватом немцами Донбасса ухудшилось снабжение топливом. Что будем делать?

— Необходимо скорее освободить от врага Донбасс, — усмехнулся Сталин. — Нефти у нас пока хватает, где возможно, нужно заменить ею уголь. Следует поручить это Микояну, он у нас мастер развязывать хозяйственные узлы.

«Чем только не приходится мне заниматься, — грустно вздохнул Сталин. — Все идут ко мне, то им надо, другое надо, как будто я царь и Бог». Он вызвал Поскребышева.

— Жуков не звонил? — спросил Хозяин. — Нет? Найдите, где он, и соедините с ним...

Генерал армии Жуков был в это время в штабе Калининского фронта, войска которого готовились к проведению операции по разгрому врага на Ржевском выступе. На вопрос верховного, знает ли он о ситуации, сложившейся в районе Сталинграда, где сражаются войска трех фронтов, Георгий Константинович ответил, что он хорошо информирован генералом Василевским и Генштабом о ходе контрнаступления.

— Пришлите мне свои предложения, как нам быстрее ликвидировать немецкие войска, попавшие в котел под Сталинградом, — распорядился верховный.

Этот разговор состоялся вечером 28 ноября, а уже утром Жуков послал верховному телеграмму, в которой изложил свои соображения. Немецкие войска, отмечал он, без вспомогательного удара противника из района Нижне-Чирская — Котельниково не рискнут идти на прорыв и выход из окружения. Немецкое командование попытается в короткий срок создать в этом районе ударную группу для прорыва в общем направлении на Карповку с одной целью: оборудовать коридор для питания окруженных войск. Надо как можно быстрее отбросить ниже-чирскую и котельниковскую группировки врага и создать плотный боевой порядок на линии Обливская — Тормосин — Котельниково. Ну и самое главное, что предлагал Жуков: окруженную под Сталинградом группировку немцев «разорвать на две части», после чего в первую очередь «уничтожить более слабую группу, а затем всеми силами ударить по группе в районе Сталинграда».

После того как телеграмма была передана в Ставку, Жуков связался по ВЧ с начальником Генштаба Василевским, находившимся в это время на КП Донского фронта в Заворыкине.

— Привет, Саша! — пробасил в трубку Жуков. — Как жизнь? Горячо, да? Понимаю, дружище. В наши сети попался богатый улов, но, если не принять срочных мер, этот улов уйдет, как уходит рыба через большие очки^[14] в сети. Я доложил верховному, как ликвидировать окруженную группировку вражеских войск. Вот послушай, что я предложил ему...

И Георгий Константинович пересказал все по пунктам.

— Что скажешь? — спросил он.

— Полностью одобряю! — отозвался издали Василевский. Голос у него был бодрый, и Жуков не сомневался в том, что начальник Генштаба согласен с его выводами.

Затем оба военачальника обменялись мнениями относительно предстоящих действий Юго-Западного фронта.

Но вернемся в Ставку. Сталин с удовлетворением прочел телеграмму Жукова и еще раз подумал о том, что не зря он назначил Георгия Константиновича своим заместителем, вопросы тот решает быстро и продуманно. И все же верховный решил переговорить с генералом Василевским, как действовать тому дальше. Сталин в беседе с ним указал, что командованию Юго-Западного фронта надо сосредоточить все внимание на внешней линии борьбы и подготовке операции, получившей кодовое наименование

«Сатурн». (Названия всем операциям, в том числе и заключительной операции по уничтожению группировки противника «Кольцо», как свидетельствует Василевский, давались лично Сталиным. — А.З.) В конце разговора с Александром Михайловичем Верховный подчеркнул, что в данное время самой основной задачей является быстрая ликвидация окруженной группировки врага.

— Это позволит нам освободить занятые в ней наши войска для выполнения других заданий по окончательному разгрому врага на нашем Южном фронте. Поэтому, — продолжал Сталин, — Ставка предлагает вам, товарищ Василевский, немедленно сосредоточиться на этом одном деле. А операцией «Сатурн» займутся командующий Юго-Западным фронтом генерал Ватутин и командарм 1-й гвардейской Кузнецов, а Генштаб будет помогать им.

— Вас понял, буду продолжать курировать фронты под Сталинградом, — коротко ответил Василевский.

Между тем гитлеровское командование уже стало готовить войска к деблокаде своих окруженных дивизий. С этой целью Гитлер приказал создать группу армий «Дон» во главе с фельдмаршалом Манштейном. Гитлер ценил военный талант Манштейна и был уверен, что тот оправдает его надежды. В свою группу сей выкормыш фюрера собрал до 30 дивизий. Для усиления группы «Дон» вермахт перебрасывал войска с других участков советско-германского фронта, а также из Франции и Германии. Время формирования группы войск «Дон» затянулось, и это беспокоило Гитлера. Он дважды звонил Манштейну, просил не терять дни и начинать операцию.

— Фридрих Паулюс с нетерпением ждет нас, Эрих, тут дорог каждый час, — торопил Манштейна Гитлер, когда позвонил ему в третий раз.

Наконец 12 декабря фельдмаршал Манштейн из района Котельникова двинул армаду своих войск вдоль железной дороги. Много ли было войск у Манштейна? Много: 4-я танковая армия, 6-я, 23-я, а затем и 17-я танковые дивизии, отдельный батальон тяжелых танков — «тигров», четыре пехотные дивизии, две румынские кавалерийские дивизии. Бои шли тяжелые и упорные, нередко наши бойцы шли в штыковую атаку, враг нес немалые потери, но упрямо продвигался вперед. На третий день боев немцы форсировали реку Аксай-Есауловский и приблизились к Сталинграду на 45 километров. В районе Верхне-Кумского наши войска остановили противника, но Манштейн бросил в сражение свою 17-ю танковую дивизию, которую с воздуха прикрывали «юнкерсы». Войска нашей 51-й армии генерала Труфанова и кавалерийский корпус генерала Шапкина вынуждены были отойти за реку Мышкову. До Сталинграда оставалось 35 километров. Манштейн ликовал: еще рывок войск группы «Дон», и он пожмет руку своему боевому другу генералу Паулюсу. Манштейн невольно вспомнил свой недавний разговор с фюрером в Ставке, когда шла речь о деблокаде.

— Эрих, — говорил ему Гитлер, — кроме тебя мне некого больше послать на выручку Паулюса. Правда, он хотел попытаться сам разорвать кольцо окружения, но я ему не разрешил. Он может потерять всю армию, а с твоей помощью мы сохраним ее для новых сражений с большевиками. Что скажешь, Эрих?

Гитлер пристально посмотрел на своего любимца, даже глаза у него азартно заблестели.

— Мой фюрер, я выручу Фридриха, — сказал Манштейн и слегка улыбнулся: мол, нам это сделать — раз плюнуть. — А в ловушку он попал по своей вине...

— Не будем терять время, Эрих, — прервал его Гитлер. — Потом, когда мы его спасем, я взыщу с него за все ошибки, которые он допустил. А вообще-то, видно, я его перехвалил.

— И очень даже, мой фюрер, — оживился Манштейн. — И вот каков результат. Мне бы сейчас добывать красных, а я вынужден спасать своих...

Но Манштейн зря ликовал. Ставка Верховного главнокомандования внимательно следила за сражением под Сталинградом, и, когда немцы потеснили наши войска у реки Мышковой, были приняты срочные меры. «Согласно указаниям Ставки, — пишет в своих воспоминаниях Жуков, — А.М. Василевский подтянул и ввел здесь в сражение усиленную 2-ю гвардейскую армию генерала Малиновского, хорошо оснащенную танками и артиллерией, удар которой окончательно решил участь сражения в пользу советских войск... Стремительные действия войск Юго-Западного фронта заставили Манштейна израсходовать силы, предназначенные для удара из района Тормосина, обратив их против Юго-Западного фронта, войска которого вышли во фланг и тыл всей группе армий “Дон”.

В боях советские воины совершили немало подвигов. Особенно отличился 24-й танковый корпус генерала Баданова. После прорыва вражеской обороны северо-западнее Богучара корпус уничтожил до семи тысяч гитлеровцев. Гвардии капитан Фомин с бойцами ворвался на станцию Тацинская и захватил эшелон разобранных новых самолетов. А танкисты под командованием капитана Нечаева заняли аэродром, где стояло более двухсот немецких транспортных самолетов. Они были уничтожены танками, и ни один из них не взлетел.

Комкор Баданов так увлекся сражением, что продвинулся во время боя в глубь вражеской обороны и корпус попал в окружение. Однако экипажи машин сражались стойко, отбивали одну атаку за другой, удерживая в своих руках станцию Тацинская. Утром 29 декабря, в канун Нового года, генерал Баданов получил по радио приказ командующего Юго-Западным фронтом генерала Ватутина прорвать окружение. Ему это удалось, и в полном порядке корпус отошел в Ильинку, а через несколько дней атаковал Морозовск...

(24-й танковый корпус за героические действия в районе Волги и Дона был преобразован во 2-й гвардейский танковый корпус, получив наименование Тацинский, а комкор В. М. Баданов первым в стране был награжден орденом Суворова II степени. — А.З.)

— Пока руки держат оружие, товарищ командующий, будут и новые успехи, — улыбнулся Баданов, беря из его рук орден. И уже неофициально добавил: — Захватчики не мы, а фрицы, и они будут биты!

Группа немецких войск «Дон» и ее командующий фельдмаршал Манштейн потерпели поражение и не смогли осуществить деблокаду 6-й армии генерала Паулюса и 4-й танковой армии генерала Гота. Узнав о неудаче Манштейна, Гитлер, глядя на стоявшего рядом Кейтеля, произнес:

— Ну что же, пусть теперь Паулюс как можно дольше сражается в окружении. Нам важно выиграть время, чтобы успеть отвести свои войска с Кавказа.

— И успеть перебросить наши силы с других фронтов, чтобы создать новый фронт и с его помощью остановить наступление русских!.. — поддержал фюрера Кейтель.

Сталин поражением фельдмаршала Манштейна остался доволен, но особых восторгов в адрес своих военачальников не высказал: его все еще тревожила ситуация с окруженной группировкой немецких войск в районе Сталинграда. Незадолго до Нового года на совещании в Государственном комитете обороны, в котором кроме членов ГКО приняли участие многие военачальники, он решительно заявил, что нужно как можно скорее освободить войска двух фронтов, необходимых для быстрейшего разгрома немецких войск, отходящих с Кавказа и на юге нашей страны.

— Для этого нам надо решить, как будем действовать дальше, — сказал верховный. — Я считаю, что руководство по разгрому окруженного противника следует передать в одни руки. Что получается сейчас? — Сталин сделал паузу и продолжил: — Сейчас действия командующих Донского и Сталинградского фронтов мешают ходу дела. Порой они даже предпринимают противоречивые действия. Такого быть не должно!

— Разумное предложение, — поддержал Сталина Молотов. — К тому же один фронт легче обеспечить в достатке войсками и боевой техникой.

— А это очень важно для нанесения мощного удара, — подал голос представитель Ставки генерал Воронов.

— Какому командующему поручим окончательную ликвидацию окруженного противника? — спросил Сталин.

«Кто-то предложил передать все войска в подчинение К.К. Рокоссовскому, — вспоминал Жуков.

— А вы что молчите? — обратился верховный ко мне.

— На мой взгляд, оба командующих достойны, — ответил я. — Еременко будет, конечно, обижен, если передать войска Сталинградского фронта под командование Рокоссовского.

— Сейчас не время обижаться, — отрезал Сталин и приказал мне: — Позвоните Еременко и объявите ему решение Государственного комитета обороны...»

Когда вопрос был решен, Сталин, закури́в трубку, стал неторопливо прохаживаться вдоль стола, за которым сидели члены ГКО и генералы. Потом он остановился и произнес:

— У меня есть одно предложение... — Он качнул головой, словно смахивал с себя усталость. — Как вы помните, в октябре сорок второго мы ввели в Вооруженных силах полное единоначалие. В Красной армии выросло немало опытных командиров, и они сами, без комиссаров способны принимать ответственные решения на поле боя. Яркое свидетельство этому — сражение на Волге. Качественно выросли и политработники. Многие из них вступили в должности командиров-единоначальников. — Верховный встал у края стола, где сидел генерал армии Жуков, и вновь заговорил: — Теперь есть предложение ввести в Красной армии и Военном флоте погоны.

— Чем это вызвано? — спросил Берия, с которым предварительно на эту тему Сталин не разговаривал.

— Традициями русской армии, — жестко ответил верховный. — Многое из того, чем отличалась наша русская армия от армий западноевропейских стран, мы уже внедрили, и это себя оправдало. Почему бы нашим военным не надеть погоны?

Присутствовавшие члены ГКО поддержали вождя.

— А как на это смотрит мой заместитель товарищ Жуков? — усмехнулся верховный.

Жуков быстро поднялся.

— Вы уже спрашивали меня об этом, и я заявил, что дело это нужное, — ничуть не смущаясь, промолвил Георгий Константинович. — Мы же учим наших бойцов и командиров воевать по-суворовски, бить врага, как это делал Кутузов. У моряков тоже есть с кого брать пример мужества и отваги — адмиралы Ушаков, Нахимов... Они носили погоны, ставшие символом почетного солдатского и матросского долга, советских воинов перед Родиной. Ранее, — продолжал Жуков, — были учреждены ордена Суворова, Кутузова, Александра Невского... нет, я за то, чтобы все ценное, что было в старой русской армии, возродить!

Пока Жуков говорил, верховный не обронил ни слова, потому что в душе одобрял его мнение. Но Георгий Константинович умолк, и Сталин сказал:

— Хорошо, мы вас поняли, садитесь, пожалуйста. — Он взглянул на сидевшего рядом с Жуковым генерала Хрулева, начальника тыла Красной армии: — Андрей Васильевич, я просил вас принести погоны старой русской армии — вы не забыли? — Сталин смотрел на генерала с добродушной улыбкой.

Хрулев встал:

— Принес, товарищ Сталин, вот они. — И он отдал ему погоны.

Разглядывая их, верховный обратился к начальнику Генштаба:

— Товарищ Василевский, покажите, какие погоны носили вы в старое время.

Начальник Генштаба продемонстрировал погоны присутствующим и смущенно признался, что носит их с собой уже третьи сутки.

— А вы, товарищ Сталин, почему-то не спрашивали, — добавил он, слегка покраснев.

— Виноват, забыл в делах... — Верховный погладил пальцами свои ухоженные усы. — Товарищ Хрулев, вы, как начальник тыла, срочно организуйте выпуск погон. В новом, 1943 году наши Вооруженные силы должны быть при погонах.

Неожиданно заговорил Микоян.

— Иосиф Виссарионович, а не поймут ли превратно наше решение союзники? — спросил он. — Еще подумают, что мы подстраиваемся под них. Не знаю, как поведет себя президент США Рузвельт, но Черчилль наверняка расценит это так.

— Анастас, ты не политик, ты хороший хозяйственник. — Верховный усмехнулся, но усмешка вмиг сошла с его серого лица. — Ну и что ж, пусть думают, что хотят, нам от этого ни жарко ни холодно, — небрежно произнес он. — Если это повлияет на открытие второго фронта, то дай Бог. Но вряд ли. Пока они лишь обещают нам это сделать.

— Уверен, что после разгрома немецких войск, находящихся в котле, и Рузвельт, и Черчилль всерьез подумают об открытии второго фронта, — заметил Молотов.

— Возможно, ты прав, Вячеслав Михайлович.

Когда совещание закончилось и люди начали расходиться, Сталин задержал генерала Воронова:

— У меня к вам есть разговор...

«Наверное, пошлет меня в Ленинград», — грустно подумал Воронов. Перед этим совещанием в Ставку звонил из Ленинграда Жданов, просил верховного направить на Ленинградский фронт представителя Ставки, и, как стало известно Воронову от Поскребышева, Сталин дал согласие на это.

— Хорошо, Андрей, Ставка пошлет к вам своего представителя, а возможно, сразу двоих, — ответил Жданову верховный. — Теперь на очереди прорыв блокады Ленинграда. Сражение под Сталинградом Красная армия выиграла, но еще надо разбить котел, где сидят тысячи гитлеровцев... Как там генерал Говоров, ты им доволен?.. Ставка на него рассчитывает.

Теперь, закончив совещание, Сталин обратился генералу Воронову.

— Что вы стоите, Николай Николаевич? — Верховный кивнул ему на стул. — Садитесь. Хотите курить? Нет? Ах, вы не курите, молодец, а вот я курю, начал курить, когда был в ссылке. — Он набил трубку табаком, делая это быстро, и прикурил. — Ставка решила назначить вас на Донской фронт своим представителем. Раньше этот фронт курировал генерал Василевский, но сейчас ему поручено заняться ликвидацией немецких войск в районах Котельникова, Тормосина и Морозовска. Как вы на это смотрите? Вы знаток артиллерии, а она бог войны, не так ли?

На лице генерала Воронова засветилась улыбка, но она тут же угасла.

— Я готов убыть в штаб Донского фронта, товарищ Сталин, — четко отрапортовал Воронов.

Верховный ценил его, как знатока артиллерийского дела, считался с его мнением, если речь заходила об обеспечении войск артиллерией, особенно тех, коим надлежало наносить по врагу мощный удар. Воронов знал об этом и всегда стремился с большой пользой для дела выполнить поручение Ставки или самого верховного. Однако это не мешало ему делать все так, как он того желал, сообразуясь с обстановкой на том или ином участке фронта. Ценили генерала Воронова и многие военачальники, их числе Жуков и Василевский, с которыми ему часто приходилось решать вопросы обеспечения артиллерией фронта или общевойсковых армий. С генералом Рокоссовским Николай Николаевич тоже дружил, знал, что генерал он башковитый, умеет слушать других, но готов возразить, если не разделял точку зрения оппонента.

— У нас с Рокоссовским будет полное взаимопонимание, — добавил Воронов, воспользовавшись молчанием верховного.

— Приятно это слышать, Николай Николаевич. — Сталин подошел к карте. — Операцию по разгрому врага, находящегося в котле, мы назвали «Кольцо». Вам с руководством Донского фронта предстоит разработать план ликвидации окруженной группировки немецких войск. Товарищ Рокоссовский в курсе вашего приезда, он с нетерпением ждет вас.

— Постараюсь ему помочь, — коротко заверил генерал Воронов.

— Вам, командующему артиллерией Красной армии, найдется работа, — усмехнулся верховный.

«Значит, еду не в Ленинград, а на Донской фронт», — не без удовлетворения подумал Воронов, уезжая из Кремля.

Позже он узнал, что в начале января 1943 года Ставка поручила Жукову и Ворошилову координировать действия Ленинградского и Волховского фронтов по прорыву блокады Ленинграда в районе Ладожского озера. А 12 января, когда генерал Воронов находился в штабе Донского фронта, войска наших двух фронтов обрушили под Ленинградом на вражескую оборону сильный удар пехоты и воздушных сил. Внесла свой весомый вклад в этот удар и авиация Балтийского флота, самолеты которой в 1941 году несколько раз бомбили столицу рейха Берлин. Всю неделю шли ожесточенные бои, а 18 января Ленинградский и Волховский фронты соединились в районе рабочих поселков, и блокада была прорвана...

Поздно вечером генерал армии Жуков доложил по ВЧ верховному о прорыве блокады. Выслушав его, Сталин вдруг сказал:

— Вам присвоено звание Маршала Советского Союза, товарищ Жуков! — Голос у вождя был бодрый и слегка торжественный, что у него редко случалось. Видимо, он был не меньше рад победе наших войск под Ленинградом, но сдерживал свои чувства. — Поздравляю вас с высокой наградой и желаю добиться новых успехов на фронтах борьбы с немецко-фашистскими захватчиками!

Жуков был весьма сдержан в эмоциях, когда разговаривал с верховным, а тут расслабился.

— Эти паршивые фрицы, товарищ Сталин, сидят в моих печенках, я на них чертовски зол за все, что натворили они на нашей земле, — возбужденно произнес Георгий Константинович. — Так что будем их истреблять, как крыс!

— Вот-вот, истреблять, как крыс, — это вы хорошо сказали, — поддержал Жукова Сталин. — А этих паршивых фрицев на нашей земле еще ох как много, и воевать они умеют.

— Но мы тоже научились их бить, хотя, конечно, нам это дорого стоило, — грустно добавил Жуков.

Когда Воронов уходил, в проеме двери мелькнула высокая фигура наркома ВМФ адмирала Кузнецова. Тот, однако, сразу войти не решился, и Сталин вызвал Поскребышева.

— Кажется, в приемной появился нарком ВМФ Кузнецов? — спросил он своего помощника.

Поскребышев подтвердил, что тот только что прибыл.

— Пусть войдет, — не дослушав Поскребышева, бросил верховный.

— Здравия желаю, товарищ Сталин! — гаркнул адмирал Кузнецов, едва вошел в кабинет.

— Что у вас, товарищ Кузнецов? — спросил вождь, здороваясь с ним. Он налил себе стакан воды и выпил. — Что-то в горле пересохло... Так я слушаю вас! Что, наверное, флот где-то потерял корабли?

Кузнецов добродушно улыбнулся:

— Да нет, пока корабли целы...

Нарком ВМФ заговорил о том, что назрела необходимость воссоздать Азовскую военную флотилию.

— Как нарком Военно-морского флота считаю, что в ближайшее время сухопутным войскам, ведущим боевые действия на юге, потребуется помощь военных кораблей Азовской флотилии, — подчеркнул Николай Герасимович. — Хорошо, что в прошлом году мы вовремя создали Волжскую военную флотилию, и она хорошо проявила себя в сражениях наших войск под Сталинградом и в самом городе. Мы даже высаживали там морские десанты, хотя на Волге флотилия понесла немалые потери в катерах и людях. — Сделав паузу, Кузнецов обобщил: — Азовская военная флотилия нам очень нужна. Мы уже прикинули, что надо сделать в первую очередь.

— Что именно? — спросил Сталин.

— В город и порт Ейск, где станет формироваться флотилия, вернуть все ранее входившие в нее корабли и суда, которые в основном сейчас находятся на разных базах Кавказского побережья. Туда же, в Ейск, по железной дороге перебросим катера, орудия береговых батарей и все, что потребуется для боевых действий.

— Кто возглавит флотилию? — поинтересовался верховный.

— Ее прежний командующий контр-адмирал Горшков, если у вас не будет возражений, — промолвил Николай Герасимович, не сводя глаз с вождя. Ему хотелось видеть, как реагирует верховный на его слова. — Горшков прекрасно знает Азовское море, воевал на нем. Знает он все корабли и людей на них, кто и на что способен. В помощь ему начальником штаба назначим боевого и знающего моряка капитана 1-го ранга Свердлова.

— Вопрос вы ставите серьезный, и его надо решать, — одобрил верховный. — Но не сейчас. В руках немцев еще находится большая часть побережья Азовского моря, да и на Черном море действуют вражеские корабли. Не получится ли так, что, сосредоточив корабли в Ейске, мы поставим их под удар вражеской авиации? Вы же знаете, чего-чего, а самолетов у вермахта пока больше, чем у нас. Словом, давайте решим эту проблему чуть позже, скажем, в конце января 1943 года, а в феврале уже можно будет начать формировать флотилию. Что касается назначений, о которых вы сказали, — продолжал Сталин, — у меня возражений нет. Вы лучше знаете свои кадры, вам и решать. Ну как, согласны?

— Месяц подождать можно.

— Ну вот и договорились. — Сталин прошел к краю стола и сел на свое место. — У меня к вам просьба, товарищ Кузнецов. Не забывайте о главной водной магистрали страны — Волге. Это важная стратегическая коммуникация, по которой идет бакинская нефть. А спрос на горючее возрастает с каждым днем. В период сражения в районе Сталинграда наши войска были полностью обеспечены горючим, тогда как немецкие испытывали трудности. Так что не ослабляйте внимание к стратегической водной магистрали. Как бы немцы не попытались снова забросать ее минами. Сами же доказывали, что борьба с

акустическими минами врага дело нелегкое и весьма опасное. А вообще-то по действию моряков в войне вам нужно смотреть" далеко вперед. Кажется, вы с этим справляйтесь...

9

После совещания в Ставке, где Сталин предложил поручить ликвидацию окруженных войск одному из фронтов, генерал армии Жуков недоумевал, кто подсказал верховному эту идею. Он был уверен, что она принадлежит не Сталину, иначе кому-кому, а своему заместителю он бы о ней поведал. В душе Георгий Константинович сожалел, что эта верная мысль не пришла ему в голову. А подбросил данную идею верховному один генерал...

После того как войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов, разгромив войска врага на флангах своих ударных группировок, встретились в районе хутора Советский — Калач и завершили окружение всей группировки под Сталинградом, был получен приказ Ставки продолжать наступление в юго-западном и западном направлениях, чтобы создать внешний фронт окружения. Ликвидация окруженного противника была возложена на Донской и Сталинградский фронты. Начальник Генштаба генерал Василевский, координировавший фронты, от имени Ставки приказал генералам Рокоссовскому и Еременко не прекращать наступление, а с боями двигаться поближе к котлу — с запада и севера кольцо сжимали наши 21, 65, 24 и 66-я армии Донского фронта, а с юга и востока 57, 64 и 62-я армии Сталинградского фронта. Верховный был недоволен тем, что наши войска продвигались медленно, объясняя это тем, что противник создал мощные оборонительные рубежи. Во время очередного переговора по ВЧ с генералом Василевским Сталин, выслушав пояснения начальника Генштаба, сказал с горьким чувством:

— Вы не забыли, что главная ваша задача, как представителя Ставки, ликвидация окруженного врага?

— Никак нет, но враг упорно сопротивляется, бросает в бой свежие силы, — сдержанно произнес Василевский, понимая, что его слова вызовут в душе вождя неприятные ассоциации, но он всегда говорил верховному правду, хотя порой, вот как в этот раз, она была горька. — Оба фронта в боях ослабли, товарищ Сталин, но я принимаю все меры, чтобы ускорить темпы наступления.

Однако продолжавшиеся несколько дней жаркие бои успеха нам не принесли, несмотря на то что люди сражались решительно, обходили сильные опорные пункты врага и забрасывали их гранатами. Генерал Рокоссовский отмечал, что, сознавая важность задачи, «мы предпринимали все меры, чтобы быстрее ее выполнить. Члены Военного совета, все старшие командиры и политработники находились непосредственно в войсках. Многие даже принимали личное участие в атаках». Стало ясно, что одним ударом окруженного противника не уничтожить. Генерал Рокоссовский раньше других понял, что для решения задачи надо передать руководство операцией в одни руки. Эту мысль он высказал начальнику штаба фронта генералу Малинину, хорошо подготовленному в оперативном отношении. Тот сразу ухватился за нее и заявил командующему фронтом, что об этой идее следует немедленно сообщить верховному.

Поздно вечером, когда на огневых рубежах утихли бои, Рокоссовский вышел на связь со Ставкой. Сталин был в кабинете и снял трубку. Когда Рокоссовский представился, верховный добродушно произнес:

— Давно не слышал вашего голоса. Как вы там? Кольцо сжимаете?

Рокоссовский ответил, что хотя и трудно сражаться, но войска продвинулись вперед.

— У меня родилась одна мысль, — продолжал он. — Если претворить ее в жизнь, то будет большой выигрыш. Я счел своим долгом высказать ее вам...

— Говорите, — сердито отозвался верховный. — Что-то у вас поздно появляются хорошие мысли, не тогда, когда готовится наступление. Говорите, я слушаю!..

Рокоссовский облегченно вздохнул: кажется, гнев вождя миновал его.

— Ликвидировать котел нужно поручить одному фронту, то ли моему, то ли фронту Еременко, — твердо вымолвил Рокоссовский, уже не думая о том, как это воспримет верховный. — Я уверен, что так будет лучше, — выдохнул он в телефонную трубку. — Причем следует передать этому фронту все войска, действующие под Сталинградом.

— Предложение заманчивое, надо хорошо подумать и все взвесить, — после некоторого молчания согласился вождь.

Тогда-то на декабрьском совещании в ГКО Сталин и высказал это предложение, однако его автора почему-то не назвал.

Представитель Ставки генерал Воронов прибыл в Заворыгино, где находился штаб и КП Донского фронта. Утро было стылое, мороз сковал все в степи. Снег укутал поля, казалось, что здесь не было жизни. Где-то далеко-далеко ухали орудия, доносились взрывы бомб. Вокруг белым-бело. На фоне заснеженного поля вдали были видны окопы, недавно вырытые бойцами. Черная земля от них широкой лентой выделялась на бруствере. С проселочного аэродрома генерал Воронов на «газике» добрался до штаба фронта. Здесь его и встретил генерал Рокоссовский и, как представителю Ставки, отдал рапорт.

— Доброе утро, Константин Константинович, — улыбнулся командующий артиллерией Красной армии. — Как вы тут, не замерзаете?

— Фрицы мерзнут, а нам зима не помеха — привыкли! — тоже улыбнулся командующий фронтом. — Мы ждали вас еще вчера под вечер, но потом раздался звонок из Ставки, мол, вы прилетите к нам утром, что и свершилось. Я рад вас видеть, Николай Николаевич, — добавил Рокоссовский. — Там, где вы бываете на фронте, наши войска берут верх, я надеюсь, что это будет и на Донском фронте. Заходите, пожалуйста, в мои апартаменты, в штабе у нас тепло, — пригласил он генерала. — Я рад, что вы прибыли, — повторил Рокоссовский. — Теперь я уверен, что вы окажете нам помощь в усилении фронта артиллерией и боеприпасами. С этим дела у нас неважные.

— Ну что ж, если надо, поможем! — усмехнулся Воронов. Он снял теплую куртку и сел на стул. — Полет короткий — два часа, а почему-то устал.

— Погода каверзная, вот опять пошел снег. — Рокоссовский подозвал своего адъютанта. — Ну-ка, голубчик, приготовь нашему гостю чай и все такое... ты меня понял, да? Действуй!

— С дороги горячего можно выпить, — проговорил Воронов, почувствовав удовлетворение, что в заснеженных степях Сталинграда его встретили так тепло. — Главное для нас — отработать план предстоящей операции «Кольцо» и представить его в Ставку.

— Военный совет фронта уже обсудил эту проблему, у меня есть наметки для плана, — сказал Рокоссовский. — А теперь с вашей помощью мы отработаем его до конца. Надеюсь, Ставка план одобрит.

— Безусловно, вы же не новичок в этом деле, — заметил Воронов, глядя на командующего фронтом. — Но замечания будут, уж поверьте, я на этом деле собаку съел.

В штабе фронта Рокоссовский познакомил Воронова с начальником штаба генералом Малининым. Тот улыбнулся, ответил на рукопожатие представителя Ставки.

— Генерал Малинин со мной сражается давно, еще с сорок первого года, когда под Москвой я командовал 16-й армией, — сообщил Рокоссовский. — Так что стиль его штабной работы мне по душе, хотя в этом деле есть немало проблем, решить которые одному не под силу.

— Я товарищу Малинину, если надо будет, помогу, — улыбнулся Воронов. — Иногда бывает так, что одна голова хорошо, а две лучше.

В это время в штаб фронта вошел член Военного совета генерал Телегин. Увидев Воронова, он заметно смутился.

— У нас гости, это хорошо, — промолвил он, представившись генералу Воронову. — А я только что вернулся из армии генерала Батова.

— Ну и как у него дела, армия готова к боям? — Рокоссовский смотрел на Телегина в упор. — Или ты, Константин Федорович, был там накоротке?

— Вручил партийные билеты тем, кого перед сражением приняли в партию. А вообще-то у руководства армии твердое убеждение, что войска выполнят свою задачу в предстоящей операции. У самого командарма генерала Батова настрой боевой. И вот что меня удивило, — улыбаясь, продолжал член Военного совета. — Павел Иванович ничего у меня не просил: ни войск, ни танков, ни прочего.

— У него сейчас все это есть, так как он наносит главный удар, — подал реплику генерал Воронов. — Ну а если вдруг случится заминка, мы ему дадим еще артиллерии. Это же в наших силах. Главное — не упустить критический момент, если он вдруг появится в сражении 65-й армии.

— Тут уж я присмотрю за действиями этой армии, а возможно, буду в это время у Батова на КП, — добавил Рокоссовский.

(П. И. Батов в годы войны стал дважды Героем Советского Союза, в 1955 году ему было присвоено звание генерала армии, а в 1962–1965 годы он возглавил штаб Объединенных Вооруженных сил государств — участников Варшавского договора. — А.З.)

Вошел адъютант командующего и доложил, что завтрак готов.

— Хорошо. — Рокоссовский поднялся с места и пригласил генерала Воронова: — Прошу вас перекусить с дороги.

— Мне бы горячего чаю, — попросил гость.

— Есть чай, есть и «наркомовская», а вам, как заместителю наркома обороны, будет выдана двойная порция, — улыбнулся Константин Константинович, а Воронов предупредил:

— После завтрака, в десять часов, прошу вас собрать в штабе руководящий состав фронта. Я хочу сказать ему несколько слов, а уж после можно приступить к работе над планом операции.

Генерал Воронов прибыл на Донской фронт 19 декабря, а 29 декабря план операции был представлен в Ставку. Там его оперативно рассмотрели, указали на недостатки. «Главный недостаток представленного Вами плана по «Кольцу», — говорилось в директиве на имя генерала Воронова, — заключается в том, что главный и вспомогательный удары идут в разные стороны и нигде не смыкаются, что делает сомнительным успех операции».

Генерал Рокоссовский, ознакомившись с замечаниями, был удручен, но представитель Ставки генерал Воронов, усмехнувшись, проговорил:

— Замечания Ставки и Генштаба вполне естественны, и мы должны учесть их.

— А куда денешься, приказы надо выполнять, — грустно промолвил Рокоссовский.

В этот же день к вечеру окончательный вариант плана операции с учетом замечаний Ставки был готов. В связи с передачей 2-й гвардейской армии генерала Малиновского в состав Сталинградского фронта пришлось кое-что в плане поправить, но главная идея осталась прежней: расчленение вражеской группировки на две части, но уже нанесением не двух ударов, а одного, главного — с запада на восток в направлении Сталинграда. Его наносила 65-й армия генерала Батова. Рокоссовский очень ценил этого генерала за его умение в любой, даже, казалось бы, безвыходной ситуации находить верное решение,

которое приводило к успеху.

— Ты у меня, Павел Иванович, главный кузнец в сражении, — как-то сказал ему Рокоссовский, когда однажды чаевничал с ним на КП армии. — А что основное для кузнеца? Наносить сильный удар молотом по раскаленному железу, чтобы лепить из него нужную фигуру.

Батов хитро прищурил глаза.

— А если нечем наносить сильный удар, что тогда делать? — спросил он.

— Искать выход, — усмехнулся Рокоссовский. — У тебя, Павел Иванович, это всегда получается.

Раздумья комфронта прервал голос адъютанта:

— Товарищ командующий, вас приглашает к себе генерал Воронов!

— У меня, Костя, родилась идея, — сказал представитель Ставки, когда Рокоссовский вошел в комнату, которую выделили Воронову в штабе фронта для работы. — Садись, коллега, и слушай...

Он предложил Рокоссовскому сделать так, чтобы артиллерия поддержала атаку пехоты и танков огненным валом на глубину до полутора километра.

— Это что-то новое, — засомневался командующий. — Я даже не слышал такого.

— Да, такого никто еще не делал, — подтвердил Воронов. — А мы сделаем впервые в войне! У нас артиллерии достаточно, чтобы осуществить этот огневой вал.

— Я согласен, Николай Николаевич, только прошу вас лично возглавить это дело, а начальник артиллерии фронта генерал Казаков станет вашим помощником. — Рокоссовский взглянул на сидевшего рядом генерала. — Ты не против, Василий Иванович?

Казаков вскинул черные брови.

— Николай Николаевич — знаток артиллерии, и я готов научиться у него чему-то новому, перенять его богатый опыт.

Воронову приятно было слышать это. Казакова он знал давно как опытного и отчаянного артиллериста. Этот бравый генерал всегда был там, где артиллеристам приходилось тяжело, особенно часто подобное случалось во время боев под Сталинградом.

— Ты сам, Василий Иванович, не промах, так что не прибедряйся. А что касается огневого вала, я тебе расскажу, в чем тут гвоздь дела...

(В 1945 году за мужество и отвагу в боях В. И. Казаков был удостоен звания Героя Советского Союза, в 1955 году он стал маршалом артиллерии, с 1958 года — начальник войск ПВО Сухопутных войск Советской армии. — А.З.)

К концу рабочего дня основное было сделано. Однако Рокоссовский был отчего-то задумчив, невесел. Его что-то угнетало. Наконец он грустно произнес:

— Я не жалуюсь, Николай Николаевич, но как представителя Ставки прошу помочь нам получить новые войска и танки. Ведь моему фронту предстоит уничтожить 22 вражеские дивизии, а в их составе не менее 250 тысяч человек! Как доносит разведка, в главной полосе по линии фронта обороняются 15 пехотных, 3 моторизованные и 1 танковая дивизии. И в резерве у немцев 2 танковые и 1 кавалерийская дивизии. Вон сколько сил! Сможет ли мой фронт все это перемолоть, а? У меня на душе кошки скребут от этой мысли.

— Сможешь, Костя, — улыбнулся Воронов. — А насчет помощи вот что скажу. Вчера, когда ты ездил в штаб 65-й армии к генералу Батову, я звонил верховному, докладывал ему обстановку на фронте, а

попутно попросил усилить Донской фронт войсками и боевыми средствами. Он заявил, что Ставка даст кое-что фронту.

— Мне тоже обещали, что дали лишь 20 тысяч человек пополнения, — обидчиво промолвил Рокоссовский. — Если разделить их поровну на семь армий фронта, это будет каплей в море!

— Еще верховный сказал, — вновь заговорил Воронов, — что сюда, на Донской фронт, он посылает генералов авиации Новикова и Голованова.

— Вот это то, что надо! — воскликнул командующий. ~ В руках у этих двух генералов почти вся наша авиация, так что самолетов у нас прибавится.

Позже Рокоссовский отмечал, что «в результате огромной работы, которая была проделана коллективом штаба фронта, командующими родами войск и служб, и большой помощи, оказанной нам представителями Ставки Н. Н. Вороновым, А. А. Новиковым и А. Е. Головановым, была завершена подготовка к сражению».

В полдень, когда люди обедали, в штаб фронта поступила информация из Оперативного управления Генштаба. По просьбе генерала Воронова Ставка придала Донскому фронту 1 артиллерийскую дивизию прорыва, 2 пушечных полка большой мощности, 1 артиллерийский дивизион большой мощности, 5 истребительно-артиллерийских полков, 3 гвардейских танковых полка, 1 зенитный дивизион и 2 гвардейских минометные дивизии.

— Ну вот видишь, Константин Константинович, верховный слов на ветер не бросает, — улыбнулся генерал Воронов, глядя на повеселевшего Рокоссовского.

Командующий поспешил поблагодарить гостя за помощь.

— Послушай, Костя, давай договоримся: когда уничтожим врага в котле, тогда и поблагодаришь, можно будет и выпить «наркомовской» за победу.

— Я в долгу не останусь! — заверил Рокоссовский.

Воронов склонился над оперативной картой фронта.

— А теперь подведем итоги, какими силами располагает Донской фронт, — предложил начальник артиллерии Красной армии.

Цифры оказались скромными. На 1 января 1943 года в составе Донского фронта было 121 тысяча человек, 6860 орудий и минометов, 257 танков и 300 самолетов. Словом, наши войска не имели больших преимуществ, они уступали противнику в людях и танках, но превосходили его в артиллерии и минометах в 1,7 раза, в самолетах в 3 раза.

— Если честно, Николай Николаевич, то я больше надеюсь на артиллерию, — веско произнес Рокоссовский и с огорчением добавил: — Мне бы еще иметь хотя бы одну танковую дивизию, а о танковом корпусе я и не мечтаю.

Лукавая усмешка тронула губы Воронова:

— А ты позвони верховному и скажи, что без танковой дивизии ты не осилишь врага! — Воронов увидел, как изменилось лицо командующего фронтом. Оно потемнело, загрузело, и лишь ярче обычного горели пытливые глаза. — Что, не решаешься звонить? — Генерал усмехнулся. — И правильно делаешь. Порой верховный весьма крут, и мог бы пострадать, хотя тебя он очень уважает. Говоришь, маловато у тебя снарядов и другого боезапаса. Что я сделаю? — продолжал Воронов. — Позвоню своему другу Хрулеву, и он подбросит сюда боеприпасов.

Лицо Рокоссовского посветлело:

— Это было бы кстати!..

— А теперь, Костя, есть и для тебя лично новость. — Воронов отчего-то лукаво подмигнул. — Перед моим отъездом звонила твоя жена и просила передать тебе большой привет. У них с дочерью все хорошо, только вот они скучают по тебе. Когда будешь в Москве, хотя бы позвони домой, если не будет возможности заскочить на минуту.

— Спасибо, Николай Николаевич, — улыбнулся Рокоссовский. — Могли бы сказать мне это и раньше...

— Я приберегу эту новость на конец нашей плодотворной работы, когда все страсти угасли и мы едины в своем стремлении разбить лютого врага. Давай, Костя, сюда оперативную карту, и мы еще раз поколдуем над ней. Где твой начальник штаба?..

Генерал Малинин разложил на столе карту. Рокоссовский нагнулся над ней и мысленным взором окинул будущее поле сражения. Для нанесения главного удара привлекались три армии: в центре ставилась 65-я, имевшая максимум орудий, минометов, танков, ракетных установок и инженерных частей; справа к ней примыкала 21-я, слева — 24-я, также усиленные артиллерией и другими средствами. Эти три армии с воздуха прикрывались авиацией 16-й воздушной армии генерала авиации С. И. Руденко. Остальные армии — 57, 64 и 66-я — должны были наступать с ограниченными возможностями. Их задача — приковать к себе как можно больше немецких войск.

«Кажется, все нами учтено, — отметил в душе Рокоссовский. — В первые часы сражения моя надежда на генерала Батова. Теперь у него есть все, что надо, даже реактивные установки».

Он надеялся, что погода улучшится, но 31 декабря ударил мороз, с утра метель разгулялась вовсю, наметая сугробы. На фронте наступило затишье. У Рокоссовского возникла мысль отпраздновать встречу Нового года. А какой же Новый год без елки?! Но где ее взять, если кругом заснеженная степь? Выручил генерал Новиков: по его просьбе летчики попутным рейсом привезли елку в штаб, и бойцы, кто во что горазд, украсили ее чем могли, даже повесили на ветки несколько маленьких электрических лампочек, и елка засияла, как живая. В штабе фронта к вечеру собрались члены Военного совета фронта, генералы из Москвы — Василевский, Новиков, Голованов. У всех было предпраздничное настроение. Неожиданно пожаловали писатели Ванда Василевская и Александр Корнейчук. До этого они гостили в войсках Сталинградского фронта у генерала Еременко, а теперь приехали на Донской фронт, чтобы встретиться с теми, кто будет наносить главный удар по котлу, в котором находятся отборные войска вермахта. Прежде чем гостям отбыть к Рокоссовскому, генерал Еременко позвонил в штаб. Трубку с аппарата снял генерал Малинин.

— Привет, Михаил Сергеевич! — услышал он в трубке громкий, с хрипотцой голос. — Еременко на проводе. Где твой начальник? Дай ему трубку.

— Одну минуту, Андрей Иванович, сейчас он подойдет...

— Слушаю!

Рокоссовский прижал трубку к уху, чтобы лучше было слышно. На линии неожиданно появился треск и какие-то шумы, но голос своего коллеги он разобрал. Генерал Еременко сообщил ему, что в штаб фронта выехали писатели Ванда Василевская и Александр Корнейчук. Бойцы и командиры Сталинградского фронта встречали их тепло, и гости остались довольны. Еременко просил уберечь именитых гостей от вражеского огня.

— Они рвутся на передовую, чтобы своими глазами увидеть, как живут в окопах наши бойцы, но я им в этом отказал, ссылаясь на опасность. Так сделай и ты, не то, если что с ними случится, шума не оберешься. Кстати, об их поездке мне звонили из Генштаба по поручению самого Сталина. Усек?

— Благодарю тебя, Андрей Иванович, за заботу, — ответил ему довольный Рокоссовский. — Сделаю все, что надо. Кстати, как там у вас на фронте?

— Фрицы притихли, наверное, встречают Новый год. — Слышно было, как Еременко хохотнул. — Скоро, уже скоро мы дадим им жару. Да, тебя, Костя, с Новым годом! Пусть он всем нам принесет удачу!

— И тебя тоже с Новым годом, Андрей Иванович! — отозвался Рокоссовский. — У меня к тебе самые теплые чувства. Всего доброго!..

Дорогих гостей руководство Донского фронта встретило хлебом-солью. Завязалась дружеская беседа, и каждый генерал стремился задать вопрос Ванде Львовне — польской и советской писательнице, по своему красивой и элегантной даме. В войну в звании полкового комиссара (затем полковника) она была агитатором ГлавПАУ РККА на Юго-Западном фронте, выезжала и на другие фронты. Она была также председателем Союза польских патриотов. Многие успели прочесть ее повесть «Радуга» — она вышла из печати в 1942 году. В книге рассказывалось о борьбе советских людей на оккупированной врагом земле. В повести автору удалось ярко показать, как вызревало пламя партизанской народной войны.

— Вы хорошо раскрыли в своей повести ненависть советских людей к немецким оккупантам, и это очень важно для воспитания наших бойцов, — похвалил Ванду Львовну Рокоссовский. — Мы с вами поляки-земляки, и я преклоняюсь перед вашим талантом.

Ванда Львовна улыбнулась и «дала сдачу» генералу, заметив, что это он, Рокоссовский, легендарный командир, военный талант которого высоко ценит Верховный главнокомандующий.

— О вас я написала бы хорошую книгу, — улыбнулась Василевская.

Рокоссовский густо покраснел:

— Не обо мне, Ванда Львовна, нужно писать книгу, а вот о нем, вашем однофамильце. — Он кивнул на сидевшего рядом генерала Василевского.

— Обо мне писать рано, — весело возразил Александр Михайлович. — Вот когда разобьем врага, тогда другое дело, и то, если Ванда Львовна меня уговорит.

В разговор вмешался Александр Корнейчук, шутливо заметив:

— Ванда, ты будь осторожна со своими предложениями, не то поссорим генералов, а им еще надо выиграть войну.

Гости дружно захохотали. У Ванды Львовны от смеха даже глаза повлажнели. Она достала платок и смахнула с ресниц слезу. В свое оправдание произнесла:

— Я думала, что генералы люди серьезные, а они так весело могут шутить!..

Слово взял генерал Воронов. Он обратился к Корнейчуку:

— Александр Евдокимович, — сказал он, — я прочел в «Правде» вашу пьесу «Фронт». Она легла мне на душу. Реалистическая вещь! Вы правильно критикуете устаревшие методы ведения войны. Образ генерала Горлова взят из жизни, такие генералы, к сожалению, есть в Красной армии, некоторым из них война преподнесла суровый урок!

— Скажите, Александр Евдокимович, Горлов — это конкретный человек? — поинтересовался генерал Новиков.

— Нет, Александр Алексеевич, это собирательный образ, — смутился Корнейчук.

А время бежало. Связисты постарались настроить немецкий трофейный радиоприемник, и, когда на часах пробило полночь, в штабе фронта послышался бой московских курантов — наступил Новый, 1943

год!.. Сидевшие за столом наполнили свои стаканы шампанским (пару бутылок имел в запасе адъютант Рокоссовского), и командующий фронтом Рокоссовский попросил генерала Василевского, как старшего по должности среди присутствующих, провозгласить тост. Александр Михайлович встал и коротко изрек:

— За нашу победу, товарищи!..

Веселье за столом разгоралось. С места поднялся Рокоссовский.

— Позвольте, друзья, и мне предложить тост, — сказал он. — На военном флоте моряки говорят: выпьем за тех, кто в море! А я предлагаю выпить за тех, кто сейчас на передовой!..

Беседа перекинулась на личные воспоминания. Ванда Львовна спросила Рокоссовского, где находится его семья.

— Еще не так давно я жил один и не знал, где моя семья, куда уехали жена и дочь, — грустно заговорил Константин Константинович. — Мне было известно, что она эвакуировалась из прифронтовой полосы, но куда — так и не выяснил. В сорок первом в бою под Москвой, когда командовал 16-й армией, меня тяжело ранило, на самолете доставили в Москву, в госпиталь, который находился в здании Тимирязевской сельхозакадемии. Пока лечился, смог разыскать свою семью. Сначала она была в Казахстане, потом переехала в Новосибирск.

— А где теперь, в Москве? — спросила Ванда Львовна. — Мне бы хотелось встретиться с ней.

— Когда я лежал в госпитале, меня навестил секретарь Московского комитета партии Попов, — он-то и посоветовал мне перевезти семью в Москву, помог с квартирой. Сейчас моя жена работает в Антифашистском комитете советских женщин, а дочь поступила в школу разведчиков-связистов, организованную Центральным штабом партизанского движения.

— А дочь молодчина! — одобрительно произнес генерал Новиков. — Она просто хочет подражать отцу — не так ли, Константин Константинович?

— Возможно, и так, — улыбнулся Рокоссовский. — Лично я ничего против не имею.

Время начала операции — 6 января — приближалось, а войска фронта едва успевали подготовиться. Начальник штаба генерал Малинин озадачил командующего фронтом, доложив ему, что еще не все войска и боевая техника заняли свои рубежи, хотя все, кому положено, работают в поте лица. Хуже того, все еще не получены боеприпасы в полном объеме.

— Надо перенести начало операции хотя бы дня на четыре, — предложил Малинин.

Рокоссовский и сам видел, что не все еще сделано, чтобы войска фронта были готовы успешно начать боевые действия, но его настораживало то, что вряд ли Москва согласится перенести начало операции на четыре дня. И все же он обратился в Ставку со своей просьбой.

«Постарайтесь уложиться в отведенный срок», — ответили из Ставки.

Фактически это отказ. Но Рокоссовский не унимался. Как командующий фронтом, он не мог начинать наступление, если войска не готовы. Тогда он попросил представителя Ставки генерала Воронова помочь ему.

— Хорошо, я свяжусь с Москвой, — согласился генерал.

Воронов позвонил по ВЧ, но Сталина на месте не оказалось.

— Позвоните ему через два часа, он будет, — ответил ему Поскребышев.

Но не прошло и часа, как верховный сам позвонил на КП фронта, пригласив к телефону своего представителя генерала Воронова.

— Что там у вас случилось? — суровым тоном осведомился он, едва Воронов представился. — Опять, наверное, товарищ Рокоссовский просит дать ему танки?

«Что-то Сталин не в духе», — пронеслось в голове Воронова, но заговорил он неторопливо и уверенно:

— Не о танках речь, товарищ Сталин, хотя, если бы Рокоссовскому дали еще одну танковую дивизию, это пошло бы лишь на пользу...

— Скажите, что вам надо? — прервал его верховный.

— Руководство фронта просит вас перенести начало операции «Кольцо» с 6 января на 10 января.

— Причина? — резко спросил Верховный, не дослушав генерала до конца.

Воронов объяснил. Особый упор он сделал на то, что получен не весь боезапас для орудий и минометов. Почему? На железной дороге большая загруженность, вагоны с минами и снарядами могут подать на Донской фронт в ночь на 8 января, а ведь их еще надо доставить в соединения, на огневые рубежи. Дело это нелегкое, а тут еще плохая погода, все вокруг в глубоком снегу, метут метели...

— Товарищ Рокоссовский рядом с вами? Дайте ему трубку!

— Командующий фронтом слушает вас! — отрывисто бросил в трубку Рокоссовский, чувствуя, как напряглось тело, будто он готовился к прыжку.

— Вы что, и вправду не готовы 6 января начать операцию! — с заметным раздражением спросил верховный. — Не сгущает ли краски представитель Ставки Воронов?

Рокоссовский подтвердил необходимость начать наступление позже на четыре дня. Утром 10 января фронт приступит к боевым действиям.

— Я очень вас прошу, товарищ Сталин, дать нам разрешение, — добавил Рокоссовский.

— Будь вы не Рокоссовский, я бы не разрешил, — признался Сталин, заметно смягчив тон. — А вам разрешаю! Значит, 10-го наступать — и ни днем позже! — суровым тоном закончил разговор верховный.

Случилось так, что во время встречи Нового года кто-то из гостей предложил предъявить ультиматум окруженным немецким войскам: вдруг они без боя сложат оружие, так как находятся в безвыходной ситуации?

— А что, можно попробовать, — одобрил генерал Воронов. — Но предварительно следует посоветоваться с Генеральным штабом.

— Я это сделаю, — отозвался Рокоссовский.

Отложив оперативную карту на край стола, он поспешил к аппарату ВЧ. Ему повезло: трубку взял генерал Антонов, который в то время замещал в Москве начальника Генштаба Василевского, находившегося на фронте. Выслушав командующего фронтом, Антонов заявил, что идея хорошая, и пообещал доложить верховному, а о результатах сообщить в штаб фронта.

— На всякий случай набросайте текст ультиматума и пошлите в Генштаб по «бодо», — попросил генерал Антонов.

Через два часа текст ультиматума был готов, а звонка от генерала Антонова не было. Позвонили из Москвы лишь под вечер. Генерал Антонов сообщил, что идея Сталину понравилась, он прочел текст, внес в него некоторые поправки и утвердил.

— Готовый текст вам выслан, — сказал Антонов. — За день, за два до начала операции «Кольцо» ультиматум вручите командующему 6-й армией генерал-полковнику Паулюсу или его заместителю.

Вопросы есть? Нет? Желаю вам успеха!

Положив трубку на аппарат, Рокоссовский взглянул на сидевшего за столом генерала Воронова.

— Верховный дал «добро» на вручение немцам ультиматума. — Командующий фронтом понизил голос: — Но примет ли его любимец Гитлера — вот в чем вопрос.

— Меня это тоже беспокоит. — Воронов встал из-за стола, неторопливо прошелся по комнате. — Сомневаюсь, что генерал Паулюс пойдет на это дело. Или станет запрашивать фюрера, но скорее всего откажется принять ультиматум.

— И все же надо попробовать, — промолвил Рокоссовский.

Уединившись в кабинете, он вновь прочел текст ультиматума и не нашел в нем ничего, что могло оскорбить чувства солдат вермахта. В нем отмечалось, что 6-я германская армия, соединения 4-й танковой армии и приданные им части усиления находятся в полном окружении наших войск еще с 23 ноября 1942 года. Все попытки немецкого командования спасти окруженных оказались безрезультатными. Спешившие им на помощь германские войска разбиты Красной армией, и остатки их отступают на Ростов. Германская транспортная авиация, перевозящая осажденным голодную норму продовольствия, боеприпасов и горючего, несет от русских огромные потери в самолетах и экипажах. Еще помощь окруженным войскам становится нереальной. А положение их тяжелое. Они испытывают голод, болезни и холод...

«Вы, как командующий, и все офицеры окруженных войск, — говорилось в ультиматуме, — отлично понимаете, что у Вас нет никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения. Ваше положение безнадежное, и дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла.

В условиях сложившейся для Вас безвыходной обстановки, во избежание напрасного кровопролития предлагаем Вам принять следующие условия капитуляции...» Эти условия были весьма гуманны: прекратить сопротивление, организованно передать «в наше распоряжение весь личный состав, вооружение, всю боевую технику и военное имущество в исправном состоянии»; всем гарантировалась жизнь и безопасность, а после окончания войны — возвращение в Германию или в любую другую страну, если изъявят желание военнопленные; всему личному составу сохраняется военная форма, знаки различия и ордена, личные вещи, ценности, а высшему офицерскому составу и холодное оружие; всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам немедленно установят нормальное питание; раненым, больным и обмороженным окажут медицинскую помощь...

Ультиматум заканчивался предупреждением: если немцы не примут условия, части Красной армии будут вынуждены вести дело «до уничтожения окруженных германских войск, и вина за это падет на немецкое командование».

Предчувствие, однако, не обмануло генералов Воронова и Рокоссовского, подписавших ультиматум. Германское командование отказалось принять его, хуже того, немцы обстреляли наших парламентариев, случайно никто из них не пострадал.

Командующий фронтом Рокоссовский телеграммой донес об этом в Ставку.

— У нас осталось одно — огнем заставить генерала Паулюса поднять белый флаг! — сказал генерал Рокоссовский, когда собрал в штабе руководящий состав фронта. — Так что утром 10 января начинаем операцию «Кольцо». Прошу командармов и комкоров доложить Военному совету фронта о готовности войск. Вам слово, генерал Батов...

Донской фронт сосредоточил большие силы, чтобы нанести мощный удар по вражеским войскам, находившимся в котле.

Майор Бурлак толкнул плечом дверь, вошел в блиндаж, где находились танкисты бригады. С тех пор как он вернулся из госпиталя, прошло два дня. Пока он лежал на излечении, его бригада пополнилась молодыми бойцами, в основном механиками-водителями и наводчиками. Бойцы, увидев майора, притихли. Комбриг весело улыбнулся, глядя на механика-водителя — коренастого сероглазого Юрия Ткаченко.

— Что, пилят тебя хлопцы? — спросил он. — Ну- ну, только нос не вешай, опыт придет!..

Утром во время занятий в поле, управляя танком, Ткаченко угодил в воронку от бомбы. Она была прикрыта снегом, и танк провалился. Пришлось вытаскивать его тягачом.

— Юрко, ты небось думал о своей Клаве, если попал в яму, — засмеялся высокий статный наводчик, который пришел в танковую бригаду в одно время с ним.

— Она мне что-то перестала писать, — хмуро возразил Юрко. — Может, нашла себе другого. Кто их поймет, эти женские натуры? У меня ныне одна думка — так отработать вождение танка, чтобы он птицей летел на противника!

— Механик-водитель — правая рука командира танка, — сказал наводчик, — так что не сердись. На службе ты и свою любовь к Клаве бережешь. Где она сейчас, твоя дивчина? В селе Верховня живет? Его, может, даже на карте нет...

— Да ты что, Витек! — сердито воскликнул Юрко. — На карте нет... Верховня на весь мир известна, не то что ваше село Красное на реке Воронеж. Я-то знаю, откуда ты родом... Верховня — знаменитое село, — повторил механик-водитель.

— Чем же? — В глазах наводчика мелькнула усмешка.

— Как чем? — Брови у бойца изогнулись подковкой. — До революции здесь была усадьба польской аристократки Эвелины Ганской. У нее трижды гостил великий французский писатель Оноре де Бальзак, автор «Человеческой комедии».

— Юрий, ты не погибаешь? — добродушно усмехнулся майор Бурлак. Разговор танкистов его заинтересовал, и он отложил бумаги в сторону.

— Ничуть, товарищ комбриг. Так вот слушайте дальше, ежели о моем селе речь зашла. Оноре де Бальзак женился на этой полячке в 1850 году. Правда, свадьба у них была в Бердичеве, в костеле святой Варвары. А вот в моем селе Бальзак написал пьесу «Мачеха», вторую часть «Изнанки современной истории», работал над другими произведениями... Да, в моем селе есть что посмотреть. Верховнянская усадьба — дворец, два флигеля, костел и большой парк. Дуже гарный памятник истории и архитектуры. Так что и вы, товарищ майор, вместе с женой приезжайте к нам в село Верховня, вашей Оксане Сергеевне это пойдет на пользу — она же у вас историк. Доедете до городка Ружин, а там до моего села рукой подать. Но я вас встречу, с хлебом-солью встречу.

— Вот кончится война, и я к тебе приеду, — улыбнулся Бурлак и добавил: — Если живы останемся.

— Что вы такое говорите, товарищ комбриг? — улыбнулся Юрий. — Да я вас на своем танке Т-34 до Берлина доставлю! И ни одна пуля нас не укусит, потому как вы уже были ранены, и я во время бомбежки осколком ногу подставил. Но все зажило как на собаке.

— Ну а насчет моего села Красное, — заговорил Виктор, — ты, голубчик, не прав. — Он усмехнулся. — Хотя я и не моряк, но еще в школе узнал, что Воронеж — это колыбель русского флота. В 1696 году на реке Воронеж был построен первый русский отряд военных кораблей, который участвовал в войне с Турцией за выход России к Черному морю. Знаешь, кто командовал этим отрядом?

— Адмирал Ушаков?

— Да нет же, Петр Первый, — подсказал майор Бурлак. — Он держал свой флаг на галере «Принципиум». Так было положено начало русскому военному флоту. А нам с вами суждено продолжать славу наших предков. Понял?

— Так точно, поэтому стараюсь познать свой танк во всех тонкостях, чтоб он, красавец, в бою не подвел. А ежели вдруг заглохнет двигатель, то машина станет мишенью для противника...

10

Бурлак вышел из блиндажа. Декабрьское солнце грело скупо, хотя его лучи светили ярко, а когда тучи закрывали солнце, становилось еще холоднее. Иван Лукич закурил, попыхивая папиросой. В ушах все еще звенел голос Юрия Ткаченко: «Вместе с женой приезжайте к нам в село Верховня, вашей Оксане Сергеевне это пойдет на пользу — она же у вас историк...» «Дожить бы еще до тех дней, когда закончится война», — вздохнул Бурлак. Больше месяца лежал он в госпитале. Оксана приходила к нему. Было приятно видеть ее рядом, смотреть на ее милое, добродушное лицо, слышать воркующий голос. Но потом она почему-то не пришла, хотя обещала. «Хочу посмотреть твой танк», — сказала она.

Невольно ему вспомнился тот день, когда он выписывался из госпиталя. Оксана тоже не пришла, хотя он ждал ее с утра до обеда. В приемном покое он оставил номер своей полевой почты и попросил врача Ларису Ивановну, высокую стройную женщину со светло-серым, словно высеченным из мрамора лицом, передать адрес Оксане, если она придет.

— Я возвращаюсь в свою танковую бригаду, — пояснил Иван Лукич. — Раньше мы дислоцировались в селе Латошинка, теперь в Красной Слободе. Скажите, что я ее очень жду.

Глаза у Ларисы Ивановны заблестели, словно туда попали солнечные лучики.

— Иван Лукич, я все сделаю, — сказала она с улыбкой. — Только зря вы торопитесь в свою танковую бригаду. Вам предписано отдохнуть две недели, чтобы набраться сил, дать возможность организму окрепнуть.

Майор Бурлак лишь развел руками:

— Не могу, Лариса Ивановна. Скоро бригада начнет боевые действия, чтобы вместе с другими частями фронта уничтожить фашистов в котле. Нет, — повторил он жестко, — никак я не могу здесь остаться. Отдохну в части. Я уже дал знать комдиву, что выписываюсь.

— Но я позвоню вашему комдиву, чтобы он знал, что вас еще нельзя посылать на передовую, так что вы на меня не сердитесь, — проговорила Лариса Ивановна.

«Ее комдив не послушает, я нужен ему», — решил Бурлак.

— Товарищ майор, вас к телефону! — В дверях блиндажа стоял дежурный по штабу.

Майор шагнул в блиндаж. Звонил командир танковой дивизии.

— Иван Лукич, зайдите ко мне!

«Не моя ли Оксана там появилась?» — промелькнуло в голове Бурлака.

Штаб танковой дивизии располагался в блиндаже, хорошо отделанном изнутри вагонкой. В одной из комнат находился кабинет комдива, в нем он был один. Генерал сидел за столом, курил и что-то писал. На тумбочке стояло несколько телефонных аппаратов, в углу его автомат, а черный плащ висел на вбитом в стенку гвозде.

— Здравия желаю, товарищ генерал! — отрапортовал майор, едва вошел в комнату.

— Садись, Иван Лукич. — Комдив кивнул ему на табуретку. — Если честно, то я по тебе соскучился. Как самочувствие?

— Хорошее, я готов вести свою бригаду в бой! — несколько торжественно произнес майор, глядя на командира дивизии.

Генерал был коренастым, плечистым, с открытым лицом, с чуточку вздернутым носом. В его глазах сквозила какая-то настороженность, и она смутила Бурлака.

— Что-то случилось в моей бригаде? — спросил он и почувствовал, как в груди заворчалось сердце.

— Случилось, Иван Лукич, потому и вызвал тебя. — Генерал загасил папиросу. — Что меня волнует, Иван Лукич...

— Скажите, Василий Сергеевич...

— Ты говоришь, что здоров и готов повести бригаду в бой, так?

— Смогу! — почти крикнул Бурлак.

— А мне утром звонили из госпиталя, — вдруг сказал комдив. — Хирург, оперировавший тебя. Он предупредил, что тебе надо пару недель отдохнуть, чтобы набраться сил и укрепить свой организм. Поэтому бригаду поведет другой...

— Кто? — не сдержал себя Бурлак.

— Тоже майор и тоже танкист. На днях прибыл к нам из Сталинградского фронта, а мы, как ты знаешь, вошли в состав Донского фронта, которым командует генерал Рокоссовский. Кстати, я воевал в его 16-й армии в сорок первом под Москвой. На моих глазах он был тяжело ранен... — Генерал сделал паузу. — Так вот решено: в сражение поведет бригаду этот майор.

У Бурлака в груди похолодело.

— Я не согласен, товарищ генерал! — заявил он едва ли не на всю мощь. — Я буду жаловаться... — Голос у него сорвался.

— Кому жаловаться? — усмехнулся генерал. — Командующему фронтом?

— У меня на жалобу есть основание, товарищ комдив, — чуть уменьшил свой пыл Иван Лукич. — Кто из моей бригады знает этого майора, которому вы хотите доверить мою бригаду? Да никто! А меня знает весь личный состав, и я их знаю, ходил с ними не в одну атаку. Да, возможно, мне и полагается отдых после госпиталя, но разве можно отдыхать, когда у нас и так не хватает танкистов? К тому же я чувствую себя прекрасно...

— Ты скажи, кому будешь жаловаться? — вновь спросил генерал, закуривая.

— Кому, да? — вспыхнул майор. — Есть кому, товарищ комдив, но я вас очень уважаю и не желал бы жаловаться. А если вы не отмените свое решение, я это сделаю.

— На пушку меня берешь, майор? — едва не рассердился генерал. — Но я не из пугливых. — Он встал. — Давай так решим. Я позвоню в госпиталь и переговорю с хирургом, который тебя оперировал. Если он сочтет нужным разрешить тебе вступить в командование бригадой, так оно и будет. Согласен?

— Звоните!

Генерал, однако, не торопился.

— Иван Лукич, тебя в госпитале навещала медсестра — кто она? — спросил комдив, пыхтя папиросой.

Бурлак слегка замялся, густой румянец вспыхнул на его лице.

— Это... моя жена, — с трудом разжал он губы.

— Как жена? — удивленно вскинул брови генерал. — По документам ты у нас человек холостой, и вдруг жена! Я тебя что-то не понимаю.

Бурлак сдержанно обронил:

— Женился, когда лежал в госпитале, однако вам не успел доложить. Извините.

— И кто же твоя жена? — Комдив сел.

Майор рассказал, что до войны она училась в университете на историческом факультете, а когда началась война, добровольно ушла в медсестры. Ее отец Бурмак Сергей погиб в боях под Москвой в сорок первом — сгорел в танке. Есть дядя Андрей, в прошлом моряк-водолаз Северного флота.

— Я с ним познакомился, когда ехал в Сталинград на фронт в поезде «Пермь — Сталинград», — подчеркнул Иван Лукич.

— И он познакомил тебя со своей племянницей? — спросил генерал.

— Никак нет, — возразил Бурлак. — Я с ней увиделся на переправе, когда шел на судне в Сталинград, а Оксана, медсестра, сопровождала раненых в госпиталь. Судно обстреляли немцы. Один снаряд разорвался вблизи корабля, и взрывной волной медсестру выбросило в воду. Она не умела плавать и стала тонуть, крича о помощи. Естественно, я бросился в Волгу, чтобы спасти ее...

— Спас, значит? — Комдив смотрел ему в лицо не мигая.

— Выходит, спас... — Бурлак помолчал. — Потом она разыскала меня в госпитале, когда я лежал там, раненный. Вот и вся история моего знакомства. Думаю, что вам, Василий Сергеевич, вряд ли это будет интересно.

— Говорят, что ты был женат? — уточнил комдив.

— Был, но жена бросила меня, когда я прибыл в Сталинград, — подтвердил майор. — Она нашла себе другого. Что мне оставалось делать?

— И ты нашел себе другую жену...

— Выходит, нашел. — Иван Лукич вскинул голову и твердо добавил: — Я люблю Оксану...

Комдив позвонил в госпиталь, и, пока он говорил, Бурлак сидел и ждал, какое он примет решение. Наконец генерал улыбнулся и сказал хирургу:

— Хорошо, я так и сделаю. Спасибо вам за заботу о моих танкистах!..

Положив трубку, комдив взглянул на майора:

— Готовь свою бригаду к боевым действиям, но тяжелую работу пока сам не делай, для этого у тебя есть заместитель, другие командиры. Ясно? — Тяжелое лицо комдива покраснело. — И все-таки кому ты хотел на меня жаловаться? — На его лице появилась улыбка. — Мне просто интересно знать.

— Кажется, я погорячился. — Голос Бурлака прозвучал напряженно. — Я бы не жаловался этому товарищу, а попросил бы помочь решить мою проблему.

— И кто этот товарищ? — усмехнулся комдив.

— Генерал армии Георгий Жуков! — Бурлак перевел дыхание. — В тридцать девятом я служил в 11-й танковой бригаде, когда Жуков на Халхин-Голе разгромил японских захватчиков. Из его рук я тогда получил награду. Он помог мне попасть с Дальнего Востока на Сталинградский фронт, и, кажется, я не подвел его.

— Большой у тебя, Иван Лукич, покровитель, ты уж держи свою марку высоко! — Комдив встал, давая понять, что разговор окончен. — А сейчас проверь, получили ли экипажи машин все необходимое для боя, потом мне доложишь!

— Слушаюсь! — повеселевшим голосом отчеканил Иван Лукич. Он взял под козырек и направился к выходу.

После ужина Бурлак уединился в блиндаже, закурил. Мысли об Оксане не оставили его. У него было такое ощущение, что Оксана где-то рядом, что он скоро увидит ее, но это ощущение быстро исчезло, и на смену ему пришло чувство отчужденности. В памяти всплыл недавний вечер, перед выпиской из госпиталя. Она явилась к нему веселая, улыбочивая, и он невольно спросил:

— Что случилось? Ты обычно приходишь ко мне грустная, какая-то задумчивая, а сегодня в глазах радость...

— Есть причина, Ванек! — Она шутливо ущипнула его за нос. Однако выражение веселости на ее лице не угасло.

— Скажи, какая причина? — недоумевал Бурлак и все смотрел на нее, словно видел впервые, а все потому, что она вошла в его сердце, и если раньше от подобной мысли он краснел, как мальчишка, то теперь воспринимал это как должное и ничему не удивлялся.

— Во-первых, тебя выписывают из госпиталя, значит, здоровье твое пошло на поправку. — Оксана загнула один палец на руке. — А во-вторых, у меня сегодня день рождения!

Бурлака будто ударило током.

— И ты, Оксана, молчала?! — воскликнул он и, не стесняясь раненых, лежавших рядом, обнял ее, прижал к себе и начал целовать.

— Ванек, да ты задушишь меня! — только и промолвила Оксана, больше ни слова не обронила. А когда он отпустил ее, она предложила подышать свежим воздухом.

Они вышли во двор госпиталя. Уже темнело. На небе гроздьями высыпали звезды. С Волги дул ветер, казалось, вот-вот пойдет снег. Но скоро ветер прогнал косяки серо-бурых туч, и стало светлее. У домика, что стоял неподалеку от приемного покоя, они остановились. Оксана сказала:

— Здесь находится кладовая, где я беру чистое белье для раненых, когда привожу их в госпиталь. Зайдем, а? А то я озябла. У меня есть ключ.

— А мне жарко, — улыбнулся Бурлак.

Оксана достала из кармана ключ и открыла двери. Он шагнул в проем, она следом за ним. Угол кладовой был забит сухой соломой, которой набивали матрасы и подушки для раненых. Оксана с ходу упала на солому и воскликнула:

— Солома мягкая, как перина! — Она приподнялась и взяла Ивана Лукича за руку. — Садись рядом, тут очень уютно и тепло...

Она очнулась от его объятий и, глядя ему в лицо, усмехнулась:

— Ну и грешники мы с тобой, Ванек!

— Война, Оксанушка, все наши грехи спишет! — засмеялся Иван Лукич. Он чувствовал смущение, но смятения в его душе не было...

Раздумья Бурлака прервал дежурный по бригаде, сообщивший о том, что ему звонят из санбатальона.

«Наверное, Оксана! — пронеслось в голове майора. — Неужели с ней что-то случилось?..» Эта мысль опалила его, и, чтобы унять волнение, он до боли сжал губы и провел тугой ладонью по лбу. Потом поспешно прошел в угол блиндажа, где находилась полевая связь.

— Майор Бурлак слушает! — густым басом прокричал он в телефонную трубку. Ему ответили, но, кто это был, он не расслышал из-за помех на линии. — Кто говорит?.. Теперь понял, что это военврач... Узнал ли вас? Захар Иванович, вы же клали меня в госпиталь, когда я был ранен, как же мне вас не узнать,

голубчик?.. Да, память у меня цепкая. Что случилось?

— У меня для вас есть послание, — сказал Захар Иванович негромко, но четко.

— Чье послание?

— Оксаны Бурмак, Иван Лукич. Она рано утром улетела в Москву, — пояснил военврач. — В бою тяжело ранило работника штаба фронта, его решили направить в Москву в военный госпиталь, а медсестра красноармеец Оксана Бурмак его сопровождает.

— Кто ее командировал? — судорожно переводя дыхание, спросил комбриг.

— Начальник госпиталя, она как раз доставила туда раненых. Для вас она написала несколько строк и попросила меня передать вам конверт. Сможете сейчас подскочить в санбат? Только, пожалуйста, не на танке, не то раненые переполошатся.

— Еду! — бросил в трубку майор...

Вернувшись из санбатальона, Бурлак снова уединился в блиндаже, извлек из конверта листок и стал читать «послание» Оксаны:

«Ванек, я улетаю в Москву, сопровождаю раненого командира. Ему нужна сложная операция, ее будут делать в военном госпитале. Я передам в приемный покой раненого и сразу же вернусь в санбат. Целую, милый.

P.S. У меня есть хорошая новость. Вернусь — и ты о ней узнаешь».

Майор нервно поморщился, свернул листок и тал его в карман. Не по душе ему был отъезд Оксаны и он так обозлился, что хотел тут же позвонить начальнику госпиталя, которого хорошо узнал, когда находился там на лечении, но, поразмыслив, решил этого не делать. А вот военврачу, в чьем подчинении находилась медсестра, он позвонил. Тот лихо откликнулся:

— Слушаю вас, Иван Лукич!

Бурлак, стараясь не выдать своего волнения, заговорил спокойно и неторопливо.

— Захар Иванович, когда вернется из Москвы Оксана Бурмак? — спросил он.

— Ей выписана командировка на трое суток, вот и считайте, когда она здесь появится, — добродушно произнес военврач. — Если честно, то я не хотел посылать ее с раненым, но настоял начальник госпиталя. У него не нашлось другого человека, а Оксана Бурмак очень хорошая медсестра. А что, она вам нужна?

— Очень даже нужна, Захар Иванович, — тихо отозвался майор. — Но что поделаешь, придется ждать...

На том и кончился разговор, хотя Иван Лукич несколько не унял свое волнение. На душе стало холодно и пусто.

Вскоре после Нового года, кажется, это было 4 января 1943 года, генерал Рокоссовский решил побывать в 62-й армии генерала Чуйкова с инспекцией. Василия Ивановича он знал давно, слышал о нем немало лестных отзывов как об умном и смелом командарме, и все же ему хотелось увидеться с ним, объяснить руководству его армии, какие задачи стоят перед ней в решающем сражении. Он взял с собой члена Военного совета генерала Телегина и начальника артиллерии фронта генерала Казакова.

— Поглядим, как тезка Чапаева подготовил армию к боям, — озабоченным тоном проговорил командующий фронтом.

Начальник штаба генерал Малинин тоже хотел поехать с ними, помочь выявить слабые места в

соединениях Чуйкова, но Рокоссовский ему не разрешил.

— Ты, Михаил Сергеевич, остаешься тут за меня, — сказал Константин Константинович. — Вдруг в штаб позвонит верховный? Заодно, чтобы не скучал, нанеси расположение войск Донского фронта и войск противника на новую оперативную карту. Старая вся испещрена вдоль и поперек цветными стрелами, на ней стерлись едва ли не все села и города Сталинградской области. Сможешь сам сделать? Не то возьми себе в помощники начальника оперативного отдела.

Малинин добродушно улынулся:

— Дело привычное, товарищ командующий. Но мне хотелось поближе узнать генерала Чуйкова, его стиль управления войсками. Ведь его армия почти четыре месяца обороняла город от врага. И где? На пятачке земли вокруг Мамаева кургана. Я даже чуточку ему завидую. Словом, командарм — герой! А у каждого героя есть всегда то, чего нет у других.

— Поедешь к Чуйкову в другой раз, Михаил Сергеевич, я тебе обещаю.

— Усек, товарищ командующий! — Малинин зевнул. — Извините, что-то ночью не спалось.

— Перед сражением и ко мне сон не идет, — усмехнулся Рокоссовский. — Тогда я что-нибудь читаю, пока не появится желание уснуть. А что ты делаешь?

— Лежу на кровати и мысленно перебираю минувшие события, ищу, что я сделал не так, как того хотелось. — В глазах начальника штаба мелькнул холодный огонек.

— Анализ своих действий еще никому не навредил, заметил Рокоссовский. — Но лучше сначала хорошенько подумать, все взвесить, а уж потом принимать решение, тогда и не придется искать огрехи в своих действиях. Мне вспоминается беседа в Ставке после того, как меня назначили командующим 16-й армией Западного фронта в сорок первом, когда под Москвой шли ожесточенные бои. Сталин говорил о трудностях первых тяжелых боев под Москвой, о том, что в эти дни особенно нужна в войсках железная дисциплина, что командир должен показывать в бою личный пример. Словом, верховному было что сказать молодому командарму, каким я был в те дни. Но особенно врезались в память его слова: «Надо уметь хотя бы чуть-чуть опережать время. А иные командиры порой учатся не время опережать, а смотрят себе под ноги из боязни споткнуться. Куда это годится!..»

Генерал Рокоссовский и сопровождавшие его лица форсировали Волгу по льду. Он был толстый и крепкий. «Газик» бежал быстро, хотя порой скользил, объезжая ледяные глыбы и большие сугробы. Переправились на другой берег быстро и без приключений. Немцы огня не открывали — стоял 30-градусный мороз, потом пошел снег. Машина остановилась около землянок штаба армии. Командующего фронтом встретил генерал Чуйков, отдал ему рапорт по всей форме.

— Ну, рассказывай, командарм, как вы тут живете на пятачке чуть ли не все лето и начало зимы, как бьете фашистов? — Рокоссовский поздоровался с ним за руку. — Как вы, готовы добивать фрицев в котле?

— А разве мы когда-либо отставали от войск фронта? — с горячностью спросил генерал Чуйков. Его полное лицо вмиг зарумянилось, глаза заблестели.

— Такого не припомню. — Командующий слегка улынулся.

Вслед за командармом Рокоссовский вошел в землянку. Здесь было тепло и уютно, в центре пылала буржуйка[15].

— Вот это и есть моя штаб-квартира, — развел руками Чуйков. — Удобств тут мало, но от мин и снарядов спасает.

Сев на табуретку, командующий фронтом кратко изложил план уничтожения окруженной

группировки врага, подчеркнув, что поначалу надо расколоть ее на части. С этой целью главный удар с запада наносят армии генералов Батова и Чистякова. А с севера переходят в наступление армии генералов Жадова и Галанина, с юга — Шумилова и Толбухина.

— А что надлежит мне делать? — вставил реплику Чуйков.

Рокоссовский сказал, что своими активными действиями с востока 62-й армии следует привлекать на себя больше сил противника и не допустить его к Волге.

— Задача ясна, товарищ командующий фронтом, и она будет выполнена, — заверил Чуйков. — Гарантирую, что генерал Паулюс не оттянет из города ни одной своей дивизии!

— Ну а если под ударами наступающих армий с запада немцы ринутся на восток, сможете ли преградить им путь? — поспешно спросил Рокоссовский.

Начальник штаба армии генерал Крылов ответил, что, если генерал Паулюс летом и осенью не смог сбросить войска 62-й армии в Волгу, то теперь голодные и полузамерзшие гитлеровцы не в силах это сделать.

Работали долго и напористо. Когда завершили обсуждение назревших вопросов, генералы Рокоссовский, Телегин и Крылов стали собираться в обратный путь.

— Куда это вы, товарищи? — удивился генерал Чуйков, сворачивая свою оперативную карту. — Нет, я вас не отпускаю, пока вы не отобедаете у нас! — серьезно заявил он с обидой. — Мои люди старались накрыть стол... Нет, — громче повторил командарм, — так дело не пойдет!

Рокоссовский взглянул на члена Военного совета Телегина.

— Константин Федорович, а ведь командарм прав: нам надо отобедать!

— Не возражаю! — Как и командующий, Телегин снял теплую куртку защитного цвета, затем взглянул на Чуйкова: — Василий Иванович, у тебя найдется «наркомовская»? На Волге, когда ехали по льду, меня продуло на стылом ветре, как бы не простудиться.

— А как же без «наркомовской», Константин Федорович! — улыбнулся командарм. — Скажу вам по секрету, что мы тут досрочно употребили все, что нам полагалось. Иначе нельзя — морозы под 30 градусов, да и метели бушуют. По неделям не едим горячей пищи — негде готовить, бомбежкой разбиты почти все солдатские кухни. Питаемся всухомятку, запиваем чаем и «наркомовской». И то наспех: фашисты ведут одну атаку за другой.

— Выходит, Василий Иванович, вы угощаете нас «наркомовской» из своих скудных запасов? — усмехнулся Рокоссовский.

— А это военная тайна! — засмеялся Чуйков.

И все же на столе для гостей была и горячая пища — разогретая на буржуйке свиная тушенка — и горячий чай. Обед прошел в дружеской беседе.

Возвратились в штаб фронта тем же путем. К ночи мороз усилился, над степью висело темно-голубое небо, кое-где ярко горели звезды. Снег перестал сыпать.

У себя в комнате Рокоссовский снял кожаный теплый реглан [\[16\]](#).

Появился генерал Малинин.

— Что у тебя, Михаил Сергеевич? — осведомился командующий.

Новость его не ошеломила, но слегка озадачила. Оказывается, в его отсутствие в штаб фронта звонил заместитель начальника Генштаба генерал Боков.

— Спросил, где вы, я ответил, что находитесь в штабе 62-й армии, у генерала Чуйкова, проверяете готовность войск к сражению, — объяснил Малинин. — Потом Боков спросил, все ли у нас готово к началу операции. Тут я замешкался, смолчал, а он бросил в трубку громко и, как мне показалось, сердито, что эти сведения нужны не ему, а верховному. Тогда я доложил, что войска почти готовы, лишь некоторым соединениям надо переправить боезапас, за день-два все это сделаем.

Командующий выслушал начальника штаба с улыбкой.

— Все правильно, Михаил Сергеевич, — одобрил его Рокоссовский. Он взглянул на стол. На нем лежала новая оперативная карта. Она была отработана так, как просил командующий фронтом. — Уже успели сделать?

— Как и обещал, — усмехнулся Малинин. — За час нанес места наших войск и войск противника. Вы же сами говорили, что я художник в этом деле.

— Спасибо, Михаил Сергеевич. — Рокоссовский пожал ему руку. — Ты не просто художник, ты талантливый начальник штаба!

— Ну нет, товарищ командующий, я обычный начальник штаба, каких немало у нас в Красной армии.

Ночь прошла спокойно. В Сталинграде, где проходил огневой рубеж, то и дело раздавались автоматные очереди и одиночные выстрелы. Рокоссовский вышел на морозный воздух покурить, когда снова в районе Мамаева кургана послышалась автоматная стрельба.

— Неужели там сейчас идет бой? — удивился подошедший к нему генерал Малинин.

— Немцы, как крысы, попрятались по углам и щелям разбитых домов, а стреляют для острастки или чтобы подавить в себе ночной страх, — усмехнулся Рокоссовский. — Еще в боях под Москвой в сорок первом я заметил, что фрицы боятся темных ночей. А для нас темная ночь как запасной патрон в обойме.

— Факт, — согласился начальник штаба.

Из землянки вышел начальник артиллерии Донского фронта генерал казаков. Он подошел к командующему фронтом. Василий Иванович сказал, что готов доложить по оперативной карте, как распределена в войсках фронта артиллерия на время проведения операции «Кольцо». Он подчеркнул, что у него в деле каждое орудие, а «катюши» на особом учете.

— Поглядим, что ты нам предлагаешь, — улыбнулся командующий.

Он загасил папиросу и шагнул в штабную землянку. Она была просторной и хорошо оборудованной. На столе лежала оперативная карта. Усевшись рядом с начальником штаба, Рокоссовский кивнул Казакову:

— Докладывай, Василий Иванович, только коротко и главное...

Генерал казаков в дни подготовки войск фронта к проведению операции побывал едва ли не во всех армиях фронта, на огневых позициях и по-хозяйски оценил, а где требовалось, поправил работу артиллеристов. Перед этим по его рекомендации были отобраны лучшие командиры батарей. Командующий всецело доверял ему, и пока главный артиллерист фронта, как называл Казакова Рокоссовский, его не подвел. Артиллеристы были опорой командующего фронтом, им он уделял особое внимание, заботясь о том, чтобы в тяжелых боях они выстояли, смогли бы своим метким и губительным огнем остановить наступление врага. Сам Казаков отдавал любимому делу свои знания и опыт и, бывая на передовых рубежах, проверял, как подготовились к атакам расчеты, все ли у них есть в наличии. Больше всего Казаков беспокоился о боезапасе. «Пушка без снарядов — это кусок железа, которое не извергает огонь, — говорил он молодым бойцам. — Так что первая ваша забота — запастись снарядами».

Под стать Казакову был генерал Малинин. По оценке Рокоссовского, с первых дней сражения

Малинин показал себя «умницей, опытным и энергичным организатором, мы с ним сработались, хорошо, по-фронтовому сдружились».

Сейчас, одобрив информацию начальника артиллерии фронта, все трое сидели у дышащей жаром буржуйки, пили горячий чай и вели непринужденную беседу о том, как и когда судьба свела их вместе. Рокоссовский все помнил до мелочей. В июле 1941 года на Яруевских высотах войска Западного фронта вели тяжелые бои с немецко-фашистскими захватчиками. За две недели боев более половины штабных командиров погибли или были ранены. Как-то на рассвете бой утих и выдалось короткое время для отдыха. Рокоссовский так устал, что забрался в легковую машину и сразу уснул. Но вскоре его разбудил адъютант. Спросонья Константин Константинович не понял, в чем дело.

— Прибыл какой-то генерал, хочет вам представиться, — пояснил адъютант.

«Какой-то генерал» оказался командиром 7-го механизированного корпуса Виноградовым. Был он чуть выше среднего роста, широкоплечий, с открытым волевым лицом и веселыми карими глазами.

— Товарищ командующий группой войск, прибыл в ваше распоряжение! — звонко доложил комкор, взяв под козырек.

— Один прибыл или с людьми? — уточнил Рокоссовский.

— Со мной штаб в полном составе, со всеми отделами, хорошо экипирован, — ответил генерал. — Есть радиостанция, машины и все, что положено по штату крупному соединению. Проще говоря, мы готовы хоть сейчас идти в бой!

— Кто у вас начальник штаба? — спросил командующий.

— Полковник Малинин Михаил Сергеевич.

— Как он, порох нюхал?

— Толковый начальник штаба, я им доволен, — подчеркнул Виноградов.

— А кто в мехкорпусе ведает артиллерией? — продолжал сыпать вопросы Рокоссовский.

— Генерал-майор Казаков Василий Иванович. Мне он тоже по душе. Человек геройский и по уши влюблен в свою профессию.

— Так у вас одни герои, не так ли? — лукаво повел бровью Рокоссовский, глядя на комкора в упор.

— Есть герои, но далеко не все, товарищ командующий. А за Малинина и Казакова ручаюсь своей головой...

Тогда разговор состоялся прямой и откровенный. И Малинин, и Казаков Константину Константиновичу понравились, и он сказал им об этом, но тут же предупредил:

— Чур носы не задирать, я этого не люблю! — И после короткой паузы добавил: — Будем вместе готовить удар по фашистам, засевшим в Ярцеве.

Удар был мощный, и враг попятился.

— Я угодил под бомбежку «юнкеров», когда бежал к орудию расчету, который вел огонь прямой наводкой по немецким танкам, — заговорил Казаков. Его глаза блеснули, и Рокоссовский понял, что памятный эпизод и теперь волновал его. — Но орудие почему-то умолкло, а немецкий танк, как навозный жук, полз прямо на расчет. Потом выяснилось, что убило заряжающего и ранило наводчика. Тогда я вмиг подскочил к орудию, навел его на танк и дернул шнур. Снаряд угодил в башню, взрывом ее разворотило. От радости я крикнул во все горло: «Капут фрицу!» — и не заметил, как справа на нас бежит еще одна машина с черным крестом на боку брони. А вот в нее я не попал, — сокрушенно покачал головой

Казаков. — Ну, думаю, сейчас по мне шибанет танк! Он уже совсем рядом, метрах в десяти от окопа...

— И фрицы не стреляют? — прервал его генерал Малинин.

— Я сам был удивлен, отчего танк не стреляет: то ли у экипажа кончились снаряды, то ли фрицы хотели раздавить меня гусеницами, то ли еще по какой причине. Что же делать? Не успел подумать, как раненый наводчик нашел в себе силы, изловчился и швырнул в танк бутылку с горючей смесью. Тот вмиг запылал, и из него стали выскакивать фрицы... — Помолчав, Казаков добавил: — Так что я родился в рубашке.

— А вот тебя, Михаил Сергеевич, командующий Западным фронтом маршал Тимошенко с трудом отдал мне, — вновь заговорил Рокоссовский, глядя на Малинина, маленькими глотками отпивавшего из кружки чай и чему-то усмехавшегося: должно быть, вспомнил, какая история произошла с ним.

После того как немцы захватили Смоленск, маршал Тимошенко отдал приказ об отводе войск. 16-я и 20-я армии отошли за Днепр. Неожиданно Рокоссовского вызвал командующий фронтом и сказал ему, что они поедут к героям Смоленска.

— Под свое крыло вы примете 16-ю армию, — сообщил маршал Тимошенко.

Рокоссовский не скрывал своей радости:

— Я буду стараться, может, у меня что-то и получится...

— Получится, Костя, я в этом уверен, как в самом себе, — улыбнулся Тимошенко.

16-я армия была сформирована летом 1940 года в Забайкальском военном округе. Она прикрывала государственную границу СССР в Забайкалье. Когда началась война, армию вывели в резерв Ставки Верховного главнокомандования, а затем по железной дороге перебросили в район Смоленска, где в середине июля включили в состав Западного фронта. Командующим армией был генерал-лейтенант Лукин, с которым Рокоссовский был хорошо знаком. Но во время бомбежки переправы Лукина тяжело ранило.

— Я так и не понял, зачем маршал Тимошенко сначала заехал к командарму 20-й генералу Курочкину, — сказал Рокоссовский. — Но когда мы туда прибыли, выяснилось, что Москва отозвала генерала Курочкина, на его место назначила генерала Лукина, а я возгласил 16-ю армию. Тимошенко спросил, есть ли у меня просьбы. Я не растерялся и попросил его назначить начальником штаба армии полковника Малинина. «Зачем тебе полковник? — удивился маршал. — Я пришлю тебе генерала». — «Нет уж, Семен Константинович, — возразил я, — дайте мне Малинина». — «Он что, твой сват или кум?» — шутливым тоном поинтересовался Тимошенко, улыбка не сходила с его слегка загорелого лица. Но я промолчал, и тогда Тимошенко всерьез воспринял мою просьбу: «Хорошо, пусть будет по-твоему!» Он пожал мне на прощание руку и пожелал успехов в должности командарма.

16-я армия Рокоссовского занимала оборону на широком фронте, оседлав основную магистраль Смоленск — Вязьма. Люди напряженно ждали, когда появится враг. Наконец на горизонте показались немецкие танки и мотопехота. Завязался напряженный бой. По сигналу командующего генерал Казаков выдвинул вперед батарею реактивной артиллерии — «катюши». Они накрыли огнем вражескую пехоту и танки. «Мы вылезли из окопов и, стоя в рост, любовались эффектным зрелищем, — отмечал Рокоссовский. — Да и все бойцы высыпали из окопов и с энтузиазмом встречали залпы «катюш», видя бегство врага». Но одно дело иметь такое мощное оружие, другое, не менее важное, — умело распорядиться им в бою, установить его на боевом рубеже так, чтобы польза от него была максимальной. Все это тогда и сделал начальник артиллерии армии генерал Казаков...

Утром Рокоссовский проснулся рано. Небо, низко висевшее над белоснежной равниной степи, было все в бурых тучах — первый признак того, что вот-вот пойдет снег. Умывшись, командующий вызвал

адъютанта. Тот не замедлил прибыть. Он застыл у двери, смотрел на своего хозяина и почему-то улыбался.

— Ты что такой веселый? — спросил его Рокоссовский.

— Сон мне приснился, забавный такой... — И адъютант хохотнул. — Вы не поверите...

— Наверное, во сне тебе явилась твоя девушка, а? — Командующий тоже улыбнулся. — В твоём возрасте мне тоже часто снились женщины: видно, разлука с ними дает о себе знать.

— Не девушка мне во сне явилась, а сам Адольф Гитлер!

— Ну ты даешь, Гриня. — Рокоссовский передернул плечами. — И что же он тебе говорил?

— Будто сидим мы с вами на крыльце штаба, — начал рассказывать адъютант, — и курим папиросы. И вдруг во двор въезжает машина, и из нее выходит Гитлер. Почему-то фюрер был без фуражки, длинные черные волосы легли ему на лицо, и сквозь них люто сверкают глаза. Чертовски злой был фюрер. Подходит к вам и спрашивает: «Вы командующий Донским фронтом?» Вы отвечаете ему: «Да, я командующий фронтом генерал-лейтенант Рокоссовский. У меня есть приказ товарища Сталина, нашего Верховного главнокомандующего, разбить войска генерала Паулюса, находящиеся в котле». — «Сделать это вы не успеете — я выручу моего лучшего генерала из котла! А вот когда вы придете в Берлин, мы вас всех уничтожим!» Вы, Константин Константинович, — продолжал адъютант, — выхватили из ножен шашку и замахнулись на Гитлера... И тут я проснулся.

Командующий засмеялся, качая головой:

— Ну и сказку ты сочинил! Напиши обо мне книгу, знаю, что получится. — Он подошел к зеркалу, посмотрел в него. — Видишь, Гитлер боится, что мы дойдем до Берлина. А мы дойдем и покончим с фюрером и его единомышленниками. Я в этом уверен, как и в том, что после ночи наступает утро. — Командующий подошел к адъютанту ближе: — Вот что, Гриня. Через полчаса поедем в войска 64-й армии генерала Шумилова. Распорядись, чтобы машина и охрана были готовы. Я мигом перекушу, и поедем. Да, а ты позавтракал?

— Никак нет, ребята только что поставили кипятить воду для чая.

— Тогда скорее поешь...

Дверь скрипнула, и к Рокоссовскому вошел начальник Особого отдела фронта.

— Разрешите? — спросил он, прикрыв за собой дверь.

— Входи, друже. — Командующий фронтом пошел ему навстречу и поздоровался за руку. — Что волнует нашу контрразведку?

— То же, что и вас, товарищ командующий, — улыбнулся начальник Особого отдела. — Когда наконец мы уничтожим немцев в котле. Но я прибыл к вам по конкретному вопросу.

— Садись, Яков Петрович, и рассказывай. — Рокоссовский кивнул на стоявшую рядом скамейку. — Я как раз собрался ехать к генералу Шумилу: давно у него не был. Хочу посмотреть его войска, готовы ли они штурмовать этот самый котел, который всем нам не дает покоя. Так я слушаю...

— Наши люди добыли копию приказа генерал-полковника Паулюса, в котором речь идет об ультиматуме, предлагающем фашистам сдаться без боя, однако они его не приняли. — Яков Петрович вручил Рокоссовскому документ.

— Интересно, с чем обратился к солдатам любимец фюрера, что он требует от них, какие дает рекомендации.

— Приказ сей Паулюс подписал 9 января, и начальник штаба 6-й армии генерал Шмидт распорядился

срочной телеграммой объявить его всему личному составу вплоть до роты включительно, — пояснил Яков Петрович.

Рокоссовский стал читать про себя документ. «Последнее время, — говорилось в нем, — русские предпринимают неоднократные попытки войти в соглашение с армейским командованием или нижестоящими подразделениями. Они хотят различными обещаниями и заверениями сломить нашу волю к сопротивлению. Все мы знаем, что нас ждет, если мы сложим оружие, — продолжал читать командующий. — Большинству из нас грозит неминуемая смерть или от вражеской пули, или от голода и страданий в кошмарном сибирском плену. Ясно одно: кто сдастся в плен, своих близких уже никогда не увидит. Для нас остается одно — бороться до последнего патрона, несмотря на голод и холод...»

— Мудреный и насквозь фальшивый и циничный приказ, — усмехнулся Рокоссовский. — Перевод с немецкого точный?

— Слово в слово, — подтвердил начальник Особого отдела фронта.

— Теперь понятно, почему немецкое командование отвергло наш ультиматум, — грустно помолвил командующий, возвращая листок Якову Петровичу. — Не хотели сдаться без боя, сохранив себе жизнь, — мы заставим их сделать это сокрушительным огнем! Кстати, — продолжал Рокоссовский, взглянув на Якова Петровича, — текст приказа передайте начальнику штаба Малинину, пусть проинформирует от моего имени Генеральный штаб.

Появился адъютант.

— Машина и охрана готовы к отъезду, товарищ командующий! — доложил он.

11

Полдня провел в войсках 64-й армии командующий Донским фронтом и всем, что там увидел, остался доволен. Командарм Шумилов — энергичный, беспокойный, в меру пытливый человек — встретил его радушно, весело: наконец-то и к нему заглянул Рокоссовский, о котором на фронте ходила добрая слава как об умном и волевом военачальнике. С дороги да еще в сильный мороз Шумилов предложил Константину Константиновичу попариться в финской баньке, которую по его проекту соорудили бойцы.

— Да нет уж, Михаил Степанович, давай поработаем, а уж потом и собой займемся. Если можешь, дай, пожалуйста, кружку горячего чая.

— Это можно, — улыбнулся Шумилов. Он вызвал адъютанта и дал ему команду. — Только сделай побыстрее.

Генерал Шумилов доложил Рокоссовскому о ситуации, сложившейся на огневых рубежах 64-й армии, о войсках противника, с которыми ему придется столкнуться, а в заключение коротко, но твердо заявил, что его армия готова к боевым действиям.

Выслушав его, командующий фронтом вопросов не задал, лишь поинтересовался:

— Что-то ты, Михаил Степанович, ничего у меня не просишь?

— Удивляетесь? — Шумилов лукаво повел бровью. При этом его худощавое лицо вытянулось и стало напряженным, даже слегка потемнело, словно командующий спросил у него бог знает что. Но карие глаза гостя смотрели доверчиво, в них затаилась грусть.

— Удивляться тут нечему, но ты задел меня за живое, — серьезно промолвил Рокоссовский. — По натуре ты человек прямой, говоришь правду и вдруг заскромничал.

Теперь на лице командующего армией появилась улыбка.

— А что толку, если я сейчас начну плакаться — танков у меня единицы, орудий половина из того, что мне положено по штату, а «катюш» на одной руке по пальцам можно пересчитать? — усмехнулся Шумилов. — У вас нет резервов, а будь они, вы бы сами мне их дали. У меня расчет на те силы, коими располагаю. А вообще-то я не люблю попрошайничать.

Генерал Шумилов — ветеран Красной армии, и об этом Рокоссовский был осведомлен. В годы Гражданской войны командовал полком, уже тогда в молодом командире проявился военный талант. В советско-финляндскую войну водил в сражение корпус. А когда началась Отечественная война, Шумилов на Северо-Западном фронте возглавил стрелковый корпус, потом стал заместителем командующего 55-й армией, чуть позже — заместителем командарма 21-й, которая участвовала в Смоленском сражении 1941 года. В начале сентября 21-я армия была передана в состав Юго-Западного фронта и принимала участие в Киевской оборонительной операции, вела бои в окружении. После выхода из окружения доукомплектовывалась в районе Ахтырки, в мае участвовала в Харьковском сражении

1942 года. В июле была включена в Сталинградский (с 28 сентября 1942 года — Донской) фронт и участвовала в Сталинградской битве. За боевые заслуги в апреле 1943 года была преобразована в 6-ю гвардейскую армию.

— Побывал я, Константин Константинович, на острых перекосах борьбы с врагом, — усмехнулся генерал Шумилов, рассказывая командующему за чаепитием, что пришлось ему пережить. — А сколько еще придется выстрадать, один Бог знает.

— Мне по душе люди с тяжелой военной судьбой, — признался Рокоссовский. — Хочется им чем-то

помочь. Не всегда, правда, мне это удается, но зато эти люди — моя опора в сражениях. Так что ты, Михаил Степанович, золотой фонд Донского фронта!

Генерал Шумилов еще в августе 1942 года возгласил 64-ю армию, которая вместе с 62-й армией генерала Чуйкова героически обороняла Сталинград. Трудности каждого сражения Михаил Степанович умело преодолевал, хотя эти преодоления — где больше, где меньше — стоили ему немалых сил, да и седин на голове прибавилось, но порукой ему был богатый боевой опыт, глубокие знания военного дела, которые он приобрел еще в те годы, когда в 1929 году окончил курсы «Выстрел». Главное, что импонировало Рокоссовскому в характере генерала Шумилова, — его оптимизм, даже в самых тяжелых боях Михаил Степанович находился на виду у своих войск, бойцы и командиры брали с него пример, учились бить врага беспощадно.

Рокоссовский вместе с командармом побывал в соединениях армии, беседовал с бойцами в окопах и блиндажах. Командующий воочию убедился, что люди настроены по-боевому, они горят желанием скорее уничтожить гитлеровцев в котле. Уж коль они не приняли советский гуманный ультиматум, то теперь пощады им не будет! На Военном совете, в котором принял участие Рокоссовский, командиры соединений в один голос заявили, что их войска выполнят приказ Верховного главнокомандующего о ликвидации котла, чего бы им это ни стоило.

— Главное, товарищи, чтобы эти ваши слова не разошлись с делом, — подчеркнул генерал Рокоссовский, напутствуя командиров на решительную схватку с врагом. — Дело чести каждого из вас — внести свою лепту в победу над фашистами. Подвиг во имя Родины надо поднимать до уровня сердца!.. Может, это и красивые слова, но они суть нашего воинского долга. Еще, — продолжал командующий, — хочу вам, командирам, дать совет: не бойтесь взять на себя ответственность в решении проблем. У меня был такой случай, который произошел в первый день войны — 22 июня 1941 года. Я тогда был командиром механизированного корпуса. Выступая в поход по боевой тревоге, я запретил выдавать командирам и сержантам петлицы и знаки различия защитного цвета. Почему? Командир должен резко выделяться в боевых порядках. Бойцы должны его видеть, и сам он обязан чувствовать, что солдаты его видят и следят за его поведением, душой и волей подравниваются по нему. Это и есть личный пример командира...

Вернулся в штаб фронта Рокоссовский удовлетворенным. Едва снял с себя меховой реглан и сел за рабочий стол, как прибыл представитель Ставки генерал Воронов. В эти дни он тоже работал в войсках, решая вопросы обеспечения Донского фронта артиллерией. Когда надо было, он звонил по ВЧ в Генеральный штаб и «выбивал» боевую технику для войск.

— Ну, как там генерал Чуйков и Шумилов? — осведомился Воронов у Рокоссовского, с которым всегда делился своим мнением, чего ждал и от него. — Выполнят они свои задачи?

Рокоссовский заявил, что такая надежда у него есть.

— Что меня подкупает в этих генералах? — спросил командующий и сам же ответил: — Крепость духа! Посудите сами. С начала сентября, когда немцы вплотную подошли к Сталинграду с запада и с юго-запада, дальнейшая оборона города была возложена на две их армии. И они выстояли, хотя шла борьба почти четыре месяца! Это ли не пример мужества и стойкости! Нет, Николай Николаевич, тот, кто выстоял в ожесточенных боях, будь он солдат или генерал, честь свою никогда не уронит и в сражении не подведет. Смерть цепляет его за пятки, а он рвется вперед и побеждает.

Генерал Воронов в знак согласия кивнул.

— Ты прав, Костя, но на фронте порой возникает такая ситуация, что не сразу найдешь выход и даже бывалому вояке приходится круто, — вздохнул Воронов. — В профессии военного человека есть первая

ступенька, но нет последней. Слышал, наверное?

— А то как же! Сегодня ты узнал что-то новое, но, как бы ни старался, все знать не будешь, выход один — учиться военному делу всю свою жизнь. Иначе удачи не видать, — добавил Рокоссовский с добродушной улыбкой на веселом лице. Он перевел разговор на другое: — Я хотел бы после ужина собрать руководящий состав фронта и подвести итоги нашей подготовки к операции. Вы сможете принять участие?

— Если надо, я готов, для чего Ставка и обязала меня курировать действия войск Донского фронта, — улыбнулся Воронов. — Я, разумеется, тебе доверяю, Костя, но долг превыше всего. Ведь и ты можешь что-то недосмотреть, ошибиться...

Вечером 9 января генерал Рокоссовский стал собираться в дорогу. Он был слегка взволнован и задумчив, это заметил генерал Воронов.

— Куда вы едете, Константин Константинович? — спросил представитель Ставки официальным тоном.

— К генералу Батову, — ответил командующий фронтом. — Хочу посмотреть, как его 65-я армия будет наносить главный удар. Приглашаю и вас поехать, если желаете.

— Согласен! — Воронов начал одеваться. — Батов интересный командарм, у него есть чему поучиться молодым командирам, да и нам, старикам, не грех перенять боевой опыт.

Рокоссовский, Воронов и начальник артиллерии фронта генерал Казаков выехали в штаб 65-й армии на двух машинах: в первой находилось руководство, во второй — охрана. Вечер выдался морозным, дул ветер, а вскоре пошел снег. Дорога вся в ухабах, машины бросало из стороны в сторону.

— Не растрясет нас, пока мы доберемся до Батова? — шутливым тоном спросил Воронов, глядя на Рокоссовского, который сидел за его спиной.

— Дальше дорога ровная и качать не будет, — улыбнулся командующий. — Не в танке же к Батову ехать? В снежном поле не встретишь ни одного фрица, не то что роту или взвод солдат.

Машины въехали во двор штаба, когда над снежной степью опустилась ночь. К этому времени войска Донского фронта уже заняли исходное положение. Вокруг тишина, и лишь в глубине обороны противника то и дело появлялись яркие вспышки и озарялась часть темного неба.

— Это дальняя авиация генерала Голованова бомбит вражеские аэродромы, войска и военные объекты, — пояснил генерал Батов, тепло встретив старших начальников. Он был одет в теплый полушубок, на груди висел бинокль, по его напряженному лицу было видно, что он тоже волнуется, хотя старается не подать виду.

На наблюдательный пункт Батова позвонил генерал авиации Руденко и доложил о том, что поднял в воздух несколько самолетов, чтобы выявить зенитную оборону немцев, а штурмовики уже начали бомбить войска противника, его артиллерию.

— Моя 16-я воздушная армия настроена по-боевому, товарищ командующий, — сказал генерал авиации Руденко. — Как только войска пойдут в наступление, я подниму на крыло все самолеты, чтобы надежно прикрыть их с воздуха. Хорошо, что перестал сыпать снег, не то создал бы нам помехи в работе.

— Действуй во всю мощь, Сергей Игнатьевич, — одобрил Рокоссовский. — У вас опыта в этом деле дай бог каждому летчику. — Он взглянул на часы: — Скоро дадим сигнал и войска ринутся в атаку.

Напряжение у всех, кто находился на наблюдательном пункте армии, возрастало. Рокоссовский уже не раз водил свои войска в бой, казалось, мог бы уже привыкнуть и не поддаваться переживаниям, но такая беспокойная была у него натура. Даже внешне невозмутимый генерал Воронов, заметив, как

волнуется командующий, поспешил его успокоить.

— Костя, ты ведешь себя, как барышня перед свиданием, — места себе не находишь, — сказал Николай Николаевич, и добродушная улыбка тронула его губы.

Сердце у Рокоссовского заныло.

— В своих людей я верю, они будут сражаться до последнего, — ответил он. — Но немцы тоже умеют воевать, и потому у нас будут потери — вот это и не дает мне покоя.

— Без потерь сражения не бывает, — слегка повысив голос, возразил Воронов.

— Я вот о чем подумал, Николай Николаевич, — повеселел Рокоссовский. — Мало у меня пехоты, так что вся надежда на артиллерию. Она должна пробить брешь в обороне врага, а пехота поможет нам закрепить захваченный рубеж.

— Правильно подумал, Костя, — согласился с ним Воронов. — Артиллерии у тебя немало, так что есть чем бить фашистов. И не переживай, зажми нервы в кулак, — смеясь, добавил генерал.

А ночь постепенно таяла. Горизонт уже посветлел, небо их темно-серого стало светло-голубым.

— Кажется, нам пора начинать, — обронил генерал Батов, глядя на Рокоссовского.

Командующий взглянул на часы — пять минут девятого.

— Пора, Павел Иванович! — резко бросил он.

Небо прочертили сигнальные ракеты. И тотчас вся артиллерия фронта, минометы и гвардейские реактивные установки — «катюши» — открыли огонь. Над морозным заснеженным полем пронесся протяжный гул, казалось, что все вокруг пришло в движение. Залп следовал за залпом. Глухо раздавались команды у артиллерийских установок. В бинокль Рокоссовский видел, как далеко впереди, там, где находились вражеские боевые порядки, снаряды и мины, взрываясь, вспахивали землю. Командующий фронтом подозвал к себе начальника артиллерии генерала Казакова.

— Долго артиллеристы будут вести огонь? — спросил он.

— Пятьдесят пять минут, как и условились на Военном совете, — ответил генерал. — Снарядов у нас припасено достаточно. После этого артиллеристы перейдут на сопровождение огнем нашей пехоты, атаковавшей вместе с танками позиции врага. Атаке будет содействовать и наша авиация с воздуха.

По докладам из войск стало ясно, что в результате мощного удара нашей артиллерии и авиации вражеская оборона на ряде направлений была подавлена на всю глубину.

— Как у вас дела, Павел Иванович? — осведомился Рокоссовский у Батова, едва тот появился у штабного стола.

— Пехота с трудом преодолевает укрепления немцев, — ответил Батов.

— Тяжело, Павел Иванович, но иного выхода у нас нет, так что нажимай, дружище, — попросил его Рокоссовский. — Вгрызайся в немецкую оборону как можно глубже. Понял, да?

— К исходу дня километра на три продвинемся вперед, — заверил генерал Батов.

Так оно и получилось. На всем участке фронта протяженностью 12 километров соединения генерала Батова продвинулись в глубину на 5–6 километров. Местами противник вводил в бой свои полковые и дивизионные резервы, бросая их в контратаки при поддержке танков. «Мы видели, с каким трудом пехота 65-й армии преодолевает укрепления врага. И все же, сопровождаемая отдельными танками и орудиями прямой наводки, находившимися в ее боевых порядках, она продвигалась вперед. Бой принимал затяжной

характер, — отмечал Рокоссовский, — нашим войскам приходилось буквально прогрызать вражескую оборону. Огонь противника все усиливался. Нам, наблюдавшим за боем, несколько раз пришлось менять место, спасаясь от вражеских минометов, а дважды мы попали даже под пулеметный огонь. Но, несмотря на упорное сопротивление гитлеровцев, к исходу дня соединения 65-й армии на всем 12-километровом участке фронта сумели вклиниться во вражескую оборону на глубину до 5 километров».

Бои проходили затяжные и решительные. Приходилось на ходу производить перегруппировку войск, сосредотачивая большие силы артиллерии, танков и пехоты то на одном участке фронта, то на другом. И тут неоценимую помощь Рокоссовскому оказывал представитель Ставки генерал Воронов.

Наконец утром 26 января 51-я и 52-я гвардейские дивизии и 121-я танковая бригада 21-й армии в районе поселка Красный Октябрь и на скатах Мамаева кургана соединились с 13-й гвардейской и 284-й стрелковой дивизиями 62-й армии, наступавшими из города.

«На рассвете с наблюдательного пункта сообщили: гитлеровцы в панике мечутся, слышен грохот машин, показались люди в красноармейской форме, — вспоминал Чуйков встречу 62-й армии с частями армий 65-й генерала Батова и 21-й армии генерала Чистякова, наступавшими с запада. — Видны тяжелые танки. На броне надписи: «Челябинский колхозник», «Уральский металлист». Гвардейцы дивизий Родимцева, Гурьева, Батюка и других с красным флагом побежали вперед. Эта радостная, волнующая встреча состоялась в 9 часов 20 минут утра в районе поселка Красный Октябрь. Капитан А. Ф. Гуцин вручил представителям частей армии Батюка знамя, на алом полотнище которого было написано: «В знак встречи 26.I.1943 года».

У суровых, выдавших виды воинов сверкали на глазах слезы радости.

Гвардии капитан Усенко доложил генералу Родимцеву, что знамя от его прославленных гвардейцев принято.

— Передайте своему командиру, — сказал генерал Родимцев, — что у нас сегодня счастливый день: после пяти месяцев тяжелой и упорной борьбы мы встретились!

Окруженная группировка врага была расчленена на две части. Теперь предстояло уничтожить обе эти части, к чему и приступит Донской фронт. Но прежде следовало узнать, какими силами располагает противник.

Рокоссовский сидел за столом, перед ним лежала оперативная карта, на которую начальник штаба генерал Калинин наносил расположение немецких войск. К ним зашел представитель Ставки генерал Воронов, уходящий на узел связи, чтобы позвонить по ВЧ в Москву. Он устало присел рядом с командующим фронтом.

— Ну как, Константин Константинович, узнала наша разведка, каковы вражеские силы? — спросил Воронов, ладонью приглаживая волосы.

Рокоссовский дал ему положительный ответ и пояснил: в южной группе войск наши 21, 57 и 64-я армии зажали в кольцо 6 пехотных, две моторизованных и одну кавалерийскую дивизии; в северной группе 65, 66 и 62-я армии локализовали и держат под прицелом 3 танковые, 1 моторизованную и 8 пехотных дивизий. Все эти войска противника изрядно потрепаны в прошедших боях, но они еще достаточно сильны, чтобы оказать упорное сопротивление.

— Сведения точны? — вновь спросил Воронов.

— Безусловно, — ответил Рокоссовский. — Эти цифры назвали и пленные немецкие офицеры на допросах. Генерал Калинин может это подтвердить, он тоже допрашивал пленного штабного офицера.

— Свидетельствую, что это так, — улыбнулся генерал. — Кстати, южной группой войск противника

командует генерал Росске (как позже выяснилось, в этой южной группе гитлеровских войск находились генерал Паулюс и его штаб во главе с генералом Шмидтом), северную возглавил генерал пехоты Штреккер.

Генерал Воронов молчал. Он о чем-то задумался, потом, глядя на Рокоссовского, произнес:

— Послушай, Костя, а не предъявить ли снова немцам ультиматум о сдаче в плен? Небось после наших атак их боевой пыл поубавился. Что скажешь?

Рокоссовский небрежно бросил:

— А надо ли это делать? Только нервы себе трепать. Если бы они хотели сдаться, то давно дали бы нам знать. Нет, Николай Николаевич, теперь их нужно бить! Перегруппируем свои силы, дадим против генерала Штреккера больше артиллерии, наши «катюши» споют им песенку, и дело сдвинется с мертвой точки.

«Не желает зря терять время, — подумал Воронов о Рокоссовском. — Будь я на его месте, пожалуй, тоже так поступил». А вслух сказал необычно жестко:

— Ты прав, Костя, давай готовить удар. Надо задействовать как можно больше артиллерии и штурмовой авиации. Погода морозная, снег не идет, так что есть возможность летунам развернуться в полную силу и сыпануть по фрицам сотнями бомб. Какая из вражеских групп сильнее, южная или северная?

— В южной десять дивизий, а в северной одиннадцать, — подсчитал генерал Малинин. — В северной группе, правда, более опытный генерал пехоты Штреккер.

— По Штреккеру и следует крепко ударить, — заметил генерал Воронов.

Рокоссовский согласился с ним, однако спросил о другом: удалось ли ему переговорить со Ставкой?

— Нет. Сталин был очень занят, Поскребышев предложил позвонить позже. Но, подумав, я решил верховного не беспокоить: котел-то мы еще не разбили, лишь разделили его на две части. Спросит верховный, а что ему отвечу?

— Логично! — повеселевшим голосом произнес Рокоссовский и взглянул на Малинина: — Как ты предполагаешь, где находится генерал Паулюс?

— Там, где и его штаб, — в южной группе, она ведь почти вся в центре Сталинграда. А что тебя тревожит?

— По южной и ударим, чтобы покончить с ней, а заодно и генерала Паулюса взять в плен, если его свои фашисты не убьют. — Рокоссовский достал папиросы и закурил.

— Резон есть, — поддержал его генерал Воронов.

Так и сделали. Удар по южной группе вражеских войск был нанесен с юго-запада и северо-запада. Противник потерпел тяжелое поражение, и 31 января, едва утихли орудийные залпы и залпы реактивной артиллерии, гитлеровцы целыми группами начали сдаваться в плен, выставив из разбитых зданий куски белой материи.

Неожиданно на КП позвонил командующий 64-й армией генерал Шумилов. Он сообщил о том, что разведчики установили, где пребывает генерал Паулюс.

— Где, Михаил Степанович? — спросил командующий фронтом.

— В центре города, в подвале универсама!

— Кто вам сообщил об этом? — не унимался Рокоссовский.

— Я получил донесение от командира 38-й бригады полковника Бурмакова, — объяснил командарм. — Только сейчас мне вновь звонил комбриг. Он сказал, что его люди во главе с заместителем начальника штаба бригады старшим лейтенантом Федором Ильченко уже находятся в подвале универмага и ведут переговоры с немцами. По его словам, немецкое командование готово пойти на капитуляцию, однако оно согласно вести переговоры с представителем Донского фронта. Бурмаков просит указаний на этот счет. Я срочно послал туда начальника штаба армии генерала Ласкина Ивана Андреевича. Это бывалый командир, и я уверен, что свою миссию он выполнит с честью.

Выслушав командарма, Рокоссовский приказал ему с этой минуты держать его в курсе переговоров, а как только Паулюс будет взят в плен, срочно дать знать на КП фронта.

— Михаил Степанович, ваши люди ведут с немцами переговоры о капитуляции, а я ничего не знаю, — недовольным голосом произнес Рокоссовский. — Так дело не пойдет. Прошу учесть на будущее.

— Виноват, товарищ командующий, я ждал конечного результата, а уж потом доложил бы вам, но... — Генерал на минуту утих. — Я постараюсь сделать все, чтобы генерал Паулюс уже сегодня был у вас не допросе.

— Не торопись, делай все, как надо, а главное — береги людей, которые находятся в логове фашистов и ведут с ними переговоры, — предупредил командарма Рокоссовский.

— Ваши указания, товарищ командующий, принимаю к исполнению! — глухо зазвучал в трубке голос командарма.

Обо всем, что произошло в последние минуты, и о беседе с командармом Шумиловым Рокоссовский проинформировал генерала Воронова, когда тот вернулся из танковой дивизии. Воронов всецело одобрил его действия.

— Если мы пленим генерала Паулюса, то немцы вряд ли будут продолжать сопротивляться, — сказал представитель Ставки.

— Хотелось бы в это верить, но северная группа войск противника пока оружия не сложила, — грустно вздохнул командующий фронтом. — И отдаст ли приказ своим подчиненным генерал Паулюс, чтобы его отпрыски сдались? Генерал Калинин в этом сомневается, да и я колеблюсь.

Генерала Воронова слегка задела за живое его слова, но по характеру он был человеком выдержанным, никогда не «нажимал» на эмоции, старался убедить собеседника в своей правоте, и, даже если это не удавалось, он не чувствовал себя разочарованным, лишь говорил: «Ну что же, поживем-увидим». Но сейчас он не произнес и этих слов, сказал просто, будто речь шла о самом обыденном деле:

— Если генерал Паулюс этого не сделает, будет хуже не нам в первую очередь, а его голодным солдатам. — Помолчав, он добавил: — Мне недавно генерал Еременко сообщил, что у Паулюса было несколько сотен лошадей и всех их поели голодные немцы. Гитлер обещал своему выкормышу снабжать армию в кольце всем необходимыми с воздуха, но, когда сюда стали прилетать немецкие транспортные самолеты и сбрасывать в котел продовольствие и боеприпасы, авиация Сталинградского фронта начала беспощадно сбивать их. Теперь же в это место не прорвется ни один транспортный самолет врага. А ведь фюрер кричал на весь мир, что выручит из котла свою лучшую армию и ее «доблестных рыцарей». И что из этого получилось? Пшик! Даже лучший полководец фюрера потерпел поражение, когда вдруг решился выручить из котла своего друга.

— Да, фельдмаршалу Манштейну мы крепко дали по зубам, — улыбнулся Рокоссовский.

Звонок командарма Шумилова, однако, вывел его из равновесия. Теперь в голову лезли всякие мысли, одна острее другой. Удастся ли захватить генерала Паулюса живым? Никто из наших на фронте его

не видел, и немцы могут его кем-то подменить — что тогда? Наконец, не попытаются ли немцы выкрасть его из Сталинграда? Пока идут переговоры, верные люди Паулюса упрячут его подальше. История знает такие примеры. «Кажется, и я тут не все сделал, — корил себя Константин Константинович. — Нужно было распорядиться, чтобы генерал Шумилов послал в злосчастный подвал универмага более надежных людей... Хоть бы все прошло, как надо, и Паулюс оказался бы в наших руках. Но Шумилов что-то молчит, значит, генерала еще не взяли».

Рокоссовский то и дело бросал косые взгляды на телефон, стоявший у него на рабочем столе: по нему можно было звонить прямо в штаб 64-й армии, в Бекетовку, где размещался командарм. Генерал Воронов сидел за столом и что-то разглядывал на оперативной карте. Он давно заметил, что командующий фронтом крайне напряжен, задумчив и молчалив. Конечно, представитель Ставки понимал, что Рокоссовскому было о чем задуматься, но не в такой степени. Даже не стал ужинать, бросив адъютанту короткую фразу, «Потом, у меня дела...»

Воронов молчал-молчал и не выдержал.

— Что тебя мучает, Костя? — спросил он с легкой усмешкой на худощавом лице. Брови у генерал дергались, будто и сам он был чем-то встревожен.

— Генерал Паулюс не выходит у меня из головы, — признался Рокоссовский. — Не попадет он в наши руки живым или в него пустит пулю какой-нибудь фашист, которому не по душе плен, — что тогда? Сталин наверняка скажет, мол, растяпы, упустили такую добычу, а мне не хотелось бы это слышать.

— Не хитри, Костя, ты просто боишься его, — не удержался Воронов, пощипывая длинными пальцами подбородок. — Да, порой верховный крут. Правда, от него мне еще не попадало, но полагаю, что и тебе не попадет — верховный тебя уважает, хотя, если вдруг с Паулюсом случится беда, нам обоим достанется под самую завязку. Кстати, ты ждешь звонка от Шумилова?

— Угадал, Николай Николаевич, — усмехнулся Рокоссовский.

— А ты сам позвони ему, узнай, какая там ситуация с капитуляцией Паулюса.

— Пожалуй, я так и сделаю.

Командующий фронтом дал звонок непосредственно генералу Шумилову. Тот был на месте и взял трубку.

— Как дела у генерала Ласкина?

— Пока он на связь не вышел, но мне сообщили, что он прибыл в расположение, — ответил командарм. Видимо, по голосу он определил, что Рокоссовский волнуется, поэтому торопливо добавил: — Я жду от Ласкина доклада. Как только Паулюс капитулирует, тут же дам вам знать.

— Хорошо, Михаил Степанович, я жду!

«Что-то они слишком возятся с этим фрицем», — выругался в душе Рокоссовский.

К нему в комнату вошел адъютант и сообщил, что стол накрыт.

— Николай Николаевич! — окликнул Рокоссовский представителя Ставки. — Вас приглашают на завтрак, а я поем чуть позже.

— Вместе пойдем, я тебя подожду...

Воронов не договорил — на столе у Рокоссовского заворчал телефон. Наконец-то комфронт услышал от генерала Шумилова то, что хотел и так долго ждал:

— Товарищ командующий. Генерал Паулюс сдался!

— Кого еще взяли из больших чинов? — спросил Рокоссовский.

— Начальника штаба генерала Шмидта и адъютанта Паулюса полковника Вильгельма Адама, — громко звучал в трубке голос командарма Шумилова. — Одну минуту, товарищ командующий фронтом, мне снова звонит генерал Ласкин по другому телефону...

«Что там у него случилось, не убежал ли генерал Паулюс?» — усмехнулся в душе Рокоссовский. Но он вновь услышал голос Шумилова.

— Что у тебя, Михаил Степанович? Есть хорошая новость? Ну-ну, скажи!.. Гитлер присвоил Паулюсу звание фельдмаршала? Да неужто! — воскликнул Рокоссовский. — Ну и птица к нам в руки попала! Такого чина русская армия в плен еще не брала за всю свою историю. Давай их сюда на КП! Что?.. Понял: прежде дашь им выпить чаю, а уж потом пошлешь ко мне. Ну что ж, не возражаю, не то еще там подсунут не Паулюса, а какого-нибудь генерала-замухрышку.

Положив трубку, Рокоссовский взглянул на генерала Воронова:

— Сегодня, 31 января 1943 года, Адольф Гитлер присвоил Паулюсу звание фельдмаршала! Побитый генерал-полковник вдруг становится фельдмаршалом — невероятно, но факт, а?!

— Наверное, фюрер решил поддержать своего полководца в роковую для него минуту, — промолвил Воронов. — Но я думаю, что мы с тобой, Костя, возражать не будем.

Рокоссовский засмеялся. Шутка представителя Ставки пришлась ему по душе.

(Адъютант Гитлера полковник Вильгельм Адам в своей книге «Катастрофа на Волге» так описал этот волнующий для Паулюса эпизод: «31 января 1943 года, 7 часов утра. Медленно наступил тусклый рассвет. Паулюс проснулся. Вошел начальник штаба (генерал Шмидт). Он подал генерал-полковнику лист бумаги и сказал:

— Поздравляю вас с производством в фельдмаршалы. Это последняя радиограмма, она пришла рано утром.

— Должно быть, это приглашение к самоубийству. Но я не доставлю им этого удовольствия, — сказал Паулюс, прочитав бумагу». — А.З.)

Как же пленили фельдмаршала Паулюса? До прибытия генерала Ласкина никто из наших людей, пришедших в подвал универсама, к Паулюсу допущен не был. Наконец генерал Ласкин прибыл, о чем было доложено начальнику штаба генералу Шмидту. Тот приказал, чтобы Ласкина пропустили в комнату, где находились немцы, на плечах многих из них блестели офицерские погоны. «Всмотревшись в глубину комнаты, — вспоминал генерал Ласкин, — мы увидели человек пятнадцать гитлеровских солдат, сидевших на полу вдоль стен с телефонными аппаратами. Некоторые из них вели негромко телефонные переговоры. На полу вразброс лежали чемоданы, котелки и каски.

Поняв, что мы вошли в комнату какого-то большого начальника, я подошел поближе к столу и подал команду:

— Встать, руки вверх!

Находившиеся у стола офицеры встали и застыли. Но руки подняли лишь некоторые из них. Изможденные лица, напряженно выжидающие глаза. А большинство гитлеровцев, находившихся в глубине комнаты, команду вовсе не выполнили. Видимо, не слышали или не поняли ее. Поэтому я вторично скомандовал, но уже в более резкой форме. Так как справа и слева от меня на гитлеровцев были направлены стволы автоматов двух наших адъютантов, они поняли, с кем имеют дело, и все быстро вскочили с мест, замерли, подняв руки. Стоявший за столом немецкий генерал щелкнул каблуками и,

приложив руку к козырьку, представился:

— Генерал-лейтенант Шмидт, начальник штаба 6-й армии.

— Генерал-майор Ласкин, официальный ответственный представитель советского командования, — назвал я себя. — Уполномочен принять капитуляцию немецких войск... Где сейчас находится господин Паулюс? — спросил я Шмидта.

— Паулюс находился в другой комнате этого подвала, — ответил Шмидт и сказал, что ему присвоен чин фельдмаршала и что в данное время состояние его здоровья неважное...»

Как ни мудрил генерал Шмидт, он был вынужден доложить фельдмаршалу Паулюсу о прибытии генерала Ласкина с целью принять капитуляцию 6-й армии, что и было сделано. Наши бойцы и командиры стали разоружать немецкие войска, брать их в плен, а фельдмаршалу Паулюсу, генерал-лейтенанту Шмидту и адъютанту полковнику Адаму генерал Ласкин предложил следовать за ним в штаб 64-й арии.

Когда все вышли из подвала во двор универмага, немецкой охраны здесь уже не было. Ее обезоружили и пленили наши бойцы. Эту операцию полковник Бурмаков возложил на старшего лейтенанта Федора Ильченко. Теперь весь двор был заполнен подошедшими сюда солдатами и офицерами. Генерал Ласкин свидетельствует:

«Паулюс, увидев в непосредственной близости советских бойцов, слегка кивнул им. Красноармейцы ликовали, во дворе гремело наше могучее русское «ура». Не передать то волнение, ту радость, которую испытывали все мы, глядя на наших воинов. Их ликование легко понять. Тяжелые дороги отступления, горечь утрат, невероятные испытания — все выдержали наши люди. И именно они сбили спесь с гитлеровцев, считавших себя непобедимыми. Каждый из них, участвуя в разоружении немцев, видя перед собой гитлеровского фельдмаршала, мог по праву считать себя участником его пленения.

К этому времени во двор универмага были поданы машины. Генерал Шмидт должен был следовать с полковником Луниным, полковник Адам — на втором грузовике, а Паулюсу я предложил сесть в легковую машину со мной. Бледный, с неподвижным лицом, он кивнул головой и пошел к машине...»

12

В полдень машины въехали в Бекетовку и остановились у домика, в котором находился командарм генерал Шумилов. Он встретил генерала Ласкина и распорядился, чтобы всех приехавших ввели в штаб, что тот и сделал. Выстроив пленных в одну шеренгу, Ласкин доложил командарму, что его задание выполнено.

— Я принял капитуляцию южной группы немецких войск, а также пленил командующего 6-й армии генерала Паулюса и его штаб. — Голос у Ласкина был громкий, по лицу пробежала улыбка. — Командование немецкой армии не согласилось отдать приказ генералу Штреккеру о капитуляции войск северной группы.

Генерал Шумилов подошел к Паулюсу. Тот вскинул руку к головному убору и по-русски отчетливо произнес:

— Фельдмаршал германской армии Фридрих Паулюс сдался в плен войскам Красной армии! — Вид у него был растерянный, на левой половине изможденного лица нервный тик.

Генерал Шмидт стоял рядом, а когда Шумилов бросил на него пристальный взгляд, поспешил назвать себя:

— Начальник штаба 64-й немецкой армии генерал-лейтенант Шмидт!

В штабе 64-й армии кроме командарма находились заместитель командующего Донским фронтом генерал Трубников и первый секретарь Сталинградского горкома и обкома ВКП(б) член Военного совета фронта Чуюнов. Они молча с интересом разглядывали пленников. Командарм Шумилов предложил пленным раздеться. Полковник Адам взял у них шинели и положил их на скамейку в углу комнаты.

— Господин фельдмаршал, господа генералы, — громко сказал Шумилов, — вас пленили войска 64-й армии, которые сражались с вашей 6-й и 4-й танковой армиями начиная от Дона, Аксая, а затем и в Сталинграде. Вы пытались нас окружить и разбить, но окружили и разбили мы вас... Прошу садиться.

Шумилов потребовал от Паулюса документы, удостоверяющие, что он командующий 6-й немецкой армией. Паулюс молча отдал ему солдатскую книжку.

— А есть ли документ, подтверждающий, что вы произведены в фельдмаршалы? — спросил генерал Шумилов.

— Приказ фюрера был получен по радио сегодня, 31 января, в 7 часов утра, — ответил Паулюс. — Это может засвидетельствовать начальник штаба генерал Шмидт.

Шмидт закивал, подтверждая слова своего командующего.

Допрос продолжался.

— Советское командование гарантирует вам жизнь и безопасность, а также сохранность мундира и орденов, — сказал Шумилов.

Лицо Паулюса оживилось, глаза заблестели.

— А теперь, — вновь заговорил командарм Шумилов, обращаясь к пленным, — я приглашаю вас отобедать, затем вас доставят в штаб Донского фронта.

— Яволь! — сорвалось с уст фельдмаршала Паулюса.

«Генерал Шумилов открыл дверь в сени, где хозяйничала пожилая женщина, — пишет бывший адъютант фельдмаршала полковник Адам. — На табуретках стояли тазы с горячей водой и лежали куски

настоящего мыла, которого мы давно уже не видели. Молодая девушка подала каждому белое полотенце. Умывание было просто блаженством. В течение многих дней мы лишь кое-как оттирали грязь с лица и рук, пользуясь талым снегом. После этого нас попросили пройти в соседнюю комнату. Там стоял стол со множеством разных блюд...

Шумилов заметил:

— Мне было бы намного приятнее, если бы мы познакомились при других обстоятельствах, если бы я мог приветствовать вас здесь как гостей, а не как военнопленных.

Налили водки всем из одной бутылки. Генерал попросил нас выпить с ним за победоносную Красную армию. В ответ на это мы продолжали сидеть неподвижно. После того как переводчик тихо сказал ему несколько слов, Шумилов улыбнулся:

— Я не хотел вас обидеть. Выпьем за обоих отважных противников, которые боролись в Сталинграде!

Теперь Паулюс, Шмидт и я тоже подняли рюмки. Вскоре водка, выпитая на пустой желудок, начала действовать. У меня слегка закружилась голова. Однако это прекратилось, когда я маленькими кусочками съел бутерброд. Паулюс и Шмидт тоже принялись за еду».

Вечером фельдмаршал Паулюс был доставлен в штаб фронта. В помещение, куда ввели именитого военнопленного, находились генерал Рокоссовский, представитель Ставки Верховного главнокомандования генерал Воронов и переводчик.

«Мы увидели высокого, худощавого и довольно стройного, в полевой форме генерала (Гитлер не успел прислать Паулюсу форму и погоны фельдмаршала. — А.З.), остановившегося навтытяжку перед нами, — отмечал Рокоссовский. — Мы пригласили его присесть к столу. На столе у нас были сигареты и папиросы. Я предложил их фельдмаршалу, закурил и сам (Николай Николаевич не курил). Пригласили выпить стакан горячего чая. Он охотно согласился.

Наша беседа не носила характер допроса. Это был разговор на текущие темы, главным образом о положении военнопленных солдат и офицеров. В самом начале фельдмаршал высказал надежду, что мы не заставим его отвечать на вопросы, которые вели бы к нарушению присяги. Мы обещали таких вопросов не касаться. К концу беседы предложили Паулюсу дать распоряжение подчиненным ему войскам, находившимся в северной группе, о прекращении бесцельного сопротивления. Он уклонился от этого, сославшись на то, что он, как военнопленный, не имеет права давать такое распоряжение...»

Даже после пленения фельдмаршала Паулюса северная группа немецких войск не сложила оружие, и командующий Донским фронтом генерал Рокоссовский стал готовить войска, чтобы нанести мощный удар по этой группе врага. Едва Паулюса повезли в штаб фронта, Рокоссовский отправился на командный пункт командарма Батова. Павел Иванович, отвечая на его рукопожатие, с улыбкой на добродушном лице сказал:

— Вы так часто бываете у нас, Константин Константинович, что пора поставить вас на все виды довольствия в штат моей 65-й армии.

Шутка командарма пришлась Рокоссовскому по душе, однако он заметил:

— Как же мне без вас, Павел Иванович? Ведь вы у нас ударная сила фронта — гордитесь! — И, не дождавшись ответа, добавил: — Немцы северной группы не капитулировали, так что теперь надо силой заставить их сложить оружие. Твои орлы к нанесению удара готовы? Или у тебя, Павел Иванович, нет танков?

— Зато у него, товарищ командующий, больше, чем у кого-либо, артиллерии, — улыбнулся Казаков.

— Есть у него и танки, — вставил командующий бронетанковыми и механизированными войсками генерал Орел.

— А я и не жалею, — качнул головой генерал Батов. — Есть у нас и орудия, и танки, есть боевой опыт, так что в грязь лицом не ударим. — Он с минуту помолчал, потом вновь заговорил, и в его слегка охрипшем голосе Рокоссовский уловил обиду: — Вот вы беседовали с фельдмаршалом Паулюсом, а я даже не видел его. Небось нос держал кверху: как же так, ведь он важная птица рейха!

— Был важной, Павел Иванович, — усмехнулся Рокоссовский. — А сейчас вроде драчливого петуха, да и то без шпор.

Генерал Казаков добавил:

— Фельдмаршал Паулюс поначалу даже чай не пил, боялся, что его отравят.

— Своя шкура ему дороже, — едко заметил командарм Батов. — А своих солдат не жалеет: путь, мол, сражаются до конца.

— Вот что, командарм, — перевел разговор на другое Рокоссовский, — все делай так, чтобы в предстоящем бою наши войска понесли как можно меньше потерь. То же самое я скажу командармам генералам Чуйкову и Жадову. К нанесению ударов они, наверное, уже готовы. Люди они опытные, знают, что и как делать. Но душа у меня и за них болит.

Но Рокоссовский зря волновался. И Чуйков, и Жадов бодро доложили, что их войска в готовности, ждут лишь приказа.

— Начнем утром, — предупредил их командующий фронтом. — Прошу привлечь к нанесению ударов всю свою артиллерию. Авиация 16-й воздушной армии будет вас прикрывать.

— Вас понял, — бодро отрапортовал по телефону Чуйков.

— Будет исполнено! — заверил командарм 66-й генерал Жадов.

На рассвете Рокоссовский и сопровождавшие его генералы прибыли на наблюдательный пункт 65-й армии. Генерал Батов был уже здесь. С железнодорожной насыпи, где разместился НП, в бинокль командарм осматривал местность. Вокруг тишина, словно и не было войны. Но наступило утро 1 февраля, и огненная буря обрушилась на позиции врага. С наблюдательного пункта Рокоссовский прекрасно видел, как передний край противника, его оборонительные позиции накрыл шквал огня и металла. Снаряды и мины взметнули кверху пласты земли, и все окрест заволочло дымом. Немцы выскакивали из окопов и тут же падали замертво от пуль и осколков. Рокоссовский радовался тому, как наши люди метко разили фашистов. А в глубине их обороны по огненным позициям наносила бомбовые удары авиация... И вот уже над дымящейся землей затрепетали белые флаги.

— Сдается враг, товарищ командующий фронтом! — раздались сразу несколько голосов на ПН фронта.

— А что фрицам остается делать? — усмехнулся Рокоссовский. — Хотят жить, потому и сдаются на милость победителя!..

На другой день сражения утром немцы стали капитулировать в массовом порядке. Окруженная группировка была разбита. Великая битва на Волге закончилась. «Вчерашние враги теперь стояли перед нами безоружные, подавленные, — отмечал Рокоссовский. — В глазах одних — отрешенность и страх, у других — уже проблески надежды». Среди пленных под Сталинградом оказалось 24 генерала во главе с фельдмаршалом.

«Ну вот теперь я смело могу доложить товарищу Сталину, что операция «Кольцо» завершена, в плен

взято свыше 90 тысяч солдат и офицеров и большие трофеи», — подумал Рокоссовский. Написав донесение в Ставку, он предложил генералу Воронову поставить под ним и свою подпись.

— Я не откажусь, — улыбнулся Воронов.

А через два дня, 4 февраля, обоих вызвала Москва. Днем приземлились на Центральном аэродроме и прямо оттуда прибыли в Кремль. Войдя в большой кабинет, остановились в нерешительности. «В это время из противоположной двери, ведущей, как видно, во второй маленький кабинет, вышел Сталин, — рассказывал Рокоссовский. — Увидел нас и бросился навстречу, не пошел, не поспешил, а побежал. Подбежав плотную, Сталин схватил мою руку, двумя руками сжал ее и, улыбаясь, с кавказским акцентом, который от волнения был заметнее обычного, сказал: «Харашо, харашо, замечательно у вас получилось».

Затем началась беседа, ради чего Рокоссовский и был вызван в Ставку. Сталин высказал некоторые соображения о будущем развитии боевых действий. Донской фронт переименовывался в Центральный фронт.

— Вам, товарищ Рокоссовский, надлежит в спешном порядке передислоцироваться в район Ельца, — произнес верховный. — Из-под Сталинграда туда же будут переброшены 21, 65 и 16-я воздушная армии, а также ряд соединений и частей из резерва Ставки. Войскам нового фронта предстоит развернуться между Брянским и Воронежским фронтами. Теперь для вас становится важным Курское направление... Так что возвращайтесь в Сталинград и приступайте к перевозке войск, техники и тылов в район сосредоточения...

Все дни после отъезда Оксаны в Москву майор Бурлак ходил сам не свой: где бы он ни был, что бы ни делал, ему как наяву виделась Оксана, ее искристые глаза и теплая улыбка. Порой ему чудился ее певучий голос, казалось, что она где-то рядом. Но пелена с глаз майора исчезала, и его чувства и мысли обретали реальность. А однажды с ним случился конфуз. Ранним утром он сидел в блиндаже и писал отчет о проведенном учении своей танковой бригады по разгрому засевшего в окопах противника. Неожиданно к нему вошел комдив.

— Что делаешь, комбриг? — спросил генерал, присаживаясь к столу. — Взгляд его упал на стенку, где булавкой была приколот фотокарточка Оксаны. — Чего это вдруг медсестра из санбатальона красуется у тебя над столом? — поинтересовался комдив. — Это же Оксана, она как-то ставила мне капельницу. Помнишь, в ноябре я чертовски простыл и у меня была высокая температура?

— Помню, Василий Сергеевич, вы тогда поручили мне подписать ведомость на ремонт танков, — усмехнулся Бурлак. Он крепко сжал губы, лицо его вмиг покрылось красными пятнами. — Теперь красноармеец Оксана Бурмак моя жена...

— Что? — Брови генерала прыгнули кверху. — Когда же ты успел обворозжить ее? Была у нас в санбатальоне одна красавица, и ты украл ее...

Бурлак мягко произнес:

— Любовь, Василий Сергеевич... — Он грустно вздохнул, почти в упор глядя на генерала. — Так случилось, что она выбрала меня, а уж потом я в нее влюбился, как юноша.

— А куда же делась твоя жена Кристина? — удивленно спросил комдив. — Я же помню, как ты впервые пришел ко мне на доклад и на мой вопрос, с тобой ли приехала в Сталинград жена, ответил, что Кристина живет у своей матери в Сталинграде. Что, разошлись, как в море корабли? — На лице генерала вспыхнула лукавая улыбка.

— Она бросила меня, Василий Сергеевич, — вновь краснея, промолвил комбриг. — Весной сорок второго года меня направили служить в Хабаровск, а Кристина со мной не поехала, так как училась в

институте здесь, в Сталинграде. Короче, тут она и нашла себе другого.

— А почему мне не доложил, Иван Лукич? — серьезно спросил генерал.

— Так вышло, Василий Сергеевич. В бою не раз был, потом лежал в госпитале раненый — словом, замотался, вы уж извините. Скрывать мне в этом деле нечего.

«Наверное, комдив все еще сердится на меня», — подумал майор, вспомнив этот эпизод.

Военврач санбатальона Захар Иванович говорил ему, что Оксана дня через три вернется из Москвы, но она не вернулась. Комбриг позвонил в санчасть.

— Военврач слушает вас! — услышал он в трубке звонкий голос.

— Это я, Захар Иванович, Бурлак. Не дала о себе знать медсестра? Она все еще в столице?

— Она там заболела, и ее положили в госпиталь, — ответил военврач.

— Да вы что, Захар Иванович? — грубо произнес Бурлак. — Кто вам такое сказал?

— Не мне сказали, Иван Лукич, а начальнику нашего госпиталя. Звонили из Центрального госпиталя, сообщили, что раненому, которого сопровождала красноармеец Оксана Бурмак, сделали операцию, все прошло удачно. А наша медсестра заболела.

— Что же мне делать? — растерянно спросил Бурлак, ощущая, как тяжело забилося сердце.

— Вы сказали мне, что Оксана Бурмак ваша жена...

— Так оно и есть, Захар Иванович, — подтвердил комбриг.

— А документики есть на этот счет?

— Какие еще документы? — удивился майор.

— Свидетельство о браке...

— Помилуйте, Захар Иванович, здесь такие бои шли, что едва сами остались живы, а вы спрашиваете о свидетельстве.

— Если Оксана ваша жена, Иван Лукич, надо срочно оформить свой брак, и тогда она будет состоять на вашем иждивении и получать все, что положено жене старшего офицера. А вы все-таки состоите на должности полковника!

— Как же это дело поправить?

Военврач коротко изрек:

— Вам следует ехать в Москву, там вам скажут, чем она больна, а заодно и оформите свой брак с ней.

Комбриг едва не выругался:

— Ехать в Москву... А кто меня отпустит?

— Напишите рапорт на имя командующего фронтом генерала Рокоссовского, и полагаю, что он вас отпустит на неделю.

— Командующий фронтом сейчас в Москве. В Ставке, — пояснил майор. — А начальник штаба фронта генерал Малинин решит этот вопрос?

— Вряд ли. Вы же не рядовой боец, а командир танковой бригады. Впрочем, попроситесь к нему на прием и все объясните, может, он и решит вашу проблему.

«Пожалуй, я рискну и схожу к генералу Малинину», — решил Бурлак.

Вернувшись в бригаду, майор закурил. Попыхивая папиросой, он грустно подумал о том, что лучше бы действовать через командира танковой дивизии, который хорошо знает его, ходатайствовал перед Военным советом фронта о присвоении ему звания майора и назначении на должность командира танковой бригады. Но Василий Сергеевич вывихнул ногу и сейчас находится во фронтовом госпитале, а ждать, когда он выздоровеет, Бурлак никак не мог. Неожиданно кто-то позвонил. Комбриг рывком снял трубку, представился.

— Иван Лукич, говорит начальник штаба фронта генерал Малинин. Комдив все еще в госпитале, поэтому прошу вас уточнить, сколько танков надо предоставить вам, чтобы восполнить потери, и дайте мне знать. К нам следует военный эшелон с боевой техникой и оружием, поручите своим людям встретить его на станции в Сталинграде.

— Слушаюсь, товарищ генерал! — ответил майор. — У меня к вам просьба. Разрешите прибыть к вам на прием по личному вопросу?

— Что-нибудь серьезное? — уточнил генерал.

— Очень даже серьезное и срочное...

— Приезжайте ко мне!..

Бурлак глубоко и довольно вздохнул. Через полчаса он подъехал к штабу фронта. Когда вошел в комнату, генерал Малинин говорил с кем-то по телефону. Иван Лукич хотел было выйти, чтобы не мешать, но генерал жестом велел ему сесть.

— Василий Сергеевич, я-то вас понимаю, но когда командующий фронтом узнал, что, прыгая с танка, вы так подвернули ногу, что пришлось лечь в госпиталь, он рассердился. Смешно, не правда ли? И потом: зачем прыгать, если можно было не торопясь слезть с танка?.. Ах, вы спешили... Я почему звоню, Виктор Сергеевич. К нам прибывает эшелон с боевой техникой и оружием. Для вашей дивизии тоже есть танки. Я уже дал команду комбригу Бурлаку послать на станцию людей, когда прибудет эшелон... Вы уже в курсе дела? Кто же вас проинформировал? Заместитель комдива? Молодец, наверно, кто-то из нашего штаба дал ему знать... Хорошо, я с ним переговорю. А вы выздоравливайте... Нет, командующий из Ставки еще не прибыл. Ну, до свидания!

Положив трубку на аппарат, Малинин с улыбкой взглянул на Бурлака.

— Скоро комдива выпишут из госпиталя, — довольно сказал он. — А как вы себя чувствуете, Иван Лукич? Последнее ранение у вас было тяжелым, вас хотели отправить в Москву, в Центральный военный госпиталь, но наши фронтовые медики заверили командующего, что здесь поставят вас на ноги.

— И они поставили, — улыбнулся комбриг.

Генерал Малинин чуть склонил голову набок. Челка упала на широкий лоб, и он пальцами отбросил ее назад. Он доверчиво смотрел на комбрига, и от этого взгляда майор почувствовал себя увереннее.

— Так я слушаю вас, комбриг, что еще за дело у вас серьезное и срочное? — с напряжением в голосе спросил начальник штаба.

Бурлаку показалось, что генерал был нетерпелив, и он никак не мог с ходу высказать ему свою просьбу. Наконец Иван Лукич осмелел и выложил генералу все, о чем страдала его душа в это утро. Но говорил он об Оксане как о медсестре, не упоминая, что теперь она доводится ему женой.

— Я понял так, что красноармеец Оксана Бурмак улетела в Москву с раненым и сама заболела, теперь там лежит. Верно?

— Так точно, товарищ генерал, — подтвердил Бурлак. — Я бы хотел съездить к ней.

Уголки губ Малинина тронула улыбка, но он только и спросил:

— Медсестра?

— Она моя жена, товарищ генерал... — И Бурлак поведал историю своего знакомства с Оксаной. — Я очень люблю ее. Хочу там же, в московском загсе, расписаться с ней. Ей тоже сейчас несладко. Горе у нее случилось, товарищ генерал. Когда я, раненный, лежал в госпитале, ее мать хотела эвакуироваться из Сталинграда к своей сестре, села на пароход, а его утопили «юнкеры», и все, кто там был, погибли. Теперь Оксана — круглая сирота...

— Ну что ж, дело у вас и впрямь серьезное и срочное, — согласился генерал Малинин. — Пять суток вам хватит?

— Постараюсь уложиться...

— Когда хотите ехать?

— Если можно, то завтра с утра. Мне еще надо взять билет на поезд...

— Пишите на имя командующего фронтом рапорт, я подпишу его, и пойдете к писарю оформлять командировочную.

— Спасибо, товарищ генерал! — Майор встал.

— Вам я отказать не могу, Иван Лукич, — весело промолвил начальник штаба. — Воевали вы храбро, дважды были ранены...

— Но в танке я не сгорел, — усмехнулся майор.

— Не дай бог, — добродушно улыбнулся генерал. — Да и зачем гореть? Нужно врага уничтожить, а самому живым остаться. Об этом неоднократно говорил командующий фронтом генерал Рокоссовский. Небось слышали?

— И не раз, товарищ генерал. — Бурлак одернул гимнастерку. — Разрешите идти!

— Одну минуту, майор. — Малинин позвонил командующему ВВС фронта. — Начштаба фронта говорит. У вас, кажется, сегодня в час дня в Москву летит транспортный самолет?

— Летит. А что?

— Одно место найдется для командира танковой бригады майора Бурлака? Он летит в столицу в командировку.

— Есть место, пусть подъезжает на полевой аэродром...

— Слышали, Иван Лукич? — Малинин положил трубку на рычажок.

— Так точно! — У Бурлака душа, казалось, пела, но он привык сдерживать свои эмоции и сейчас не изменил своей привычке.

Малинин произнес:

— Я через час еду в штаб 65-й армии генерала Батова, так что поспешите с командировочной, я должен подписать ее вместо командующего фронтом. В час дня вылетите, а часам к трем будете уже в госпитале.

Все так и произошло, как говорил начальник штаба фронта. Приземлились в Москве на Центральном аэродроме. Февраль в столице выдался вьюжный, повсюду намело много сугробов. Москва, однако, успешно жила, трудилась, поставляла фронтам немало боевой техники и оружия. Лица у москвичей сурово-сдержанные, но почти у каждого, с кем Бурлак встречался, на устах звучало гордое слово

«Сталинград». Иван Лукич гордился тем, что в минувшей битве на Волге есть и частица его жаркого сердца. Воевал он на совесть, а что был ранен дважды — что поделаешь, война! На аэродроме он взял такси и через час-полтора уже входил в приемный покой Центрального госпиталя.

— Вы к кому, товарищ майор? — веселой улыбкой встретила его дежурный врач, уже немолодая женщина с серыми выразительными глазами и открытым смугловатым лицом.

— У вас лежит моя жена, медсестра с Донского фронта, — сдерживая волнение, произнес Бурлак. — Фамилия ее Бурмак Оксана Сергеевна. Она сопровождала в ваш госпиталь раненого работника штаба фронта, а потом и сама заболела.

— Есть такая, я как раз дежурила, когда ее положили в гинекологию, — сказала врач. Она раскрыла журнал, что-то в нем нашла и добавила: — Второй этаж, сто пятая палата. Найдете?

— Да! — Он хотел было идти, но дежурный врач потребовала предъявить документы.

— Мне нужны удостоверение личности и командировочное предписание, — уточнила она.

— У меня все это есть...

Врач сделала пометку в журнале посещений больных, вернула Бурлаку документы и предупредила, что сегодня же ему следует встать на учет в военной комендатуре.

— Я все сделаю, что надо, — заверил врача Бурлак. — Посижу немного у жены, а затем поеду в комендатуру, иначе мне не дадут номер в гостинице.

Он направился к выходу, но дежурный врач задержала его:

— Скажите, если не секрет, вы воевали под Сталинградом?

— Да. Вы, наверное, слышали об армии фельдмаршала Паулюса? — Иван Лукич пристально смотрел на врача. — Так вот мы разгромили выкорыша Гитлера, он находится сейчас у нас в плену, а в Германии по этому случаю был трехдневный траур.

Он ждал, что врач разделит его радость, однако в ее больших, слегка распахнутых глазах затаилась печаль. «Видно, под Сталинградом у нее кто-то воевал», — подумал майор. Она промолвила:

— Там, на Мамаевом кургане, погиб мой родной брат. — Она тяжело вздохнула. — Был он артиллеристом. Может, слышали фамилию Скворцов?

На минуту Бурлак задумался.

— Нет, не слышал, — грустно сказал он. — Сам я танкист, с артиллеристами мало был связан. Примите мои соболезнования. Там таких ребят, как ваш брат, полегло достаточно...

13

Бурлак тихо вошел в палату. На койке, что стояла у окна, лежала Оксана. Вероятно, она еще спала: глаза закрыты, дыхание ровное.

«Бедняжка, лицо желтое, как корка лимона», — подумал Иван Лукич и почувствовал, как затрепетало сердце. Он смотрел на Оксану, и ее лицо виделось ему, как в тумане. «Кажется, я дал волю своим чувствам, — упрекнул он себя, хотя не мог оторвать от Оксаны глаз. В его ушах все еще звучал голос лечащего врача, с которой он беседовал перед входом в палату.

— Чем она болеет? — спросил Бурлак невозмутимо, сдерживая вдруг охватившее его волнение.

Врач, стройная, лет тридцати женщина, с мягким голосом и розовощеким лицом, взглянула на Ивана Лукича с лукавой улыбкой:

— Она вам сама скажет. — Ее глаза заблестели, как сливы после дождя. — Ночью ей ставили капельницу, сняли температуру, и ей стало лучше, хотя приступ может повториться.

— Дали бы ей таблетку антибиотика, и в организме сразу бы угасло воспаление, — горячо произнес Бурлак. — Я это испытал на себе, когда лежал раненый в госпитале. Что, у вас нет антибиотиков?

Врач улыбнулась, но тут же улыбка слетела с ее губ, и она сказала негромко, но твердо:

— Ей нельзя давать антибиотики!..

Бурлак, краснея, усмехнулся.

— Нельзя? — Он до боли сжал губы. — Странно, однако...

— Ничего странного в этом нет, товарищ майор, — возвысила голос врач, и Ивану Лукичу показалось, что она обиделась, хотя старалась это скрыть. Брови у нее приподнялись. — Антибиотик поможет снять воспаление, но нанесет вред ее здоровью. Так что рисковать мы не стали...

В это время врачу позвонила дежурная медсестра:

— Анна Васильевна, в палате номер сто больной плохо, может, сделать ей укол?

— Не надо, я сейчас иду к ней. — Врач встала и, глядя на майора, добавила: — Идите к жене, она, должно быть, уже проснулась. А когда будете уходить, зайдите ко мне в ординаторскую. Я дам вам кое-какие рекомендации.

У него сорвалось с губ:

— Когда вы ее выпишете? Я бы хотел увезти ее в Сталинград.

— Потом я вам скажу. Извините, меня ждут...

«Что-то она от меня скрывает», — с раздражением подумал Бурлак, направляясь в палату, где лежала Оксана.

У поста, где дежурили медсестры и санитары, его остановила черноглазая, с длинной косой девушка. У нее был грубый мужской голос, хотя сама она выглядела милой и нежной.

— Вы к кому идете, товарищ майор?

— В сто пятую палату к Оксане Бурмак, — сказал Иван Лукич. — У ее лечащего врача я был.

— Она, видно, еще спит. Ночью ей ставили капельницу. Пожалуйста, если она еще спит, не будите ее, ладно?

— Вашу просьбу исполню, — улыбнулся майор.

Теперь он задумчиво сидел у ее койки. Оксана пока не проснулась, и он размышлял о том, с чего начнет разговор с ней. Кто-то в соседней палате включил музыку и тут же выключил ее, но этого шума было достаточно, чтобы Оксана проснулась. Открыв глаза и увидев Ивана Лукича, она тихонько вскрикнула:

— Как ты тут оказался, Ванек? — Она приподнялась с кровати, обхватила его руками и поцеловала в щеку. — Я так рада, что ты здесь! Ну, теперь ты поцелуй меня.

Бурлак нежно обнял ее за плечи, нагнулся к ее лицу и поцеловал в губы. Они у нее были горячими.

— У тебя, наверное, температура, — обеспокоенно промолвил он. — Губы такие горячие...

— Глупый ты, Ванек! — почти шепотом произнесла она и уже громче спросила: — Надолго приехал?

Он ответил, что генерал дал ему командировку.

— Я так ждал тебя! Захар Иванович сказал, что вернешься ты из Москвы дня через три, но увы!.. — Иван Лукич тяжело вздохнул. — Чем ты больна, Оксана? Я спросил у врача, но она усмехнулась: мол, жена сама скажет. Что у тебя болит?

— У нас, Ванек, будет ребенок, — проговорила Оксана, и в ее голосе не было тревоги или растерянности, она даже улыбнулась. — Ты рад? Я собиралась сказать тебе об этом, но не успела. А когда сюда прилетела, у меня случился приступ. Меня так рвало, что на глазах были слезы. Врач боится, что на этой почве у меня может случиться выкидыш...

«Потому-то ей и не давали антибиотики», — вспомнил Бурлак свой разговор с врачом.

— Так что придется мне тут еще полежать, — добавила Оксана. — Но ты так и не ответил на мой вопрос...

— Я очень рад, что у нас будет малыш, от волнения растерялся и не могу словами выразить эту радость. — Иван Лукич нагнулся к Оксане и поцеловал ее, да так, что у нее захватило дыхание.

— Ванек, не делай мне больно, дорогой, — прошептала она, вся покраснев. — Ну а как ты там жил без меня?..

— Скучно мне было, все думы только о тебе... — признался он, а в душе трепетал от мысли: «У меня будет сын или дочь. Ох, как будет рада моя мама...»

— Значит, ты не уедешь со мной в Сталинград? — спросил он, и в его голосе она уловила отчаяние.

— Нет, Ванек. — Она вздохнула. — Я боюсь ставить под удар малыша. Пока он живет во мне, я должна себя беречь. И еще есть для тебя новость. Вчера врач сказала, что меня уволят в запас из-за беременности. Уже готовят документы...

— Так это очень хорошо, Оксана! — обрадовался Бурлак. — У нас будет малыш, а это уже семья, ты будешь все время с ним, а я, как человек военный, стану водить танки. Война-то еще не кончилась, и мне придется сражаться с немцами на поле боя...

— Тебя могут убить, — заметила Оксана.

— На то, Оксана, Божья воля, — улыбнулся Бурлак. — Но я был дважды ранен, так что Господь меня побережет.

— Да, мое положение осложнилось... — грустно промолвила Оксана. — Как там Сталинград? Наверное, начали восстанавливать город?

— Начали с железной дороги, поезда уже пошли...

Наступила пауза, каждый думал о своем. Наконец Оксана заговорила:

— Знаешь, Ванек, я чуть не умерла. Мне в госпиталь звонил Захар Иванович по военной связи. — Она помолчала. — Но лучше бы он не звонил...

— Почему? Он ведь твой прямой начальник, и ему важно знать, как ты себя чувствуешь, скоро ли тебя выпишут.

— Да, но он не об этом спросил, а сообщил, что моя мама хотела перебраться к своей сестре на другой берег Волги, села на пароход, а «юнkersы» потопили его, и все, кто там был, погибли. У меня от этой новости сердце так схватило, что я потеряла сознание...

— Ну и начальник у тебя! — выругался Бурлак. — Мне ничего не сказал, когда я спросил, не даешь ли ты о себе знать, правда, посоветовал мне ехать к тебе: мол, на месте все узнаю. Оказывается, скрытный он мужик.

Оксана усмехнулась:

— Он так поступил с тобой от ревности. — Она взяла его за руку. — Только не говори ему, когда вернешься, ладно?

— Само собой... — Помолчав, Иван Лукич добавил: — Надо бы нам с тобой узаконить наш брак. Генералу я сказал, что в Москве распишусь и возьму тебя на свое полное обеспечение. Что ответишь?

У Оксаны заблестели глаза и крупная слеза покатилась по щеке. Бурлак испугался, наклонился к ней и спросил:

— Ты чего плачешь?

— Мама ждала, когда я выйду замуж, но так и не дождалась... — Голос у нее дрогнул.

— Мне тоже жаль твою маму, но что поделаешь — значит, ей выпала такая судьба, — грустно произнес Иван Лукич. — А тебе плакать сейчас вредно, так что, прошу, успокойся. Я очень тебя люблю и никогда не обижу.

— Я тоже тебя люблю... — тихо промолвила Оксана.

Итак, угасло на Волге кровавое зарево боев под Сталинградом. Красная армия в упорных сражениях, продолжавшихся 200 дней и ночей, наголову разбила лучшие силы вермахта, похоронив бредовые захватнические планы германского нацизма. Победа советских войск в Сталинградской битве — это коренной перелом в войне в пользу Советского Союза, начало изгнания немецко-фашистских захватчиков с нашей территории. В результате контрнаступления советских войск под Сталинградом были разгромлены 6-я и 4-я танковая немецкие, 3-я и 4-я румынские, 8-я итальянская армии. Вражеские войска были отброшены далеко на запад от Волги и Дона. За время Сталинградской битвы фашистский блок потерял одну четвертую часть сил, действовавших в то время на советско-германском фронте. Общие потери врага убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести составили около 1,5 миллиона солдат и офицеров, потери с 19 ноября 1942 по 2 февраля 1943 года — свыше 800 тысяч человек, а также до 2 тысяч танков и штурмовых орудий, свыше 10 тысяч орудий и минометов, около 3 тысяч боевых и транспортных самолетов.

В результате Сталинградской битвы советские Вооруженные силы вырвали у врага стратегическую инициативу и удерживали ее до конца войны. Победа под Сталинградом явилась решающим фактором дальнейшего укрепления антигитлеровской коалиции, подорвала доверие к Германии ее сателлитов^[17]. Япония вынуждена была временно отказаться от планов военных действий против СССР. Среди правящих

кругов Турции, несмотря на нажим со стороны Гитлера, усилилось стремление сохранить нейтралитет.

За рубежом все те, кто сочувствовал нам в борьбе против фашистов, кто помогал нам в этой борьбе, радовались нашей победе под Сталинградом. 1 февраля 1943 года премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль телеграфировал И. В. Сталину: «Примите, пожалуйста, мои поздравления по случаю капитуляции фельдмаршала Паулюса и по случаю конца 6-й германской армии». Президент США Франклин Делано Рузвельт направил жителям Сталинграда грамоту, в которой битву на Волге назвал «поворотным пунктом союзных наций против сил агрессии».

Когда генералы Воронов и Рокоссовский вышли из кабинета после беседы с верховным, тот какое-то время задумчиво сидел за столом. Потом нажал кнопку, и тотчас явился помощник вождя Поскребышев.

— Где сейчас находится Жуков? — спросил Сталин.

Поскребышев ответил, что утром Жуков вернулся из Ленинграда, куда ездил вместе с маршалом Ворошиловым, а сейчас, наверное, он находится в Генеральном штабе.

— Найдите его и скажите, чтобы прибыл ко мне в Кремль, — распорядился верховный.

Он выпил чаю и хотел было переговорить с Молотовым, как появился маршал Жуков. (18 января 1943 года в день завершения прорыва блокады Ленинграда указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено звание Маршала Советского Союза. — А.З.)

— Прибыл по вашему вызову! — доложил о себе Жуков.

Сталин, как всегда, поздоровался с ним за руку, кивнул на кресло. Жуков сел.

— Вы были у товарища Калинина? — спросил верховный.

— Нет. А что? — Жуков сдвинул брови.

Верховный сказал, что за успешное общее руководство контрнаступлением в районе Сталинграда и достигнутые при этом результаты крупного масштаба он, Жуков, награжден орденом Суворова I степени.

— Поздравляю вас от души и желаю добиться новых успехов на фронтах! — И Сталин крепко пожал ему руку. — А нам, Георгий Константинович, предстоит провести еще не одну операцию на советско-германском фронте... Да, а вы все-таки зайдите к товарищу Калинину, он вручит вам орден.

— Постараюсь сделать это сегодня. — Жуков встал. — Если разрешите, товарищ Сталин, завтра в любое для вас время я мог бы обговорить некоторые вопросы, прежде чем убыть на фронт.

— Жду вас завтра утром к девяти. Сможете? — Сталин смотрел на него не мигая.

— Смогу, Иосиф Виссарионович!..

(Орденом Суворова I степени кроме Г. К. Жукова были награждены генералы А. М. Василевский, Н. Н. Воронов, Н. Ф. Ватутин, А. И. Еременко, К. К. Рокоссовский. — А.З.)

«Получить первый орден Суворова I степени, — писал маршал Г. К. Жуков, — означает для меня не только большую честь, но и требование Родины работать еще лучше, чтобы быстрее приблизить час полного разгрома врага, час полной победы».

ЭПИЛОГ

Москва, февраль 1944 года.

Командующий кавалерией Красной армии член Ставки Верховного главнокомандования маршал Семен Буденный трое суток кряду инспектировал кавалерийский корпус генерала Селиванова, его готовность к предстоящей Корсунь-Шевченковской операции, которую проводили 1-й и 2-й Украинские фронты. Маршал остался доволен: корпус генерала Селиванова был готов к тяжелым боям, о чем он сообщил командующему 2-м Украинским фронтом генералу армии Коневу.

— Уверен, что среди кавалеристов будут герои, — добавил Семен Михайлович.

— Даже так? — Конев приподнял брови. — Сражение покажет, на что они способны.

— Прошу тебя, Иван Степанович, об одном: чтобы во время наступления кавалерию с воздуха прикрыла авиация фронта. Если этого не сделать, будут большие потери.

Генерал армии Конев шумно вздохнул.

— Такой приказ я уже отдал командующему ВВС фронта, — сказал он, закуривая. — Через неделю мы начнем наступление на Звенигородку, и, когда сломаем оборону противника, кавалерия будет брошена в прорыв. — Конев попытлся папиросой, глядя на карту, лежавшую на столе. Лицо его стало строгим, каким-то задумчивым. — Чует мое сердце, что нам придется нелегко в одолении противника на заданном рубеже. Сил-то у гитлеровцев немало...

По данным фронтовой и воздушной разведок, гитлеровское руководство бросило на это направление 9 пехотных, 1 танковую и 1 моторизованную дивизии, а также многочисленные средства усиления из состава 1-й танковой и 8-й армии группы армий «Юг» фельдмаршала Манштейна. Эта довольно сильная группировка немцев, по словам маршала Жукова, основательно мешала дальнейшему продвижению наших войск. Ставка, естественно, приняла решение разгромить эту группировку. 24 января войска 2-го Украинского фронта начали наступление на Звенигородку. На другой день свой удар обрушили на врага войска 1-го Украинского фронта под командованием генерала армии Ватутина. Всю неделю шли ожесточенные бои. Немцы упорно оборонялись, и все же наши войска продвигались вперед.

— Придется вводить в сражение дополнительные силы, — грустно произнес генерал армии Конев, глядя на маршала Буденного. — Что скажешь, Семен Михайлович? — На лице командующего появилась лукавая улыбка.

— Другого выхода у тебя, Иван Степанович, нет!

Конев тут же отдал приказ наступать командующему 5-й танковой армией, командиру 18-го танкового корпуса и кавалерийскому корпусу генерала Селиванова. Это случилось на седьмой день боев, 30 января. Наконец гитлеровцы дрогнули и стали отступать.

На другой день погода улучшилась, утих ветер, перестал сыпать снег. На КП 2-го Украинского фронта позвонили по ВЧ из Ставки с просьбой пригласить к аппарату маршала Буденного.

Семен Михайлович взял трубку:

— Слушаю вас. Кто это?

— Не узнали, Семен Михайлович? Это я, Поскребышев. Вам надо срочно прибыть в Москву. Это приказ верховного.

— Понял, Александр Николаевич. Может, скажешь, зачем я нужен верховному?

— Он сам вам скажет...

Буденный вылетел на самолете. Провожая его, генерал армии Конев попросил передать Сталину, что боевую задачу фронт выполнит.

— Не волнуйся, Иван Степанович, с этого я и начну свой доклад верховному, — заверил коллегу маршал.

Но случилось так, что из-за нелетной погоды Буденный прибыл в Москву ночью, по телефону доложил Верховному главнокомандующему о своем прибытии. Сталин распорядился, чтобы он ехал домой отдыхать, а утром явился к нему в Кремль.

Утром, когда маршал Буденный прибыл в Ставку, Сталин уже был на месте и просматривал какие-то бумаги. Увидев маршала, он вышел из-за стола, поздоровался с ним и спросил, каковы дела на фронте у Конева.

— Генерал армии Конев просил передать вам, что свою боевую задачу его 2-й Украинский фронт выполнит, — сказал Буденный. — Полагаю, что и кавалеристы корпуса генерала Селиванова, где я работал в последние январские дни, внесут свою лепту в разгром гитлеровцев.

— Само собой, Семен Михайлович, не могут же они подвести своего командующего кавалерией, — усмехнулся лукаво в усы Сталин. — А почему вы стоите у порога? Проходите к столу, садитесь.

В дверях появился Молотов.

— Ты занят, Иосиф? — спросил он.

— Хочу Буденному поручить то дело, о котором мы с тобой вчера дискутировали. Присаживайся, Вячеслав.

Молотов, проходя к столу мимо маршала, тепло пожал ему руку, здороваясь. Сталин между тем набил свою трубку табаком и закурил, потом вскинул усталые глаза на Буденного:

— Вам надлежит выполнить одно важное поручение...

Сталин вышел из-за стола и, попыхивая трубкой, неторопливо прошелся. У окна он остановился. Во дворе гуляла январская метель, отчего вокруг потемнело. В небе чернели тучи. Они так низко висели над землей, что казалось, вот-вот коснутся крыши зданий на Красной площади.

— А что, Семен Михайлович, на фронте у Конева тоже такая погода? — спросил Сталин.

— Если не хуже, Иосиф Виссарионович. Неделю шел снег, затем неожиданно брызнул дождь, а на следующий день ударил мороз...

Сталин какое-то время постоял у окна, потом подошел к маршалу.

— Так вот о поручении, — вновь заговорил он. — Скажите, Семен Михайлович, где начала свой победный путь 1-я Конная армия? Под Царицыном?..

— Так точно, товарищ Сталин. Сначала это был конный корпус, а позже он был преобразован в 1-ю Конную армию, — ответил Буденный.

— Так вот завтра исполняется годовщина со дня разгрома немецко-фашистских захватчиков в Сталинграде, — продолжал верховный. — Мы решили придать этой годовщине политическую окраску. Не догадываетесь, Семен Михайлович?

— Ехать туда на торжества? — спросил маршал.

Молотов засмеялся, а Сталин улыбнулся в усы:

— Не угадали, товарищ Буденный. Торжества будут здесь, в Москве. Словом, вам надлежит вручить делегации граждан Сталинграда почетный меч — дар короля Георга VI. Делегация уже находится в Москве...

— Вы имеет в виду почетный меч, который вам передал Черчилль на Тегеранской конференции? — осведомился Буденный.

— Он самый...

(29 ноября 1943 года перед началом пленарного заседания конференции состоялась церемония вручения меча. Почетный караул состоял из офицеров Красной армии и Британских вооруженных сил. Советский дипломат Валентин Бережков, участвовавший в работе Тегеранской конференции, вспоминал, что Сталин был в светло-сером кителе с маршалскими погонами, Черчилль также явился в военной форме, Рузвельт, как обычно, был в штатском. Оркестр исполнил советский и английский государственные гимны. Наступила торжественная тишина. Черчилль взял обеими руками меч и, держа его на весу, сказал, обращаясь к Сталину:

— Его величество король Георг VI повелел вручить вам для передачи городу Сталинграду этот почетный меч, сделанный по эскизу, выбранному и одобренному его величеством. Этот почетный меч изготовлен английскими мастерами, предки которых на протяжении многих поколений занимались изготовлением мечей. На клинке выгравирована надпись: «Подарок короля Георга VI людям со стальными сердцами — гражданам Сталинграда в знак уважения к ним английского народа».

Сделав несколько шагов вперед, Черчилль передал меч Сталину, позади которого стоял советский почетный караул с автоматами наперевес. Приняв меч, Сталин вынул клинок из ножен. Лезвие сверкнуло холодным блеском. Сталин поднес его к губам и поцеловал. Потом, держа меч в руках, тихо произнес:

— От имени граждан Сталинграда я хочу выразить свою глубокую признательность за подарок короля Георга VI. Граждане Сталинграда высоко оценят этот подарок, и я прошу вас, господин премьер-министр, передать их благодарность его величеству королю...

«Наступила пауза, — вспоминал Бережков. — Сталин медленно прошел вокруг стола и, подойдя к Рузвельту, показал ему меч. Черчилль поддерживал ножны, а Рузвельт внимательно оглядел огромный клинок. Прочтя вслух сделанную на клинке надпись, президент сказал:

— Действительно, у граждан Сталинграда стальные сердца.

И он вернул меч Сталину, который подошел к столу, где лежал футляр, бережно уложил в него спрятанный в ножны меч и закрыл крышку. Затем он передал футляр Ворошилову, который в сопровождении почетного караула перенес меч в соседнюю комнату». — А.З.)

После недолгой паузы — наверное, Сталин вспоминал, как в Тегеране Черчилль вручал ему клинок для граждан Сталинграда, — верховный, загасив трубку, произнес:

— Семен Михайлович, при вручении меча вы скажете небольшую речь. Вечером подготовьте ее и покажите товарищу Молотову: он ведь у нас главный дипломат по работе с иностранцами.

— Передать меч сталинградцам для меня большая честь, товарищ Сталин, — волнуясь, выговорил маршал.

На другой день в Кремле собрались ответственные партийные работники и военные, среди которых были маршал авиации А. А. Новиков, начальник Главного артуправления Красной армии генерал-полковник Н. Д. Яковлев, начальник бронетанкового управления генерал-полковник Я. Н. Федоренко, секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Ф. Горкин, посол Великобритании в СССР А. К. Керр и другие официальные лица.

Маршал Буденный взял клинок с выгравированной надписью на английском и русском языках и подошел к трибуне. Перед вручением клинка главе делегации председателю исполкома Сталинградского Совета депутатов трудящихся Д.М. Пигалеву он произнес речь.

— Товарищи! — обратился Буденный к делегации города Сталинграда. — Председатель Совета Народных Комиссаров Верховный главнокомандующий Маршал Советского Союза товарищ Сталин поручил мне передать вам почетный меч — дар короля Великобритании Георга VI гражданам Сталинграда в ознаменование героической обороны города. Этот дар знаменует собой крепнущее боевое содружество народов Великобритании и Советского Союза в борьбе против общего врага. Мы знаем, что недалек тот час, когда армии союзных государств нанесут смертельный удар фашистскому зверю и навсегда похоронят гитлеровский режим.

Сегодня, 2 февраля 1944 года, — продолжал маршал, — исполнилась годовщина разгрома сталинградской группировки немецких войск. Красная армия и граждане Сталинграда более пяти месяцев выдерживали бешеный натиск врага. В стратегических расчетах немецкого командования Сталинград имел особое значение. Овладение Сталинградом дало бы возможность немецкому командованию разорвать наши коммуникации с югом и нанести удар по Москве с тыла. Однако эти авантюристические расчеты немцев позорно провалились, а отборные немецкие дивизии нашли свою гибель у стен Сталинграда...

Никогда не померкнет в веках слава героических воинов Сталинграда — солдат, офицеров и генералов Красной армии, сталинградских рабочих, колхозников, интеллигенции...

Слушая Буденного, Пигалев, казалось, не дышал. Лицо у него горело, отчего-то нет-нет да и дергались брови, а на глаза накатывались слезы, едва вспоминал он бои на улицах города, когда наши бойцы и командиры неприступной стеной встали на пути заклятого врага. Наконец и ему дали слово. Но прежде он принял из рук маршала заветный клинок и, прижав его к груди, громко и торжественно заявил:

— Принимая меч, мы даем слово, что будем хранить его как символ крепнущего боевого сотрудничества народов Советского Союза и Великобритании. Фашистские варвары разрушили наш город, но мы восстановим Сталинград. Из развалин и руин он возродится еще более могучим и величавым. Да здравствует наша великая Родина!..

— Ну, как прошло вручение почетного меча? — спросил Сталин, едва маршал Буденный вошел к нему, а следом за ним и командующий ВВС Красной армии генерал Новиков. — Садитесь, пожалуйста, товарищи...

Буденный сказал, что он очень волновался, даже появилась дрожь в голосе.

— И весьма заметная дрожь, — вставил генерал Новиков.

Сталин добродушно улыбнулся.

— Что, наверное, вспомнили, как в Гражданскую войну водили 1-ю Конную армию в сражение? — спросил он.

— Да. Мысленно я увидел себя на коне, когда мои кавалеристы обороняли Царицын. — Маршал говорил правду, у него даже заблестели глаза.

— Тогда была другая война, не такая, как эта, — грустно промолвил верховный. — Многие наши генералы не сразу перестроились, начали войну по-старому и за это крепко поплатились. Вы же не станете отрицать, Семен Михайлович? Я вот тоже не тотчас все узрел.

Буденный резко вскинул голову:

— Что было, то было...

— Но теперь стратегическая инициатива в наших руках, и мы ее врагу не отдадим! — Сталин подошел к маршалу и, прощаясь, пожал ему руку. — Куда вы сейчас едете?

— В кавалерийский корпус генерала Селиванова, — ответил Семен Михайлович.

— Ну-ну, — задумчиво произнес верховный. — А товарищу Коневу передайте от меня привет. Ставка надеется, что 2-й Украинский фронт свою задачу выполнит!..

Москва — Волгоград — станция Кущевская

2005–2006 гг.

Примечания

1

В.Марковчин. Фельдмаршал Паулюс: от Гитлера к Сталину. М., 2000. С. 228.

2

ВЧ — высокочастотная связь

3

Рекогносцировка — изучение расположения противника и местности перед предстоящими боевыми действиями.

4

«Бодо» (по фамилии французского изобретателя Бодо) — буквопечатающий телеграфный аппарат, допускающий передачу по одному проводу одновременно нескольких телеграмм в обоих направлениях.

5

«Наркомовская» — сто граммов водки.

6

Эресовские силы РС — реактивные силы, реактивное оружие.

7

Швартов — трос или цепь для привязывания судна к причальным приспособлениям; отдать швартовы — отвязать судно от причала.

8

КПП — контрольно-пропускной пункт.

9

Идея «Канн» (от названия селения Канны в Юго-Восточной Италии, у которого в 216 г. до н. э. войска Карфагена под командованием Ганнибала разгромили численно превосходившее римское войско) — классический образец сражения на окружение и полный разгром превосходящих сил противника.

10

Сталинградская эпопея. М., 2000. С. 194. Сб.

11

Там же. С. 165.

12

Там же.

13

Ленд-лиз — система передачи США займы или в аренду вооружения, продовольствия и других материальных ресурсов странам антифашистской коалиции в период Второй мировой войны.

14

Очки — здесь отверстия в сети, ячеи.

15

Буржуйка — здесь небольшая железная печка-временка.

16

Реглан (по имени английского генерала Raglan, введшего этот фасон в сер. XIX в.) — фасон верхней одежды с рукавами, скроенными и вшитыми так, что они составляют с плечом одно целое.

17

Сателлит — здесь государство, формально независимое, но фактически подчиненное другой (более крупной) империалистической державе.